

Томас Гарди Тэсс из рода д'Эрбервиллей

Чистая женщина, правдиво изображенная

...Бедное поруганное имя!
Сердце мое, как ложе, приютит тебя.

В.Шекспир

ФАЗА ПЕРВАЯ «ДЕВУШКА»

1

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлот, находившуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Ноги его не слушались, и он то и дело отклонялся влево от прямой линии. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя, в сущности, ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен и совсем вытерт в том месте полей, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре с ним повстречался пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

– Добрый вечер, – сказал человек с корзинкой.

– Добрый вечер, сэр Джон, – отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, остановился и оглянулся.

– Прошу прощения, сэр, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге, и я сказал: «Добрый вечер», а вы, вот как сейчас, ответили: «Добрый вечер, сэр Джон».

– Совершенно верно, ответил, – сказал священник.

– И еще раз перед этим – почти месяц назад.

– Возможно.

– Ну так почему же вы меня зовете «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, возчик?

Священник подъехал к нему поближе.

– Так мне захотелось, – сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: – Видите ли, не так давно я разыскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я – священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут-Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл?

– Никогда об этом не слыхивал, сэр.

– Однако это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог получше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервиллей, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилла в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена ваших предков упоминаются в списках королевского казначея во времена короля Стефана. При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда сын рыцаря по-

чти всегда посвящался в рыцари, – вы были бы теперь сэром Джоном.

– Да не может быть!

– Короче говоря, – внушительно заключил священник, похлопывая себя хлыстом по ноге, – вряд ли в Англии найдется второй такой же род.

– Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? – сказал Дарбейфилд. – А я-то тут болтаюсь год за годом, как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, сэр?

Священник объяснил, что, насколько он может судить, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он прошлой весной, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на какой-то повозке фамилию Дарбейфилд, и это побудило его навести справки о родословной ее владельца, и теперь он уверен, что его предположение оказалось верным.

– Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, – сказал он. – Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам уже кое-что об этом известно.

– Да, я слышал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал – речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука – резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли – одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда пришел... А осмелюсь спросить вас, сэр, где поднимается теперь дым над нашим очагом, – ну, то есть, где мы, д'Эрбервилли, живем?

– Вы нигде не живете. Ваш род угас.

– Плохо дело.

– Да... как говорят лживые семейные хроники, род пресекался по мужской линии – иными словами, зачах, пришел в упадок.

– Ну, а где мы лежим?

– В Кингсбир-суб-Гринхилле; там множество ваших склепов, и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

– А где же наши родовые замки и поместья?

– У вас их нет.

– О! И земли нет?

– Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбуре и еще одно в Шертоне, а также в Милпонде, в Лулстедде и Уэллбридже.

– А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

– Ну, этого я не могу сказать.

– Так что же вы мне посоветуете делать, сэр? – помолчав, спросил Дарбейфилд.

– Ничего; а впрочем, попробуйте очистить свой дух, размышляя о «падении сильных мира сего». Все это представляет интерес лишь для историка здешних мест и человека, занимающегося генеалогией, – но и только. Среди поселян нашего графства есть несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свидания!

– А не согласитесь ли вы, сэр, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? В трактире «Чистая капля» подают очень хорошее пиво, – хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

– Нет, благодарю вас, Дарбейфилд, – не сегодня: вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благоразумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд в глубокой задумчивости сделал несколько шагов, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь, поставив корзинку перед собой. Спустя несколько минут вдали показался юноша, который шел в том же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорила шаги и подошел ближе.

– А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился.

– А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

– Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушай меня и исполни поручение, которое я тебе дам... Ну, Фред, я, уж так и быть, открою тебе тайну: я происхожу из благородной семьи, – я это узнал только что, как раз сегодня вечером.

И, объявляя эту новость, Дарбейфилд, небрежно откинувшись, растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и оглядывал его с ног до головы.

– Сэр Джон д'Эрбервилль – вот кто я такой, – продолжал лежавший. – То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами, – а раньше ведь так оно и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место – Кингсбир-суб-Гринхилл?

– Да. Я был там на гринхиллской ярмарке.

– Так вот, под церковью в этом городе лежат...

– Какой же это город – то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было – так себе, маленькое глухое местечко.

– Неважно, парень, город это или не город, не о том идет речь. Под церковью этого прихода в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн, лежат мои предки – сотни их – в кольчугах и драгоценностях. В графстве Саут-Уэссекс не найдется человека, который имел бы в своем роду покойников, знатнее и благороднее моих.

– Да ну?

– Теперь бери эту корзинку и ступай в Марлот, а когда придешь в харчевню «Чистая капля», скажи, чтобы немедленно прислали за мной лошадь и карету отвезти меня домой. А в карету пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и сказки моей жене, чтобы она отложила стирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, пока я не приеду, – есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд сунул руку в карман и извлек шиллинг, хотя их у него было не так уж много.

– Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша оценил все случившееся совсем по-иному.

– Слушаю, сэр Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэр Джон?

– Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут – кровяную колбасу; а если и этого не могут, – ну, тогда я обойдусь рубцами.

– Слушаю, сэр Джон.

Юноша взял корзинку и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

– Что это? – спросил Дарбейфилд. – Уж не в мою ли честь?

– Это гулянье женского клуба, сэр Джон. Да ведь ваша дочь в нем тоже состоит.

– Верно, я совсем об этом забыл, размышляя о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлот и закажи карету, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд остался лежать на траве в маргаритках, золотившихся в лучах заходящего солнца. Дорога была совсем пустынна, и только приглушенные расстоянием звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

2

Деревня Марлот расположена на северо-западном склоне красивой долины, которая, как говорилось выше, называется Блекмор, или Блекмур, – уединенной долины, опоясанной грядой гор и в большей своей части еще неведомой туристам и художникам-пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно познакомиться с долиной, обозревая ее с вершин холмов, которые ее

окружают, – неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, только пора летних засух. Но блуждать без проводника по уединенным ее уголкам в плохую погоду – значит почти наверное возненавидеть эти узкие, извилистые и грязные тропы.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают, ограничена с юга крутым меловым краем с вершинами Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Нетлком-Таут, Догбери, Хай-Стой и Баб-Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашням и достигнув края одного из этих обрывов, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно карта, страну, совсем не похожую на ту, которую он миновал. Позади него – пологие холмы, поля, залитые солнцем, такие обширные, что пейзаж кажется ничем не обрамленным; дороги там белы, живые изгороди низки и ветки их кустов густо переплелись, воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по меньшему и более изящному масштабу: поля невелики, и с высоты окаймляющие их живые изгороди кажутся сеткой из темно-зеленых нитей, растянутой на светло-зеленой траве. Воздух внизу дремотен и так густо окрашен лазурью, что средний план, говоря языком художников, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина называлась Лесом Белого Оленя, и с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха III неким Томасом де Линдом был убит великолепный белый олень, которого загнал, но пощадил король, – и наказанием за это был высокий денежный штраф. В ту пору и до сравнительно недавнего времени здесь были дремучие леса. И по сей день виднеются еще следы их: склоны долины кое-где одевает дубняк и сосновые рощи, а на пастбища бросают тень огромные дуплистые деревья.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, родившиеся под их сенью; многие из них, однако, либо видоизменились, либо существуют в замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать в день, о котором идет речь, под видом клубного праздника, или «клубного гулянья», как называли его в тех краях.

Обычай этот ревностно соблюдался молодежью Марлота, хотя истинный его смысл был неведом участникам церемонии. Особенность этого праздника заключалась не столько в самой процессии и плясках, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная ли робость слабого пола или саркастическое отношение родственников-мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлотского), блеска и веселья. Только клуб в Марлоте еще организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия – еще с тех пор, когда был не клубом, а своеобразным женским орденом – и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья – веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами, – дней, предшествовавших тому времени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала, построившись попарно, они обошли вокруг деревни. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры четко выделились на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, здесь не было двух одинаковых белых тонов. Иные платья сияли снежной белизной, в других проглядывал синеватый оттенок, тон третьих, облакавших особ постарше (и, быть может, пролежавших сложенными много лет), казался желтовато-мертвенным, и сшиты они были по моде времен Георгов.

Однако этих женщин и девушек отличало не только белое платье: каждая из них несла в правой руке жезл – ивовый прут, с которого была содрана кора, – а в левой букетик белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже пожилых, – их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, странно не вязались

с окружающим весельем, вызывая если не насмешку, то, во всяком случае, – глубокую жалость. В сущности, о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, – о каждой женщине, чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости», можно было бы узнать и рассказать гораздо больше, чем о молодых их товарках. Но оставим пожилых ради тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других – красивый нос или красивый рот и фигура, но почти никто из них не обладал всем этим одновременно. Было заметно, что, выставя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести голову высоко и не могут стереть с лица смущение, – это были настоящие деревенские девушки, непривычные к тому, чтобы на них глазели.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа: какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная, слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.

Они обошли трактир «Чистая капля» и уже сворачивали с большой дороги к воротам, чтобы выйти на луг, когда одна из женщин воскликнула:

– Господи помилуй! Смотри-ка, Тэсс Дарбейфилд, уж не твой ли это отец едет домой в карете?!

Услышав это восклицание, одна молоденькая участница процессии повернула голову. Это была красивая девушка, быть может, не более красивая, чем некоторые другие, но подвижный алый рот и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность. Волосы она украсила красной лентой и среди женщин, одетых в белое, была единственной, которая могла похвастаться таким ярким украшением. Оглянувшись, она увидела, что Дарбейфилд едет по дороге в фаэтоне, принадлежащем «Чистой капле», которым правит кудрявая мускулистая девица с засученными выше локтя рукавами. Девица эта была веселой служанкой трактира и, исполняя свою роль фактотума, превращалась иногда в конюха и грума. Дарбейфилд, откинувшись на спинку сиденья и блаженно закрыв глаза, помахивал рукой и медленно тянул речитативом:

– У – меня – в Кингсбуре – есть – большой – семейный – склеп – и – рыцари – предки – лежат – там – в свинцовых – гробах!

Члены клуба захихикали – все, кроме Тэсс, которую, казалось, в жар бросило оттого, что ее отец служит предметом насмешек.

– Он устал, вот и все, – поспешно сказала она, – и договорился, что его подвезут, потому что наша лошадь должна сегодня отдыхать.

– Ну и простушка же ты, Тэсс! – отозвались ее товарки. – Он хлебнул сегодня на базаре. Ха-ха!

– Слушайте, я ни шагу не ступлю дальше, если вы будете над ним смеяться! – крикнула Тэсс, и румянец, горевший на ее щеках, разлился по лицу и шее. На глазах у нее показались слезы, и она отвернулась. Товарки, заметив, что обидели ее, не сказали больше ни слова, и процессия продолжала путь. Гордость не позволила Тэсс оглянуться еще раз, узнать, о чем собственно говорил ее отец; и она шла вместе с процессией к лугу, где должны были начаться танцы. Но когда они пришли к этому месту, Тэсс уже обрела утраченное душевное равновесие и, похлопывая свою соседку ивовым прутом, болтала, как всегда.

В эту пору жизни Тэсс Дарбейфилд была лишь сосудом эмоций, не окрашенных опытом. Хоть она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения, – а для диалекта этой области характерным являлось злоупотребление звуком «э», правда, не уступающим по выразительности ни одному другому в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

В лице ее все еще таилось что-то детское. И сегодня, несмотря на ее яркую женственность, щеки ее иной раз наводили на мысль о двенадцатилетней девочке, сияющие глаза – о девятилетней, а изгиб рта – о пятилетней крошке.

Однако мало кто это замечал, и почти никто над этим не задумывался. Изредка какой-нибудь прохожий долго смотрел ей вслед, очарованный ее свежестью, жалея, что больше ее не увидит, но почти для всех она была красивой деревенской девушкой – и только.

Больше не видно и не слышно было Дарбейфилда в триумфальной его колеснице, управляемой конюхом женского пола, и когда процессия достигла луга, начались танцы. Так как мужчин в этой компании не было, то сначала девушки танцевали друг с другом, но к концу трудового дня мужское население деревни вместе с зеваками со всей округи и любопытными прохожими собралось у изгороди и, казалось, не прочь было принять участие в танцах.

Среди зрителей находились трое молодых людей, принадлежавших к иному общественному кругу; за спиной у них висели маленькие сумки, в руках они, держали крепкие палки. Сходство их и небольшая разница в возрасте показывали, что они братья; так оно и было на самом деле. Старший носил костюм помощника приходского священника – белый галстук, закрытый жилет, шляпу с узкими полями; второй был студентом; во внешности младшего не было ничего характерного, – в его глазах и в костюме чувствовалось что-то вольное, не стесненное рамками, подсказывающее, что вряд ли он уже нашел свою профессиональную колею; оставалось лишь предположить, что он только лишь нащупывает свой путь в жизни.

Эти три брата сообщили случайному знакомому, что они проводят каникулы, совершая прогулку по долине Блекмур, и путь их лежит из города Шестона, с северо-востока на юго-запад.

Они остановились у калитки, которая вела на луг, и осведомились, по какому случаю эта пляска и почему девушки одеты в белые платья. Два старших брата явно не намерены были мешкать здесь, но третьего, казалось, забавляла эта стайка девушек, танцующих без кавалеров, и он не спешил продолжать путь. Сняв дорожную сумку, он положил ее вместе с палкой у изгороди и открыл калитку.

– Что ты задумал, Энджел? – спросил старший.

– Я не прочь пойти и поплясать с ними. А почему бы нам всем не остаться здесь на минутку, – нас это надолго не задержит.

– Вздор! – отозвался первый. – Танцевать на людях с толпой деревенских дикарок! А что, если нас увидят? Идем, а не то стемнеет раньше, чем мы доберемся до Стоуркэстла, а ближе нам негде переночевать; да кроме того, перед сном мы должны прочесть еще главу из «Отпора агностицизму», раз уж я потрудился взять эту книгу.

– Хорошо, я догоню вас с Катбертом через пять минут. Не останавливайтесь; даю слово, что я вас догоню, Феликс.

Двое старших неохотно расстались с братом и пошли дальше, захватив его дорожную сумку, чтобы тому легче было их догнать, а младший прошел на луг.

– Какая жалость, мои милые! – галантно обратился он во время перерыва в танцах к двум или трем девушкам, стоявшим поблизости. – Где же ваши кавалеры?

– Они еще не кончили работать, – ответила самая бойкая. – Скоро они явятся. А пока не хотите ли быть нашим кавалером, сэр?

– Разумеется. Но вас много, а я один.

– Все лучше, чем ничего. Очень уж скучно танцевать девушке с девушкой. Никто тебя не обнимет, не прижмет. Ну-ка, выбирайте!

– Шш... не приставай! – сказала другая, более застенчивая.

Получив приглашение, молодой человек окинул всех взглядом и попытался сделать выбор; но так как этих девушек он видел впервые, то решить было нелегко. Он пригласил чуть ли не первую, какая ему попала на глаза, – это была не та, которая с ним говорила, хоть именно она на это и рассчитывала, и не Тэсс Дарбейфилд. В битве жизни родословное древо, предки, покоящиеся в склепах, славное прошлое и наследственные черты д'Эрбервиллей не помогали пока Тэсс и даже не делали ее более привлекательной в глазах кавалеров по сравнению с простыми крестьянками. Немного стоит нормандская кровь, если нет викторианского богатства.

Имя девушки, затмившей остальных, не сохранилось для потомства, но ей завидовали все, потому что в тот вечер она первая имела счастье танцевать с кавалером. Впрочем, столь заразителен бывает пример, что деревенские парни, не спешившие на луг, пока никто с ними не соперни-

чал, ринулись теперь туда; мужчин в парах становилось все больше и больше, и вскоре даже последняя дурнушка в клубе уже не отплясывала за кавалера.

Пробили церковные часы, и студент внезапно заявил, что ему придется уйти... он совсем забыл... он должен догнать своих спутников... Когда он уже отошел от танцующих, взгляд его упал на Тэсс Дарбейфилд – а уж если говорить правду, в ее больших глазах таился легкий упрек: почему не ее он выбрал? Тогда и он пожалел, что не заметил ее, чему виной была ее застенчивость; и с этой мыслью он ушел с луга.

Чтобы наверстать потерянное время, он пустился бегом по тропинке на запад, быстро миновал ложбину и поднялся на холм. Братьев он еще не догнал, но приостановился, чтобы перевести дыхание, и оглянулся. На зеленом лугу кружились белые фигуры девушек, так же как кружились они, когда он был среди них. Казалось, он уже совсем забыт.

Все – за исключением, быть может, одной. Эта белая фигурка стояла в стороне, у изгороди. В ней он узнал хорошенькую девушку, с которой не танцевал. Хотя это был пустяк, но инстинктивно он почувствовал, что она обижена его небрежностью. Он пожалел, что не пригласил ее, пожалел, что не узнал ее имени. Она была так скромна, так мила, такой нежной казалась в своем легком белом платье... он почувствовал, что поступил глупо.

Однако помочь этому было нельзя; повернувшись, он заставил себя идти скорым шагом и отогнал мысль о ней.

3

Однако Тэсс Дарбейфилд не так легко забыла этот эпизод. Не сразу решилась она снова принять участие в танцах; хотя кавалеров могло быть у нее много, но – увы! – они не были так любезны, как этот незнакомый молодой человек. И лишь когда на склоне холма лучи солнца поглотили удаляющуюся фигуру незнакомою юноши, стряхнула она с себя мимолетную печаль и ответила согласием приглашавшему ее кавалеру.

Она оставалась со своими товарками до сумерек и танцевала с большим удовольствием; хотя движения в такт музыке были ей приятны сами по себе – сердце ее еще никем не было затронуто; видя «сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние» тех девушек, чьи сердца не устояли перед долгой осадой, она и не догадывалась, на какое чувство окажется способна сама. Ссоры парней из-за ее руки во время джиги были для нее только развлечением, и когда молодые люди начинали чересчур горячиться, она их журила.

Быть может, осталась бы она на лугу и дольше, если бы вдруг не вспомнила с тревогой о странном поведении отца; мучимая беспокойством, она покинула танцующих и пошла в конец деревни, где стоял родительский дом.

Не дойдя до коттеджа нескольких десятков шагов, она снова услышала ритмические звуки, но уже не те, от которых ушла, – звуки знакомые, давно-давно знакомые! Из дома доносилось равномерное постукивание, вызванное энергичным раскачиванием колыбели, стоявшей на каменном полу; и под такой аккомпанемент женский голос задорной скороговоркой пел песенку про пеструю корову:

Я видел, как она легла-а-а вон в той зеленой ро-о-о-ще:
Идем со мной, любовь моя, и ты ее отыщешь.

Затем и постукивание колыбели и песня на секунду стихали и раздавались воркующие восклицания:

– Бог да благословит твои бриллиантовые глазки! И нежные щечки! И вишневый ротик! И миленькие ножки! И каждый кусочек тельца!

После этого моления стук и пенье возобновлялись, и «Пестрая корова» начиналась сначала. Так обстояло дело, когда Тэсс открыла дверь, вошла и остановилась у порога, обозревая представшую ее глазам картину.

Несмотря на пение, от этой комнаты повеяло на девушку невыразимой тоской. После весело-

го праздничного дня – белых платьев, букетов, ивовых жезлов, пляски на зеленом лугу, вспышки нежного чувства к незнакомцу – этот желтый тусклый свет одной-единственной свечи, озарявший тоскливую картину... Какой резкий переход! Однако она почувствовала не только болезненное разочарование, но и леденящий укор совести оттого, что не вернулась раньше, чтобы помочь матери в домашних делах, а веселилась на лугу.

Ее мать стояла, окруженная детьми, как оставила ее Тэсс, – стояла, склонившись над лоханью, занятая стиркой, которую, как всегда, отложила с понедельника до конца недели. Из этой лохани извлечено было накануне – Тэсс почувствовала мучительные угрызения совести – то самое белое платье, которое она так небрежно запачкала зеленью у подола, гуляя по росистой траве, – платье, выжатое и выглаженное руками ее матери.

По обыкновению, миссис Дарбейфилд балансировала перед лоханью на одной ноге, а другой покачивала колыбель младшего ребенка. Качалка, на которой стояла колыбель, столько лет выдерживала тяжесть стольких детей, что от трения о каменный пол полозья ее стали почти плоскими; поэтому колыбель, качаясь, резко подпрыгивала, и младенец перекатывался из стороны в сторону, словно ткацкий челнок. А миссис Дарбейфилд, возбужденная собственным пением, раскачивала колыбель со всем пылом, какой сохранился в ней после длинного дня возни с лоханью.

Тук-тук, тук-тук – стучала колыбель; пламя свечи вытянулось и заплясало, вода капала с локтей матери, песня бойко мчалась к концу куплета, а миссис Дарбейфилд смотрела на свою дочь. Даже теперь, обремененная детьми, Джоан Дарбейфилд по-прежнему страстно любила петь. Какая бы песенка ни проникла из внешнего мира в долину Блекмур, мать Тэсс запоминала ее в течение недели.

До сих пор еще можно было уловить в лице женщины свежесть и даже миловидность молодости, и было ясно, что очарование, каким могла похвастаться Тэсс, является преимущественно даром матери и, следовательно, наследием не рыцарским, не историческим.

– Дай-ка я покачаю колыбель, мама, – мягко сказала дочь. – Или, может, мне снять праздничное платье и помочь тебе выжать белье? Я думала, ты давным-давно кончила.

Мать нимало не сердилась на Тэсс за то, что та ушла надолго и предоставила ей одной заниматься домашними делами; да она и редко попрекала ее за это, почти не нуждаясь в помощи Тэсс, ибо ее обыкновением было облегчать себе дневные труды, откладывая их на будущее. А сегодня вечером она была в настроении еще более радужном, чем обычно. Девушка не могла понять, почему мать смотрит на нее мечтательно, озабоченно, восторженно.

– Ну, я рада, что ты пришла, – сказала мать, допев последнюю ноту. – Я сейчас схожу за твоим отцом, только прежде мне хочется рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза, вытаращишь, когда узнаешь!

– Это случилось, пока меня не было дома? – спросила Тэсс.

– Да!

– Уж не потому ли отец ехал сегодня таким барином в карете? Зачем он это сделал? Я готова была сквозь землю провалиться от стыда!

– Все потому же! Оказывается, мы самые что ни на есть знатные люди в целом графстве... наши предки жили задолго до Оливера Кромвеля, еще при турках-язычниках, – и у нас есть памятники, склепы, щиты, гербы и бог его знает что еще. В дни мученика Карла нас сделали рыцарями Королевского Дуба, а настоящая наша фамилия д'Эрбервилль! Ну что, забилось сердечко? Вот потому-то твой отец и ехал домой в карете, а вовсе не потому, что был пьян, как подумали иные.

– Очень рада. А будет нам от этого какой-нибудь прок, мама?

– Еще бы! Нужно думать, что произойдут великие события. И как только это станет известно, люди, такие же знатные, как и мы, приедут сюда в своих каретах. Отец узнал об этом, когда шел домой из Шестона, и рассказал мне все как есть.

– А где сейчас отец? – спросила вдруг Тэсс.

Мать ответила не относящимся к делу сообщением:

– Сегодня он зашел к доктору в Шестоне. Оказывается, у него вовсе не чахотка. Он говорит,

что это просто жир вокруг сердца. Вот оно как получается. – С этими словами Джоан Дарбейфилд согнула большой и указательный пальцы, покрытые мыльной пеной, изобразив большое «С», а указательным пальцем другой руки воспользовалась как указкой. – «Сейчас, – сказал он твоему отцу, – ваше сердце затянато жиром вот тут и вот тут; а это место еще свободно. Как только и оно затянется, – миссис Дарбейфилд соединила концы пальцев, – погаснете вы, как свеча, мистер Дарбейфилд. Вы можете, говорит, протянуть десять лет, а можете умереть через десять месяцев или десять дней».

Тэсс встревожилась. Отец ее внезапно достиг величия и, несмотря на это, может так скоро уйти в вечность!

– Но где же отец? – снова спросила она.

Мать посмотрела на нее умоляюще.

– Только ты уж не сердись! Бедняга, он так ослабел после этих новостей, что пошел на полчаса к Ролливеру. Хочет набраться сил, потому что завтра он должен отвезти эти улы, – хоть мы и приходим из знатного рода, а это нужно сделать. Ему придется выехать сейчас же после полуночи – путь дальний.

– Хочет набраться сил! – вспыхнула Тэсс, и слезы затуманили ей глаза. – О, господи! И для этого идти в трактир! А ты потакаешь ему, мама!

Тоскливое отчаяние, казалось, заполнило всю комнату и придало унылый вид мебели, свече, даже игравшим детям и матери.

– Нет, – обиженно сказала последняя, – я ему не потакаю. Я ждала тебя, чтобы ты присмотрела за домом, а я пойду приведу его.

– Я пойду.

– Нет, Тэсс. Ты знаешь – от этого толку не будет.

Тэсс спорить не стала. Она знала, почему мать возражает ей. Жакет и шляпа миссис Дарбейфилд уже висели на стуле, приготовленные для этой заранее задуманной прогулки, о необходимости которой матрона сожалела меньше, чем о поводе к ней.

– А «Полный предсказатель судьбы» отнеси в сарай, – продолжала она, быстро вытирая руки и одеваясь.

«Полный предсказатель судьбы», старая пухлая книга, лежал подле нее на стуле; ее так часто носили в кармане, что от полей не осталось и следа и шрифт доходил до края страниц. Тэсс взяла книгу, а мать отправилась в путь.

Походы в трактир в поисках беспутного супруга были одним из любимейших развлечений миссис Дарбейфилд, замученной скучной возней с детьми. Отыскать мужа у Ролливера, посидеть там подле него часок-другой и отбросить на это время мысли и заботы о детях – вот что делало ее счастливой. И тогда, словно сиянием, предзакатным блеском озарялась жизнь. Невзгоды и другие реальные события обретали метафизическую неосязаемость, переставали быть настойчивыми конкретными фактами, раздражающими тело и душу, и переходили в категорию умозрительных явлений, которые можно созерцать спокойно. Дети, когда они не находились тут же на глазах, казались скорее приятными и желанными атрибутами жизни, повседневные заботы представлялись, пожалуй, в освещении забавным и радостным. До известной степени она переживала то же ощущение, какое испытывала некогда в обществе своего супруга – в то время еще жениха, – когда, сидя с ним в том же трактире и забывая о его недостатках, видела в нем только идеального возлюбленного.

Тэсс, оставшись с младшими детьми, прежде всего отнесла в сарай книгу для гаданья и сунула ее под кровлю. Ее мать испытывала перед этой грязной книгой странный суеверный страх и никогда не позволяла оставлять ее на ночь в доме; поэтому, посоветовавшись с книгой, ее тут же относили обратно в сарай. Между матерью – хранительницей быстро исчезающих суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад – и дочерью, обучавшейся по новым программам в шестиклассной национальной школе, пропасть была, как принято считать, в двести лет. Когда они бывали, вместе, век Елизаветы и век Виктории соприкасались.

Возвращаясь по садовой дорожке, Тэсс размышляла о том, что хотела узнать ее мать из этой книги именно сегодня, и без труда догадалась, что дело шло о недавнем открытии. Отгнав эти

мысли, она начала обрызгивать высохшее за день белье, ей помогали ее девятилетний брат Абрэхэм и сестра Элиза Луиза двенадцати лет, которую звали в семье Лиза Лу; младших детей уложили спать. Между Тэсс и ее сестрой была разница в четыре года, так как двое детей, родившихся в этот промежуток, умерли во младенчестве, и потому Тэсс, оставаясь одна с младшими детьми, как бы замещала мать. За Абрэхэмом шли еще две девочки, Хоуп и Модести, затем трехлетний мальчик и, наконец, малютка, которому недавно исполнился год.

Все эти юные создания были пассажирами на дарбейфилдском корабле, и от решений двух старших Дарбейфилдов всецело зависели их развлечения, удовлетворение их потребностей, их здоровье и даже жизнь. Если бы эти двое, возглавлявшие дарбейфилдский дом, вздумали вести судно навстречу бедам, катастрофе, голоду, унижению, смерти, – туда вынуждены были бы плыть вместе с ними и шесть маленьких пленников, заключенных в трюме, шесть беспомощных созданий, которых никто не спросил о том, хотят ли они вообще жить, и тем более жить в таких тяжелых условиях, какие были неизбежны в безалаберном доме Дарбейфилдов. Хотелось бы знать, откуда почерпнул право говорить о «священном плане Природы» поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи – легкими и прозрачными.

Время шло, но ни отец, ни мать не возвращались. Тэсс выглянула за дверь и мысленно совершила прогулку по Марлоту. Деревня засыпала. Всюду тушили свечи и лампы; Тэсс представила себе протянутую руку и колпачок, которым гасят свет.

Когда мать отправлялась за отцом, это означало, что кто-то должен сходить за ними обоими. Тэсс понимала, что человеку со слабым здоровьем, собирающемуся отправиться в путь после полуночи, не следует засиживаться до позднего часа в трактире и пировать в честь древнего своего происхождения.

– Абрэхэм, – сказала она братишке, – надень-ка шапку и ступай к Ролливеру. Ты не боишься? Узнай, что случилось с отцом и матерью.

Мальчик быстро вскочил, открыл дверь, и ночь поглотила его. Прошло еще полчаса; мужчина, женщина и ребенок не возвращались. Казалось, Абрэхэм, как и его родители, оказался жертвой губительного трактира.

– Придется пойти мне самой, – сказала Тэсс.

Лиза Лу легла спать, а Тэсс, заперев их всех в доме, побрела по темной извилистой улице, не приспособленной для быстрого хождения, – улице, проложенной в те времена, когда еще не ценился каждый дюйм земли и часов с одной стрелкой было достаточно для деления дня.

4

Трактир Ролливера, единственное питейное заведение в этом конце деревни, длинной, с беспорядочно разбросанными домами, мог похвастаться всего лишь разрешением продавать спиртные напитки навынос: и так как пить в доме – значило нарушить закон, то для удобства клиентов к садовой ограде была прикреплена служившая полкой доска шириной дюймов в шесть и длиной в два ярда – этим ограничивались все приспособления. Жаждающие путники ставили на эту доску свои кружки, опивки выплескивали на пыльную землю, покрывая ее полинезийскими узорами, и жалели, что не могут посидеть и отдохнуть в доме.

Так обстояло дело с прохожими. Но ту же потребность испытывали и местные клиенты, а воля, как известно, рушит препятствия.

На верхнем этаже в просторной спальне, окно которой было занавешено большой плотной шерстяной шалью, еще не так давно служившей миссис Ролливер, хозяйке трактира, собралось в тот вечер человек двенадцать, жаждущих радости, – все местные старожилы и завсегдатаи этого уютного уголка.

«Чистая капля» – трактир, имевший разрешение обслуживать клиентов внутри помещения, был расположен в дальнем конце широко раскинувшейся деревни, что делало его, в сущности, недоступным для жителей этой окраины; вдобавок имелась и более серьезная причина – качество напитков: мнение большинства было таково, что лучше пить с Ролливером в углу на чердаке, чем в просторном зале с хозяином другого трактира.

Старомодная кровать без матраца, стоявшая в комнате, служила сиденьем для нескольких человек, расположившихся по трем ее сторонам; двое взобрались на комод, еще один восседал на резном дубовом сундуке и еще один на табурете, – таким образом, все разместились более или менее удобно. К этому часу они достигли той стадии духовной удовлетворенности, когда души их расцвели и, уже не вмещаясь в телесную оболочку, освещали комнату. Благодаря этому процессу и комната и мебель облагораживались, становились все более и более роскошными; шаль, которой было занавешено окно, превратилась в гобелен; медные ручки комода стали благородным золотом, а резные столбики кровати, казалось, состояли в родстве с великолепными колоннами Соломонова храма.

Расставшись с Тэсс, миссис Дарбейфилд быстро дошла до трактира, открыла парадную дверь, пересекла комнату нижнего этажа, погруженную в глубокий мрак, а затем привычной рукой, хорошо знакомой со здешними щеколдами, отперла дверь, ведущую на лестницу. По ветхим ступеням она поднималась медленнее, и когда ее лицо показалось над освещенной верхней площадкой лестницы, к ней обратились взгляды всей компании, собравшейся в спальне.

–...близкие друзья, которых я угощаю за свой счет по случаю клубного праздника, – слышав шаг, проговорила хозяйка бойко, как ребенок, отвечающий катехизис, и с этими словами взглянула на лестницу. – Ах, это вы, миссис Дарбейфилд! Господи, ну и перепугали же вы меня! А я уж подумала, что это кто-нибудь, присланный властями.

Остальные члены конклава приветствовали миссис Дарбейфилд взглядами и кивками, после чего она повернулась к тому месту, где сидел ее супруг. Он рассеянно мурлыкал себе под нос:

– Я не хуже, чем кое-кто из здешних мест! У меня есть большой семейный склеп в Кингсбир-суб-Гринхилле, и во всем Уэссексе ни у кого нет покойничков лучше, чем у меня!

– Я должна тебе сказать, что мне пришла по этому случаю в голову замечательная мысль! – прошептала его веселая жена. – Послушай, Джон, ты что, не видишь меня?

Она подтолкнула его локтем, но он, глядя сквозь нее, словно сквозь оконное стекло, продолжал свой речитатив.

– Ш-ш! Не пойте так громко, дружище, – сказала хозяйка. – Чего доброго, услышит кто-нибудь из властей и отберет у меня патент.

– Он, небось, вам рассказал уже, что у нас случилось? – спросила миссис Дарбейфилд.

– Вроде как рассказал. А деньги-то вы от этого какие-нибудь получите?

– Кто его знает! – благоразумно ответила Джоан Дарбейфилд. – Все же неплохо быть в родстве с каретой, даже если в ней и не едешь.

Это она произнесла во всеулышание, но затем понизила голос и снова обратилась к своему супругу:

– Как ты ушел, я припомнила, что в Трэнтридже, на опушке Заповедника, живет одна знатная и богатая дама по фамилии д'Эрбервилль.

– А? Что? – сказал сэр Джон.

Она повторила:

– Должно быть, эта дама – наша родственница. Вот я и надумала послать к ней Тэсс и объявить о родстве.

– А ведь вправду дама с такой фамилией имеется, раз уж ты об этом заговорила, – сказал, Дарбейфилд. – Священник Трингхэм про нее забыл. Но она – ничто по сравнению с нами, – должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.

Занятая обсуждением этого вопроса, пара не заметила, как маленький Абрэхэм пробрался в комнату и встал рядом, ожидая случая заговорить с родителями и увести их домой.

– Она богата и, конечно, позаботится о нашей дочке, – продолжала миссис Дарбейфилд, – а это будет очень кстати. И конечно, членам одного рода следует познакомиться друг с другом поближе.

– Да, и мы поедем объявить о родстве! – раздался из-под кровати веселый голос Абрэхэма. – И мы все будем ездить к ней в гости, когда Тэсс туда переедет; будем кататься в ее карете и одеваться в черную одежду.

– Откуда ты взялся, малыш? И что за глупости ты болтаешь! Ступай поиграй на лестнице,

пока отец и мать не освободятся!.. Да, Тэсс следует пойти к этому члену нашего рода. И уж Тэсс наверняка ей понравится; а потом на ней может жениться какой-нибудь благородный джентльмен. Да что говорить! Это Так и будет, я уж знаю!

– Откуда?

– Я гадала по «Предсказателю судьбы», и так оно все и выходит... Ты бы поглядел, какая она была сегодня хорошенькая; кожа у нее нежная, как у герцогини.

– А что говорит она сама? Пойдет она туда?

– Я ее не спрашивала. Она еще не знает, что у нас есть такая родственница. Но, конечно, это поможет ей найти благородного мужа, и она не откажется пойти.

– Тэсс не поймешь!

– Но с ней можно справиться... Это уж предоставь мне.

Хотя разговор этот не предназначался для посторонних, окружающие расслышали достаточно, чтобы понять, что у Дарбейфилдов имеются теперь темы для разговора более серьезные, чем у простых смертных, а Тэсс – их хорошенькую старшую дочь – ждет завидное будущее.

– Тэсс – красotka хоть куда, я так и сказал себе сегодня, когда увидел, как она разгуливает вместе с остальными по деревне, – вполголоса заметил один из старых пьяниц. – Но Джоан Дарбейфилд пусть поостережется – как бы она не подложила зеленого солода в муку.

Это была местная поговорка, которая имела особый смысл, и ответа на нее не последовало.

Разговор сделался общим, а вскоре в комнате нижнего этажа послышались шаги.

–...близкие друзья, которых я угощаю сегодня за свой счет по случаю клубного праздника...

Хозяйка быстро повторила формулу, заготовленную для незваных гостей, и тут же узнала во вновь прибывшей Тэсс.

Даже матери Тэсс и то показалось, что юному личику девушки не место в комнате, насыщенной винными парами, хотя они и подходящая атмосфера для морщинистой старости: наверное, и без укоризненного взгляда темных глаз Тэсс отец ее и мать поднялись бы с места, торопливо допив эль, и спустились вслед за ней по лестнице, напутствуемые предостережением миссис Ролливер:

– Пожалуйста, не шумите, дорогие мои, прошу вас; а не то я лишусь патента, вызовут меня в суд, – и неизвестно, что еще будет! Доброй ночи!

Они шли домой рядом, Тэсс поддерживала отца под один локоть, а миссис Дарбейфилд под другой. В сущности, выпил он очень мало – меньше четверти той порции, после которой привычный пьяница может не пошатываясь явиться в воскресное утро в церковь и легко преклонять колени, но для сэра Джона, отличавшегося слабым здоровьем, маленькие его грешки выросли в гору. На свежем воздухе он столь нетвердо держался на ногах, что все трое вдруг поворачивали то к Лондону, то к Бату – комичное зрелище, которое можно наблюдать частенько, когда семья в ночную пору возвращается домой; но, подобно многим комичным зрелищам, было оно в конце концов не так уж комично. Обе женщины мужественно старались скрыть эти вынужденные уклонения и контрмарши и от Дарбейфилда – их виновника, и от Абрэхэма, и от самих себя; так добрались они потихоньку до своей двери, а глава семьи, подойдя ближе, внезапно затянул прежний припев, словно хотел укрепить свой дух, увидя неприглядное нынешнее свое жилище:

– У меня есть семе-е-ейный склеп в Кингсбире!

– Шш... не глупи, Джеки, – сказала жена. – В старые времена не одна только твоя семья была знатной. Посмотри на Энктеллей, Хорей, да и на Трингхэмов, – они обнищали почти, как и ты, хотя твой род познатнее, это верно. Слава богу, я ни из какого рода не происхожу, и теперь мне стыдиться не приходится.

– Что-то очень уж ты в этом уверена. А мне, глядя на тебя, кажется, что ты себя унизила больше, чем любой из нас, и были у тебя когда-то в роду и короли и королевы.

Тэсс переменяла тему разговора, упомянув о том, что в ту минуту занимало ее гораздо больше, чем мысли о предках.

– Боюсь, что отец не сможет выехать с ульями на рассвете.

– Я? Через часок-другой я буду молодцом, – сказал Дарбейфилд.

Был двенадцатый час, когда все семейство наконец улеглось спать, а в два часа ночи, не

позже, следовало отправиться в путь, чтобы успеть доставить улья торговцам в Кэстербридж к началу субботнего базара; до места было двадцать – тридцать миль, и все по плохой дороге, а старая лошадь и так еле тащила тяжелую повозку. В половине второго миссис Дарбейфилд вошла в большую спальню, где спала Тэсс и все ее младшие сестры.

– Бедняга не может ехать, – сказала она старшей дочери, чьи большие глаза открылись, едва рука матери коснулась двери.

Тэсс села в постели, еще не совсем очнувшись от сна.

– Но кто-то должен ехать, – отозвалась она. – Мы и так уж запоздали с ульями. Роение скоро кончится. Если мы отложим это дело до следующего базарного дня, на них не будет спроса и они останутся у нас на руках.

Миссис Дарбейфилд совсем растерялась.

– Может, какой-нибудь парень поедет? Один из тех, что хотели плясать с тобой вчера? – предложила она вдруг.

– О нет, ни за что на свете! – гордо заявила Тэсс. – Чтобы все узнали, в чем тут дело? Какой стыд! Может, мне самой поехать – только вместе с Абрэхэмом?

После некоторых препирательств мать дала согласие на этот план. Они разбудили маленького Абрэхэма, который спал крепким сном в углу той же комнаты, и, хотя мысли его еще витали в мире грез, заставили его одеться. Тем временем и Тэсс поспешно оделась, и, засветив фонарь, брат и сестра пошли к конюшне. Маленькая разбитая повозка была уже нагружена, и девушка вывела Принца – лошадь, которая была немногим надежнее повозки.

Бедный коняга с недоумением всматривался в темноту, поглядывая на фонарь и на двух людей, словно не мог поверить, что в этот поздний час, когда каждому живому существу полагается быть под кровом и отдыхать, его заставляют трудиться. Они положили запас огарков в фонарь, привесили фонарь с правой стороны повозки и тронулись в путь: пока дорога шла в гору, они шагали рядом с лошадей, чтобы избавить слабое животное от лишнего груза. Желая подбодрить друг друга, они с помощью фонаря, хлеба с маслом и разговора устроили себе утро, – а настоящее утро было еще далеко. Абрэхэм, более или менее проснувшийся (до тех пор он двигался, словно в трансе), принялся болтать о том, что темные предметы на фоне неба выглядят очень странно: вот это дерево похоже на разъяренного тигра, выскакивающего из логова, а вон то напоминает голову великана.

Когда они миновали небольшой городок Стоуркэстл, тихо дремлющий под бурыми тростниковыми крышами, подъем наконец окончился. Слева высился холм Балбэрроу, или Билбэрроу, – один из высочайших в Южном Уэссексе, опоясанный земляными валами. Отсюда на большом протяжении дорога шла под уклон. Они влезли на передок повозки, и Абрэхэм о чем-то задумался.

– Тэсс! – помолчав, начал он в виде вступления.

– Что, Абрэхэм?

– Ты не рада, что мы стали благородными?

– Не очень.

– Но ты рада, что выйдешь замуж за джентльмена?

– Что? – спросила Тэсс, подняв голову.

– Что наша знатная родня поможет тебе выйти замуж за джентльмена.

– Мне? Наша знатная родня? У нас нет такой родни. Что это взбрело тебе в голову?

– Я слышал, как об этом говорили у Ролливера, когда я пришел за отцом. В Трэнтридже живет богатая дама, наша родственница, и мать говорит, что, если ты пойдешь и скажешь ей о нашем родстве, она тебе поможет выйти замуж за джентльмена.

Его сестра вдруг умолкла и погрузилась в глубокую задумчивость. Абрэхэм продолжал болтать – не столько для удовольствия слушателя, сколько для собственного удовольствия, и на рассеянность сестры он не обращал внимания. Прислонившись спиной к ульям и подняв лицо к небу, он заговорил о звездах, которые холодно мерцали среди черной пустоты, бесстрастно чуждые этим двум огонькам человеческой жизни. Он спросил, далеко ли до этих светильников и пребывает ли бог по другую их сторону. Но в детской своей болтовне он поминутно возвращался к тому, что затронуло его воображение глубже, чем чудеса мироздания. Если Тэсс разбогатеет, выйдя за-

муж за джентльмена, хватит ли у нее денег, чтобы купить большую подозрную трубу, в которую звезды видны будут не хуже, чем Нетлком-Таут?

Это новое обращение к теме, словно заразившей всю семью, вывело Тэсс из терпения.

– Ну, довольно об этом! – воскликнула она.

– Ты говорила, что звезды – это миры, Тэсс?

– Да.

– И все такие же, как наш?

– Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей яблони. Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

– А мы на каком живем – на красивом или на подгнившем?

– На подгнившем.

– Вот уж не повезло, что мы не попали на хороший, раз их больше, чем плохих!

– Да.

– А это и в самом деле так, Тэсс? – спросил, повернувшись к ней, Абрэхэм, на которого этот удивительный факт произвел сильнейшее впечатление. – Как бы оно было, если бы мы очутились на хорошей звезде?

– Ну, отец не кашлял бы и не волочил ноги, как волочит теперь, и не был бы сейчас пьян, и сам повез бы улы, а матери не приходилось бы стирать и стирать без конца.

– А ты бы уже так и родилась богатой и не нужно было бы тебе выходить за джентльмена, чтобы разбогатеть?

– Довольно, Эби! Довольно говорить об этом!

Предоставленный своим собственным мыслям, Абрэхэм скоро стал клевать носом. Тэсс плохо владела вожжами, но решила, что на этот раз ей удастся справиться самой, не мешая Абрэхэму спать. Она устроила ему перед ульями подобие гнездышка, чтобы он не свалился, и, взяв у него вожжи, поехала дальше.

Принц требовал лишь незначительного внимания, ибо у него не хватало энергии для каких бы то ни было лишних движений. Болтовня брата больше не отвлекала Тэсс от ее мыслей, и, прислонившись спиной к ульям, она предалась грезам. Кусты и деревья, тянувшиеся немой процессией мимо нее, участвовали в фантастических сценах, разыгрывавшихся за пределами реальности, а случайные вздохи ветра были вздохами какой-то необъятной и скорбной души, в пространстве равнозначной со вселенной и во времени – с историей.

Затем, обдумывая сплетение событий своей жизни, она словно увидела всю нелепость отцовских притязаний и материнской мечты о ее браке с джентльменом и представила себе этого джентльмена, с презрительной гримасой смеющегося над ее бедностью и предками-рыцарями в саванах. Образы эти становились все более фантастичными, и она утратила всякое ощущение времени. Вдруг они чуть не упали от внезапного толчка, – и задремавшая Тэсс сразу проснулась.

Место, где она погрузилась в сон, осталось далеко позади, повозка стояла. Впереди раздался глухой стон, какого она никогда еще не слыхала, за ним последовал оклик:

– Эй, вы там!

Фонарь, висевший на их повозке, теперь не горел, но ей в лицо светил другой – более яркий. Случилось что-то ужасное. Сбруя запуталась в чем-то, преграждавшем дорогу.

В ужасе Тэсс спрыгнула на землю, и ей открылась страшная истина: стонала бедная лошадь отца – Принц.

Почтовая двуколка с утренней почтой, бесшумно катившая на двух своих колесах, неслась, по обыкновению; как стрела, и налетела на их медленно двигавшуюся и неосвещенную повозку. Острая оглобля вонзилась, словно меч, в грудь несчастного Принца: из смертельной раны струей била кровь и с шипением лилась на дорогу.

В отчаянии Тэсс рванулась вперед и зажала рану рукой, но добилась только того, что алые капли забрызгали ее с головы до ног. Застыв, она беспомощно смотрела на лошадь. Принц тоже стоял неподвижно, пока хватало сил, потом внезапно рухнул на землю.

Подошедший почтальон начал распрягать еще теплого Принца, но тот был уже мертв, и увидев, что ничем теперь помочь нельзя, он вернулся к своей лошади, которая осталась цела и невред

дима.

– Вы ехали не по той стороне, по какой полагается, – сказал он. – Я должен везти почту, а вам лучше остаться здесь со своей поклажей. Как только смогу, я пришлю вам кого-нибудь на помощь. Скоро рассветет, и бояться вам нечего.

Он помчался дальше, а Тэсс осталась стоять и додать. Небо побледнело, в кустах закопошились птицы, послышалось веселое щебетание; проселочная дорога стала совсем белой, но еще белее было лицо Тэсс. Огромная красная лужа затягивалась радужной пленкой, так как кровь уже свертывалась, а когда взошло солнце, она заиграла всеми красками.

Принц лежал подле, неподвижный и окоченевший; глаза его были полузакрыты, а рана в груди казалась совсем маленькой, и трудно было поверить, что из нее могло вытечь столько крови – все то, что давало ему жизнь.

– Это я виновата, я! – повторяла девушка в отчаянии, не спуская глаз с мертвой лошади. – И нет мне оправдания! Чем будут жить теперь отец с матерью? Эби, Эби!

Она начала трясти ребенка, которого не разбудила даже эта катастрофа.

– Мы не можем ехать дальше! Принц убит!

Когда Абрэхэм сообразил, что случилось, его детское лицо покрылось морщинами, как у пятидесятилетнего человека.

– А ведь я вчера только плясала и смеялась! – говорила сама себе Тэсс. – Как могла я быть такой душой!

– Это случилось потому, что мы живем не на хорошей, а на подгнившей звезде! Правда, Тэсс? – сквозь слезы прошептал Абрэхэм.

Они ждали, охваченные черным отчаянием, и ожидание казалось бесконечным. Наконец, услышав шум и увидев приближающуюся фигуру, они убедились, что почтальон сдержал слово: к ним подошел батрак с фермы в окрестностях Стоуркэстла, ведя на поводу крепкого жеребца. Его впрягли в повозку вместо Принца, и улы повезли в Кэстербридж.

Вечером того же дня пустая повозка снова прибыла к месту происшествия. Принца еще утром стащили в канаву, но проезжавшие экипажи так и не стерли следов крови посреди дороги. Все, что осталось от Принца, взвалили на повозку, которую он совсем недавно тащил сам; он лежал, задрав окоченевшие ноги, и заходящее солнце отражалось в его подковах: так он вернулся в Марлот.

Тэсс добралась до дома раньше. Она не в силах была придумать, как сообщить страшную новость, и почувствовала облегчение, когда по лицам родителей убедилась, что они уже знают о потере; однако она не переставала упрекать себя за свою небрежность.

Но именно благодаря безалаберности Дарбейфилдов это несчастье не произвело на них такого устрашающего впечатления, какое произвело бы на семью трудолюбивую и работающую, – хотя для такой семьи потеря лошади создала бы только трудности, а семью Тэсс вела к разорению. В глазах Дарбейфилдов не отражался тот гнев, который обрушился бы на девушку, если бы родителей больше тревожило ее благополучие. Никто не бранил Тэсс так, как она сама себя бранила.

Когда обнаружилось, что живодер и кожевник дают за мертвого Принца всего несколько шиллингов из-за его дряхлости, Дарбейфилд оказался на высоте положения.

– Нет, – сказал он стоически, – я не продам старика. Когда мы, д'Эрбервилли, были рыцарями в поместьях, мы не продавали наших старых коней на мясо кошкам. Пусть их шиллинги останутся при них! Он хорошо служил мне при жизни, и теперь я с ним не расстанусь.

На следующий день, копая в саду могилу для Принца, он работал так усердно, как давно уже не работал для прокормления семьи. Когда яма была вырыта, Дарбейфилд и его жена обвязали лошадь веревкой и потащили ее по дорожке, а за ними в похоронной процессии следовали дети. Абрэхэм и Лиза Лу всхлипывали, Хоуп и Модести выражали свое горе громким ревом, эхом отдававшимся от стен дома, а когда Принца столкнули в яму, все окружили могилу. Кормилец был у них отнят. Что с ними будет?

– Он пошел на небо? – всхлипывая, спросил Абрэхэм.

Дарбейфилд начал засыпать яму землей, и дети снова заплакали. Все, кроме Тэсс. Глаза у нее были сухие, лицо бледное, – словно она считала себя убийцей.

После потери лошади заниматься извозом уже не приходилась, и дела семьи тотчас же пошли под гору. Семье угрожала настоящая бедность, если не нищета. Дарбейфилд был «парень ни то ни се», как говорилось в тех краях. Здоровье иногда позволяло ему работать, но нельзя было полагаться на то, что эти периоды совпадут с моментом спроса на работу. Вдобавок он не привык к регулярному труду поденщика и не слишком усердствовал, когда случалось такое совпадение.

Между тем Тэсс, чувствуя, что в эту трясину толкнула их она, молча размышляла, чем помочь им, чтобы их оттуда вытащить. Вот тогда-то ее мать и открыла ей свой план.

– Приходится принимать и радость и беду, Тэсс, – сказала она, – и получается, что о твоём знатном происхождении мы узнали в самую что ни на есть нужную минуту. Ты должна обратиться к своим друзьям. Знаешь ли ты, что неподалеку от Заповедника живет какая-то миссис д'Эрбервилль, очень богатая и наверняка наша родственница? Ты должна к ней пойти, рассказать о родстве и попросить, чтобы она помогла нам в беде.

– Не хотелось бы мне это делать, – отозвалась Тэсс. – Раз уж есть у нас такая родственница – хорошо, если она отнесется к нам по-дружески, а помощи от нее ждать нечего.

– Ты можешь ей так понравиться, что добьешься от нее чего угодно, моя милая. И, быть может, толку от этого будет больше, чем ты думаешь. Я кое-что слыхала о ней.

При других обстоятельствах Тэсс, пожалуй, отнеслась бы к материнскому желанию менее почтительно, но сейчас ее угнетало сознание, что она навлекла беду на свое семейство; однако она не могла понять, почему ее мать с таким удовольствием лелеет этот замысел, выгоды которого представлялись Тэсс весьма сомнительными. Быть может, мать навела справки и обнаружила, что эта миссис д'Эрбервилль – дама, наделенная непревзойденными добродетелями и милосердием? Но гордой Тэсс роль бедной родственницы внушала крайнее отвращение.

– Я лучше попытаюсь поискать работу, – прошептала она.

– Дарбейфилд, тебе решать, – сказала миссис Дарбейфилд, обращаясь к мужу, державшемуся на заднем плане. – Если ты скажешь, что она должна идти, она пойдет.

– Не нравится мне, чтобы мои дети ходили одолажаться к незнакомой родне, – пробормотал он. – Я глава благороднейшей ветви нашей фамилии и должен высоко держать голову.

Остаться после такого заявления отца было для Тэсс еще неприятнее, чем пойти.

– Хорошо, мама! Пожалуй, я должна что-нибудь сделать, раз я убила лошадь, – горестно сказала она. – Я пойду и повидаю миссис д'Эрбервилль, но уж сама решу, как просить ее о помощи. А ты не думай больше о том, что она выдаст меня замуж, – это глупо.

– Хорошо сказано, Тэсс! – поучительно заметил ее отец.

– А кто говорит, что я об этом думала? – спросила Джоан.

– Мне кажется, что это у тебя на уме, мать. Но я все равно к ней пойду.

На следующий день она встала рано и пошла в Шестой, городок на холме, где села в фургон, который два раза в неделю ездил из Шестона на восток, в Чэзборо. Фургон проезжал мимо Трэнтриджа, а в трэнтриджском приходе находилась резиденция неведомой и таинственной миссис д'Эрбервилль.

В это памятное утро путь Тэсс Дарбейфилд лежал среди северо-восточных возвышенностей долины, где она родилась и где протекала ее жизнь. Долина Блекмур была для нее миром, а местные жители – народом, населяющим этот мир. Из ворот и из-за плетней Марлота смотрела она в пору недоуменного детства на эту долину, и то, что тогда было для Тэсс тайной, оставалось тайной и теперь. Ежедневно видела она из окна своей комнаты башни, деревни, туманные белые здания; над ними величественно высился на холме Шестон, и окна его домов светились, словно лампы, в лучах вечернего солнца. В городке она почти никогда не бывала – лишь маленький клочок долины и ее окрестностей был знаком Тэсс. Еще реже выезжала она за пределы долины. Очертания замыкающих ее холмов были ей известны так же, как лица родных; но о том, что лежит за пределами этих холмов, она могла лишь судить по сведениям, полученным в сельской школе, где считалась первой ученицей, когда год или два назад бросила учиться.

В детстве ее очень любили товарки и сверстницы, и в деревне, когда она возвращалась домой из школы, ее всегда видели с двумя подругами, – все трое были почти одних лет; Тэсс обычно шла посередине – в розовом, с красивым сетчатым узором, ситцевом переднике, закрывавшем шерстяное платье, чья первоначальная окраска перешла в какой-то неописуемый цвет; длинные крепкие ноги Тэсс были туго обтянуты чулками, продранными на коленках оттого, что часто посреди дороги и у насыпей она опускалась на колени в поисках растительных и минеральных сокровищ; пряди волос – тогда они были пепельного цвета – загибались, как крючки, на которых подвешивают чайник над огнем; руки девочек, шедших сбоку, обвивали талию Тэсс, а ее руки лежали на плечах подруг.

Когда Тэсс подросла и стала понимать положение дел, она почувствовала мальтузианское раздражение против матери за то, что та беззаботно дарит ей столько сестриц и братцев, хотя было нелегко нянчить и тех, что уже родились. Мать ее по уму не отличалась от счастливого младенца: Джоан Дарбейфилд была тоже ребенком, и вдобавок не самым старшим в этой огромной семье, порученной заботам провидения.

Однако Тэсс была добра к малышам, и для того чтобы помогать им по мере сил, она, как только ушла из школы, стала наниматься на соседние фермы во время сенокоса и жатвы, хотя всему предпочитала доить коров и сбивать масло; этому она научилась, когда ее отец еще сам держал коров, и так как пальцы у нее были ловкие, она справлялась с такой работой мастерски.

С каждым днем все новые семейные тяготы ложились на юные ее плечи, и вполне естественно, что в поместье д'Эрбервиллей как представительница Дарбейфилдов отправилась именно Тэсс. Кстати, в данном случае Дарбейфилды показывали лучшее, что у них было.

На перекрестке Трэнтридж она вышла из фургона и пешком поднялась на холм, направляясь к так называемому Заповеднику, на границе которого находилась, как сообщили ей, резиденция миссис д'Эрбервилль – поместье «Косогор». Это не было поместье в обычном смысле слова – с полями, пастбищами и ворчливым фермером, из которого владелец и его семья всеми правдами и неправдами вытягивают средства на жизнь. Это был скорее... да нет, это попросту был загородный дом, построенный исключительно для отдыха, и землю, примыкавшую к нему, не возделывали – ни одного акра, кроме тех, какие нужны были для усадьбы и маленькой фермы, находившейся под присмотром владельца и на попечении управляющего.

Сначала показалась красная кирпичная сторожка, до самой крыши спрятанная среди вечнозеленых растений. Тэсс подумала было, что это и есть усадьба, но, с трепетом пройдя в боковую калитку и дальше, до поворота аллеи, она наконец увидела дом. Построенный недавно – в сущности почти новый, – он был того же густо-красного цвета, что и сторожка, так резко выделявшаяся в гуще вечнозеленых растений. А за углом дома, высившегося на фоне тусклых красок, словно красная герань, в лазурной дали виднелся Заповедник – настоящий дремучий лес, один из немногих сохранившихся в Англии первобытных лесов, где все еще на вековых дубах можно найти друидическую омелу и где гигантские тисовые деревья, посаженные самой природой, растут так, как росли они, когда их ветви срезали для луков. Однако этот древний лес, хотя его и видно было из усадьбы «Косогор», находился за ее пределами.

Все было ярко в этом уютном поместье, все содержалось в полном порядке: вниз по склону тянулись к рощам парники. Все здесь говорило о деньгах, все напоминало новенькую монету только что из чеканки. Конюшни, обсаженные австрийскими соснами и вечнозелеными дубами, были оборудованы новейшими приспособлениями и величественны, как часовни. На широкой лужайке раскинулась изящная беседка, дверь которой обращена была к Тэсс.

Простодушная Тэсс Дарбейфилд стояла в волнении у края усыпанной гравием дорожки и смотрела. Только дойдя до этого места, она вдруг осознала, где находится, – все здесь было не так, как она предполагала.

– Я думала, наш род древний, а здесь все новое! – сказала она наивно и пожалела, что с такой готовностью согласилась на план матери – согласилась «заявить о родстве» и не попыталась искать помощи поближе к дому.

Семейство д'Эрбервиллей – или Сток-д'Эрбервиллей, как они иногда себя называли, – вла-

девшее этой усадьбой, было необычно для такого старомодного уголка страны. Священник Трингхэм был прав, говоря, что наш неуклюжий Джон Дарбейфилд являлся в графстве и его окрестностях единственным подлинным прямым потомком древнего рода д'Эрбервиллей; он мог бы добавить и то, что было ему очень хорошо известно, а именно: Сток-д'Эрбервилли имели не больше отношения к подлинному родословному дереву д'Эрбервиллей, чем он сам. Однако следовало признать, что семья эта являлась прекрасным деревом для прививки фамилии, чрезвычайно нуждающейся в таком обновлении.

Когда старый мистер Саймон Сток, недавно умерший, будучи честным купцом (иные говорили – ростовщиком), сколотил себе состояние на севере, он решил стать помещиком на юге Англии, подальше от тех мест, где он вел свои торговые дела; при этом он возымел желание, начиная жизнь заново, обзавестись фамилией, которая не была бы столь тесно связана с удачливым торговцем прошлых лет и звучала бы менее заурядно, чем собственная его весьма вульгарная фамилия. В течение часа изучая в Британском музее труды, посвященные вымершим, полувымершим, забытым и разорившимся родам той части Англии, где он намерен был поселиться, мистер Сток решил, что д'Эрбервилль звучит не хуже любой другой фамилии; и фамилия д'Эрбервилль была присоединена к его фамилии как для него самого, так и для его наследников на веки вечные. Однако он не был сумасбродом, и когда созидал свою родословную на новой основе, то, измышляя аристократические родственные связи, проявил благоразумие и не упомянул ни одного титула, который можно было бы счесть нарушением строжайшей умеренности.

Обо всем этом бедная Тэсс и ее родители, на свою беду, естественно, не имели ни малейшего понятия. В сущности даже возможность подобных заимствований была им неведома: они полагали, что, если благосостояние и может быть даром судьбы, фамилию получаешь при рождении.

Тэсс все еще стояла в нерешительности, словно пловец, собирающийся броситься в воду, и не знала, отступить ей или идти вперед, как вдруг из темной треугольной двери беседки показалась мужская фигура – высокий молодой человек, куривший сигару.

Он был смуглый, с полными губами, плохо очерченными, но красными и мягкими, над верхней губой темнели черные подвитые усы, хотя он был не старше двадцати трех – двадцати четырех лет. Несмотря на грубоватую внешность, в лице джентльмена, в его дерзких, беспокойных глазах была своеобразная сила.

– Скажите, красотка моя, чем могу вам служить? – спросил он весело, приближаясь к ней.

Заметив ее смятение, он добавил:

– Не смущайтесь. Я мистер д'Эрбервилль. Вы пришли ко мне или к моей матери?

Этот представитель д'Эрбервиллей и однофамилец еще резче, чем дом и поместье, отличался от того, что ждала Тэсс. В мечтах ей рисовалось немолодое и благородное лицо, в котором соединились бы фамильные черты д'Эрбервиллей, – лицо в морщинах, воплотивших воспоминания, представляющие в иероглифических письменах многовековую историю ее рода и Англии. Но, поскольку ей ничего другого не оставалось, она овладела собой и ответила:

– Я пришла к вашей матери, сэр.

– Боюсь, что вам нельзя будет повидать ее, она очень больна уже много лет, – ответил нынешний представитель поддельного рода, мистер Алек – единственный сын недавно скончавшегося джентльмена. – Не могу ли я заменить ее? Вы пришли к ней по какому-нибудь делу?

– Это не дело... это... не знаю, как сказать!

– Для развлечения?

– О нет! Видите ли, сэр, если я вам скажу, это покажется...

В этот момент Тэсс так остро почувствовала всю нелепость своей миссии, что, несмотря на благоговейный страх перед ним и смущение, вызванное пребыванием здесь, улыбка тронула розовые ее губы, что весьма понравилось смуглому Александру.

– Это все очень глупо... – пробормотала она. – Боюсь, что я вам не скажу!

– Ничего, мне нравятся глупости. Попытайтесь еще разок, моя милая, – ласково сказал он.

– Мать просила меня пойти, – продолжала Тэсс, – да и я сама хотела это сделать. Но я не думала, что оно так выйдет. Сэр, я пришла сказать, что мы с вами происходим из одного рода.

– Ого! Бедные родственники?

– Да.

– Сток?

– Нет, д'Эрбервилль.

– Да, да... я хотел сказать – д'Эрбервилль.

– Наша фамилия была искажена и стала Дарбейфилд, но у нас есть много доказательств, что мы – д'Эрбервилли. Историки говорят, что это так... И... у нас есть старая печать, а на ней щит со стоящим на задних лапах львом, а над ним – замок; и еще у нас есть старая серебряная ложка – круглая, как ковшик, и с таким же замком. Но она такая старая, что мать размешивает ею гороховую похлебку.

– В моем гербе действительно есть замок, – вежливо заметил он, – и лев, стоящий на задних лапах.

– Вот мать и сказала, что мы должны познакомиться с вами... так как мы по несчастной случайности лишились лошади и... наша ветвь – старейшая.

– Право же, это очень мило со стороны вашей матери, и я лично не жалею о сделанном ею шаге. – С этими словами Алек посмотрел на Тэсс так, что она слегка покраснела. – Значит, вы, красавица, пришли с дружеским визитом к нам, как к родственникам?

– Кажется, да, – пролепетала Тэсс, робея.

– Ну что ж, беды в этом нет. Где вы живете? Кто вы такие?

Она рассказала ему вкратце о своей семье и в ответ на дальнейшие вопросы сообщила, что собирается вернуться с тем же возницей, который привез ее сюда.

– Он еще не скоро будет проезжать мимо Трэнтриджа. А не пройтись ли нам пока по усадьбе, моя хорошенькая кузина?

Тэсс хотелось как можно скорее распрощаться с ним, но молодой человек настаивал, и она наконец согласилась. Он показал ей газоны, клумбы и оранжереи, а потом повел в фруктовый сад и к парникам, где спросил ее, любит ли она клубнику.

– Да, – сказала Тэсс, – но только спелую.

– Здесь она уже поспела.

Д'Эрбервилль начал собирать для нее ягоды. Нагнувшись, он срывал их одну за другой и протягивал ей; затем, выбрав крупную ягоду сорта «британская королева», он выпрямился и держал ее за стебелек, поднес к губам девушки.

– Нет, нет! – быстро сказала она, заслоня пальцами губы. – Я лучше возьму ее рукой.

– Вздор! – настаивал он.

С легким смущением она приоткрыла рот и взяла ягоду губами.

Так они некоторое время бродили по саду, и Тэсс смущенно и покорно ела все, что предлагал ей д'Эрбервилль. Когда она уже не могла больше есть клубнику, он насыпал ягод в ее корзиночку; затем они подошли к розовым кустам, где он нарвал цветов и дал ей, чтобы она приколотла их себе на грудь. Она повиновалась, словно во сне, а когда уже больше некуда было прикреплять их, он сам прицепил один-два бутона к ее шляпе и, совсем расщедрившись, наполнил доверху ее корзинку розами. Наконец, взглянув на часы, он сказал:

– Теперь вам нужно закусить, а затем вы должны отправляться в путь, если не хотите пропустить шестонский фургон. Идемте, я постараюсь достать вам чего-нибудь поесть.

Сток-д'Эрбервилль повел ее назад к лужайке и оставил одну в беседке, но вскоре вернулся и принес корзинку с легким завтраком, который подал ей сам. Молодой человек совершенно явно не желал, чтобы этот приятный *tete-a-tete* был нарушен слугами.

– Вы разрешите мне курить? – спросил он.

– Ну конечно, сэр.

Сквозь клубы дыма, наполнившие палатку, он наблюдал, как она мило и непринужденно ест, а Тэсс Дарбейфилд, с наивной радостью поглядывая на розы, приколотые к платью, не догадывалась, что за синей наркотической дымкой восседает «трагический злодей» ее драмы – тот, кому суждено стать кроваво-красным лучом в спектре ее молодой жизни. Тэсс обладала одной особенностью, которая в эту минуту была для нее опасна, – ведь недаром Алек д'Эрбервилль и не спускал с нее глаз. Фигура Тэсс была чуть пышнее, чем полагалось бы по ее возрасту, и поэтому она

казалась старше своих лет – скорее женщиной, чем девушкой. Свою фигуру Тэсс унаследовала от матери, не унаследовав ее характера. Порой Тэсс смущала эта ранняя зрелость, но подружки успокоили ее, сказав, что время излечивает подобные недостатки.

Вскоре завтрак был съеден.

– Ну, теперь мне пора домой, сэр, – сказала она, вставая.

– А как вас зовут? – спросил он, когда они шли по аллее и дом уже скрылся из виду.

– В Марлоте меня называют Тэсс Дарбейфилд.

– И вы говорите, что ваши родители потеряли лошадь?

– Я убила ее! – ответила она, и глаза ее наполнились слезами, когда она рассказала о смерти Принца. – Я не знаю, как теперь помочь отцу.

– Нужно подумать, не могу ли я что-нибудь для вас сделать. Моя мать должна найти для вас место. Но только, Тэсс, никаких глупостей о «д'Эрбервилль...». Дарбейфилд – и только. Это совсем другая фамилия.

– Лучшей я и не хочу, сэр, – ответила она с достоинством.

На секунду, только на секунду, когда они подошли к повороту аллеи, скрытому между высокими рододендронами и лаврами, и вдали еще не показалась сторожка, он наклонился к ней, словно... Но нет! Он передумал и отпустил ее.

Так это началось. Осознай Тэсс значение этой встречи, она могла бы спросить, почему обречена была она в тот день привлечь жадный взгляд дурного человека, а не того, кто был благороден и добродетелен настолько, насколько может быть благороден и добродетелен человек; но для того, другого, она была лишь преходящим, полузабытым воспоминанием.

Быть может, план всего сущего задуман и хорошо, но выполняется он плохо: редко на зов приходит нужный человек, и суженый является слишком поздно. Природа не часто говорит «смотри!» бедному своему созданию в час, когда увидеть – значит найти счастье, и отвечает «здесь!» на крик человеческий «где?», когда игра в прятки успеет прискучить и надоесть.

Мы можем задавать вопрос, будут ли на высшей ступени человеческого прогресса стерты эти анахронизмы благодаря более тонкой интуиции, более совершенному действию социального механизма, который швыряет нас ныне из стороны в сторону, – но такое совершенство нельзя, ни предсказывать, ни даже мыслить как возможное. Достаточно того, что в данном случае, как и в миллионах других, две половины совершенного целого не встретились в должный момент, – обе они глупейшим образом блуждали по земле, пока не стало слишком поздно. В результате этого досадного промедления возникли потрясения, тревога, разочарования, несчастья, катастрофы – короче, то, что составляет нашу историю.

Вернувшись в беседку, д'Эрбервилль уселся верхом на стул и задумался о чем-то приятном; потом он громко расхохотался.

– Черт побери! Ну и потеха! Ха-ха-ха! А девушка премиленькая!

6

Тэсс спустилась с холма к Трэнтриджу и, ни на что не обращая внимания, стала ждать фургона, возвращающийся из Чэзборо в Шестон. Войдя в фургон, она не поняла, что сказали ей другие пассажиры, хотя и ответила им; а когда они снова тронулись в путь, она уставилась в одну точку, ничего не видя по сторонам.

Один из попутчиков заговорил с ней более настойчиво, чем другие:

– Э, да вы лучше любого букета! А какие розы для начала июня!

Тогда Тэсс сообразила, почему ее вид вызывает у них изумление: розы на груди, розы на шляпе, розы и клубника до краев наполняют корзинку. Она вспыхнула и сказала смущенно, что цветы были ей подарены. Когда пассажиры перестали обращать на нее внимание, она украдкой сняла со шляпы те цветы, которые особенно бросались в глаза, и, положив их в корзинку, прикрыла носовым платком, потом снова задумалась и опустила голову, и шипы розы, оставшейся на ее груди, случайно укололи ей подбородок. Как и все жители долины Блекмур, Тэсс была суеверна и придавала огромное значение всяческим приметам: этот укол она сочла дурным предзнаменованием.

ем – первый раз за день что-то подобное пришло ей в голову.

Фургон доходил только до Шестона; оттуда до Марлота нужно было пройти несколько миль пешком, спускаясь с холма, на котором расположен был город, в долину. Мать советовала ей, если она устанет, переночевать в Шестоне у одной знакомой. Тэсс так и сделала и вернулась домой лишь на следующий день после полудня.

Войдя в дом, она тотчас же заметила торжествующий вид матери и догадалась, что за это время что-то произошло.

– Я все знаю! Я тебе говорила, что все обойдется прекрасно, и так оно и вышло!

– За мое отсутствие? Что такое? – устало спросила Тэсс.

Мать окинула ее одобрительно-лукавым взглядом и продолжала шутливо:

– Значит, ты их обкрутила!

– Почему ты знаешь, мама?

– Я получила письмо.

Тэсс сообразила, что за этот срок такое письмо могло уже дойти.

– Они пишут... миссис д'Эрбервилль пишет, что хочет поручить тебе присмотр за маленьким птичником, – это ее конек. Но это только уловка, чтобы заполучить тебя туда, не возбуждая никаких надежд. Она хочет признать тебя своей родственницей – вот в чем тут дело.

– Но я ее не видела.

– Но кого-нибудь ты все-таки видела?

– Я видела ее сына.

– И он тебя признал?

– Ну... он называл меня кузиной.

– Так я и знала! Джеки, он называл ее кузиной! – крикнула Джоан мужу. – Ну конечно, он поговорил со своей матерью, и она зовет тебя туда.

– Не знаю, сумею ли я ходить за курами, – неуверенно сказала Тэсс.

– А я не знаю, кто сумеет, если не ты! Ты этим делом занималась чуть не с рождения. А тот, кто знает что-нибудь с рождения, всегда смыслит в этом лучше других. И вдобавок ты должна что-то делать только для виду, чтобы не чувствовать себя нахлебницей.

– Не очень-то я уверена, что мне следует туда идти, – задумчиво сказала Тэсс. – Кто написал письмо? Дай-ка мне посмотреть.

– Написала миссис д'Эрбервилль. Вот оно.

Письмо было написано в третьем лице и кратко уведомляло миссис Дарбейфилд, что миссис д'Эрбервилль готова воспользоваться услугами ее дочери для присмотра за птичником, что ей предоставят удобную комнату, если она согласится, и платить ей будут щедро, если она им понравится.

– И это все? – воскликнула Тэсс.

– Уж не думала ли ты, что она сразу бросится тебе на шею, будет целовать и миловать?

Тэсс посмотрела в окно.

– Будет лучше, если я останусь здесь, с отцом и с тобой, – сказала она.

– Это еще почему?

– Мне не хочется говорить тебе, мать... Да я и сама хорошенько не знаю.

Спустя неделю как-то вечером она вернулась домой после безуспешных поисков какой-нибудь легкой работы по соседству – ее мечтой было заработать за лето денег, чтобы купить другую лошадь. Не успела она переступить порог, как один из ребят заплясал по комнате, восклицая:

– Здесь был джентльмен!

Мать – каждый дюйм ее лица расплывался в улыбку – поспешила объяснить: к ним заезжал сын миссис д'Эрбервилль – он катался верхом около Марлота. Говоря от имени своей матери, он попросил окончательного ответа: согласна ли Тэсс взять на себя заведование ее птичьей фермой – парень, который до сего времени приглядывал за птичником, оказался ненадежным.

– Мистер д'Эрбервилль говорит, что ты должна быть хорошей девушкой, если ты такова, какой кажешься; он уверен, что тебя нужно ценить на вес золота. Сказать по правде, он очень интересуется тобой.

На секунду Тэсс обрадовалась, узнав, что произвела такое хорошее впечатление на незнакомого человека в те минуты, когда чувствовала себя такой униженной.

– С его стороны очень любезно, если он так думает, – прошептала она. – И если бы я знала, каково мне будет жить там, я бы тотчас же пошла.

– Он очень красивый мужчина!

– Я этого не нахожу, – холодно сказала Тэсс.

– Ну, теперь решай свою судьбу – идти или не идти. А у него на пальце прекрасное бриллиантовое кольцо!

– Верно! – весело воскликнул маленький Абрэхэм, сидевший на лавке под окном. – И я его видел – ну и сверкало же оно, когда он гладил усы. Мама, почему наш благородный родственник все время гладил усы?

– Вы только послушайте, что говорит этот ребенок! – в порыве материнского восторга воскликнула миссис Дарбейфилд.

– Может быть, хотел показать свое бриллиантовое кольцо, – задумчиво отозвался сэр Джон.

– Я подумаю, – сказала Тэсс, выходя из комнаты.

– Да, она сразу покорила младшую ветвь нашей семьи, – продолжала матрона, обращаясь к супругу. – И будет дурой, если бросит это дело.

– Не очень-то мне хочется, чтобы мои дети уходили из дому, – отозвался тот. – Я глава рода, и остальные родственники должны приходить ко мне.

– Ну, отпусти ее, Джеки, – принялась уговаривать бедная неразумная жена. – Он совсем голову потерял, это сразу видно. Он называл ее кузиной. Очень возможно, что он на ней женится и сделает ее богатой, и она будет тем, чем были ее предки.

У Джона Дарбейфилда тщеславия было больше, чем энергии или здоровья, и это предположение пришлось ему по вкусу.

– Да, пожалуй, молодой мистер д'Эрбервилль именно это и имеет в виду, – согласился он, – и, быть может, он серьезно подумывает о том, чтобы облагородить свою кровь, соединившись со старой ветвью. Ну и плутовка же Тэсс! Неужто она и в самом деле поехала к ним за этим?

А Тэсс задумчиво бродила по саду меж кустов крыжовника у могилы Принца. Когда она вошла в дом, мать тотчас вернулась к прежней теме.

– Ну, что же ты думаешь делать? – спросила она.

– Жаль, что я не видела миссис д'Эрбервилль, – сказала Тэсс.

– По мне, соглашайся-ка ты поскорее. Вот тогда ты ее и увидишь.

Отец кашлянул.

– Я не знаю, что сказать! – волнуясь, ответила девушка. – Решайте вы. Я убила старую лошадь и, значит, должна что-то сделать, чтобы раздобыть для вас новую. Но... мистер д'Эрбервилль мне что-то не очень нравится.

Дети, которые привыкли смотреть на уход Тэсс к богатым родственникам (ведь они верили, что эти люди – их родня) своеобразным возмещением за смерть старой лошади, заметив колебания Тэсс, начали хныкать и дразнить и упрекать ее за нерешительность.

– Тэсс не хо-о-чет идти и стать бога-а-а-той! Она говорит, что не по-о-о-йдет! – тянули они, разинув рты. – А у нас не будет хорошей новой лошади и золотых монеток на игрушки! И Тэсс уже не бу-у-удет такой хорошенькой в новом пла-а-а-тье!

Мать присоединилась к их хору – из-за ее привычки затягивать до бесконечности свою работу по дому работа эта казалась много труднее, чем была на самом деле, – и теперь она ссылалась на тяготы домашнего хозяйства. Один только отец соблюдал нейтралитет.

– Я пойду, – сказала наконец Тэсс.

Мать не сумела скрыть, какие надежды на свадьбу пробудило в ней согласие девушки.

– Вот и хорошо! Нельзя же хорошенькой девушке упускать такой случай!

Тэсс сердито усмехнулась.

– Правда, это случай заработать деньги, но и только! Ты лучше не говори таких глупостей соседям.

Миссис Дарбейфилд ничего не обещала. После лестных слов гостя она чувствовала себя

вправе намекать на многое.

Итак, вопрос был решен; девушка написала, что готова явиться в любой день, как только понадобятся ее услуги. Скоро она получила ответ: миссис д'Эрбервилль рада ее решению и вышлет за ней и ее пожитками двуколку на вершину холма послезавтра, и к этому дню она должна быть готова. Почерк миссис д'Эрбервилль очень напоминал мужской.

– Двуколка? – недоверчиво прошептала Джоан Дарбейфилд. – За своей родственницей она могла бы прислать коляску!

Приняв наконец решение, Тэсс стала менее тревожной и рассеянной, ее поддерживала мысль, что, занимаясь нетрудным делом, добудет для отца лошадь. Она надеялась получить место школьной учительницы, но судьба решила иначе. Духовно она была гораздо взрослее своей матери и ни на секунду не принимала всерьез матримониальных надежд миссис Дарбейфилд. Легкомысленная женщина подыскивала блестящие партии для своей дочери чуть ли не с первого года ее жизни.

7

В день отъезда Тэсс проснулась до рассвета – в те последние мгновения ночи, когда леса еще безмолвствуют и только одна пророческая птица звонко распевает в твердом убеждении, что она-то, уж во всяком случае, знает час рассвета, тогда как все остальные хранят молчание, словно они в равной мере убеждены в ее ошибке. До завтрака Тэсс оставалась наверху, укладывая вещи, а потом спустилась вниз в своем обычном будничном платье, – праздничный ее наряд был заботливо уложен в сундучок.

Мать запротестовала:

– Неужто ты не приоденешься, отправляясь в гости к родным?

– Но я еду работать! – сказала Тэсс.

– Так-то оно так, – отозвалась мать и совсем другим тоном добавила: – Пожалуй, сначала тебе дадут для вида какую-нибудь работу... Но, по мне, разумнее будет показать себя с лучшей стороны, – добавила она.

– Хорошо, тебе лучше знать, – с невозмутимым равнодушием ответила Тэсс.

И, чтобы угодить матери, девушка отдала себя в руки Джоан, сказав спокойно:

– Делай со мной, что хочешь, мать.

Миссис Дарбейфилд была в восторге от такой сговорчивости. Первым делом она принесла большой таз и столь тщательно вымыла волосы Тэсс, что, высушенные и расчесанные, они стали вдвое пышнее обычного. Перевязала она их красной лентой – гораздо шире будничной; затем надела на Тэсс то самое белое платье, какое было на ней в день клубного гулянья, – воздушное широкое платье, придававшее ее фигуре зрелость, которая не соответствовала ее возрасту; благодаря этому платью и прическе ее могли принять за взрослую женщину, хотя она была еще почти ребенком.

– У меня дырка на пятке! – объявила Тэсс.

– Ну, что там думать о дырявых чулках! Их не видно; когда я была девушкой, меня не заботили мои пятки, если на мне была хорошенькая шляпка.

И, гордая внешностью девушки, мать отступила, словно художник от мольберта, на шаг назад, созерцая свое произведение.

– Ты должна на себя поглядеть! – воскликнула она. – Сегодня ты куда лучше, чем в тот раз.

Так как крохотное зеркальце могло отражать лишь малую часть человеческой фигуры, миссис Дарбейфилд завесила окно снаружи черным плащом, превратив оконное стекло в большое трюмо – как это часто делают деревенские жители, наряжаясь. Затем она спустилась к мужу.

– Вот что я тебе скажу, Дарбейфилд, – торжествующе заговорила она, – ему не устоять. Но только поменьше говори с Тэсс о его любви и о счастливом ее будущем. Она такая странная, что это может восстановить ее против него... да как бы она и теперь не отказалась туда ехать! Если все пойдет хорошо, я непременно отблагодарю этого священника из Стэгфут-Лейна за то, что он нам сказал. Хороший он человек!

Однако, когда приблизилась минута прощания и улеглось первое возбуждение, вызванное заботой о наряде, в душу Джоан Дарбейфилд проникли легкие опасения, и матрона выразила желание проводить дочь до того места, где дорога, ведущая из долины во внешний мир, начинала круто подниматься в гору. На вершине холма Тэсс должна была ждать двуколка, высланная Стокд'Эрбервиллями, и мальчишка уже повез на тачке ее сундучок на холм, чтобы все было готово заранее.

Видя, что мать надевает чепец, младшие дети захотели идти с нею:

– Мы хотим проводить сестрицу, потому что она выйдет замуж за нашего знатного двоюродного брата и будет носить красивые платья!

– Чтобы я этого больше не слышала! – сказала Тэсс, краснея и быстро оборачиваясь. – Мать, зачем ты им вбиваешь в голову такой вздор?

– Она будет работать, мои милые, у наших богатых родственников и поможет скопить денег на покупку новой лошади, – поспешила водворить мир миссис Дарбейфилд.

– Прощай, отец, – сказала Тэсс, чувствуя, как у нее сжимается горло.

– Прощай, дочка, – отозвался сэр Джон, приподнимая поникшую на грудь голову. Он клевал носом, так как по случаю торжественного дня хлебнул лишнего. – Надеюсь, юному моему другу понравится такая милостивая представительница его рода. И скажи ему, Тэсс, что, обеднев после бывшего величия, я продам ему титул, – да, продам, и за умеренную цену.

– Не меньше чем за тысячу фунтов! – воскликнула леди Дарбейфилд.

– Скажи ему, что я возьму тысячу фунтов. Ну, уж коли на то пошло, возьму меньше. Он его украсит лучше, чем такой жалкий бедняк, как я. Скажи ему, что он его получит за сотню. Но я не буду торговаться из-за пустяков! Скажи, что я отдам за пятьдесят – за двадцать фунтов! Да, двадцать фунтов – это последняя цена. Черт возьми, фамильная честь есть фамильная честь, и я не возьму ни на пенни меньше!

Слезы душили Тэсс, и она не могла высказать овладевшую ею горечь. Она быстро повернулась и вышла.

Мать и дети вместе отправились в путь; девочки держали Тэсс за руки и время от времени задумчиво посматривали на нее, словно ей предстояло совершить великие подвиги; мать шла сзади. Группа эта напоминала картину: в центре юная красота, по бокам невинность, на заднем плане простодушное тщеславие. Они приблизились к подножию холма, на вершине которого ее должна была ждать повозка из Трэнтриджа (место это было выбрано для того, чтобы избавить лошадь от трудного подъема). Вдали за первой цепью холмов, как нарост на кряже, виднелся Балбэрроу. Дорога на гребне была пустынна, и только посланный вперед мальчишка восседал на ручке тачки, вместившей все имущество Тэсс.

– Подождем здесь, двуколка должна скоро приехать, – сказала миссис Дарбейфилд. – Да вот она!

И действительно, на гребне холма внезапно появилась двуколка и остановилась возле тачки. Мать и дети решили не идти дальше, и, торопливо попрощавшись с ними, Тэсс стала подниматься на холм.

Они видели, как белая ее фигура приближалась к двуколке, на которой уже стоял ее сундучок. Но не успела она поравняться с ней, как из-за купы деревьев на вершине показался другой экипаж, миновал поворот, двуколку с багажом и остановился возле Тэсс, которая с изумлением повернулась.

Тогда мать заметила, что второй экипаж не похож на жалкую двуколку, – это был новенький, блестящий лаком кабриолет. Лошадью правил молодой человек лет двадцати трех – двадцати четырех, с сигарой в зубах; на нем было модное кепи, темно-серая куртка, такие же панталоны, белый галстук, стоячий воротничок и коричневые перчатки, – короче, это был тот самый красивый молодой щеголь, который недели две назад приезжал к ним узнать ее решение относительно Тэсс.

Миссис Дарбейфилд, как ребенок, захлопала в ладоши, опустила глаза, потом снова стала всматриваться. Могло ли ее обмануть значение этой встречи?

– Это и есть знатный родственник, который сделает сестрицу знатной дамой? – спросил младший из ребят.

Между тем видно было, что Тэсс в нерешительности стоит перед кабриолетом, слушая, что говорит ей его владелец. Но то, что казалось нерешительностью, на самом деле было кое-чем более серьезным – предчувствием дурного. Тэсс предпочла бы скромную двуколку. Молодой человек вышел из экипажа и, по-видимому, уговаривал ее сесть. Она повернулась в ту сторону, где остались ее родные, и посмотрела на маленькую группу. Казалось, что-то подтолкнуло ее принять решение: быть может, мысль о том, что она убила Принца. Ода быстро села в кабриолет, молодой человек занял место рядом с ней и тотчас же хлестнул лошадь. Через секунду они обогнали медленно тащившуюся двуколку с сундучком и скрылись за выступом холма.

Как только Тэсс скрылась из виду и случившееся перестало быть интересным зрелищем, глаза малышей наполнились слезами. Младшая девочка сказала: «Я не хочу, чтобы бедная Тэсс уезжала и делалась знатной дамой!» – Рот ее искривился, и она расплакалась. Это оказалось заразительным: сестра последовала ее примеру, и, наконец, разревелись все трое.

Слезы были и на глазах Джоан Дарбейфилд, когда она повернулась, чтобы идти домой. Но когда они добрались до деревни, она уже снова уверовала в милость случая. Однако ночью, лежа в постели, она вздохнула и на вопрос мужа, что с ней, ответила:

– Сама хорошенько не знаю. Только я подумала сейчас, что было бы, пожалуй, лучше, если бы Тэсс не уехала.

– Ну, об этом нужно было думать раньше!

– Но девушке выпал случай... А все-таки, если бы начинать все сначала, я бы ее не отпустила, не разузнав заранее, действительно ли этот джентльмен добропорядочный молодой человек и интересуется ею как родственницей.

– Да, пожалуй, следовало бы это сделать, – проворчал сэр Джон.

Джоан Дарбейфилд всегда ухитрялась найти какое-нибудь утешение.

– Ну что ж, ведь она из их же древнего рода и должна с ними поладить, если пустит в ход свой козырь. А если он теперь на ней не женится, то женится после. Всякому видно, что он от нее без ума.

– А какой у нее козырь? Кровь д'Эрбервиллей?

– Нет, дурачок, – ее лицо; и у меня было такое же.

8

Усевшись рядом с Тэсс, Алек д'Эрбервилль, расточая ей комплименты, быстро погнал лошадь вдоль гребня холма; двуколка с сундучком осталась далеко позади. По обе стороны от них открывались необъятные просторы: сзади – зеленая долина, где она родилась, впереди – серая страна, о которой она знала лишь то, что успела увидеть во время первого короткого пребывания в Трэнтридже. Потом начался спуск – прямая дорога шла под уклон почти на протяжении мили.

С того дня, как погибла лошадь ее отца, Тэсс Дарбейфилд, хотя и смелая от природы, стала бояться езды, даже легкие толчки ее пугали. Сейчас она с беспокойством заметила, как неосторожно правит лошадью ее спутник.

– Я думаю, спускаться вы будете медленно, сэр? – сказала она с напускной беззаботностью.

Д'Эрбервилль повернулся к ней, прикусил сигару крупными белыми зубами, и губы его раздвинулись в медленную улыбку.

– Что же это, Тэсс? – сказал он, попыхивая сигарой. – Как можете вы, смелая девушка, задавать такой вопрос? Конечно, я всегда пускаю лошадь в галоп – самый лучший способ поднять настроение.

– Но, быть может, сейчас вам этого не нужно?

– Увы! – отозвался он, покачивая головой. – Считаться приходится с двумя. Я не один. Нельзя забывать о Тиб, а у нее капризный норв.

– Кто это?

– Да моя кобыла. Мне показалось, что она только что оглянулась и посмотрела на меня очень хмуро. Вы не заметили?

– Не надо пугать меня, сэр, – сдержанно сказала Тэсс.

– Я вас не пугаю. Если есть на свете человек, который мог бы справиться с этой лошадей, то человек этот – я. Я не утверждаю, что это вообще возможно, но если кто-нибудь имеет над ней власть, то это я.

– Зачем же вы держите такую лошадь?

– Вот об этом стоит спросить. Должно быть, такая моя судьба. Тиб уже убила одного парня, а как только я ее купил, она едва не убила меня. Затем – можете мне поверить – я едва не убил ее. Но она все-таки капризна, очень капризна; и порою иметь с ней дело – значит рисковать жизнью.

Они только что начали спускаться, и ясно было, что лошадь сама, или повинувшись его воле (последнее было более вероятно), прекрасно понимала, какого безрассудства от нее ждут, и не нуждалась в понукании.

Вниз, вниз мчались они! Колеса жужжали, как волчок, кабриолет кренился то вправо, то влево – он летел слегка наклонно, – круп лошади перед ними поднимался и опускался, как волна. Порой колесо приподнималось над землей, казалось, на много ярдов, камни, вертясь, летели через изгородь, из-под копыт лошади вырывались искры, видные даже при дневном свете. Прямая дорога перед ними словно расширялась, насыпи по сторонам раздвигались, как концы расщепленной палки, и пронеслись мимо.

Ветер продувал насквозь белое муслиновое платье Тэсс, а вымытые ее волосы развеивались за спиной. Она решила скрыть свой страх, но схватила д'Эрбервилля за руку, державшую вожжи.

– Отпустите руку! Нас может вышвырнуть, если вы будете это делать! Обнимите меня за талию.

Она обхватила его за талию, и так они спустились к подножию холма.

– Слава богу, целы, несмотря на ваше безумство! – сказала она; лицо ее пылало.

– Тэсс, фи! Вы сердитесь! – отозвался д'Эрбервилль.

– Я правду говорю.

– А как вы неблагодарны – перестали за меня держаться, как только почувствовали себя в безопасности!

Она не думала о том, что делает, когда, помимо своей воли, уцепилась за него; ей было все равно, мужчина это или женщина, палка или камень. Теперь, опомнившись, она ничего не сказала и продолжала хранить молчание, пока они не поднялись на вершину следующего холма.

– Ну вот, еще разок! – сказал д'Эрбервилль.

– Нет! – воскликнула Тэсс. – Прошу вас, сэр, будьте благоразумнее.

– Но когда люди оказываются на вершине одного из высочайших холмов в графстве, надо же им спуститься вниз, – возразил Алек.

Он ослабил вожжи, и снова они понеслись. Когда их начало швырять из стороны в сторону, д'Эрбервилль повернулся к ней и сказал с шуточной насмешкой:

– Ну-ка, красotka моя, обнимите меня за талию, как раньше.

– Ни за что! – с независимым видом отозвалась Тэсс и старалась удержаться, не прикасаясь к нему.

– Позвольте мне хоть разок поцеловать вас в губки, Тэсс, или хотя бы в эту разгоревшуюся щечку, и я остановлю лошадь, честное слово, остановлю!

Тэсс в безграничном удивлении отодвинулась как можно дальше. Тогда он снова погнал лошадь, и кабриолет стал раскачиваться еще сильнее.

– А без этого не остановитесь? – в отчаянии крикнула она наконец, и взгляд ее больших глаз напоминал взгляд дикого зверька. Напрасно мать наряжала ее – это привело к печальным последствиям.

– Не остановлюсь, дорогая Тэсс, – ответил он.

– Не знаю... Ну, хорошо, мне все равно! – тоскливо выговорила она.

Он натянул вожжи и, когда лошадь замедлила шаг, хотел было запечатлеть поцелуй на щеке Тэсс, но инстинктивная стыдливость заставила девушку отпрянуть. В руках он держал вожжи и не мог предупредить этот маневр.

– Черт возьми, теперь мы оба сломаем шею! – выругался ее капризный и пылкий спутник. – Так вот как вы держите слово, маленькая колдунья!

– Ну, хорошо, – сказала Тэсс. – Я не пошевельнусь, раз вы настаиваете! Но... я думала, вы будете добры ко мне, защитите меня... как родственник.

– К черту родственника! Ну!..

– Но я не хочу, чтобы меня целовали, сэр! – взмолилась Тэсс; крупная слеза скатилась у нее по щеке, уголки рта подергивались, она старалась не расплакаться. – Я бы не поехала, если бы знала!

Он был неумолим, и она умолкла, а д'Эрбервилль поцеловал ее, пользуясь преимуществом своего положения. Едва он это сделал, как она, вспыхнув от стыда, вынула носовой платок и вытерла то место на щеке, которого коснулись его губы. Движение это было бессознательное, и д'Эрбервилль почувствовал себя задетым.

– Очень уж вы чувствительны для деревенской девушки! – сказал он.

Тэсс ничего не ответила на это замечание, смысл которого был ей не совсем понятен, так как она не подозревала, что оскорбила его, вытерев машинально щеку. В сущности, она стерла поцелуй, насколько это было физически возможно. Смутно сознавая, что он рассержен, она упорно смотрела вперед, пока они ехали рысью, и вдруг с ужасом заметила, что им предстоит еще один спуск.

– Вы пожалеете об этом! – заговорил он все тем же обиженным тоном, снова заноса хлыст. – Если только не согласитесь добровольно на повторение... Но на этот раз без носовых платков.

Она вздохнула.

– Хорошо, сэр... Ай! Позвольте, я подниму шляпку!

В этот момент ветер сорвал с нее шляпу, так как они и в гору ехали отнюдь не медленно. Д'Эрбервилль остановил лошадь и сказал, что поднимет шляпу, но Тэсс уже выпрыгнула из экипажа.

Пройдя назад по дороге, она подняла шляпу.

– Клянусь, без шляпки вы еще лучше, если это только возможно! – сказал он, глядя на нее поверх спинки кабриолета. – Ну, садитесь! В чем дело?

Шляпа была надета, и ленты завязаны, но Тэсс не двинулась с места.

– Нет, сэр, – сказала она с торжеством и вызывающе улыбнулась, сверкнув зубами. – Теперь уж я не сяду!

– Как? Вы не хотите сесть рядом со мной?

– Да, я пойду пешком.

– До Трэнтриджа остается еще пять или шесть миль.

– А хоть бы и десять! К тому же за нами едет двуколка.

– Ах вы хитрая девчонка! А ну-ка скажите, уж не сами ли вы устроили так, чтобы с вас сорвало шляпу? Готов поклясться, что это так!

Ее неосторожное молчание подтвердило его подозрения.

Тогда д'Эрбервилль, не жалея бранных слов, стал ругать и проклинать ее за эту хитрость. Неожиданно дернув вожжами, он направил лошадь на Тэсс, чтобы зажать ее между изгородью и кабриолетом. Но этого он не мог сделать, не рискуя ее искалечить.

– Стыдно вам говорить такие нехорошие слова! – сердито крикнула Тэсс с верхушки изгороди, на которую взобралась. – Вы мне совсем не нравитесь! Я вас ненавижу! Я вас терпеть не могу! Я вернусь домой, к матери!

Ее гнев рассеял дурное настроение д'Эрбервилля, и он от души расхохотался.

– Ну, а вы мне еще больше нравитесь, – сказал он. – Давайте заключим мир. Больше я никогда не буду этого делать против вашей воли. Клянусь честью!

Но Тэсс так и не согласилась снова сесть в кабриолет. Однако она не возражала против того, чтобы д'Эрбервилль ехал рядом с ней; и так, шагком, приближались они к деревне Трэнтридж; время от времени д'Эрбервилль бурно выражал отчаяние, видя, что своим поведением принудил ее идти пешком. Теперь она действительно могла бы ему довериться, но один раз он обманул ее – и сейчас она упорствовала и шла задумчиво, словно размышляя о том, не благоразумнее ли вернуться домой. Однако решение было принято, и отступать от него теперь без более веских причин казалось чуть ли не ребячеством. Могла ли она, руководствуясь такими сентиментальными сообра-

жениями, забрать свой сундучок, вернуться к родителям и разрушить план восстановления семейного благополучия?

Несколько минут спустя показались трубы усадьбы «Косогор», а направо, в уютном уголке, – птичий двор и домик, предназначенный для Тэсс.

9

Птичья община, в которой Тэсс должна была играть роль надзирательницы, поставщика, няньки, врача и любящего друга, обитала в старом, крытом соломой домике, на обнесенной оградой утоптанной песчаной площадке, где когда-то был сад. Домик зарос плющом, и дымовая труба, увитая его густыми плетями, казалась разрушенной башней. Нижний этаж: целиком был отдан птицам, которые с видом собственников разгуливали по комнатам, словно дом был построен ими, а не какими-то арендаторами, ныне покоящимися на кладбище. Потомки этих прежних владельцев почувствовали себя глубоко оскорбленными, когда дом, который они любили, который стоил таких денег их предкам, в котором жило несколько поколений их семьи задолго до того, как здесь появились д'Эрбервилли, – когда этот дом миссис Сток-д'Эрбервилль, едва утвердившись в правах собственности, равнодушно превратила в курятник. «В дедовские времена дом был достаточно хорош и для людей», – говорили они.

В комнатах, где когда-то пищали десятки младенцев, слышалось теперь постукивание вылупливающихся из яиц цыплят. Клетки с курами помещались там, где некогда стояли стулья степенных земледельцев. Камин, в котором прежде пылал огонь, был заполнен перевернутыми ульями – в них неслись куры; а перед домом, где поколения прежних владельцев заботливо вскапывали участок лопатой, земля была отчаянно изрыта петухами.

Домик и участок окружала высокая ограда, и попасть туда можно было только через калитку.

На следующее утро Тэсс в течение часа занималась изменениями и улучшениями этого хозяйства, руководствуясь своим опытом – она ведь была дочерью куровода-профессионала, – как вдруг калитка распахнулась, и во двор вошла служанка в белом чепце и переднике. Явилась она из господского дома.

– Миссис д'Эрбервилль хочет, чтобы к ней, как всегда, принесли кур, – сказала она, но видя, что Тэсс не совсем поняла ее, пояснила: – Хозяйка у нас старая и совсем слепая.

– Слепая! – повторила Тэсс.

Не успев осознать, какие опасения вселила в нее эта новость, Тэсс, по указанию служанки, взяла на руки двух самых красивых птиц гамбургской породы и последовала за девушкой, тоже захватившей двух птиц, в господский дом, фасад которого, хотя красивый и внушительный, свидетельствовал о том, что кто-то из его обитателей питает любовь к домашней птице: тут всюду летали перья, а на траве стояли клетки.

В гостиной нижнего этажа в глубоком кресле, повернувшись спиной к свету, сидела владелица и хозяйка усадьбы – седая женщина лет шестидесяти, не больше. У нее было подвижное лицо человека, которому зрение изменяло постепенно и который пытался его сохранить, – ведь у людей, давно ослепших или слепых от рождения, лицо бывает застывшее. Тэсс приблизилась к ней, не выпуская свою пернатую ношу, – птицы сидели на обеих ее руках.

– А, вы та молодая женщина, которая будет смотреть за моими курочками? – сказала миссис д'Эрбервилль, услышав незнакомые шаги. – Надеюсь, вы будете ласковы с ними. Мой управляющий говорит, что на вас можно положиться. Ну, где же они? А, это Гордец! Но сегодня он, кажется, не так весел, как всегда? Должно быть, испугался, попав в чужие руки. И Фина тоже... да, они немножко испуганы. Правда, мои миленькие? Но они скоро к вам привыкнут.

В то время как старуха говорила, Тэсс и служанка, повинувшись ее жестам, посадили птиц к ней на колени, и она оглаживала их с головы до хвоста, ощупывая клювы, гребешки, воротнички у петухов, крылья их и лапы. Прикасаясь к ним, она тотчас же их узнавала и немедленно обнаруживала каждое сломанное или запачканное перышко. Она щупала им зоб и догадывалась, что они ели и не слишком ли мало или много; на лице ее живо отражались все ее впечатления.

Птицы, принесенные девушками, были затем водворены обратно на птичий двор, их сменили новые, и процедура осмотра продолжалась до тех пор, пока старухе не были предъявлены все любимые петухи и куры – гамбургги, бантамы, кохинхины, брамы, доркинги и другие породы, бывшие тогда в моде, – и когда птицу сажали к ней на колени, старуха, опознавая ее, редко ошибалась.

Тэсс это напомнило конфирмацию: миссис д'Эрбервилль была епископом, куры – конфирмуемой молодежью, а она сама и служанка – священником и викарием прихода, провожающими свою паству в церковь. По окончании церемонии миссис д'Эрбервилль, морща лицо и пожевывая губами, вдруг спросила Тэсс:

– Вы умеете свистеть?

– Свистеть, сударыня?

– Да, насвистывать мелодии.

Тэсс, как и большинство деревенских девушек, умела свистеть, но считала, что этим искусством не хвастаются в приличном обществе. Однако она вежливо ответила, что свистеть умеет.

– В таком случае вам придется заниматься этим каждый день. У меня служил мальчик, который очень хорошо свистел, но он ушел. Вы будете свистеть моим снегирям; видеть их я не могу, но мне приятно их слушать, а так они учатся петь. Покажите ей, где находятся клетки, Элизабет. Вы должны начать завтра, а то они забудут все, чему выучились. Вот уже несколько дней, как с ними никто не занимался.

– Мистер д'Эрбервилль свистел им сегодня утром, сударыня, – сказала Элизабет.

– Он? Вот еще!

Лицо старой дамы брезгливо сморщилось, и больше она не сказала ни слова.

Так закончилось свидание Тэсс с той, которую она считала своей родственницей, и куры были отнесены в птичник. Обращение миссис д'Эрбервилль не слишком удивило девушку – увидав, как велика усадьба, она и не ждала другого приема. Однако она и понятия не имела о том, что старая дама ничего не слышала об их так называемом родстве. Она решила, что слепая женщина и ее сын отнюдь не связаны крепкими узами любви. Но и в этом она также ошиблась. Миссис д'Эрбервилль была не единственной матерью, которой суждено питать к своему отпрыску любовь, окрашенную обидой и горечью.

Несмотря на неприятные впечатления первого дня, утром, когда засияло солнце, Тэсс почувствовала себя обосновавшейся здесь и порадовалась свободе и новизне своего положения. Ей не терпелось испробовать свои силы в искусстве, которое столь неожиданно от нее потребовалось, – ведь это решало, останется ли место за ней. И вот, едва Тэсс осталась одна в саду, обнесенном стеной, она уселась на клетку для кур и старательно выпятила губы, намереваясь заняться давно заброшенным искусством. С грустью она обнаружила, что совсем разучилась свистеть: выдувая воздух, она издавала только глухие замогильные звуки, и у нее не получалось ни одной чистой ноты.

Тщетно продолжала она дуть, испуская иногда досадливые восклицания и удивляясь, куда исчезла способность, которая казалась прирожденной, как вдруг заметила какое-то движение в плюще, обвивавшем ограду так же густо, как и коттедж. Взглянув в ту сторону, она увидела, что кто-то спрыгнул со стены на землю. Это был Алек д'Эрбервилль, которого она не видела со вчерашнего дня, когда он привел ее к дому садовника, где ей было отведено помещение.

– Клянусь честью, – воскликнул он, – не было еще ни в природе, ни в искусстве ничего прекраснее вас, кузина Тэсс! (Слово «кузина» звучало слегка иронически.) Я следил за вами из-за ограды. Вы, словно статуя Нетерпения, восседаете на пьедестале, складываете свои прелестные розовые губки, будто собираясь свистеть, дуете, дуете, ругаетесь про себя – и не можете извлечь ни одной ноты, и злитесь, потому что это вам не удастся.

– Я не злюсь, и я не ругалась.

– А! Я понимаю, почему вы это делаете! Снегири! Моя матушка хочет, чтобы вы продолжили их музыкальное образование! Как это эгоистично с ее стороны. Словно ухаживать за этими проклятыми петухами и курами – легкая работа! Будь я на вашем месте, я бы наотрез отказался.

– Но она особенно на этом настаивает и хочет, чтобы я приготовилась к завтрашнему утру.

– Вот как? Ну, в таком случае я дам вам один-два урока.

– Ах, нет, не надо! – сказала Тэсс, отступая к двери.

– Не бойтесь! Я не намерен вас трогать. Смотрите, я буду стоять по эту сторону проволочной сетки, а вы можете остаться по другую; тогда вы будете себя чувствовать в полной безопасности. Ну, глядите: вы слишком выпячиваете губы, надо вот так.

Он показал, как нужно складывать губы, и начал насвистывать песенку «Прочь уста – весенний цвет!». Но Тэсс не поняла намека.

– Попробуйте-ка теперь, – сказал д'Эрбервилль.

Она пробовала сохранить невозмутимый вид, лицо ее было сурово, как у статуи; но он настаивал, и наконец, чтобы отделаться от него, она, следуя его указаниям, вытянула губы трубочкой, но ей не удалось извлечь чистую ноту, и она смущенно рассмеялась, а потом покраснела от досады на себя за то, что рассмеялась.

Он подбадривал ее:

– Попробуйте еще раз.

Теперь Тэсс была серьезна, совсем серьезна и сделала еще одну попытку, – и наконец неожиданно ухитрилась издать чистый, приятный звук. Радость, вызванная удачей, была слишком велика – глаза Тэсс широко раскрылись, и она невольно улыбнулась ему.

– Вот так! Теперь, когда я дал вам толчок, дело пойдет на лад. Я сказал, что не подойду к вам, и, хотя ни одному смертному не выпадал на долю такой соблазн, я сдержу слово. А скажите, Тэсс, моя мать показалась вам странной?

– Я еще мало ее знаю, сэр.

– Ну и как ей не показаться странной, если она заставляет вас свистеть для своих снегирей. Я пока у нее в немилости, но вы завоюете ее благосклонность, если будете хорошо обращаться с птицами. До свидания. Если встретятся какие-нибудь затруднения и вам понадобится помощь, не ходите к управляющему, идите прямо ко мне.

Вот так Тэсс Дарбейфилд приступила к своей работе. Все последующие дни были, в сущности, повторением первого. Привычка быть в обществе Алека д'Эрбервилля, которую этот молодой человек старательно в ней развивал, заводя веселый разговор и шутливо называя ее своей кухней, когда они оставались вдвоем, – привычка эта почти избавила ее от прежней застенчивости, не вселив, однако, того чувства, какое может породить застенчивость иную и более нежную. Но податливее сделало ее не одно только общение с ним, а неизбежная зависимость от его матери и – вследствие относительной ее беспомощности – от него.

Вскоре она убедилась, что насвистывание мелодий снегирям в комнате миссис д'Эрбервилль было не таким уж трудным делом, когда она овладела этим искусством, так как у своей матери она переняла много песенок, подходивших для этих певцов. Насвистывать по утрам у клеток оказалось гораздо приятнее, чем упражняться в саду. Не стесненная присутствием молодого человека, она вытягивала губы, приближала их к прутьям клеток и рассыпала мелодичные трели для своих внимательных слушателей.

Миссис д'Эрбервилль спала на широкой кровати с шелковым пологом, а снегири помещались в той же комнате, где иногда порхали там на свободе, оставляя белые пятнышки на мебели и драпировке. Однажды, когда Тэсс стояла у окна, уставленного клетками, давая обычный урок, ей послышался шорох, доносившийся из-за кровати. Старой дамы в комнате не было, и оглянувшись, девушка заметила, что из-под бахромы занавесей высунулись носки башмаков. После этого она хотя и продолжала свистеть, но так нестройно, что слушатель, если таковой имелся, понял, что она подозревает о его присутствии. С тех пор она каждое утро заглядывала за занавеси, но никого там не находила. По-видимому, Алек д'Эрбервилль решил больше не пугать ее и не устраивать засад.

рали. Некоторые молодые женщины в Трэнтридже и его окрестностях отличались большим легкомыслием, что объяснялось, пожалуй, соседством «Косогора» и характером его владельца. Местность эта была отмечена еще одним, более постоянным пороком: здесь много пили. На окрестных фермах все разговоры обычно сводились к тому, что делать сбережения бесполезно; математики в рабочих блузах, облокотясь на плуг или мотыгу, производили блестящие вычисления, доказывая, что пособие, выдаваемое приходом, лучше может обеспечить человека на старости лет, чем какие бы то ни было сбережения, сделанные в течение целой жизни.

Эти философы пуще всего любили отправляться каждый субботний вечер, по окончании работ, в Чэзборо – городок, находившийся на расстоянии двух-трех миль и давно пришедший в упадок. Вернувшись на рассвете, они все воскресенье спали, исцеляя сном расстройство пищеварения, вызванное странной смесью, какую продавали им под видом пива монополисты, прибравшие к рукам прежде независимые трактиры.

В течение долгого времени Тэсс не принимала участия в этом еженедельном паломничестве. Но по настоянию замужних женщин, которые были лишь немногим старше ее, – ибо здесь, как повсюду, процветали ранние браки – она наконец согласилась пойти. Этот первый опыт был гораздо приятнее, чем она ожидала, – веселость товарок оказалась заразительной после недели однообразной работы на птичьем дворе. Она пошла еще раз и еще раз. Изящная и привлекательная, переживающая пору расцвета, она притягивала лукавые взгляды гуляк на улицах Чэзборо; поэтому, нередко отправляясь в городок одна, она с наступлением сумерек всегда отыскивала своих товарок, чтобы вернуться домой под их защитой.

Так продолжалось в течение следующих двух месяцев; наконец, в начале сентября субботний базарный день совпал с ярмаркой, и по этому случаю паломники из Трэнтриджа вдвойне веселились по трактирам.

Работа задержала Тэсс, она вышла поздно, и ее товарки добрались до города задолго до нее. Был чудесный сентябрьский вечер – тот час, когда перед заходом солнца желтые, тонкие, как волос, лучи борются с синеватыми тенями и воздух сам по себе рождает перспективу, не нуждаясь для этого в предметах крупнее бесчисленных кружащихся в нем крылатых насекомых. В этой сумеречной дымке не спеша шла Тэсс.

Только дойдя до городка, она узнала о том, что базарный день совпал с ярмаркой, а к тому времени уже начало темнеть. Она быстро покончила со своими немногочисленными покупками и потом, по обыкновению, начала искать кого-нибудь из обитателей Трэнтриджа.

Сначала она не могла их найти, и ей сказали, что почти все отправились к дому торговца сеном и торфом, имевшего дела с их фермой, чтобы там, в укромном месте, как они выражались, «отхватить джигу». Человек этот жил где-то на окраине городка, и Тэсс, отыскивая дорогу, вдруг увидела на углу одной из улиц мистера д'Эрбервилля.

– Как! Вы здесь, моя красotka? Так поздно? – сказал он.

Она объяснила ему, что поджидает попутчиков.

– Мы еще увидимся, – бросил он ей вслед, когда она свернула в глухой переулок.

Подходя к дому торговца, она уловила скрипичную мелодию джиги, доносившуюся из какого-то строения позади дома, но звуков пляски не было слышно – явление необычное в этих краях, где, как правило, топот заглушает музыку. Двери в доме были распахнуты настежь, и через заднюю дверь она разглядела сад, окутанный ночной тенью; никто не ответил на ее стук, и она, пройдя коридор, пошла по дорожке, ведущей к сараю, где взвизгивала скрипка.

Это было строение без окон, служившее складом, и оттуда, из открытых дверей, плыл во тьму яркий желтый туман, который Тэсс сначала приняла за светящийся дым. Но, подойдя ближе, она поняла, что это было облако пыли, освещенное свечами, горевшими в сарае; лучи их вырывались через раскрытую дверь в ночной простор сада.

Заглянув в сарай, она увидела неясные силуэты, метавшиеся в пляске, – топота не было слышно, потому что ноги танцоров по щиколотку утопали в торфяной трухе и всяком другом мусоре, чем и объяснялось возникновение пыльного облака, заполнившего весь сарай. Эта плавающая в воздухе затхлая торфяная и соломенная пыль, смешиваясь с горячими испарениями тел, образовала нечто вроде растительно-человеческой пылицы, и сквозь нее слабо пробивались

приглушенные звуки скрипок, отнюдь не отвечавшие той страсти, какая чувствовалась в пляске. Танцоры плясали и кашляли, кашляли и смеялись. Еле-еле можно было разглядеть проносившиеся пары, – во мгле казалось, будто сатиры обнимают нимф, множество Панов кружится со множеством Сириг и Лотис тщетно пытается ускользнуть от Приапа.

То и дело какая-нибудь пара подходила к двери подышать воздухом, – здесь туман уже не заволакивал лиц и полубоги превращались в простых людей, близких соседей Тэсс. Что за сумасшедшая перемена произошла за два часа с Трэнтриджем?

У стены, на скамьях и прессованном сене восседало несколько Силенов, и один из них узнал ее.

– Девушки считают неприличным плясать в «Лилии», – сказал он. – Не очень-то им хочется, чтобы все узнали, кто их миленький. А к тому же трактир иной раз закрывают, когда они только-только распляшутся. Вот мы и собираемся здесь, а за выпивкой посылаем.

– Но когда же кто-нибудь из вас пойдет домой? – с беспокойством спросила Тэсс.

– Теперь уж скоро. Это последняя джига.

Она осталась ждать. Пляска окончилась, и кое-кто начал поговаривать, что уже пора бы пуститься в обратный путь, но другие не соглашались, и начался новый танец. «Это уже наверняка последний», – решила Тэсс. Однако за ним последовал еще один. Она встревожилась, но, прождав так долго, она должна была ждать еще: по случаю ярмарки дороги кишели бродягами, и бог весть, что могло быть у них на уме. Тэсс не боялась реальной опасности – она боялась неведомого. Находись она близ Марлота, ей было бы не так страшно.

– Ну чего беспокоиться, милочка? – увещевал ее между припадками кашля молодой парень с лицом, мокрым от пота; его соломенная шляпа так далеко съехала на затылок, что поля обрамляли голову, как нимб – голову святого. – Куда спешить? Слава богу, завтра воскресенье, можно отоспаться во время церковной службы. Потанцуем?

Нельзя сказать, чтобы она не любила танцы, но здесь ей не хотелось плясать. А пляска становилась все более бурной; скрипачи, заслоненные светящимся облаком, то и дело пикировали тыльной стороной смычка или за кобылкой. Но это не имело значения: танцующие задыхались, но продолжали кружиться.

Парочки не разлучались, если им этого не хотелось. Менять кавалера или даму было принято лишь в том случае, если первый выбор оказывался неудачным, а теперь все пары были уже подобраны по вкусу. И вот начался экстаз, началось сновидение, в котором сущность вселенной – чувство, а реальность – только случайная помеха, останавливающая вихрь, в котором хочется кружиться.

Вдруг раздался глухой удар: одна из парочек споткнулась и растянулась на полу. Следующая пара налетела на упавших и свалилась на них. Над распростертыми фигурами поднялся столб пыли, и в пыльном облаке можно было разглядеть дергающиеся сплетенные руки и ноги.

– Дома я с тобой за это рассчитаюсь, миленький! – донесся из кучи тел женский голос – голос злополучной дамы того неуклюжего парня, по чьей вине произошло несчастье; она была не только его дамой, но и его молодой женой – в Трэнтридже молодожены обычно танцуют вместе, пока их любовь не остынет; да и в последующие годы семейные избегают выбирать холостых и незамужних, которые, быть может, уже договорились между собой.

В тени сада, за спиной Тэсс, раздался громкий смех, слившийся с хихиканьем в сарае. Она оглянулась и увидела красный огонек сигары. Там стоял Алек д'Эрбервилль. Он поманил ее, и она неохотно подошла к нему.

– Что вы здесь делаете, моя красавица, в такой поздний час?

Она так устала после долгого дня и ходьбы, что поделилась с ним своими заботами:

– Я очень долго ждала их, сэр, чтобы вместе с ними идти домой, потому что уже ночь, а я плохо знаю дорогу. Но больше ждать я не могу.

– И не ждите; сегодня я приехал сюда верхом, но если вы дойдете со мной до «Геральдической лилии», я найму двуколку и отвезу вас домой.

Тэсс была польщена, но она до сих пор не могла преодолеть прежнее свое недоверие к нему и предпочитала вернуться домой с работниками и работницами, хотя они и замешкались. Поэтому

она ответила, что очень благодарна ему, но не хочет его затруднять.

– Я им сказала, что буду их ждать, и они это знают.

– Ладно, глупышка, как хотите.

Когда он снова закурил сигару и отошел от нее, жители Трэнтриджа, сидевшие в трактире, вспомнили, что час поздний, и всей компанией принялись собираться в дорогу. Они разыскали свои узелки и корзинки и через полчаса, когда куранты пробили четверть двенадцатого, все уже плелись по проселочной дороге, которая поднималась на холм в том направлении, где пряталась в темноте их деревушка.

Нужно было пройти три мили по сухой белой дороге, которая казалась еще белее от лунного света.

Тэсс, шагая в середине толпы, вскоре заметила, что от свежего ночного воздуха мужчины, хлебнувшие лишнего, начинают покачиваться и идут зигзагами; некоторые из наиболее легкомысленных женщин тоже нетвердо держались на ногах: например, смуглая Кар Дарч – бой-баба, прозванная «Пиковой Дамой» и до последнего времени бывшая фавориткой д'Эрбервилля, ее сестра Нэнси, носившая прозвище «Бубновая Дама», и новобрачная, которая упала во время танцев. Хотя трезвый человек счел бы их в эту минуту грубыми и неуклюжими, сами они придерживались другого мнения. Шли они по дороге, но им казалось, будто они парят в воздухе, предаваясь мыслям оригинальным и глубоким, и сливаются с окружающей природой в единое, гармоничное и блаженное целое. Они были не менее величественны, чем луна и звезды над ними, а луна и звезды были так же пламенны, как они.

Тэсс, которой в доме отца из-за подобных радостей пришлось пережить много горьких минут, совсем расстроилась, заметив их состояние, и это открытие окончательно испортило ей прогулку при лунном свете. Однако, по вышеупомянутым причинам, она продолжала идти вместе с толпой.

По дороге они шли вразброд, но теперь им надо было свернуть на тропу, пересекавшую луг, обнесенный изгородью, и так как идущие впереди женщины замешкались у калитки, то за это время подошли все остальные.

Вожаком группы была Кар – Пиковая Дама, – которая несла плетеную корзинку со своими обновками и провизией, закупленной ее матерью на всю следующую неделю. Корзинка была большая и тяжелая; Кар для удобства поставила ее себе на голову и шла подбоченившись, удерживая ее в равновесии.

– Послушай, Кар Дарч, что это ползет у тебя по спине? – спросил вдруг кто-то из толпы.

Все посмотрели на Кар. По ее светлому ситцевому платью змеилась какая-то темная веревка, напоминавшая косу китайца. Она начиналась от затылка и оканчивалась значительно ниже талии.

– У нее волосы распустились, – отозвался другой.

Нет, это были не волосы: это была черная струйка, просачивающаяся из ее корзинки, и в холодных недвижных лучах луны она сверкала, как мокрая змея.

– Это патока, – сказала одна наблюдательная матрона.

Да, это была патока. Бедная старая бабушка Кар питала слабость к этому приторному лакомству; меду у нее было сколько угодно из ее собственных ульев, но она любила патоку, – и Кар хотелось неожиданно ее порадовать. Быстро сняв с головы корзинку, смуглая девушка обнаружила, что банка с патокой разбилась.

К этому времени, разглядев как следует чудную спину Кар, все окружающие уже покатывались со смеху, а раздосадованная Пиковая Дама думала только о том, как избавиться от непрошеного украшения без помощи насмешников. Выбежав на луг, который им предстояло пересечь, она легла на спину и, упираясь локтями в землю, принялась ерзать по траве, чтобы стереть патоку с платья.

Хохот стал громче; зрители цеплялись за калитку и столбы, опирались на палки и смеялись до колик, созерцая это зрелище. Наша героиня, которая до сих пор сохраняла серьезность, вдруг не выдержала и тоже громко рассмеялась.

Этот смех оказался роковым – во многих отношениях. Едва лишь Пиковая Дама расслышала

среди общего хохота звонкий, мелодичный смех Тэсс, как долго тлевшая в ее душе ненависть к сопернице внезапно вспыхнула, доведя ее до исступления. Она вскочила с травы и в ярости кинулась к Тэсс.

– Как ты смеешь смеяться надо мной, девка? – крикнула она.

– Право же, я не могла удержаться, когда все смеялись, – извиняющимся тоном сказала Тэсс, все еще смеясь.

– А ты думаешь, что ты лучше всех, да? Потому что теперь ты у него первая любовница? Ну, подождите, миледи, подождите! Я стою двух таких, как вы! Сейчас я тебе покажу!

К ужасу Тэсс, Пиковая Дама начала расшнуровывать корсаж – в сущности, она рада была от него избавиться, так как он был весь в патоке, – и обнажила свою полную шею, плечи и руки, которые в лунном свете казались сияющими и прекрасными, словно созданные Праксителем: у этой деревенской красотки они были безупречной формы. Она сжала кулаки и двинулась на Тэсс.

– Не буду я драться! – величественно сказала Тэсс. – И знай я, какова ты есть, не стала бы мараться и пошла бы одна – я с потаскухами дела не имею!

К сожалению, эта реплика допускала слишком широкое толкование, и на злополучную голову красавицы Тэсс посыпались ругательства, срывавшиеся и с других уст, в особенности с уст Бубновой Дамы, которая, находясь с д'Эрбервиллем в тех отношениях, какие приписывались и Кар, объединилась с последней против общего врага. Их поддержали и другие женщины, проявив при этом такую злобу, что лишь очень весело проведенный вечер мог объяснить, почему у них не хватило ума ее скрыть. Считая Тэсс незаслуженно оскорбленной, мужья и любовники попытались восстановить мир, заступаясь за девушку, но эта попытка только подлила масла в огонь.

Тэсс была вне себя от негодования и стыда. Теперь она уже не боялась ни позднего времени, ни-возвращения домой в одиночестве; единственным ее желанием было поскорее избавиться от всей компании. Она прекрасно знала, что лучшие из них пожалеют на следующий день о своей вспышке. К этому времени все они уже вышли на луг, и Тэсс начала тихонько пятиться, чтобы выбраться из толпы и убежать, как вдруг из-за угла изгороди, заслонявшей дорогу, показался прибившийся неслышно всадник. Это был Алек д'Эрбервилль.

– Какого черта вы так расшумелись? – спросил он.

Объяснение заставило себя ждать, да он, в сущности, и не нуждался в нем. Еще издали, услышав возбужденные голоса, он поехал тише и узнал достаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Тэсс стояла в стороне, недалеко от калитки: Он наклонился к ней.

– Прыгайте в седло, и мы удерем от этих визгливых кошек! – шепнул он.

Она была близка к обмороку, так остро она ощущала все происходящее. При всяких других обстоятельствах она отказалась бы от его помощи, как отказывалась уже не раз, и даже чувство одиночества не принудило бы ее поступить иначе. Но приглашение последовало в ту минуту, когда страх и негодование, внушенные врагами, могли благодаря одному движению превратиться в торжество над ними, и Тэсс, подчиняясь порыву, поставила ногу на носок его сапога, подпрыгнула и очутилась в седле позади него.

Они уже скрылись во мраке, когда пьяные забияки сообразили наконец, в чем дело.

Пиковая Дама, забыв о пятне на своем корсаже, встала рядом с Бубновой Дамой и подвыпившей новобрачной, – все трое напряженно смотрели в ту сторону, откуда, замирая, доносился топот.

– Куда вы смотрите? – спросил один работник, не заметивший, что произошло.

– Хо-хо-хо! – захохотала смуглая Кар.

– Хи-хи-хи! – захихикала подвыпившая молодка, опираясь на руку любящего мужа.

– Ха-ха-ха! – вторила мать смуглой Кар и, поглаживая свои усики, коротко объяснила: – Из огня да в полымя!

А затем эти дети природы, которым даже чрезмерное количество спиртного не причиняло большого вреда, побрели по тропинке, пересекающей луг, и вместе с ними двигались их тени, а головы теней обведены были опаловым кругом – лунным сиянием на сверкающей росе. Каждый видел только свой ореол, который не покидал его тени, как бы вульгарно она ни раскачивалась из

стороны в сторону, – наоборот, тем теснее казался он с ней связанным, украшая ее и преображая; и вот уже спотыкающиеся движения стали неотъемлемой частью сияния, а насыщенное алкоголем дыхание претворилось в туманы ночи – дух темного луга, лунного света, самой природы слился в единую гармонию с духом пьяного веселья.

11

Сначала лошадь скакала легким галопом, а парочка хранила молчание. Тэсс, цепляясь за своего спутника, все еще переживала свой триумф, но у нее уже возникали и опасения. Она заметила, что ехали они не на той горячей лошади, на которой он иногда ездил, и, хотя ей трудно было держаться в седле, волновалась не по этому поводу. Она попросила его пустить лошадь шагом, и Алек послушно исполнил ее просьбу.

– Чисто было сделано, не правда ли, милая Тэсс? – спросил он затем.

– Да! – ответила она. – И я, конечно, должна быть вам очень благодарна.

– А вы благодарны?

Она промолчала.

– Тэсс, почему вам так неприятно, когда я вас целую?

– Я думаю, потому... что я вас не люблю.

– Вы уверены?

– Иногда я сержусь на вас.

– А! Я этого опасался. – Однако Алек не возражал против такого признания: что угодно – только не холодность. – Почему, когда я вас рассердил, вы мне об этом не сказали?

– Вы прекрасно знаете почему. Потому что здесь я чувствую себя зависимой.

– Я не часто обижал вас ухаживанием.

– Иногда обижали.

– Сколько раз?

– Вы знаете не хуже, чем я, – слишком часто.

– Каждый раз, как я старался вам понравиться?

Она ничего не ответила. Довольно долго лошадь шла иноходью, пока наконец их не окутал слабый светящийся туман, поднявшийся из ложбин и оврагов, где он клубился еще на закате. И в тумане лунный свет казался еще ярче, чем ясной ночью. По этой ли причине, а может быть, по рассеянности или потому, что у нее глаза слипались, но Тэсс не заметила, что они давно уже миновали то место, где от главной дороги ответвлялась проселочная дорога, ведущая к Трэнтриджу, и что спутник ее не свернул на эту дорогу.

Она невыразимо устала. Всю неделю она вставала в пять часов утра и целыми днями не присаживалась, сегодня вечером прошла вдобавок три мили пешком до Чэзборо, ждала три часа своих товаров и ничего не ела и не пила, охваченная нетерпением поскорее вернуться домой; потом прошла пешком еще милью и пережила бурное волнение ссоры, а теперь было уже около часу ночи. Но по-настоящему задремала она только один раз. И тогда в забытьи на секунду прислонилась к нему.

Д'Эрбервилль вынул ногу из стремени, повернулся в седле и обнял ее за талию, не давая упасть.

Тэсс мгновенно очнулась и, подчиняясь одному из тех порывов бессознательного протеста, которые были ей свойственны, слегка оттолкнула его. Он с трудом сохранил равновесие и не упал только потому, что лошадь, на которой ехал, была хотя и сильная, но очень смиренная.

– Это чертовски несправедливо! – воскликнул он. – Я ничего дурного не имел в виду, хотел только поддержать вас.

Она недоверчиво обдумывала его слова; наконец, решив, что это походке на правду, смягчилась и сказала смиренно:

– Простите меня, сэр.

– Не прощу, если вы не будете хоть сколько-нибудь мне доверять. Черт возьми! – не выдержал он. – И долго я буду терпеть, чтобы меня отталкивала какая-то девчонка? Вот уже скоро три

месяца, как вы смеетесь над моими чувствами, избегаете меня, браните. Я этого сносить не намерен.

– Завтра я уйду от вас, сэр.

– Нет, завтра вы от меня не уйдете! Я еще раз прошу, докажите, что вы доверяете мне, и позвольте обнять вас за талию! Послушайте, сейчас мы одни. Друг друга мы знаем хорошо, и вы знаете, что я вас люблю и считаю самой хорошенькой девушкой в мире. Да это так и есть! Могу я ухаживать за вами, как влюбленный?

Она тревожно перевела дыхание, смущенно повернулась в седле и, глядя вдаль, прошептала:

– Не знаю... я бы хотела... как могу я сказать «да» или «нет», когда...

Он разрешил вопрос, обняв ее, как ему хотелось, и Тэсс больше не протестовала. Так сидели они бок о бок, пока ей не пришлось в голову, что едут они бесконечно долго, значительно дольше, чем полагается ехать из Чэзборо даже шагом, и едут не по проезжей дороге, а по простой тропе.

– Да где же это мы? – воскликнула она.

– Проезжаем лес.

– Лес... какой лес? Да ведь это совсем не по дороге.

– Это Заповедник – самый старый лес в Англии. Ночь чудесная, и почему бы нам не продлить нашей прогулки?

– Как могли вы меня так обмануть? – сказала Тэсс не то кокетливо, не то испуганно и освободилась от обнимавшей ее руки, отогнув его пальцы один за другим, хотя и рисковала соскользнуть с лошади. – И как раз теперь, когда я вам доверилась и не стала с вами спорить, чтобы доставить вам удовольствие, потому что думала, что зря вас обидела, оттолкнув. Пожалуйста, дайте мне сойти с лошади, я пойду домой пешком.

– Вы не могли бы идти пешком, милочка, даже если бы ночь была ясная. Должен вам сказать, что мы находимся за много миль от Трэнтриджа, туман сгущается, и вы всю ночь будете блуждать по лесу.

– Ничего! Прошу вас, спустите меня, – упрасивала она. – Мне все равно, где бы мы ни находились, только, прошу вас, сэр, дайте мне сойти с лошади!

– Хорошо, согласен, но при одном условии. Я вас завез в эти глухие места, и, что бы вы об этом ни думали, на мне лежит ответственность за ваше благополучное возвращение домой. Идти вам одной в Трэнтридж невыносимо, потому что, говоря правду, дорогая моя, я и сам хорошенько не знаю, где мы находимся, – в этом тумане даже знакомые места кажутся незнакомыми. Я охотно дам вам здесь сойти, если вы обещаете подождать возле лошади, а я пойду бродить по лесу, пока не найду дороги или какого-нибудь дома и не узнаю точно, где мы находимся. Когда я вернусь и укажу вам направление, вы можете поступить как угодно: хотите идти пешком – идите, хотите ехать – поедем.

Она приняла эти условия и соскользнула с лошади, но Алек успел ее поцеловать и спрыгнул с другой стороны.

– Я должна держать лошадь? – спросила она.

– В этом нет необходимости, – ответил Алек, поглаживая тяжело дышавшее животное. – Сегодня ей уж никуда бежать не захочется.

Он повернул лошадь головой в кусты и привязал к суку; потом устроил для Тэсс гнездышко из опавших листьев.

– Посидите тут, – сказал он. – Листья не пропустят сырости. Посматривайте изредка на лошадь – этого вполне достаточно.

Он отошел от нее на несколько шагов, потом вернулся и сказал:

– Кстати, Тэсс, сегодня кто-то подарил вашему отцу нового жеребца.

– Кто-то? Вы!

Д'Эрбервилль кивнул.

– О, какой вы добрый! – воскликнула она, мучительно сознавая, как некстати случилось, что благодарить его она принуждена именно теперь.

– А дети получили игрушки.

– Я не знала... что вы им что-нибудь посылали, – прошептала она, растроганная. – И почти

жалею, что вы это сделали... да, почти жалею.

– Почему, дорогая?

– Это меня очень... стесняет.

– Тэсси, неужели вы не любите меня хоть чуточку?

– Я благодарна вам, – неохотно призналась она, – но боюсь, что не...

Внезапно поняв, что он действовал под влиянием страсти, она опечалилась: слезинка медленно скатилась у нее по щеке, за первой последовала вторая, и Тэсс расплакалась.

– Не плачьте, милая, дорогая! Ну, сядьте здесь и подождите, пока я приду.

Безвольно она села на собранную им кучу листьев и слегка вздрогнула.

– Вам холодно?

– Не очень... чуть-чуть.

Он коснулся ее платья, и его пальцы словно утонули в пене.

– На вас только это воздушное муслиновое платье... как же так?

– Это мое лучшее летнее платье. Когда я вышла из дому, было очень тепло, и я не знала, что мне придется ехать, да еще ночью.

– Ночи в сентябре холодные. Подождите-ка...

Сняв с себя легкое пальто, он нежно накинул его ей на плечи.

– Вот так, теперь вы согреетесь, – сказал он. – Отдыхайте, моя красавица, я скоро вернусь.

Застегнув пальто у нее под подбородком, он нырнул в паутину тумана, который к тому времени уже клубился между деревьями. Она слышала, как шуршали ветки, когда он взбирался на холм, потом шум стал глуше, напоминая шорох птицы, и, наконец, замер. Луна заходила, бледный свет тускнел, и Тэсс, погруженную в мечты, нельзя было разглядеть на ковре из листьев, где он ее оставил.

Алек д'Эрбервилль поднимался по склону, так как действительно не был уверен, в какой части Заповедника они находятся. По правде говоря, последний час он ехал куда глаза глядят, сворачивая наобум, только чтобы затянуть прогулку, и обращал больше внимания на залитую лунным светом Тэсс, чем на дорожные приметы. Теперь, отыскивая дорогу, он не спешил, так как измученная лошадь нуждалась в отдыхе. Спустившись с холма в прилегающую долину, он увидел изгородь, а за ней дорогу, которую узнал, и вопрос об их местонахождении был решен. Д'Эрбервилль повернул назад. Но к тому времени луна закатилась, и окутанный туманом Заповедник погрузился в глубокую тьму, хотя утро было уже близко. Вынужденный идти с протянутыми вперед руками, чтобы раздвигать ветви, д'Эрбервилль вскоре обнаружил, что найти место, откуда он начал поиски, не так-то легко. Бродя вокруг, то взбираясь на холм, то спускаясь, он услышал наконец шорох – лошадь была от него в двух шагах – и неожиданно задел ногой рукав своего пальто.

– Тэсс! – окликнул д'Эрбервилль.

Ответа не было. В непроницаемой тьме он видел у своих ног только бледное облачко, – там, где оставил на куче сухих листьев девушку в белом муслиновом платье. Все остальное вокруг сливалось в черноту. Д'Эрбервилль наклонился и услышал тихое, ровное дыхание. Он опустился на колени, склонился ниже, почувствовал ее теплое дыхание на своем лице, и через секунду его щека коснулась ее щеки. Тэсс крепко спала, а на ресницах ее еще не высохли слезинки.

Кругом правили тьма и молчание. Над ними вставали вековые тисы и дубы Заповедника, в ветвях которых приютились птицы, досыпая последний предутренний сон, а на земле прыгали кролики и зайцы. Но где же был ангел-хранитель Тэсс? Где было провидение, в которое она простодушно верила? Или, подобно другому богу, о котором говорит скептический Фесвитянин, оно развлекалось беседой с кем-нибудь, кого-нибудь преследовало либо просто путешествовало? А может быть, оно спало и не желало просыпаться?

Почему случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и в сущности чистая, как снег, обречена была носить клеймо? В течение тысячелетий умозрительная философия не могла нам, жаждущим гармонии, объяснить: почему так часто грубое берет верх над прекрасным, почему хорошей женщиной завладевает недостойный мужчина, а хорошим мужчиной – недостойная женщина. Остается, конечно, допустить, что эта катастрофа могла быть воз-

мездием. Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу предков Тэсс д'Эрбервилль, возвращаясь навеселе домой после битвы, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью. Но если возмездие, карающее детей за грехи отцов, и может, с точки зрения морали, удовлетворить богов – заурядный человек такую мораль презирает, и потому она не исправит дела.

Земляки Тэсс в своей глуши не устают со свойственным им фатализмом твердить друг другу: «Так было суждено». А это печально. Отныне неизмеримая пропасть должна отделять нашу героиню от той девушки, которая ушла из дома матери, чтобы попытаться счастья на птичьей ферме в Трэнтридже.

ФАЗА ВТОРАЯ «БОЛЬШЕ НЕ ДЕВУШКА»

12

Корзинка была тяжелая, а узел большой, но она тащила их, как человек, который не обращает особого внимания на материальную ношу. Иногда, чтобы отдохнуть, она машинально останавливалась у какой-нибудь калитки или столба, потом, подхватив вещи полной, круглой рукой, снова шла вперед.

Было воскресное утро в конце октября; около четырех месяцев прошло с тех пор, как Тэсс Дарбейфилд приехала в Трэнтридж, и всего несколько недель после ночной поездки в Заповедник. Недавно рассвело, и желтое сияние на горизонте за ее спиной освещало гряды холмов, к которой обращено было ее лицо, – барьер, замыкающий долину, где она так давно не была, который предстояло ей преодолеть, чтобы вернуться туда, где она родилась. С этой стороны подъем был некрутой, а пейзаж и почва в этой местности резко отличались от пейзажа и почвы Блекмурской долины. Даже нравы и наречия людей, разделенных холмистой грядой, были чем-то различны, несмотря на связывающую их железную дорогу; поэтому родная деревня Тэсс, находившаяся только в двадцати милях от Трэнтриджа, казалась местом очень отдаленным. Крестьяне, запертые там, в долине, вели торговлю на севере и западе, ездили на север и на запад, там же ухаживали и женились, и мысли их устремлены были на север и запад, тогда как жившие по эту сторону гряды направляли свое внимание и энергию на восток и юг.

Склон был тот самый, с которого д'Эрбервилль так бешено мчал ее в памятный июньский день. Не останавливаясь, Тэсс поднялась на вершину холма и, дойдя до края откоса, посмотрела вдаль, на знакомый зеленый мир, пока окутанный полупрозрачной дымкой. Отсюда он всегда был прекрасен, но сегодня он казался Тэсс особенно прекрасным, ибо она познала с тех пор, как видела его в последний раз, что змея шипит там, где неясно поют птицы, – и после этого урока взгляд ее на жизнь стал совсем иным. Поистине другой девушкой – не той, что жила в родном доме, – была она теперь, когда стояла здесь, склонившись под бременем мыслей. Потом она оглянулась и посмотрела назад. Не могла она смотреть вперед, на долину.

На длинной белой дороге, по которой она только что прошла, Тэсс увидела двухколесный экипаж и шедшего подле него человека, который поднял руку, чтобы привлечь ее внимание.

Повинуясь знаку, она с бездумным спокойствием ждала его, и через, несколько минут человек и лошадь остановились подле нее.

– Зачем ты улизнула тайком? – с упреком спросил запыхавшийся д'Эрбервилль. – Да еще в воскресное утро, когда все спят. Я узнал об этом случайно и скакал, как черт, чтобы догнать тебя. Ты только взгляни на кобылу. Зачем было удирать? Ты знала – никто не помешал бы тебе уйти. И незачем было тебе плестись пешком и тащить такую тяжесть. Я скакал как сумасшедший только для того, чтобы подвезти тебя, если ты не хочешь вернуться.

– Я не вернусь, – отозвалась она.

– Так я и думал. Ну, клади свои узлы, и дай я подсажу тебя.

Она небрежно бросила корзину и узел в кабриолет, влезла в него, и они сели рядом. Теперь

она нисколько его не боялась, но причина этого доверия и делала ее несчастной.

Д'Эрбервилль машинально закурил сигару, и они продолжали путь; иногда перебрасывались двумя-тремя вялыми словами о том, что виднелось у дороги. Он совсем забыл о том, как попытался насильно поцеловать ее, когда они в начале лета ехали тем же путем, но в противоположную сторону. Зато она не забыла и теперь сидела, как марионетка, односложно отвечая на его замечания. Вдали показалась рощица, за которой находилась деревня Марлот. И только тогда волнение отразилось на неподвижном лице Тэсс и две слезы скатились по ее щекам.

– О чем ты плачешь? – холодно спросил он.

– Я только подумала, что родилась там, – прошептала она.

– Ну что ж, все мы должны были где-нибудь родиться.

– Хорошо, если бы я совсем не родилась... ни там, ни в другом месте.

– Вздор! Ну, а если ты не хотела ехать в Трэнтридж, зачем же ты приехала?

Она не ответила.

– Готов поклясться, что приехала ты не из любви ко мне.

– Это верно. Если бы я поехала из любви к вам, если бы хоть когда-нибудь вас любила, если бы любила и теперь, я бы так не презирала и не ненавидела себя за свою слабость, как ненавижу сейчас! Вы ненадолго вскружили мне голову, вот и все.

Он пожал плечами, а она продолжала:

– Я не понимала, чего вы добивались, пока не стало слишком поздно.

– Так говорит каждая женщина.

– Как вы смее! – крикнула она, резко повернувшись к нему, и глаза ее вспыхнули, когда в ней проснулась дремлющая сила духа (с которой впоследствии предстояло ему познакомиться ближе). – Боже мой! Я готова вышвырнуть вас из экипажа. То, что говорит каждая женщина, иные из них чувствуют. Неужели вам никогда не приходило это в голову?

– Ну, хорошо! – засмеялся он. – Жалею, что тебя обидел. Признаюсь, я виноват. – И с легкой горечью он продолжал: – Но все-таки тебе не следовало без конца упрекать меня за это. Я готов оплатить все до последнего фартинга. Ты знаешь, что теперь тебе не нужно работать на поле или молочных фермах, знаешь, что можешь носить лучшие платья, – а последнее время ты нарочно одеваешься как можно проще, словно у тебя даже на лишнюю ленту нет денег.

Уголки ее губ слегка опустились, хотя великодушному привязчивому характеру Тэсс, в сущности, не была свойственна презрительность.

– Я сказала, что больше ничего не буду у вас брать, – и не возьму, не могу взять. Если бы я продолжала бы это делать, тогда я действительно была бы вашей, а я не хочу.

– Судя по твоим манерам, можно подумать, что ты не только подлинная и бесспорная д'Эрбервилль, но вдобавок еще и принцесса – ха-ха! Ну, милая Тэсс, больше мне нечего сказать. Должно быть, я скверный человек, чертовски скверный. Скверным я родился, скверно жил и – что весьма возможно – скверным и умру. Но клянусь своей пропащей душой, больше я не причиню тебе зла, Тэсс. И если возникнут некоторые осложнения – ты понимаешь? – если ты будешь хоть в чем-нибудь нуждаться или столкнешься с какими-нибудь затруднениями, напиши мне одну строчку, и ты получишь все, чего бы ни потребовалось. Быть может, меня не будет в Трэнтридже... на время я уеду в Лондон – не могу выносить старуху, – но все письма будут мне пересылать.

Она сказала, что не хочет ехать с ним дальше, и они остановились возле рощицы. Д'Эрбервилль спрыгнул первый, подхватил Тэсс на руки, поставил на землю, а затем положил подле нее ее вещи. Она кивнула ему, и на секунду глаза их встретились, а потом отвернулась, чтобы взять вещи и уйти.

Алек д'Эрбервилль вынул изо рта сигару, наклонился к ней и сказал:

– Ты не уйдешь от меня так, дорогая? Ну?

– Как хотите, – равнодушно ответила она. – Видите, какой покорной я стала!

Она повернулась, приблизила к нему свое лицо и стояла, словно мраморная статуя, пока он целовал ее в щеку, – поцелуй был, пожалуй, небрежен, хотя страсть не совсем еще угасла. Рассеянно смотрела она на дальние деревья, оставаясь совершенно безразличной к тому, что он делал.

– А теперь другую щеку – ради старого знакомства.

Она повернула голову так же безучастно, как это делают по просьбе художника или парикмахера, и он снова поцеловал ее; губы его коснулись ее щеки, влажной, гладкой и прохладной, как кожица грибов, которые росли вокруг них.

– Ты не даешь мне своих губ и не целуешь меня. Ты никогда не делаешь этого по своей воле; боюсь, ты никогда меня не полюбишь.

– Я это часто говорила. Это правда. Я никогда по-настоящему вас не любила и думаю, что не могу любить. – Она добавила уныло: – Быть может, сейчас ложь принесла бы мне больше пользы... Но настолько хватает у меня честности – хотя и мало ее осталось, – чтобы не солгать. Если бы я вас любила, у меня были бы все основания сказать это вам. Но я не люблю.

Он тяжело вздохнул, словно с этой сценой не мирилась его душа, совесть или добропорядочность.

– Глупо, что ты так грустна, Тэсс. Мне незачем льстить тебе теперь, и я могу смело сказать, что по красоте ты не уступаешь ни одной женщине в наших краях – ни простолюдинке, ни аристократке. Я это тебе говорю как человек практичный и твой доброжелатель. Будь разумной, и пока красота не увяла, показывай ее людям больше, чем показываешь теперь. А все-таки, Тэсс, не вернешься ли ты ко мне? Честное слово, мне неприятно так отпускать тебя.

– Никогда, никогда! Я это решила, как только поняла... то, что должна была понять раньше. И я не вернусь.

– Ну так всего хорошего, моя кузина на четыре месяца... до свидания!

Он легко вскочил в экипаж, взял вожжи и поехал по дороге между высокими живыми изгородями, усыпанными красными ягодами.

Тэсс не смотрела ему вслед, она медленно брела по извилистой тропе. Было еще рано, и хотя солнце уже поднялось над холмом, лучи его, невеселые и редкие, были только видимы глазу, но не грели. Вблизи не было видно ни одного человека. Печальный октябрь и печальная Тэсс, казалось, были единственными теньями на этой проселочной дороге.

Но вот чьи-то шаги послышались за ее спиной – шаги мужчины; а так как шел он быстро, то догнал ее и сказал «доброе утро», едва она успела заметить, что за ней идут. Он походил на ремесленника и нес жестянку с красной краской. Деловым тоном он спросил, не помочь ли ей нести корзинку, на что Тэсс согласилась и пошла рядом с ним.

– Раненько встали для воскресного утра, – весело сказал он.

– Да, – отозвалась Тэсс.

– Народ еще спит после трудовой недели.

Она и с этим согласилась.

– Хотя я настоящее дело делаю сегодня, а не в будни.

– Вот как?

– Целую неделю я работаю во славу людей, а по воскресеньям – во славу божию. Это стоит большего, а? Вот здесь, у этого перелаза, мне нужно поработать.

С этими словами он остановился у перелаза в изгороди, окружавшей пастбище.

– Подождите минутку, я вас не задержу.

Так как ее корзинка была у него, то ей ничего иного не оставалось. От нечего делать она наблюдала за ним. Он поставил ее корзинку и жестянку на землю, размещал краску кистью, торчавшей в жестянке, и стал выводить большие квадратные буквы на средней из трех досок перелаза, ставя после каждого слова запятую, словно желая дать передышку, чтобы слово проникло в сердце читающего:

ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ.

2-е Посл. ап. Петра, П, 3.

На фоне мирного пейзажа, бледных, блеклых тонов роши, голубого неба и замшелых досок перелаза эти алые слова выглядели особенно яркими. Казалось, они выкрикивали себя и звенели в воздухе. Быть может, кто-нибудь и воскликнул бы: «Увы, бедное богословие!» – при виде этого отвратительного искажения – последней нелепой фазы религии, которая в свое время хорошо по-

служила человечеству, – но в душу Тэсс они проникли как беспощадное обвинение. Словно этот человек знал все, что с ней случилось; однако она видела его впервые.

Дописав это изречение, он подхватил ее корзинку, и Тэсс машинально последовала за ним.

– Вы верите в то, что пишете? – тихо спросила она.

– В эти апостольские слова? Верю ли я в то, что живу?

– Но допустим, – с дрожью в голосе продолжала она, – человек не стремился к греху?

Он покачал головой.

– Дело это такое важное, что я не могу вдаваться в тонкости. Этим летом я прошел сотню миль, исколесил вдоль и поперек всю округу и на всех стенах, калитках и перелазгах писал слово божие. А толкование я предоставляю сердцам людей, которые их читают.

– По-моему, они ужасны, – сказала Тэсс. – Жестоки! Убийственны!

– Такими они и должны быть! – ответил он тоном профессионала. – А вот почитали бы вы самые мои горяченькие изречения – я их приберегаю для трущоб и морских портов. Прямо в дрожь бросает! Ну, а это очень хорошее изречение для сельской местности... А... вон там, у амбара, чистый кусок стены пропадает зря. Напишу-ка я заповедь – ту, которую полезно помнить опасным красоткам вроде вас. Вы подождете, мисс?

– Нет, – сказала она.

И взяв свою корзинку, Тэсс пошла дальше. Отойдя на несколько шагов, она оглянулась. Старая серая стена начала покрываться огненными письменами, и вид у нее был странный, непривычный, словно ее угнетала эта новая обязанность, которая возлагалась на нее впервые. И вдруг Тэсс, вспыхнув, поняла, какова будет надпись, дописанная им до половины:

ТЫ, НЕ, СОТВОРИШЬ...

Ее веселый приятель, заметив, что она оглянулась, придержал свою кисть и крикнул:

– Если захотите порасспросить о тех вещах, о каких мы с вами толковали, то сегодня в том приходе, куда вы идете, будет говорить проповедь один очень ревностный священник, мистер Клэр из Эмминстера. Я теперь расхожусь с ним в убеждениях, но человек он хороший и объяснит все не хуже любого другого священника. Он-то и заронил в меня искру.

Но Тэсс ничего не ответила; охваченная волнением, она пошла дальше, не отрывая глаз от земли.

– Вздор! Не верю я, чтобы бог говорил такие вещи! – сказала она презрительно, когда румянец сбежал с ее лица.

Перистый дымок внезапно вырвался из трубы отцовского дома, при виде которого у нее сжалось сердце. И еще тяжелее стало на сердце, когда она вошла в комнату. Мать только что спустилась вниз, теперь стояла на коленях перед очагом, подкладывая дубовые ветки под котелок с завтраком, повернулась к ней. Дети были еще наверху, как и отец, который по случаю воскресенья считал себя вправе полежать лишние полчаса.

– Как? Тэсс, милая! – изумленно воскликнула мать, вскакивая и целуя девушку. – Ну, как же ты живешь? А я тебя и не заметила, пока ты не подошла ко мне. Ты приехала домой справить свадьбу?

– Нет, мать, я не за тем приехала.

– Значит, на праздник?

– Да, и это будет долгий праздник, – сказала Тэсс.

– А разве твой кузен не собирается поступить по-хорошему?

– Он мне не кузен, и он не собирается на мне жениться.

Мать пристально посмотрела на нее.

– Послушай, ты мне не все сказала, – проговорила она.

Тогда Тэсс подошла к матери, спрятала лицо на ее груди и рассказала ей все.

– И ты все-таки не заставила его на тебе жениться? – сказала мать. – Любая женщина добилась бы этого – только не ты!

– Может, это и правда – любая добилась бы, только не я.

– Вот тогда бы было тебе с чем вернуться домой! – продолжала миссис Дарбейфилд, чуть не плача от досады. – После всех этих толков о тебе и о нем, – они и до нас дошли, – кто бы мог ждать, что это так кончится? Почему ты не постаралась помочь семье, вместо того чтобы думать только о себе? Знаешь ведь, что я должна работать не покладая рук, а у твоего бедного больного отца сердце обросло жиром, как сковородка. А я-то надеялась, что из этого что-нибудь выйдет! Поглядеть только на такую славную парочку, как ты с ним, когда вы уехали вместе четыре месяца назад! Подарки нам дарил. И все это, думали мы, потому, что мы ему родственники. Ну, а если он нам не родственник, значит, это делалось из любви к тебе. А ты все-таки не заставила его на тебе жениться!

Заставить Алека д'Эрбервилля жениться на ней! Ему жениться на ней! О женитьбе он никогда не говорил ни слова. А если бы сказал? Она не знала, смогла ли бы она сделать усилие, чтобы согласиться и спасти себя в глазах окружающих. Но бедная сумасбродная мать ничего не знала о чувствах ее к этому человеку. Быть может, при этаких обстоятельствах это было необычно, неестественно, необъяснимо, но факт оставался фактом, и, как она сказала, это-то и заставляло ее ненавидеть самое себя. Он никогда ей не нравился по-настоящему, а теперь и вовсе был ей неприятен. Она боялась его, дрожала в его присутствии, не устояла перед ним, когда он ловко воспользовался ее беспомощностью, потом, какое-то время ослепленная его щеголеватой внешностью, она покорно уступала ему, – но вдруг почувствовала к нему презрение, неприязнь и ушла. Вот и все. Ненависти к нему она, в сущности, не питала, но для нее это было золой и пеплом; и даже ради спасения своего доброго имени она вряд ли захотела бы выйти за него замуж.

– Тебе следовало быть поосторожнее, раз ты не собиралась женить его на себе.

– Ох, мама, мама! – крикнула измученная девушка, страстно бросаясь к матери, словно ее бедное сердце готово было разорваться. – Могла ли я что-нибудь знать? Я была ребенком, когда ушла отсюда четыре месяца назад. Почему ты не сказала, что мне надо опасаться мужчин? Почему не предостерегла меня? Богатые дамы знают, чего им остерегаться, потому что читают романы, в которых говорится о таких проделках; но я-то ничего не могла узнать, а ты мне не помогла.

Мать была побеждена.

– Я думала, ты будешь его сторониться и упустишь удобный случай, если я заговорю о его чувствах и о том, что может из этого выйти, – прошептала она, вытирая глаза передником. – Ну да теперь это дело прошлое. Что поделаешь! Не мы первые, не мы последние.

13

Молва о возвращении Тэсс Дарбейфилд из поместья ее богатых родственников распространилась по округе – если «молва» не слишком громкое слово для местечка, занимающего квадратную милю. К вечеру несколько молоденьких девушек, бывшие школьные товарки и знакомые Тэсс, пришли навестить ее, раздевшись в свои лучшие накрахмаленные и выглаженные платья, как и подобает, когда идешь в гости к особе, которая (по их предположениям) одержала великую победу; усевшись в кружок, они смотрели на нее с большим любопытством. Этот тридцатипятилетний кузен, влюбившийся в нее джентльмен из другой округи, мистер д'Эрбервилль, пользовался репутацией дерзкого волокиты и сокрушителя сердец; слух об этом начал распространяться и за пределами Трэнтриджа, благодаря чему завидное положение Тэсс казалось к тому же опасным и всех очень интересовало, – а этого бы не было, если бы ей ничто не угрожало.

Они были так глубоко заинтересованы, что девушки помоложе шептались за ее спиной:

– Какая она хорошенькая! И как ей идет это нарядное платье. Должно быть, оно стоит очень дорого и, наверное, его подарок!

Тэсс, достававшая из буфета чайную посуду, не слышала этих замечаний, а если бы услышала, то могла бы быстро разубедить своих подруг. Но мать ее слышала, и тщеславие простодушной Джоан, потерявшей надежду на блестящий брак, упивалось сенсацией, вызванной блестящим флиртом. В общем, она чувствовала удовлетворение, хотя столь незначительный и мимолетный триумф лишь вредил репутации ее дочери, – в конце концов дело еще могло кончиться браком; и в благодарность за их восхищение она пригласила гостей остаться выпить чаю.

Их болтовня, смех, добродушные намеки, а главное – мимолетные вспышки зависти подействовали и на Тэсс, к концу вечера заразившись их возбуждением, она почти развеселилась. Мраморная суровость сбежала с лица, к ней вернулась прежняя легкость движений, и она была красива, как никогда.

Иногда, не задумываясь, она отвечала тоном превосходства на их вопросы, словно признавая, что опыту ее действительно можно позавидовать. Но так мало была она, говоря словами Роберта Саута, «влюблена в собственную гибель», что иллюзия оказалась мимолетной, как молния, – вновь вступил в свои права холодный рассудок, издевающийся над минутной слабостью; ужаснувшись суетной своей гордости, она вновь замкнулась в своем безразличии.

А уныние на рассвете следующего дня... Вот миновало воскресенье, и настал понедельник, – и не было больше праздничного наряда, ушли смеющиеся гости, и проснулась она одна на своей старой кровати, а вокруг слышалось ровное дыхание невинных малюток. Миновало волнение, вызванное ее возвращением, угас интерес к нему, и она увидела перед собой длинную каменистую дорогу, по которой должна была идти, не находя ни помощи, ни сочувствия. Ее охватило черное отчаяние, и она готова была укрыться в могиле.

Прошло несколько недель, и Тэсс ожила настолько, что решила показаться на людях, – и воскресным утром отправилась в церковь. Она любила слушать пение – каким бы оно ни было, – любила старые псалмы, любила петь вместе с хором утренний гимн. Эта врожденная любовь к мелодии, унаследованная от распевавшей баллады матери, приводила к тому, что даже самая незатейливая музыка имела могучую власть над ее сердцем.

По некоторым причинам, желая избежать излишнего внимания односельчан, а также любезностей молодых парней, она вышла из дому еще до колокольного звона и заняла место на задней скамье под навесом галереи, куда заглядывали только старики да старухи и где среди церковной утвари и всякого хлама стояли прислоненные к стене похоронные носилки.

Прихожане входили по двое и по трое, усаживались перед ней рядами, на три четверти минуты склоняли голову, словно молясь, хотя в действительности не молились, потом, выпрямившись, принимались оглядываться по сторонам. Когда началось пение, случайно был выбран один из ее любимых гимнов – старинный лэнгдоновский напев на два голоса – впрочем, она не знала, как он называется, хотя и очень хотела бы узнать. Она думала, не облекая свои мысли в слова, о том, как необычайна и божественна власть композитора, который из своей могилы может взволновать чувствами, им одним впервые пережитыми, девушку, подобную ей, – девушку, которая никогда не слышала его имени и никогда не узнает, каким человеком он был.

Люди, оглядывавшиеся вначале, смотрели по сторонам и теперь, во время службы, и наконец заметив ее, стали перешептываться. Она поняла, о чем они шепчутся, сердце у нее заныло, и она почувствовала, что дорога в церковь для нее закрыта.

Теперь она почти не выходила из спальни. Эта комната, которую Тэсс разделяла с детьми, была теперь ее главным прибежищем. Здесь, под несколькими квадратными ярдами соломенной крыши, следила она за ветром, снегопадами и дождями, великолепными солнечными закатами и луной в период полнолуния. Она скрывалась так старательно, что в конце концов почти все решили, что она уехала.

В эту пору своей жизни Тэсс гуляла только после заката; уйдя в лес, она меньше ощущала свое одиночество. Она умела угадывать тот сумеречный час, когда свет и тьма столь гармонично уравновешены, что напряжение дня растворяется в предчувствии ночи и человек испытывает чувство полной духовной свободы. И тогда-то тяжесть существования уменьшается до ничтожных размеров. Она не боялась теней; казалось, единственной ее мечтой было избегать людей – или, вернее, той холодной накипи, именуемой обществом, которая, столь грозная в массе, не страшна и даже достойна жалости в лице отдельных своих представителей.

Среди этих уединенных холмов и долин ее тихая скользящая походка гармонировала с окружающей природой. Ее гибкая фигура становилась неотъемлемой частью пейзажа. Иногда причудливая фантазия Тэсс одушевляла стихийные явления, и они как бы входили в ее жизнь; вернее – они действительно в нее входили, ибо мир есть лишь психологический феномен, и явления были таковы, какими казались. Полуночные вздохи и порывы зимнего ветра, стонущего среди

ветвей, усыпанных тепло укутанными почками, звучали горькой укоризной. Дождливый день говорил о неисцелимой скорби, вызванной ее слабостью, – о скорби, охватившей душу какого-то неведомого высшего существа, которое она уже не могла назвать богом своих детских дней и не могла постигнуть как нечто иное.

Но этот мир, возникший из разрозненных и условных представлений, населенный враждебными ей призраками и голосами, был мрачным и ошибочным порождением фантазии Тэсс, скопищем химер, терзающих ее ложными страхами. Не она, а они дисгармонировали с реальным миром. Глядя на птиц, спящих в кустах, следя за кроликами, прыгающими на залитой лунным светом поляне, или стоя под деревом, на ветвях которого дремлют фазаны, она смотрела на себя как на олицетворение Вины, вторгшейся в царство Невинности. Но она усматривала антагонизм там, где его на самом деле не было. Чувствовавшая себя враждебной пришлицей была гармоничной частью природы. Ее заставили нарушить искусственный закон общества, но этот закон был неведом тому миру, чуждой которому она себя вообразила.

14

Туманный восход августовского солнца. Густые ночные пары под ударами теплых лучей рассеивались и отдельными хлопьями забивались в ложбинки и рощицы, ожидая той минуты, когда будут обращены в ничто.

В тумане солнце имело странный вид существа мыслящего, одухотворенного и для адекватного своего выражения требовало местоимения мужского рода. И вид этот – в особенности при абсолютном безлюдье вокруг – сразу объяснял происхождение древнего культа солнца. Казалось, никогда еще не существовало под небом более разумной религии. Светило было златокудрым богоподобным существом с лучистым ликом и кроткими глазами, с юным пылом взирающим на землю, которая, до краев была переполнена любовью к нему.

Немного позднее свет его проник сквозь щели ставней в дом, отбрасывая полосы, подобные докрасна раскаленной кочерге, на буфеты, комоды и другую мебель, и разбудил тех жнецов, которые еще не вставали.

Все было румяно в то утро, но ярче всего разрумянились две широкие деревянные выкрашенные лопасти, которые поднимались у края желтой нивы, примыкающей к деревне Марлот. Эти две лопасти и две другие, нижние, образовывали вращающийся мальтийский крест жнейки, которую накануне вечером привезли на поле, чтобы все было готово к сегодняшнему дню. В солнечном свете цвет краски, покрывающей их, стал гуще, словно их окунули в жидкий огонь.

Поле было уже «открыто», то есть по всей его окружности узкая полоска пшеницы была сжата серпами, чтобы проложить путь для лошадей и машины.

Две группы – одна состояла из мужчин и подростков, другая из женщин – появились на дороге в тот час, когда тень, отбрасываемая живой изгородью с восточной стороны, коснулась кустов с западной стороны, так что головы идущих озарялись восходящим солнцем, а ноги были укутаны предрассветными тенями. Люди свернули с дороги на поле, пройдя между двумя каменными столбами ближайших ворот.

Вскоре послышалось стрекотанье, напоминающее любовную песенку кузнечика. Это заработала жнейка и за изгородью показалось длинное вибрирующее тело машины, которую тащили три лошади. На одной из них ехал погонщик, а другой работник управлял жнейкой. Жнейка проехала вдоль края поля, медленно вращая лопастями, и скрылась за гребнем холма; через минуту она выехала с другой стороны поля, двигаясь тем же ровным ходом; над жнивьем сверкнула медная звезда на лбу передней лошади, затем показали яркие лопасти и, наконец, вся машина.

Узкая полоса жнивья, охватывающая поле после каждого объезда, становилась шире и шире, и, по мере того как проходили утренние часы, площадь, где еще не сжата была пшеница, все уменьшалась. Кролики, зайцы, змеи, крысы, мыши отступали дальше в хлеба, словно в крепость, не подозревая, сколь эфемерно их убежище и какая судьба ждет их к концу дня, когда до ужаса маленьким будет оставленный им уголок и они собьются в кучу – друзья и враги; а потом ляжет под зубцами неумолимой жнейки пшеница, еще покрывающая последние несколько ярдов, и жне-

цы перебьют всех зверьков палками и камнями.

Пшеница ложилась позади жнейки маленькими кучками, и каждой кучки было достаточно, чтобы связать из нее снопы; этим и занимались энергичные вязальщики, шедшие сзади, – главным образом женщины, хотя среди них были и мужчины в ситцевых рубашках и штанах, стянутых кожаным ремнем, так что можно было свободно обойтись без двух задних пуговиц, которые при каждом движении вязальщика поблескивали в солнечных лучах, словно два глаза, на поясице.

Но значительно интереснее в этой компании вязальщиков были представительницы другого пола, ибо женщина приобретает особое очарование, когда становится неотъемлемой частью природы, а не является, как в обычное время, лишь случайным предметом на ее фоне. Работник на поле остается индивидом; работница есть неотъемлемая часть поля, – каким-то образом она теряет грани своей личности, впитывает в себя окружающее и с ним ассимилируется.

Женщины – вернее, девушки, ибо почти все они были молоды, – надели чепцы с длинными развевающимися оборками, защищающими от солнца, и перчатки, чтобы жнивье не изранило им рук. Одна была в бледно-розовой кофте, другая в кремовом платье с узкими рукавами, третья в юбке, красной, как лопасти жнейки. Женщины постарше надели коричневые грубые «робы», или халаты, – привычный и наиболее удобный костюм для работницы, от которого отказывались молодые. В это утро взгляд невольно возвращается к девушке в розовой ситцевой кофте, так как фигура у нее более гибкая и изящная, чем у других. Но она так низко надвинула на глаза чепец, что, когда она вяжет снопы, оборки скрывают даже щеки, хотя о цвете ее лица можно догадаться по темно-каштановой пряди волос, выбившейся из-под чепчика. Быть может, она обращает на себя внимание отчасти потому, что совсем к этому не стремится, а другие женщины частенько посматривают по сторонам.

Работает она монотонно, как часовой механизм; из последнего связанного снопа выдергивает пучок колосьев и приглаживает их ладонью левой руки, чтобы верхушки торчали на одном уровне, потом, низко наклонившись, идет вперед, обеими руками подбирая пшеницу и прижимая ее к коленям; левую руку в перчатке она подсовывает под сноп, пока не коснется правой, сжимая пшеницу в объятиях, словно возлюбленного, затем соединяет концы выдернутого пучка колосьев и, придавливая коленями сноп, связывает его, время от времени оправляя юбку, которую приподнимает ветер. Полоска голый руки видна между кожаной перчаткой и рукавом платья, а к концу дня женская неясная кожа будет исцарапана и начнет кровоточить.

Иногда она распрямляется, чтобы отдохнуть, потуже завязать передник и поправить сбившийся чепец. И тогда видно ее лицо – овальное лицо красивой молодой женщины, глубокие темные глаза и длинные тяжелые косы, которые словно цепляются умоляюще за все, чего коснутся. Щеки у нее бледнее, зубы ровнее, а красные губы тоньше, чем у большинства деревенских девушек.

Это Тэсс Дарбейфилд, или д'Эрбервилль, слегка изменившаяся – та же, да не та; в эту пору своей жизни она чувствует себя здесь чужой, пришлой, хотя живет не на чужой стороне. После долгого затворничества она наконец приняла на этой неделе решение заняться полевыми работами в родной деревне, ибо для земледельцев настала самая горячая пора года, и, что бы ни делала Тэсс по дому, ее труд не вознаграждался бы так, как уборка хлеба в поле.

Движения других женщин мало чем отличались от движений Тэсс, и вся группа двигалась, словно танцоры в кадрили, переходя от снопа к снопу; каждая женщина прислоняла свой сноп к другим, пока не образовывалась копна из десяти – двенадцати снопов.

Они поели, и работа продолжалась. Часам к одиннадцати можно было заметить, что время от времени Тэсс печально посматривает на вершину холма, хотя и не перестает вязать снопы. В одиннадцать часов из-за холма, на котором пшеница была уже сжата, показались головки детей в возрасте от шести до четырнадцати лет.

Лицо Тэсс слегка зарумянилось, но она не прервала работы.

Старшая в группе ребят девочка в сложенной углом шали, которая волочилась по жнивью, несла на руках что-то, напоминающее с первого взгляда куклу, – это был ребенок в длинной рубашонке; другая девочка принесла завтрак. Жнецы прервали работу, взяли принесенную еду и расположились вокруг копны. Они принялись за завтрак, и мужчины, передавая друг другу круж-

ку, щедро наливали эль из каменного кувшина.

Одной из последних, прервавших работу, была Тэсс Дарбейфилд. Она присела у копны, слегка отвернувшись от своих товарок. Когда она уселась, работник в кроличьей шапке и с красным платком за поясом протянул ей через копну кружку эля. Но она отказалась. Разложив завтрак, она подозвала рослую девочку, свою сестру, и взяла у нее ребенка; та рада была освободиться от ноши и, перейдя к соседней копне; стала играть с другими детьми. Покраснев еще сильнее, Тэсс украдкой и в то же время с достоинством расстегнула кофту и начала кормить младенца грудью.

Мужчины, сидевшие поблизости, вежливо отвернулись; кое-кто закурил, один рассеянно и любовно поглаживал кувшин, который был осушен до последней капли. Все женщины, кроме Тэсс, принялись оживленно болтать, время от времени приглаживая скрученные узлом волосы.

Когда младенец оставил грудь, молодая мать посадила его себе на колени и, глядя вдаль, начала его укачивать с мрачным равнодушием, которое граничило с неприязнью. Потом вдруг стала осыпать его поцелуями и словно не могла насытиться, а ребенок расплакался, испуганный этим неистовым порывом, в котором страсть смешивалась с ненавистью.

– Как бы она там ни притворялась, а все-таки ребенка она любит, хотя и говорит, что лучше бы им обоим лежать на кладбище, – заметила женщина в красной юбке.

– Скоро она перестанет это твердить, – отозвалась другая, в коричневой юбке. – Господи, и к чему только не привыкаешь со временем!

– А не по доброй воле пошла она на это. В прошлом году как-то ночью в Заповеднике слышали рыдания, и кое-кому пришлось бы плохо, если бы подросли люди.

– Ну, по доброй или не по доброй, а все равно жалость, да и только, что случилось это с ней, а не с кем другим. Ну, да так уж всегда бывает с самыми красивыми. Вот дурнушки – те могут ничего не бояться. Верно, Дженни? – Говорившая повернулась к одной из женщин, которая, несомненно, подходила под такое определение.

Жалость – это было подходящее слово; даже враг и тот почувствовал бы сострадание, глядя на сидевшую здесь Тэсс, чей рот напоминал цветок, а большие неясные глаза были не черными и не голубыми, не серыми и не фиалковыми, но, пожалуй, сочетающими все эти цвета и сотни других, которые можно было увидеть, всматриваясь в радужную оболочку, где вокруг бездонного зрачка ложились один на другой различные цвета и оттенки, – Тэсс, женщину почти безупречную, если не считать слегка неуравновешенного характера, унаследованного от предков.

Решение, неожиданное для самой Тэсс, впервые за много месяцев привело ее на поля. Сначала она терзала и томила свое трепещущее сердце всеми муками сожаления, какие только может придумать одинокое и неопытное существо, затем здравый смысл подсказал ей выход: она почувствовала, что поступит хорошо, если снова будет полезной, снова вкусит прелесть независимости, чего бы это ни стоило. Прошлое есть прошлое; каково бы оно ни было, его больше нет. Каковы бы ни были последствия, время над ними сомкнется, – пройдут года, и наступит день, когда для всех они исчезнут навсегда, а она сама будет погребена и забыта. Меж: тем деревья были так же зелены, как и раньше, так же пели птицы и так же ярко светило солнце. Знакомый пейзаж не омрачил ее скорбью, не заразился ее болью.

Ей следовало понять одно: мысль, заставившая ее так низко склонить голову, – мысль о всеобщем жгучем интересе к ее положению основана была на иллюзии. Никому не было дела до ее жизни, до ее переживаний, ее страстей, ее мироощущения, кроме нее самой.

Для всех остальных людей Тэсс была лишь мимолетной мыслью. Даже ее друзья думали о ней лишь мельком, хотя и часто. Если бы она горевала всю жизнь, для них это означало бы только: «А, она сама делает себя несчастной». Если бы старалась она быть веселой, отогнать все заботы, радоваться дневному свету, цветам, ребенку – для них все это воплотилось бы в короткой фразе: «Она держится молодцом». Одна, на необитаемом острове, сокрушалась бы она о том, что с ней случилось? Не очень. Если бы она только что вышла из рук творца и увидела себя безмужней женой, ничего не ведающей о жизни и являющейся лишь матерью безыменного ребенка, могло ли бы такое положение довести ее до отчаяния? Нет, она приняла бы его спокойно и нашла бы в нем радость. Скорбь не родилась из глубины ее существа, а порождена была социальными условностями.

Как бы ни рассуждала Тэсс, что-то побудило ее одеться опрятно, как одевалась она раньше,

и выйти на полевые работы, так как на рабочие руки был теперь большой спрос. Вот почему она держала себя с достоинством и спокойно смотрела людям в глаза, даже когда прижимала к груди ребенка.

Работники встали со снопов, потянулись и потушили трубки. Лошадей, которые были выпряжены и накормлены, снова впрягли в красную машину. Тэсс, быстро доев завтрак, подозвала сестру и, отдав ей ребенка, застегнула платье, надела кожаные перчатки и, снова наклонившись, выдернула пучок колосьев из последнего связанного снопа, чтобы перевязать следующий.

Работа продолжалась весь день и весь вечер, и Тэсс вязала снопы до сумерек. Потом все поехали домой в одном из самых больших фургонов, сопровождаемые круглой тусклой луной, которая поднялась на востоке и походила на истертый золотой венчик какого-нибудь тронутого тлением тосканского святого. Товарки Тэсс пели песни, проявляли большое участие к ней и радовались концу ее затворничества, хотя и не могли удержаться, чтобы лукаво не спеть несколько куплетов из баллады о девушке, которая пошла в веселый зеленый лес и вернулась оттуда не такой, как прежде. В жизни все уравнивается и компенсируется: событие, которое в какой-то мере сделало ее парией, привело также к тому, что в это время многие считали ее интереснейшим человеком в деревне. Дружелюбие товарок еще больше отвлекало ее от мыслей о себе, живость их была заразительна, и она почти развеселилась.

Но теперь, когда ее горести этического порядка рассеивались, случилась новая беда, затронувшая инстинкт, который не признавал никаких социальных законов. Придя домой, она с ужасом услышала, что днем ребенок внезапно захворал. Этого следовало ждать – такой он был крохотный и слабый, – и тем не менее ее охватило смятение.

Девушка-мать забыла о том, что ребенок, появившись на свет, нанес оскорбление обществу; страстным ее желанием было не смыть этого оскорбления, сохраняя жизнь ребенка. Однако очень скоро выяснилось, что час освобождения маленького пленника плоти пробьет раньше, чем подсказывали ей наихудшие опасения; и, убедившись в этом, она погрузилась в тоску, вызванную не только близкой потерей ребенка: малютка не был крещен.

Все последнее время Тэсс находилась в состоянии покорного безразличия и считала, что если за ее поступок ей суждено гореть в аду, она будет гореть, и дело с концом. Подобно всем деревенским девушкам, она была начитанна в Священном писании, добросовестно выучила историю Аголы и Аголибы и знала, какой урок следовало из нее извлечь. Но когда тот же вопрос коснулся ее ребенка – он принял совершенно иную окраску. Ее ненаглядное дитя умирает, и ему отказано в вечном блаженстве.

Час был поздний, но она сбежала с лестницы и спросила, можно ли послать за священником. К несчастью, это совпало с моментом, когда ее отец особенно гордился древним благородством своего рода и с особой остротой чувствовал, насколько Тэсс запятнала это благородство. Он только что вернулся из трактира Ролливера после еженедельной выпивки. Нет, ни один поп не войдет в его дом, заявил он, и не посмеет совать нос в его дела; теперь по ее вине необходимо все скрывать больше, чем когда бы то ни было. Он запер дверь и положил ключ в карман.

Все улеглись спать, и Тэсс в беспредельном отчаянии тоже легла. Она ежеминутно просыпалась и среди ночи убедилась, что ребенку стало хуже. Он умирал – тихо и безболезненно, но умирал.

Пробило час ночи; в этот мрачный час фантазия сбрасывает оковы рассудка и злоешие возможности приобретают несокрушимость фактов. Ей казалось, что ребенок обречен на самые страшные муки ада, ибо осужден вдвойне – как некрещеный и как незаконнорожденный; она видела, как сатана подбрасывает его на вилах с тремя зубцами, – такими вилами в дни выпечки хлеба они подбрасывали топливо в печь; эту картину дополнила она другими странными и нелепыми деталями мучительных пыток, о которых иногда осведомляют молодежь сей христианской страны. В тишине спящего дома мрачное предчувствие с такой силой овладело ее воображением, что ночная сорочка стала влажной от пота, а кровать вздрагивала от ударов ее сердца.

Дыхание младенца становилось все более затрудненным, и муки матери все усиливались. Бессмысленно было осыпать малютку поцелуями; она больше не могла оставаться в постели и начала лихорадочно ходить по комнате.

– О боже милостивый, сжался, сжался над моим невинным младенцем! – воскликнула она. – Молю тебя, обрушь гнев свой на меня, но пожалей ребенка.

Она прислонилась к комоду и долго лепетала несвязные мольбы, потом встрепенулась: «А что, если малютку можно спасти самим? Может быть, нет никакой разницы...»

Голос Тэсс прозвучал так радостно, что, казалось, лицо ее должно было светиться в полумраке.

Она зажгла свечу и, подойдя ко второй и третьей кровати у стены, разбудила своих маленьких сестер и братьев, которые спали в той же комнате. Отодвинув умывальник, чтобы можно было обойти его кругом, она налила воды в тазик и заставила детей опуститься на колени и сложить поднятые руки. Пока дети, еще не совсем проснувшиеся, испуганные ее поведением, все шире открывая глаза, оставались на коленях, она взяла с кровати младенца – ребенка, рожденного матерью-ребенком, такого крохотного, что, казалось, Тэсс не может быть его матерью. Тэсс с младенцем на руках стояла, выпрямившись, перед тазом, а сестра держала перед ней раскрытый молитвенник, как держит его служка в церкви перед священником: Тэсс собиралась окрестить свое дитя.

В длинной белой сорочке, с толстой темной косой, ниспадающей к талии, она казалась очень высокой и величественной. Мягкий тусклый свет жалкой свечи скрадывал те мелкие дефекты лица и фигуры, какие можно было обнаружить при солнечном свете, – царапины от жнивья на кистях рук, усталость, затуманившую глаза; молитвенный экстаз преобразил лицо, которое привело ее к гибели, сделал его безгрешно прекрасным, наложив печать царственного достоинства. Малыши, стоявшие вокруг на коленях, мигали покрасневшими, заспанными глазами и с напряженным удивлением следили за ее приготовлениями – только усталость и поздний час мешали им проявить его действием.

Самый впечатлительный из них спросил:

– Ты и в самом деле хочешь окрестить его, Тэсс?

Девушка-мать задумчиво кивнула.

– Как его будут звать?

Об этом она не подумала, но, когда она приступила к обряду крещения, ей пришло в голову имя, подсказанное фразой из Книги Бытия, и она произнесла его:

– Горем нарекаю тебя во имя отца и сына и святого духа...

Она окропила его водой, и наступило молчание.

– Дети, скажите: «Аминь».

Тонкие голоса послушно прозвенели:

– Аминь.

Тэсс продолжала:

– Принимаю этого младенца... – и так далее –...и кладу на него крестное знамение...

Она окунула руку в таз и указательным пальцем начертила на младенце большой крест, продолжая с жаром произносить фразы обряда: он будет мужественно бороться с грехом, мирской суетностью и дьяволом и останется верным воином и слугой до конца своей жизни... Она исправно прочла «Отче наш», а дети тоненькими, как комариный писк, голосами повторяли за ней слова молитвы и в заключение, словно служки, возгласили в тишине: «Аминь».

Тогда их сестра, еще более уверовав в действенную силу этого таинства, вознесла из глубины души благодарственную молитву. Смело и торжественно произносила она слова, голосом глубоким, звучным, ибо изливала свое сердце, – и этого голоса до конца жизни не забудут те, кто его слышал. Экстаз веры словно просветлил ее, лицо ее озарилось, на щеках выступил румянец, крохотное перевернутое пламя свечи сверкало в ее зрачках, как алмаз. Дети смотрели на нее с возрастающим благоговением, и больше не было у них желания задавать вопросы. Теперь она не походила на их «сестрицу», она стала большой, величественной и грозной – божественным существом, с которым у них не было ничего общего.

Бедняжке Горю недолго пришлось бороться с грехом, мирской суетностью и дьяволом – к счастью, быть может, для него, если принять во внимание первые его шаги в жизни. В синий час утра этот хрупкий воин и слуга вздохнул в последний раз, а когда проснулись дети, они горько за-

плакали и попросили сестрицу достать еще одного хорошенького малютку.

Спокойствие, которое охватило Тэсс после крещения, не покидало ее и при кончине младенца. Когда рассвело, она почувствовала даже, что опасения ее за его душу были немножко преувеличены; как бы там ни было, она не испытывала теперь никакой тревоги, рассуждая так: если провидение не утвердит обряда, ей, Тэсс, ни к чему райское блаженство, которое можно утратить из-за такого отступления от формы, – не нужно оно ни ей, ни ее младенцу.

Так ушло из жизни нежеланное Горе – этот незванный пришелец, незаконнорожденный дар бесстыдной Природы, не уважающей социальных законов; заблудившееся существо, для которого вечное Время сводилось к дням и которому неведомы были ни годы, ни столетия; для него комната наверху была вселенной, погода в течение недели – климатом, младенчество – человеческой жизнью, а инстинкт сосать – знанием.

Тэсс, немало размышлявшая о крещении, не знала: достаточно ли было, с точки зрения догмы, этого обряда, чтобы обеспечить ребенку христианское погребение? Никто не мог на это ответить, кроме приходского священника, а он приехал сюда недавно и не знал ее.

В сумерках она пошла к нему, но остановилась у калитки: у нее не хватило мужества войти. Она отказалась бы от своей затеи, если бы не встретила его на обратном пути. В темноте она могла говорить свободно:

– Я хотела бы кое о чем спросить вас, сэр.

Он выразил готовность слушать, и она рассказала ему о болезни ребенка и импровизированном обряде.

– А теперь, сэр, – добавила она взволнованно, – скажите мне, для него это будет все равно как если бы его окрестили вы?

Испытывая вполне естественное чувство профессионала, узнавшего, что работу, которую следовало бы исполнить ему, взяли на себя его неискусные клиенты, он склонен был ответить отрицательно. Однако достоинство, с каким говорила эта девушка, и странная нежность, звучавшая в ее голосе, пробудили в нем более благородные чувства – вернее, то, что от них осталось после десятилетних усилий привить формальную веру скептицизму. В нем боролись человек и священнослужитель – и победа осталась за человеком.

– Милая моя, – сказал он, – это все равно.

– Значит, вы не откажете ему в христианском погребении? – быстро спросила она.

Священник почувствовал, что попал в ловушку.

Услышав о болезни ребенка, он, как человек добросовестный, явился вечером, чтобы совершить обряд; отказ впустить его исходил не от Тэсс, а от ее отца, но он этого не знал и потому не мог оправдать неправильное совершение обряда необходимостью.

– А... это другое дело, – сказал он.

– Другое дело... почему? – с жаром спросила Тэсс.

– Я бы охотно это сделал, касайся дело только нас двоих. Но теперь не могу... по некоторым причинам.

– Ну, в виде исключения, сэр!

– Право же, не могу.

– О сэр, сжальтесь! – И с этими словами она схватила его за руку.

Он отнял руку и покачал головой.

– Ну, тогда я не буду вас уважать! – вспыхнула она. – И никогда больше не пойду в вашу церковь!

– Не говорите так опрометчиво.

– Быть может, для него это все равно, если вы не дадите ему погребения?.. Может быть, это все равно? Только ради бога, не разговаривайте со мной, как святой с грешницей, а говорите, как человек с человеком, с несчастным человеком!

Как примирил священник свой ответ со строгими понятиями о сем предмете, которых он, по его мнению, твердо придерживался, мирянин постигнуть не может, хотя и может оправдать. Тронутый ее горем, он сказал снова:

– Это все равно.

В тот же вечер младенца отнесли на кладбище в маленьком еловом ящике, прикрытом шляпкой древней старухи, и при свете фонаря похоронили – уплатив могильщику шиллинг и пинту пива – в том жалком уголке божьего сада, где с божьего соизволения растет крапива и где хоронят всех некрещеных младенцев, известных пьяниц, самоубийц и других людей, чьи души обречены на гибель. Несмотря на неподходящую обстановку, Тэсс храбро сделала крестик из двух брусков, связав их обрывком веревки, и, увив его цветами, воткнула в изголовье могилы, когда однажды вечером смогла никем не замеченная пройти на кладбище; в ногах могилы она поставила букет таких же цветов в банке с водой, чтобы они не завяли. Неважно, что глаз постороннего наблюдателя мог заметить на банке слова: «Мармелад Килуела». Глаз материнской любви, провидящий нечто более возвышенное, их не видел.

15

«Путем опыта, – говорит Роджер Эшем, – находим мы кратчайший путь после долгих скитаний». Нередко случается, что эти долгие скитания лишают нас возможности продолжать путешествие, – а тогда какой толк от нашего опыта? Опыт Тэсс Дарбейфилд был именно такого рода – бесполезный. Наконец узнала она, что нужно делать, но кому были нужны теперь ее дела?

Если бы до ухода к д'Эрбервиллям она ревностно следовала в жизни мудрым притчам и поучениям, знакомым с детства и ей и всему миру, – несомненно, ее никогда не удалось-бы обмануть. Но ей не было дано – как это никому не дается – почувствовать всю правоту драгоценных изречений, пока они еще могут принести пользу. Вместе со святым Августином она – и сколько других! – могла бы иронически сказать богу: «Ты посоветовал избрать дорогу лучшую, чем та, которой ты позволил идти».

Зимние месяцы она провела в доме отца, ошипывала птиц, откармливала индюков и гусей, шила братьям и сестрам платья из нарядов, которые подарил ей д'Эрбервилль, а она с презрением отложила в сторону. Тэсс не хотела обращаться к нему за помощью. Но часто закидывала она руки за голову и глубоко задумывалась, когда считали, что она усердно работает.

По мере того как шли месяцы нового года, с философским спокойствием отмечала она даты: ночь катастрофы в Трэнтридже на темном фоне Заповедника; день рождения и день смерти ребенка; свой день рождения и другие дни, отмеченные событиями, в которых она принимала участие. Как-то, глядя в зеркало на свое красивое лицо, она подумала о том, что есть еще одна дата, которая имеет для нее большее значение, чем все другие: день ее смерти, когда исчезнет все ее очарование, день, который лукаво притаился, невидимый среди других дней года, ничем себя не выдающий, когда она ежегодно с ним сталкивалась, но, тем не менее, неизбежный. Который же? Почему не чувствовала она озноба при ежегодных встречах с таким холодным родственником? Мысль Джерими Тэйлора пришла ей в голову – когда-нибудь в будущем те, кто знал ее, скажут: «Сегодня такое-то число – день, когда умерла бедная Тэсс Дарбейфилд», и в этих словах ничто не покажется им странным. А она не знала, на какой месяц, неделю, время года упадет этот день, которому суждено стать для нее днем, когда времени больше не будет.

Так за короткое время наивная девушка превратилась в серьезную женщину. Постоянные размышления наложили отпечаток на ее лицо, в голосе иногда звучала трагическая нотка. Глаза стали больше и выразительнее, она казалась теперь настоящей красавицей; ее лицо было прекрасным, а душа была душой женщины, не сломленной и не озлобленной тяжелыми испытаниями последних двух лет. Не будь общественного мнения, эти испытания могли бы воспитать ее в свободном духе, и только.

Последнее время она жила столь уединенно, что несчастье ее, не получившее широкой огласки, было почти забыто в Марлоте. Но она поняла, что никогда не почувствует себя легко там, где люди видели неудачную попытку ее семьи «заявить о родстве» – а с ее помощью сделать его еще более тесным и прочным – с богатыми д'Эрбервиллями. Во всяком случае, ей не будет легко здесь, пока долгие годы не сотрут случившегося из ее памяти. Но даже теперь Тэсс чувствовала, как пульсирует в ней жизнь, согретая надеждами; она могла бы жить счастливо в каком-нибудь уголке, где нет воспоминаний. Спасти от прошлого и от всего, что к нему относилось, можно

было только уничтожив его, а для этого она должна была уехать.

«Утрачено ли навсегда подлинное целомудрие, однажды потерянное?» – спрашивала она себя. Она доказала бы, что нет, если бы могла задернуть завесу за прошлым. В силе возрождения, которая правит органической природой, несомненно, не могло быть отказано и чистоте.

Долго и тщетно ждала она случая снова уехать. Настала на редкость дружная весна; казалось, можно было услышать, как набухали и раскрывались почки; и ее охватывало то же волнение, что и всех обитателей леса, пробуждавшее в ней необоримое желание покинуть эти места. Наконец в начале мая она получила письмо от старинной приятельницы своей матери, у которой, хотя никогда ее не видела, давно уже наводила справки о работе, она писала, что на молочной ферме где-то на юге требуется опытная доильщица и что фермер охотно наймет ее на летние месяцы.

Ехать приходилось не так далеко, как хотелось бы Тэсс; но, пожалуй, и такое расстояние было достаточно, если вспомнить, как мал был радиус того круга, в котором она жила и где ходила о ней молва. Для людей, замкнутых в узких границах, мили равны географическим градусам, приходы – графствам, а графства – провинциям и государствам.

У нее было одно твердое решение: в мечтах и делах новой ее жизни не будет больше никаких д'Эрбервилльских воздушных замков. Она – доильщица Тэсс, и только. Хотя ни слова не было об этом сказано, но мать прекрасно понимала чувства Тэсс и больше не заикалась о предках-рыцарях.

Однако такова человеческая непоследовательность: новое место представляло для нее интерес отчасти и потому, что оно находилось близ родной земли ее предков (ибо они не были уроженцами Блекмура, тогда как мать ее была родом из Блекмура). Мыза Тэлботейс, куда она ехала, была расположена неподалеку от одного из бывших поместий д'Эрбервиллей, по соседству с большими фамильными склепами ее прабабок и их могущественных супругов. Она получит возможность поглядеть на них и подумать о том, что не только д'Эрбервилль пал, подобно Вавилону, но и невинность смиренного потомка может пасть столь же неприметно. Но в то же время она размышляла о том, не ждет ли ее удача в стране ее предков, и какая-то неведомая сила бурлила в ней, как весенний древесный сок. Это вновь воспрянула ее нерастраченная юность, неся с собой надежду и непобедимый инстинкт, влекущий к радости.

ФАЗА ТРЕТЬЯ «ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ»

16

В благоухающее тмином майское утро, когда птицы высидивают птенцов, через два с половиной года после возвращения из Трэнтриджа – в эти два с половиной года неприметно восстановились душевные силы Тэсс Дарбейфилд – она вторично покинула родной дом. Уложив свои вещи так, чтобы их могли прислать ей позднее, она выехала в наемной двуколке в маленький городок Стоуркэстл, которого не могла миновать на своем пути, увозящем ее в сторону, почти противоположную той, куда поехала она в первый раз. На гребне первого холма она оглянулась и посмотрела на Марлот и родительский дом с сожалением, хотя ее стремление уехать было велико.

Вероятно, ее родные там будут жить по-прежнему, не замечая, что радости у них стало меньше, так как Тэсс теперь далеко и они лишены ее улыбки. Пройдет несколько дней, и дети будут играть так же весело, как и раньше, не чувствуя после ее отъезда, что им чего-то не хватает. По ее мнению, эта разлука с младшими детьми должна была пойти им на пользу: останься она – и, пожалуй, не столько ее наставления могли бы принести им добро, сколько ее пример послужить во зло.

Через Стоуркэстл она проехала не останавливаясь, стремясь скорее достичь перекрестка шоссе дорог, где хотела дожидаться грузового фургона, ходившего на юго-запад, – железная дорога только опоясывала эту область, не пересекая ее. Пока она ждала, показался какой-то фермер в рессорной двуколке, ехавший в ту же сторону, куда направлялась и она; хотя он был ей

незнаком, она приняла его предложение занять место рядом с ним, не подозревая, что он лишь отдавал дань ее красоте. Он ехал в Уэтербери, а оттуда она могла пройти пешком, вместо того чтобы ехать в фургоне через Кэстербридж.

После этого долгого переезда Тэсс остановилась в Уэтербери только для того, чтобы в полдень перекусить в коттедже, который указал ей фермер. Неся корзинку, она отправилась дальше, к поросшему вереском широкому плоскогорью, которое отделяло эту область от низменных лугов дальней долины, где находилась молочная ферма – конечная цель ее паломничества.

Тэсс никогда не бывала в этих местах и, однако, чувствовала, что этот пейзаж для нее родной. Слева, не очень далеко, заметила она темное пятно и, наведя справки, утвердилась в своих предположениях: это были деревья, окружившие Кингсбир, а в церкви этого прихода погребены были кости ее предков, ненужных ей предков.

Теперь Тэсс нисколько не восхищалась ими, она почти ненавидела их за то, что они довели ее до беды; из всего того, что когда-то им принадлежало, у нее сохранились только старая печать и ложка.

«Вздор! Материнского во мне столько же, сколько и отцовского! – сказала она себе. – Вся моя красота от матери, а она была простой доильщицей».

Путь по холмам и низменностям Эгдона, когда она до них добралась, оказался гораздо более трудным, чем она предполагала, хотя нужно было пройти всего несколько миль. Много раз она сбивалась с дороги и лишь через два часа поднялась на вершину холма, возвышающегося над долиной, которую она отыскивала, – долиной Больших Мыз, где молочных продуктов так много, что они прокисают, где получают их больше, хотя, пожалуй, хуже качеством, чем у нее на родине, – зеленой долиной, столь щедро орошаемой рекой Вар, или Фрум.

Эта долина была совсем не похожа на долину Малых Мыз – Блекмурскую, которую одну только и знала до сей поры Тэсс, если не вспоминать о злополучном ее пребывании в Трэнтридже. Здесь мир был представлен в более крупном масштабе. Огороженные пастбища занимали не десять, а пятьдесят акров, фермы были больше, рогатый скот ходил здесь стадами, повсюду паслись коровы – никогда еще не приходилось ей видеть их такое множество. Зеленый луг был усеян ими так же густо, как холсты ван Альслота или Саллерта усеяны бюргерами. Густые тона рыжих и бурых коров поглощали вечерний солнечный свет, а белые коровы отражали лучи, ослепляя Тэсс, хотя стояла она на дальнем холме.

Вид с высоты птичьего полета, пожалуй, не отличался такой яркой красотой, как тот, другой, столь хорошо ей знакомый; зато он был веселее. Этой долине не хватало синего воздуха Блекмура, его тучных пашен и густых ароматов; здесь воздух был чистый, бодрящий, легкий. И даже река, питавшая траву и коров с прославленных мыз, текла не так, как ручьи в Блекмуре. Те были медлительны, безмолвны, часто мутны и струились по илистому руслу, где человек, неосторожно переправляющийся вброд, мог увязнуть и погибнуть, застигнутый врасплох. Воды Чара, прозрачные, как Река Жизни, увиденная евангелистом, были стремительны, словно облака, и что-то лепетали небесам с утра до ночи на усыпанных галькой отмелях. Там росла лилия, здесь – водяной лютик.

Перемена ли воздуха на нее подействовала – легкого здесь и тяжелого там – или сознание, что находится она в новом краю, где никто не смотрит на нее недоброжелательно, но только Тэсс вдруг стало удивительно хорошо на душе. Надежды ее слились с солнечным светом в идеальную фотосферу, которая окружала ее, когда она вприпрыжку побежала навстречу теплему южному ветру. В каждом его дуновении слышался ей ласковый голос, и в каждом звуке птичьих голосов, казалось, таилась радость.

Лицо ее за последнее время изменилось, научилось отражать меняющееся настроение: иногда оно бывало прекрасным, иногда неприметным – в зависимости от того, радостные или мрачные мысли мелькали у нее в голове. Сегодня была она розовой и безупречно красивой, завтра – бледной и трагической. Тэсс розовая чувствовала меньше, чем Тэсс бледная; более совершенная ее красота соответствовала менее созерцательному настроению; более возвышенное настроение – менее совершенной красоте. Сейчас, подставив лицо южному ветру, она была физически прекраснее, чем когда бы то ни было.

Тэсс овладело непреодолимое, всепоглощающее инстинктивное стремление обрести радость,

которым проникнуто все живое как на низших, так и на высших ступенях развития. Она была молодой двадцатилетней женщиной, духовный и эмоциональный рост которой еще не завершился, и ни одно событие не могло наложить на нее печать, неизгладимую с течением времени.

Настроение ее все улучшалось, усиливалось чувство благодарности судьбе, расцветали надежды. Она попробовала было петь баллады, но нашла, что они не подходят к этой минуте. Потом, вспомнив о псалтыре, по страницам которого воскресным утром так часто блуждали ее глаза до той поры, пока не вкусила она плода от древа познания, Тэсс запела:

«Солнце и луна... все звезды света... деревья плодоносные... птицы крылатые... звери и всякий скот... сыны человеческие... да хвалят господа и славословят его вовеки!»

Вдруг она запнулась и прошептала:

– Но, может быть, я еще не совсем знаю бога?

И, вероятно, это полусознательное песнопение было фетишистским излиянием в монотеистической оправе: женщины, которые постоянно живут на лоне природы, среди ее образов и стихий, сохраняют в душе гораздо больше языческих представлений своих далеких предков, чем догматов религии, которую исповедовали их отцы. Как бы там ни было, Тэсс нашла приблизительное выражение своих чувств в старом «Benedicite», которое лепетала с младенческих лет, и этого было достаточно. Величайшее удовольствие испытывала она от этого маленького первого шага, сделанного для того, чтобы самостоятельно добывать средства к жизни, – и в этом отчасти сказывалась натура Дарбейфилдов. Тэсс действительно хотела идти прямой дорогой, тогда как у ее отца и в мыслях этого не было; но сходство между ними заключалось в том, что и она довольствовалась быстрыми и маленькими успехами и не желала трудиться для того, чтобы подняться на одну-две ступени социальной лестницы, – а только на это и могла теперь рассчитывать обедневшая семья, происходившая от некогда могущественных д'Эрбервиллей.

Правда, оставалась еще энергия матери, чей род не растратил своих сил, а также естественная энергия молодости, вновь вспыхнувшая после испытания, которое на какое-то время совсем придавило Тэсс. Будем говорить честно: как правило, женщины, пережив подобный позор, вновь обретают бодрость и снова с интересом озираются вокруг себя. Пока есть жизнь, есть и надежда – эта уверенность не так уж чужда «обманутым», как хотели бы нам внушить иные любезные теоретики.

И вот Тэсс Дарбейфилд, бодрая, горевшая жаждой жизни, спускалась все ниже и ниже по склонам Эгдона, направляясь к мызе – цели своего паломничества.

Теперь окончательно проявился резкий и характерный контраст между двумя соперницами-долинами. Тайну Блекмура лучше всего можно было раскрыть с высоты окружающих его холмов. Чтобы раскрыть тайну долины, раскинувшейся перед Тэсс, нужно было спуститься в нее. Совершив это, Тэсс очутилась на зеленом ковре, который тянулся на восток и на запад до самого горизонта.

Река похитила у холмов и по кусочкам принесла в долину весь этот пласт земли, а теперь, обессиленная, состарившаяся, обмелевшая, струилась, извиваясь, среди некогда награвленной добычи.

Не зная, в какую сторону идти, Тэсс, словно муха на бесконечно длинном бильярде, стояла, на зеленой равнине, замкнутой холмами, и для всего окружающего имела не большее значение, чем та же муха. Появление ее в мирной долине возбудило любопытство одной лишь цапли, которая опустилась на землю недалеко от тропы и, вытянув шею, глядела на Тэсс.

Вдруг вся долина огласилась протяжным зовом:

– Уао! Уао! Уао!

С востока на запад разнесся этот зов, и по всей долине залаяли собаки. Не о прибытии красавицы Тэсс извещала долина, но, по обыкновению своему, лишь о том, что настал час доения – половина пятого, когда фермеры начинают загонять коров.

Ближайшее к Тэсс рыже-белое стадо, которое флегматично ждало зова, устремилось теперь к постройкам, стоявшим в отдалении; между ног каждой коровы тяжело раскачивалось полное молоко вымя. Тэсс медленно следовала за стадом и, пропустив его во двор, вошла в открытые ворота. Длинные, крытые соломой навесы тянулись вокруг загона, крыши, инкрустированные ярко-

зеленым мхом, опирались на деревянные столбы, отполированные боками коров и телят, живущих здесь в годы, давно минувшие и забытые столь основательно, что едва ли можно постигнуть глубину такого забвения. Между столбами выстроились дойные коровы, показывая зрителям зад, напоминающий круг на двух подпорках, из центра которого опускался хвост, двигавшийся, словно маятник. Солнце, закатываясь позади этого ряда терпеливых животных, четко отбрасывало тени их на внутреннюю стену. Каждый вечер очерчивало оно эти тени, вырисовывая контуры с такой аккуратностью, словно это был силуэт придворной красавицы на стене дворца, копировало их столь же усердно, как копировало много веков назад олимпийские фигуры на мраморных фасадах или профили Александра, Цезаря и фараонов.

В стойлах помещались наименее покладистые коровы. Тех, что согласны были стоять смиренно, доили посреди двора, и сейчас многие из этих наиболее примерных терпеливо ждали там своей очереди – великолепные дойные коровы, каких редко увидишь за пределами этой долины, да и здесь попадают они не так уж часто, коровы, вскормленные сочной травой, покрывающей заливные луга в весеннюю пору. Те, что были покрыты белыми пятнами, ярко отражали солнечный свет, а полированные медные наконечники на рогах сверкали, словно воинские каски. Вымя с набухшими венами висело тяжелое, как мешок с песком, сосцы растопырились, как ноги цыганской клячи. И пока животные ждали, молоко медленно сочилось из сосцов и капало на землю.

17

Когда коровы вернулись с лугов, доильщицы и доильщики высыпали из своих домиков и молочной; хотя погода была хорошая, девушки надели патены, чтобы не запачкать башмаков в навозе. Каждая уселась на свою скамеечку, повернула голову и, прислонившись правой щекой к боку коровы, задумчиво смотрела на приближающуюся Тэсс. Мужчины в шляпах с опущенными полями сидели, прислонившись к коровам лбом, и потому не видели ее.

Один из них, коренастый мужчина средних лет – длинный белый передник на нем был чище и тоньше, чем у других, а куртка имела вполне приличный, почти праздничный вид, – был владельцем мызы, которого разыскивала Тэсс. Шесть дней в неделю он доил коров и сбивал масло, а на седьмой день, надев суконную пару, шел в церковь, где его семья занимала отдельную скамью. Такие превращения послужили даже темой для стишка:

Шесть дней в неделю он – молочник Дик,
А в воскресенье – мистер Ричард Крик.

Заметив стоявшую у ворот Тэсс, он направился к ней.

В часы доения фермеры бывают обычно не в духе, но мистер Крик был рад заполучить новую работницу, – пора настала горячая. Поэтому он радушно поздоровался с ней, осведомился о здоровье ее матери и остальных членов семьи, хотя с его стороны это была простая вежливость, так как о существовании миссис Дарбейфилд он узнал только из короткого делового письма, в котором ему рекомендовали Тэсс.

– Ну что же, мальчишкой я хорошо знал твою округу, – сказал он в заключение, – хотя с той поры там не бывал. Одна девятидесятилетняя старуха – когда-то она жила здесь по соседству, но давным-давно умерла – говорила мне, что какая-то семья с фамилией вроде твоей живет в Блекмурской долине; переехала она туда из наших краев и будто бы ведет свое происхождение от древнего рода, который весь повымирал, хотя новые поколения этого и не знали. Ну, да уж я, конечно, не обратил внимания на болтовню старухи.

– Да, это все пустое, – сказала Тэсс.

Потом заговорили о деле.

– А доить ты, миленькая, хорошо умеешь? Не хочется мне, чтобы в эту пору года у моих коров пропало молоко.

Она успокоила его на этот счет, а он осмотрел ее с головы до ног. Она мало выходила из дому, и у нее на щеках не было здорового румянца.

– А ты уверена, что выдержишь такую работу? Людям здоровым и привычным здесь неплохо, но мы ведь не в теплицах живем.

Она заявила, что сил у нее хватит, а усердие ее и желание работать, казалось, пришлись ему по вкусу.

– Не хочешь ли выпить чаю или поесть чего-нибудь, а? Не сейчас? Ну, как знаешь. Будь я на твоём месте, после такого долгого пути я бы высох, как сухарь.

– Я сейчас же начну доить, – сказала Тэсс, – чтобы скорее освоиться.

Она выпила немного молока, к большому удивлению, если не сказать, – презрению фермера Крика, которому словно и в голову не приходило, что молоко может служить напитком.

– Ну, если оно тебе по вкусу, так пей на здоровье, – равнодушно сказал он, когда доильщик приподнял подойник, чтобы она могла напиться. – А я уж много лет к нему не притрагивался. Дрянное пойло, на желудок свинцом ложится. Начни-ка вот с этой, – добавил он, указывая на ближайшую корову. – Доить ее не так чтобы очень трудно. У нас, как и у всех людей, есть коровы упрямые и коровы покладистые. Да ты и сама в этом скоро разберешься.

Когда Тэсс заменила шляпу чепчиком, уселась на скамеечке подле коровы и молоко брызнуло из-под ее пальцев в подойник, ей почудилось, что она и в самом деле заложила фундамент своей новой жизни. Уверенность эта принесла спокойствие, сердце ее стало биться медленнее, и она могла осмотреться по сторонам.

Доильщиков и доильщиц здесь был чуть ли не батальон; мужчины доили коров с тугими сосками, девушки – тех, с которыми легче было справиться. Мыза была большая. В хозяйстве Крика насчитывалось свыше сотни дойных коров, и хозяин доил собственноручно шесть – восемь из них, за исключением тех дней, когда отлучался с мызы. Выбирал он таких коров, которых особенно трудно было доить: его батраками-поденщиками были зачастую люди, нанятые случайно, и эту полдюжину коров он не доверил бы им, опасаясь, что по небрежности они не выдоят их до конца; девушки же не справились бы с этой работой, так как руки у них были недостаточно сильные, – и в результате у коров пропало бы молоко. Беда не в том, что день-другой надой будет меньше, а в том, что чем меньше от коровы требуют молока, тем меньше она его дает, в конце концов совсем переставая доиться.

Когда Тэсс принялась за работу, болтовня во дворе смолкла на время, и слышалось лишь журчание молока, стекающего в подойники, да восклицания доильщиков, приказывающих корове повернуться или стоять смирно. Двигались, поднимаясь и опускаясь, только руки доильщиков да коровы помахивали хвостами. Так работали эти люди среди широкого ровного луга, тянувшегося от края и до края долины, где пейзаж как бы сплавлен был из старых пейзажей, давно забытых и, несомненно, резко отличавшихся от нынешнего.

– Думается мне, – начал фермер, отходя от коровы, которую он только что выдоил, и направляясь со скамеечкой в одной руке и подойником в другой к следующей нераздоенной корове, – думается мне, что коровы дают сегодня молока меньше, чем обычно. Ей-богу, если Жмурка уже теперь начала удерживать молоко, ее к середине лета и доить не придется.

– А все потому, что пришла новая работница, – сказал Джонатэн Кейл. – Я это уже не раз примечал.

– Верно. Так оно и есть. Я и забыл об этом.

– Мне говорили, что молоко им в рога бросается, – вмешалась одна из доильщиц.

– Ну, насчет того, чтобы оно им в рога бросалось, – отозвался фермер недоверчиво, словно признавая, что анатомия может ставить предел даже колдовским чарам, – насчет этого я не знаю... да, не знаю. И сомневаюсь, потому что безрогие коровы удерживают молоко так же, как и рогатые. А знаешь ты загадку о безрогих коровах, Джонатэн? Почему они дают меньше молока в год, чем рогатые?

– Я не знаю! – перебила доильщица. – Почему?

– А потому, что их меньше, чем рогатых! – объявил Крик. – Но что там ни говори, а эти плутовки молоко сегодня удерживают. Придется вам, ребята, затянуть песню, другого лекарства нет.

На здешних мызах часто прибегают к пению, чтобы подбодрить коров, отказывающихся давать обычную порцию молока. И, повинувшись требованию хозяина, хор доильщиков затянул песню,

правда, без особого воодушевления – и не особенно в лад. Однако, по их мнению, пока длилось пение, коровы давали молоко охотнее. Когда они бодро спели четырнадцать-пятнадцать куплетов баллады, повествующей об убийце, который боялся ложиться спать в темноте, потому что ему чудилось вокруг серное пламя, один из работников сказал:

– Когда поешь согнувшись в три погибели, дух перехватывает! Вот бы вы принесли свою арфу, сэра! Хотя в таких случаях скрипка куда лучше.

Тэсс, прислушиваясь к разговору, подумала, что слова эти обращены к хозяину мызы, но она ошиблась. Вопрос «почему?» донесся словно из живота бурой коровы в стойле: его задал доильщик, которого она еще не заметила.

– Да, да, скрипка лучше всего, – сказал хозяин. – Хотя на быков музыка действует сильнее, чем на коров, – так я слышал. Жил тут в Мелстоке один старик, звали его Уильям Дьюи. Он был из той семьи, что занималась в наших краях извозным промыслом; помнишь, Джонатэн? Я, можно сказать, знал его в лицо не хуже, чем родного брата. Ну так вот, возвращается этот человек домой со свадьбы – он там на скрипке играл, – а ночь светлая, лунная, и, чтобы сократить дорогу, пошел он наперерез по лугу, что зовется «Сорок Акров», а на этот луг выпустили пастись быка. Увидел бык Уильяма, рога опустил к земле и погнался за ним. И хотя Уильям бежал во всю прыть – да и выпил он не так уж много, если принять в расчет, что был на свадьбе, да еще у людей зажиточных, – но все-таки он видит: не успеть ему добежать до изгороди и перелезть через нее. И вот в последнюю минуту его осенило: вытащил он на бегу свою скрипку, повернулся лицом к быку и, пятясь к изгороди, заиграл джигу. Бык смягчился, стоит смиренно и смотрит в упор на Уильяма Дьюи, а тот знай нажаривает; и тут бык вроде как улыбнулся. Но как только Уильям опустил скрипку и повернулся, чтобы перелезть через изгородь, бык перестал улыбаться и – рога вниз: целится ему в зад. Пришлось Уильяму опять повернуться и – хочешь не хочешь – играть. А было только три часа утра, и он знал, что этой дорогой долго никто не пройдет; он устал и измучился до смерти и не знал, что делать. Пиликал он этак часов до четырех, чувствует, что скоро ему крышка, и говорит себе: «Одна только песенка мне и осталась, а там – поминай как звали. Если господь не сжалится, тут мне и конец».

И тут вдруг припомнилось ему, что он своими глазами видел, как в рождественский сочельник всякая скотина преклоняет в полночь колени. Правда, сейчас был не сочельник, но ему пришлось в голову оставить быка в дураках; Вот он и заиграл гимн, тот самый, что поют под рождество. А тут глядь – бык в неведении своем преклоняет колени, словно и вправду был сочельник. Как только рогатый его приятель бухнул на колени, Уильям повернулся, пустился, как гончая, наутек и перемахнул через изгородь раньше, чем молящийся бык успел встать и погнаться за ним. Уильям после говаривал, что частенько приходилось ему видеть у людей дурацкие рожи, но никогда он не видел такой глупой морды, как у этого быка, когда тот понял, что над его благочестивыми чувствами надругались и сегодня вовсе не сочельник... Да, Уильям Дьюи – вот как его звали, и я могу точно указать место на мелстокском кладбище, где он сейчас лежит, – как раз между вторым тисовым деревом и северным приделом.

– Любопытная история. Она возвращает нас к средневековью, когда вера была еще живой.

Слова эти, несколько необычные на скотном дворе, произнес человек, скрытый бурой коровой; но они прошли незамеченными, так как никто их не понял, и только рассказчику показалось, будто они выражают недоверие к его рассказу.

– А все-таки это сущая правда, сэра. Я его хорошо знал.

– В этом я несколько не сомневаюсь, – отозвался голос из-за бурой коровы.

Таким образом, внимание Тэсс было привлечено к собеседнику хозяина, но она почти его не видела, так как он упирался головой в бок коровы. Она не могла понять, почему даже хозяин мызы называет его «сэр». Но найти объяснение было нелегко; он долго не отходил от своей коровы – за это время можно было выдоить трех, – и изредка слышались невнятные восклицания, словно работа не ладилась.

– Полегоньку, сэра, полегоньку, – сказал хозяин. – Тут не сила нужна, а сноровка.

– Это верно, – отозвался тот, наконец вставая и потягиваясь. – И все-таки я с ней справился, хотя у меня и заныли пальцы.

Теперь Тэсс увидела его во весь рост. На нем был обыкновенный белый фартук и кожаные гетры, какие надевают фермеры во время доения, а башмаки были облеплены навозом. Однако это был лишь рабочий костюм, облакавший человека образованного, сдержанного, задумчивого, непохожего на окружающих.

Но она позабыла об этих деталях, когда вдруг сообразила, что видела его раньше. С тех пор ей пришлось пережить столько невзгод, что она не сразу вспомнила, где они встречались. И вдруг ее осенило: это был прохожий, плясавший на клубном празднике в Марлоте, – незнакомец, который явился неведомо откуда, танцевал не с ней, а с другими, пренебрег ею, а потом ушел со своими друзьями.

Поток воспоминаний, вызванных этой встречей, напомнившей о том, что случилось еще до всех ее напастей, пробудил в ней мимолетную тревогу: что, если незнакомец, в свою очередь, ее вспомнит и так или иначе узнает ее историю? Но тревога рассеялась, когда Тэсс убедилась, что он не сохранил о ней никаких воспоминаний. Постепенно она разглядела, что со времени их первой и единственной встречи выразительное его лицо стало серьезнее, появились холеные усы и борода; на щеках волосы были русые, на подбородке – светло-каштановые. Под полотняным его фартуком была надета темная вельветовая куртка, штаны из полосатого бумажного бархата, гетры и белая крахмальная рубашка. Не будь на нем костюма доильщика, никто бы не угадал, кто он такой. С одинаковой вероятностью его можно было принять и за эксцентричного помещика и за зажиточного фермера. Что доильщиком он был еще неопытным, она догадалась тотчас же, по тому, сколько времени он доил одну корову.

Между тем многие доильщицы высказали свое мнение о новой работнице: «Какая она миленькая!» – высказали с неподдельным восхищением и великодушием, хотя втайне надеялись, что остальные будут возражать; и, говоря по правде, возражения были бы оправданны, так как эпитет «миленькая» лишь приблизительно определял то, что привлекало внимание в Тэсс. Когда было покончено с вечерним доением, работники побрели в дом, где миссис Крик, жена фермера – особа слишком уважаемая для того, чтобы собственноручно доить коров, и носившая в жаркую погоду теплое шерстяное платье, потому что работницы ходили в ситцевых, – наблюдала за тем, как молоко сливалось в жбаны, и за другими мелочами.

Тэсс узнала, что только две-три девушки, кроме нее, спали на мызе; большинство расходилось по домам. За ужином она не видела странного доильщика, который высказал свое замечание по поводу рассказа Крика, и не расспрашивала о нем, посвятив конец вечера устройству своего уголка в спальне. Это была большая комната, около тридцати футов в длину, помещавшаяся над молочной; здесь же находились постели трех других работниц. Эти цветущие молодые девушки были, за исключением одной, старше Тэсс. Когда пришло время ложиться, Тэсс успела так устать, что заснула мгновенно.

Но девушке, занимавшей соседнюю кровать, не спалось, и ей во что бы то ни стало хотелось рассказать Тэсс о жизни, которую она должна была теперь с ними разделить. Произносимые шепотом слова сливались с тенями, и дремлющей Тэсс чудилось, что порождены они тьмой, из которой доносятся.

– Мистер Энджел Клэр – тот, что изучает молочное хозяйство и играет на арфе, – почти не разговаривает с нами. Он сын священника и слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на девушек. Сейчас он поступил в учение к хозяину мызы – изучает все отрасли сельского хозяйства. На другой ферме он уже изучил овцеводство, а здесь учится молочному хозяйству... Да, он настоящий джентльмен. Его отец – священник мистер Клэр из Эмминстера, за много миль отсюда.

– А, я о нем слыхала, – сказала одна из проснувшихся товарок. – Кажется, он очень ревностный священник?

– Да, что верно то верно; самый ревностный во всем Уэссексе. Мне говорили, что он один остался верным Низкой церкви, – в этих краях все принадлежит к Высокой. А все его сыновья, кроме нашего мистера Клэра, тоже священники.

В этот поздний час Тэсс не полубопытствовала спросить, почему мистер Клэр не пошел, по примеру своих братьев, в священники. Она снова заснула, и голос товарки смешался с запахом

сыров на смежном чердаке и мерным капаньем сыворотки из-под прессов внизу.

18

Энджел Клэр встает из прошлого как образ довольно расплывчатый. Выразительный голос, пристальный взгляд рассеянных глаз, нервный рот, пожалуй, слишком маленький и изящно очерченный для мужчины, хотя иногда в очертаниях нижней губы намечается твердая линия, и этого достаточно, чтобы не заподозрить его в нерешительности. Впрочем, какая-то мечтательность, внутренняя сосредоточенность в манерах его и взгляде заставляли предполагать, что этот человек ни к чему особенно не стремится и не заботится о своем материальном благополучии. Однако, когда он был подростком, о нем говорили, что он мог бы добиться всего, стоит только ему попытаться.

Он был младшим сыном бедного священника, жившего в другом конце графства, а на мызу Тэлботейс приехал на полгода в качестве ученика, после того как побывал на нескольких фермах. Он намеревался изучить на практике все отрасли фермерского хозяйства, чтобы отправиться затем в колонии или арендовать ферму на родине – в зависимости от обстоятельств.

Вступая в ряды земледельцев и скотоводов, молодой человек делал шаг неожиданный и для себя и для окружающих.

Мистер Клэр-старший, первая жена которого умерла; оставив ему дочь, под старость женился вторично. Вторая жена несколько неожиданно подарила ему трех сыновей, так что между младшим Энджелом и его отцом-священником, казалось, не хватало целого поколения. Из этих трех сыновей один только Энджел, дитя его старости, не окончил университета, хотя только он подавал в детстве надежды сделать блестящую карьеру ученого.

Года за три до появления Энджела на празднике в Марлоте, когда он, окончив школу, продолжал занятия дома, священник получил от местного книготорговца пакет, адресованный на имя его преподобия Джемса Клэра. Священник, вскрыв пакет, извлек книгу, но, просмотрев несколько страниц, вскочил со стула и отправился прямо в книжную лавку, держа книгу под мышкой.

– Зачем вы прислали мне это? – сурово спросил он, показывая книгу.

– Она была заказана, сэр.

– По счастью, не мною и не моими домочадцами.

Книготорговец заглянул в книгу заказов.

– Ах, ее неправильно адресовали, сэр, – сказал он. – Она заказана мистером Энджелом Клэром, и ее должны были послать ему.

Мистер Клэр вздрогнул, словно его ударили. Домой он вернулся бледный, расстроенный и позвал Энджела к себе в кабинет.

– Загляни-ка в эту книгу, мой мальчик, – сказал он. – Что тебе известно о ней?

– Я ее выписал, – просто ответил Энджел.

– Зачем?

– Чтобы прочесть.

– Как тебе могла прийти в голову подобная мысль?

– А что в этом такого? Это изложение философской системы. Вряд ли найдется на книжном рынке более нравственное и даже более религиозное сочинение.

– Да, нравственное – пожалуй, этого я не отрицаю. Но религиозное! И это говоришь ты – человек, намеревающийся стать служителем церкви!

– Раз уж ты затронул этот вопрос, отец, – перебил сын, и на лице его отразилось волнение, – то я хочу сказать раз навсегда, что предпочел бы не идти в священники. Боюсь, что по совести не могу этого сделать. Я люблю церковь, как родную мать. Я всегда буду чувствовать теплую привязанность к ней, ее история вызывает у меня глубокое восхищение, но совесть не позволяет мне принять, как это сделали мои братья, духовный сан, пока церковь не желает освободить дух свой от несостоятельного учения об искуплении.

Простодушному и прямолинейному священнику и в голову не приходило, чтобы его сын, его плоть и кровь, мог дойти до этого. Он был ошеломлен, возмущен, он онемел. Если Энджел не

намерен стать служителем церкви, то какой смысл посылать его в Кембридж? Для этого человека, жившего в мире твердых представлений, университетское образование, не-ведущее к принятию духовного сана, было то же, что предисловие к ненаписанной книге. Он был человек не только религиозный, но и благочестивый, глубоко верующий – не в том смысле, в каком уклончиво толкуют эти слова всякие шарлатаны в церкви и вне ее, но в старинном пламенном духе евангельской школы. И этот человек.

Был убежден,
Что восемнадцать минуло веков
С тех пор, как в мир
Воистину предвечный...

Отец Энджела прибег к аргументам, уговорам, мольбам.

– Нет, отец, я не могу принять догмат четвертый (не говоря уж обо всех остальных) «в буквальном и грамматическом его смысле», как того требует Декларация, и потому не могу быть священником, – сказал Энджел. – В вопросах религии всем существом своим я склоняюсь к очищению или, цитируя твое любимое Послание к евреям, «к изменению колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое».

Отец был так удручен, что Энджелу больно было смотреть на него.

– Зачем же мы с матерью сэкономили и во всем себе отказывали, чтобы дать тебе университетское образование, если оно не послужит во славу божию? – твердил отец.

– Но оно может послужить во славу человека, отец!

Может быть, если бы Энджел настаивал, он, подобно своим братьям, и поступил бы в Кембридж, но взгляд отца на этот храм науки только как на ступень к принятию сана являлся семейной традицией, и так глубоко укоренилась в его мозгу эта мысль, что чувствительному его сыну стало казаться, будто упорство будет сродни намерению обмануть доверие и обидеть благочестивых домочадцев, которые, как намекнул отец, принуждены были во многом себе отказывать, чтобы выполнить задуманный план – дать одинаковое образование трем молодым людям.

– Я обойдусь без Кембриджа, – сказал Энджел. – Я чувствую, что при данных обстоятельствах не имею права поступить туда.

Результаты этого решающего спора не заставили себя ждать. Время шло, а Энджел без всякой системы переходил от одного занятия к другому, строил планы и размышлял. Он начал проявлять равнодушие к взглядам и традициям общества. В нем развивалось презрение к привилегиям, какие давали общественное положение и богатство. Даже «добрая старая семья» (излюбленное выражение покойного и весьма достойного старца, жившего в тех краях) утратила для него всякое очарование, поскольку среди членов ее не было людей, воодушевленных новыми идеями. Как бы в противовес этим суровым убеждениям он едва не потерял голову, когда поехал в Лондон посмотреть, что представляет собой мир, а потом избрать какую-нибудь профессию или дело, и чуть было не попал в сети женщины значительно старше его, но, к счастью, благополучно ускользнул, не слишком пострадав от этого приключения.

Уединенная деревенская жизнь – к ней он с детства привык – породила в нем непобедимое, почти безрассудное отвращение к современной городской жизни и преградила ему путь к успехам, о которых он мог бы мечтать, избрав, какую-нибудь светскую профессию, раз духовная была для него закрыта. Но что-то нужно было делать. Один из его знакомых успешно занимался сельским хозяйством в колониях, и Энджелу пришлось в голову, что этот путь может оказаться правильным. Сделаться фермером в колониях, в Америке или на родине, но лишь после того, как он пройдет хорошую школу и изучит это дело на практике, – вот профессия, которая, быть может, дарует независимость, не требуя, чтобы он ради нее пожертвовал тем, что ценил выше материальной обеспеченности, – а именно интеллектуальной свободой.

Вот почему Энджел Клэр в двадцать шесть лет занимался изучением ухода за рогатым скотом, и так как поблизости не было домов, где бы он мог устроиться с удобствами, то он жил и столвался у фермера.

Он занимал огромную мансарду, куда попасть можно было только по приставной лестнице, с чердака для сыров; долгое время, пока не явился Энджел и не избрал ее своим убежищем, она была заперта. Здесь ему был простор; и когда весь дом укладывался спать, работники частенько слышали, как он шагает взад и вперед. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой стояла его кровать, другая, скромно меблированная, служила гостиной.

Сначала он проводил время в мансарде, много читал и перебирал струны старой арфы, купленной на аукционе. Когда он бывал в дурном настроении, он говорил, что, быть может, ему еще придется арфой зарабатывать на хлеб насущный – стать уличным музыкантом. Но вскоре он предпочел книгам людей и стал завтракать и обедать внизу, в общей кухне-столовой, вместе с фермером, его женой и работниками. Компания была большая, так как почти все работники столовались у фермера, хотя ночевали на ферме немногие. Чем дальше, тем больше Клэр привыкал к своим товарищам по работе, и ему все больше нравилась их совместная жизнь.

К великому его удивлению, общение с ними начало доставлять ему неподдельное удовольствие. Его представление о работниках, как о подобиях жалкой фигуры анекдотического Ходжа, было через несколько дней предано забвению. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Ходжа не существует. Правда, вначале, когда еще свежо было воспоминание о совсем ином обществе, эти новые знакомцы производили на него довольно странное впечатление, и быть на равной ноге с домочадцами фермера казалось чем-то унижительным. Их взгляды, обычаи, интересы представлялись ему отсталыми и бессмысленными. Но, тесно соприкасаясь с ними изо дня в день, Клэр – зоркий наблюдатель – увидел их в ином свете. Никакой реальной перемены не произошло, но однообразие уступило место разнообразию. Хозяин и его домочадцы, его работники и доильщицы, по мере того как Клэр узнавал их ближе, стали выделяться из общей безликой массы, словно происходил какой-то химический процесс. Тогда он понял мысль Паскаля:

«A mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve qu'il y a plus d'hommes originaux. Les gens du commun ne trouvent pas de difference entre les hommes».¹

Ходж, как тип, всегда неизменный, перестал существовать. Он распался на множество различных людей, на многих индивидуумов, мыслящих каждый по-своему, непохожих друг на друга, иногда счастливых, чаще философски спокойных, порой несчастных; Попадались среди них и обладатели высоких талантов, если не гениальности, и глупцы, и развратники, и аскеты; одни были Мильтонами, чей дар не находил себе выражения, другие в иных условиях оказались бы Кромвелями; каждый имел о другом определенное мнение, подобно тому, как Энджел составлял себе мнение о своих друзьях; эти люди тоже хвалили либо осуждали друг друга, развлекались либо печалились, наблюдая чужие слабости и пороки, и каждый по-своему шел своей стезей, ведущей к смерти. Неожиданно начал он находить прелесть в жизни на чистом воздухе ради нее самой и ради того, что давала она ему, независимо от ее влияния на избранную им карьеру. Чудесным образом – если принять во внимание его положение – он избавился от той хронической меланхолии, которая овладевает цивилизованными народами по мере того, как они утрачивают веру в высшую благодетельную силу. Впервые за последние годы он получил возможность читать книги, которые его интересовали, не заботясь о том, чтобы «извлекать из них сведения, необходимые для какой-либо профессии, а руководства по сельскому хозяйству, с какими он считал нужным ознакомиться, отнимали мало времени.

Он отошел от прежнего мирозерцания и увидел нечто новое в жизни и человеке. И к тому же он близко познакомился с теми явлениями, о каких имел до сей поры лишь смутное представление, – познал настроение времен года, утра и вечера, ночи и полудня, изменчивый нрав ветра, познал деревья, воды и туманы, тени и тишину, болотные огоньки, созвездия и голоса неодушевленных предметов.

По утрам бывало еще свежо, и в большой комнате, где все завтракали, в очаге пылал огонь. Энджел Клэр, по распоряжению миссис Крик, твердившей, что он слишком благородного проис-

¹ Чем больше умнеешь, тем больше находишь оригинальных людей. Человек заурядный не замечает различия в людях. (фр.)

хождения, чтобы сидеть с ними за одним столом, завтракал обычно в углу возле очага, а его чашка с блюдцем и тарелка ставились на откидную полочку, приделанную рядом. Свет из большого окна напротив падал в его уголок, смешиваясь с холодными синеватыми отблесками из широкой трубы над очагом, так что он мог читать, если ему хотелось. Между Клэром и окном находился стол, за которым завтракали его товарищи, и их профили с жующими челюстями четко рисовались на фоне окна. Сзади находилась дверь, ведущая в молочную, и видны были ряды прямоугольных жбанов, наполненных до краев утренним молоком. В дальнем ее конце, стуча, вращалась гигантская маслобойка, приводимая в движение ленивой лошадей, которую можно было видеть в окно – она ходила по кругу, погоняемая мальчиком.

Первые дни после приезда Тэсс Клэр, просматривая книгу, журнал или ноты, только что полученные по почте, почти не замечал ее присутствия за столом. Говорила она так мало, а ее товарки так много, что в их болтовне он не расслышал новой нотки; вдобавок он имел обыкновение пренебрегать деталями картины ради общего впечатления. Но однажды, изучая партитуру и мысленно воспроизводя мелодию, он вдруг отвлекся, и ноты упали рядом с очагом. Он посмотрел на раскаленные головни, под которыми одинокий язык пламени отплясывал пляску смерти, так как с утренней стряпней было уже покончено, и ему показалось, что пламя танцует джигу под аккомпанемент мелодии, звучавшей в его ушах. Посмотрел он и на два покрытых хлопьями сажи крюка, свешивавшихся над очагом с поперечного бруса, которые вздрагивали в такт музыке, посмотрел на чайник, пустой до половины и жалобно подпевавший ему в тон. Разговор за столом также сливался с этим фантастическим оркестром, и у Клэра вдруг мелькнула мысль: «Какой певучий голос у одной из работниц! Кажется, это новенькая».

Клэр повернулся и взглянул туда, где она сидела вместе с остальными.

Она не смотрела в его сторону. Он так долго молчал, что о присутствии его, в сущности, почти забыли.

– Не знаю, как там привидения, – говорила она, – а вот наши души могут выйти из тела, даже пока мы живем.

Хозяин с набитым ртом повернулся к ней и смотрел на нее серьезно и вопросительно, а огромные его нож и вилка (завтрак здесь был нешуточным) торчали перпендикулярно к столу, словно недостроенная виселица.

– Да ну? Как же это так, милая? – спросил он.

– Это очень легко почувствовать, – продолжала Тэсс, – нужно только лечь ночью на траву и смотреть прямо в небо, на какую-нибудь большую яркую звезду и думать о ней все время, – и тогда почувствуешь, что находишься за сотни миль от своего тела и оно тебе как будто совсем не нужно.

Фермер, в упор смотревший на Тэсс, перевел взгляд на свою супругу.

– Чудное дело, а, Кристиана? И подумать только, сколько миль я отмахал по ночам за последние тридцать лет, еще когда за тебя сватался, или торговать ходил, или за доктором да за повитухой бегал, – и до сей поры даже не подозревал о такой штуке. И ни разу не почувял, чтобы моя душа хоть на дюйм поднялась над воротничком.

Чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, не исключая и хозяйского ученика, Тэсс вспыхнула и, холодно оборонив, что это лишь ее фантазия, снова принялась за еду.

Клэр продолжал наблюдать за ней. Она покончила с завтраком и, сознавая, что Клэр на нее смотрит, начала чертить указательным пальцем какие-то узоры на скатерти, смущаясь, словно домашнее животное, которое чувствует на себе пристальный взгляд.

«Какая чистая и невинная! Эта девушка – настоящее дитя природы!» – подумал Клэр.

И тогда ему почудилось в ней что-то знакомое, что-то уносившее его назад, в радостное и беззаботное прошлое, когда необходимость строить жизненные планы еще не затянула небосвода серой дымкой. Он пришел к заключению, что видел ее раньше: где – он не мог припомнить; должно быть, встретил случайно, проходя какую-нибудь деревню, но это его и не интересовало. Однако этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы он начал отдавать предпочтение Тэсс перед другими хорошенькими работницами, когда ему хотелось полюбоваться женской красотой.

Обычно коров доили всех подряд, не делая выбора, Но иные коровы предпочитают какие-нибудь одни руки, а иногда пристрастие их доходит до того, что они не подпускают к себе никого, кроме своего любимца, и бесцеремонно опрокидывают чужой подойник.

Фермер Крик, поставив себе за правило бороться с этими симпатиями и антипатиями, постоянно перемещал доильщиков, – иначе он мог бы очутиться в затруднительном положении в случае ухода кого-нибудь из них. Но девушки исподтишка стремились к тому, чтобы нарушить это правило, и каждая доильщица выбирала восемь – десять коров, к которым уже привыкла, благодаря чему легко могла их выдоить, не затрачивая сил.

Тэсс, как и ее товарки, быстро обнаружила, какие коровы оказывают предпочтение ее манере доения, и охотно выбирала бы их, так как за последние два-три года слишком часто сидела безвыходно дома и руки ее стали нежными. Из ста пяти коров восемь – Толстушка, Причудница, Гордьячка, Дымок, Старая Красотка, Молодая Красотка, Опрятная и Горластая – отдавали ей свое молоко с такой готовностью, что Тэсс достаточно было прикоснуться пальцами к вымени, хотя у одной или двух сосцы были твердые, как морковь. Зная, однако, желание хозяина, она добросовестно старалась доить без разбора всех, кроме самых трудных, с которыми еще не могла справиться.

Но вскоре она заметила, что порядок, в каком бывали расположены коровы, странным образом совпадает с ее желаниями, и, наконец, пришла к определенному выводу: это не могло быть делом случая. Последнее время хозяйский ученик помогал выстраивать коров в ряд, и на пятый или шестой раз Тэсс, усевшись возле коровы, повернулась и посмотрела на него с лукавым недоумением.

– Мистер Клэр, вы расставили так коров нарочно! – сказала она, краснея.

Когда она высказала это обвинение, легкая улыбка скользнула по ее лицу и, помимо ее воли, верхняя губа слегка приподнялась, приоткрыв кончики зубов, а нижняя осталась сурово неподвижной.

– Это не имеет никакого значения, – ответил он. – Вы ведь отсюда не уйдете и всегда будете их доить.

– Вы так думаете? Я бы этого очень хотела. Но как можно утверждать заранее?

Потом она рассердилась на себя: не зная, что у нее были серьезные основания искать этой уединенной жизни, он мог неправильно истолковать ее слова. Она говорила с таким жаром, словно ее желание остаться на ферме вызвано было отчасти и его присутствием. Ее недовольство собой было столь велико, что в сумерках, когда все коровы были выдоены, она ушла в сад и продолжала сетовать, зачем дала она ему понять, что его заботливость не прошла незамеченной.

Был летний июньский вечер, и воздух был так упоительно прозрачен и тих, что неодушевленные предметы, казалось, наделены были двумя или тремя, если не пятью, чувствами. Разница между близким и дальним стерлась, близким было все в пределах горизонта. Тишина казалась не простым отрицанием шума, но какой-то субстанцией. Ее нарушили звуки арфы.

Тэсс и раньше слыхала эту музыку в мансарде, над своей головой. Неясная, приглушенная, сдавленная стенами, она никогда не производила на нее такого впечатления, как теперь, когда чистая, словно нагая, мелодия парила в неподвижном воздухе. В сущности, и инструмент и исполнение были плохи; но все в мире относительно, – и Тэсс, словно зачарованная птица, слушала и не могла наслушаться. Вместо того чтобы уйти, она подошла ближе к музыканту, прячась от него за изгородью.

Дальний конец сада, где находилась Тэсс, в последние годы оставался запущенным; здесь было сыро от густо разросшейся сочной травы, над которой от малейшего прикосновения вздымались облачка пыли; здесь цвели высокие сорняки, распространяя резкий аромат, и эти красные, желтые и пурпурные цветы являли такую же яркую красочную гамму, как цветы садовые. Тэсс кралась по этим зарослям, как кошка, пачкая юбку в «кукушкиных слезках», давя слизняков, попадавших под ноги, пятная пальцы соком чертополоха и слизью улиток, стирая обнаженными руками липкую плесень с древесных стволов – белоснежную на яблонях, но оставлявшую ярко-

красные пятна на коже. Наконец, не замеченная Клэрром, она подошла совсем близко к нему.

Тэсс потеряла представление о времени и пространстве. Тот экстаз, какой, по ее словам, можно было вызвать, глядя пристально на звезду, овладел ею теперь помимо ее воли. Тихое бренчание старой арфы баюкало ее, как волны, и мелодия, лаская ее, словно ветерок, вызывала на глазах слезы. Носившаяся в воздухе цветочная пыльца казалась звуками, ставшими доступными зрению, а сырость в саду – слезами чутких растений. Хотя надвинулись сумерки, резко пахнущие цветы словно пламенели в напряженном внимании, не смыкая своих лепестков, и волны красок сливались с волнами звуков.

Лучи света, еще не угасшего, вырывались из широкого разрыва в западной гряде облаков, и казалось, там случайно остался осколок дня, когда вокруг уже спустились сумерки. Клэр закончил жалобную мелодию, очень простую и не требующую большого искусства, а она ждала, надеясь, что он сыграет еще что-нибудь. Но ему надоело играть, и, рассеянно обогнув изгородь, он побрел по саду. Тэсс с раскрасневшимися щеками попыталась ускользнуть бесшумно, словно тень.

Однако Энджел увидел ее светлое летнее платье и окликнул ее; она услышала его тихий голос, хотя он был еще довольно далеко.

– Почему вы убегаете, Тэсс? – спросил он. – Бойтесь?

– О нет, сэр... здесь, на вольном воздухе, мне нечего бояться, в особенности теперь, когда осыпается цвет яблони и все так зелено.

– Но вам знакомы иные страхи, да?

– Да, пожалуй, сэр.

– Чего же вы боитесь?

– Я не знаю, как объяснить.

– Бойтесь, как бы молоко не свернулось?

– Нет.

– Жизнь вас пугает?

– Да, сэр.

– Ах, и меня также, очень часто. Нести бремя жизни – нешуточное дело, не правда ли?

– Да, вы это верно сказали, сэр.

– И все-таки я не ожидал, чтобы такая молоденькая девушка, как вы, могла так думать. Как это случилось?

Она замялась и промолчала.

– Доверьтесь мне, Тэсс.

Она подумала, что ему хочется знать, каким представляется ей мир, и ответила робко:

– Деревья смотрят пылливо, правда? То есть кажется, будто они так смотрят. А река говорит: «Зачем тревожишь меня своим взглядом?» И кажется, будто множество дней – завтрашних – выстроилось в ряд; и первое завтра – самое большое и ясно видимое, а следующие делаются все меньше и меньше, чем дальше они от нас; и все они грозные и жестокие и словно говорят: «Я иду! Берегись меня! Берегись!..» Но вы своей музыкой, сэр, можете будить мечты и прогоняете эти страшные мысли!

Он был удивлен: как могло воображение этой молодой девушки, простой доильщицы, в которой было, правда, что-то возбуждавшее зависть товарок, – как могло оно порождать такие печальные образы? В бесхитростных фразах – обучение в шестиклассной школе не прошло даром – высказывала она чувства, какие, пожалуй, являлись чувствами века – болезнью модернизма. Однако он перестал удивляться, когда подумал, что, в сущности, так называемые новейшие идеи на самом деле представляют собой всего лишь более современное, более утонченное, выраженное словами, оканчивающимися на «логия» и «изм», определение чувств, которые смутно волновали человечество в течение веков.

Но странно было, что они возникли у нее, такой молодой, более чем странно; это производило впечатление, вызывало интерес, казалось трогательным. Не догадываясь о причине, он забыл о том, что значение имеет не длительность, а интенсивность пережитого испытания. Через страдания пришла она к духовной зрелости.

Тэсс, в свою очередь, не могла понять, почему человек, происходивший из семьи священни-

ка, получивший хорошее образование и не знавший материальной нужды, считает жизнь бременем?.. У нее, несчастной странницы, были для этого серьезные основания. Но как мог этот незаурядный, наделенный поэтической душой человек, который никогда не спускался в Долину Унижения, как мог он разделять чувства жителя Уца – те чувства, какие испытывала она сама два-три года тому назад? «Душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне».

Правда, теперь он оторвался от своего класса, но она знала, чем это объясняется: подобно Петру Великому на корабельной верфи, он изучал то, что хотел знать. Коров он доил не потому, что вынужден был это делать, а потому, что это должно было помочь ему стать преуспевающим хозяином мызы, землевладельцем, агрономом и скотоводом. Из него выйдет американский или австралийский Авраам, повелевающий, подобно монарху, своими стадами, – пятнистыми и полосатыми, своими слугами и служанками. Но иногда ей казалось непонятным, как мог этот начитанный, любящий музыку и мыслящий молодой человек добровольно избрать занятие фермера, а не священника, подобно своему отцу и братьям.

Так как ни он, ни она не имели ключа к тайне другого, то оба останавливались в недоумении перед своими открытиями и, не пытаясь заглянуть в прошлое, ждали, надеясь глубже узнать характер и душевный склад друг друга.

Каждый день, каждый час открывал ему какую-нибудь новую ее черту, и такие же открытия делала она. Тэсс старалась себя обуздывать, но не подозревала, сколько было в ней жизненной силы.

Казалось, сначала Тэсс интересовалась только умом Энджела Клэра, не замечая в нем мужчины. Она сравнивала его с собой, и каждый раз, обнаруживая глубину его познаний и пропасть, какая отделяла ее, Тэсс, с ее невысоким уровнем духовного развития, от него, поднявшегося на неизмеримую высоту, она впадала в уныние, считая, что все ее усилия ни к чему не приведут.

Как-то упомянув мимоходом о пастушеской жизни в Древней Греции, Клэр вдруг заметил, что Тэсс сразу стала грустной. Она в это время собирала бутоны цветов, которые называются «лорды» и «леди».

– Почему вы вдруг приуныли? – спросил он.

– Так... пустяки... я подумала о себе, – печально усмехнувшись, сказала она и начала нервно обрывать лепестки «леди». – Подумала о том, какой могла бы я быть! Мне кажется, я загубила свою жизнь, потому что никогда не представлялось мне случая что-то сделать. Когда я вижу, как много вы знаете, сколько прочли, сколько видели и передумали, я чувствую, какое я ничтожество. Я похожа на несчастную царицу Савскую из Библии! Нет у меня больше бодрости.

– Право же, из-за этого не стоит огорчаться! И знаете, милая моя Тэсс, – заговорил он, воодушевляясь, – я рад был бы помочь вам – обучить вас истории или дать книги, которые вы хотели бы прочесть...

– Опять «леди», – перебила она, показывая бутон, который ощипывала.

– Что?

– Я хотела сказать, что, когда начинаешь обрывать лепестки, всегда оказывается больше «леди», чем «лордов».

– Бросьте «лордов» и «леди». Хотели бы вы чему-нибудь учиться? Например, истории?

– Иногда мне кажется, что я не хочу знать больше того, что уже знаю.

– Почему?

– Что толку, если я узнаю, что таких, как я, очень много и в какой-нибудь старой книге описан человек точь-в-точь такой же, как и я, а мне предстоит повторить то, что он делал? От этого мне только грустно станет. Лучше не вспоминать, что ты со своим прошлым ничем не отличаешься от многих тысяч людей, а будущая твоя жизнь и поступки такие же, как у них.

– Так, значит, вы ничему не хотите учиться?

– Пожалуй, мне хотелось бы узнать, почему... почему... солнце светит равно и добрым и злым, – ответила она, и голос ее дрогнул. – Но книги мне этого не скажут.

– Тэсс, ну к чему такая горечь?

Конечно, успокаивая ее, он руководствовался лишь вежливостью, представлением о долге,

ибо в былые дни у него самого возникали такие же мысли. Глядя на свежие губы Тэсс, он решил, что эта наивная дочь природы повторяет чужие слова, не понимая их значения. Она продолжала обрывать лепестки «лордов» и «леди», а Клэр, бросив взгляд на ее загнутые ресницы, касавшиеся щеки, медленно отошел. Она стояла, задумчиво ощипывая последний бутон, потом очнулась от грез и нетерпеливо бросила на землю всех этих цветочных аристократов, негодуя на себя за свою глупую болтовню. А в глубине ее сердца разгоралось пламя.

Какой дурочкой должен он считать ее! Мечтая заслужить доброе его мнение, она вспомнила то, о чем последнее время старалась забыть, – так неприятны были последствия, – вспомнила о происхождении своем из рыцарского рода д'Эрбервиллей. Для нее это открытие было не только бесполезно, но и губительно, но, быть может, мистер Клэр, джентльмен и знаток истории, проникнется к ней уважением и забудет о ребяческой ее игре с «лордами» и «леди», если узнает, что эти статуи из пурбекского мрамора и алебаstra в кингсбирской церкви изображают подлинных ее предков по прямой линии, что она не самозванка, как те, порожденные деньгами и тщеславием, трэнтриджские д'Эрбервилли, но настоящая д'Эрбервилль по крови.

Однако прежде чем сделать это признание, Тэсс решила осторожно выведать у владельца мызы, какое впечатление может произвести оно на мистера Клэра. Она спросила: питает ли мистер Клэр уважение к древним родам графства, если их представители лишились всех богатств и земель?

– Мистер Клэр, – решительно объявил фермер, – завзятый бунтарь, второго такого и не сыщешь; он ни капельки не похож на свою родню. А больше всего на свете он ненавидит так называемые старинные фамилии. По его словам, всякому должно быть ясно, что старинные фамилии сделали свое дело в прошлом, и теперь от них никакого толка не будет. Было время, когда Биллеты, Дренкхарды, Грей, Сен-Кэнтэны, Гарди и Гоулды владели огромными поместьями в этой долине, ну а нынче ничего у них нет. Да вот взять хотя бы нашу маленькую Рэтти Придл: она из рода Пэриделлей – из древнего рода, владевшего когда-то землями у Кингс-Хинтока, которые принадлежат теперь графу Уэссекскому, а в те времена о нем и его родичах никто и не слыхивал. Мистер Клэр об этом узнал и несколько дней разговаривал с бедняжкой очень презрительно. «Ах, говорит, никогда из вас не выйдет хорошей доильщицы! Ваши предки всю свою силу порастратили в Палестине много веков назад, и теперь вам нужно тысячу лет ждать и набираться сил для новых дел!» Пришел как-то к нам парнишка просить работы и говорит, что его зовут Мэт. Мы спрашиваем, как его фамилия, а он отвечает, что никогда не слыхивал, чтобы у него была фамилия. Мы удивились: как же это так? А он объясняет: мол, семья его еще не обзавелась предками, так откуда же у него возьмется фамилия? «А, вас-то мне и нужно! – говорит мистер Клэр, вскакивает и пожимает ему руку. – Я на вас возлагаю большие надежды!» И дал ему полкроны. Да, старинных фамилий мистер Клэр не переваривает.

Выслушав это карикатурное изложение взглядов Клэра, бедная Тэсс порадовалась, что в минуту слабости не сказала ни одного лишнего слова, хотя ее род был очень древний и, пожалуй, успел за это время не только прийти в упадок, но и набраться новых сил. Вдобавок еще одна доильщица как будто могла соперничать с ней в этом отношении! И Тэсс продолжала держать язык за зубами, не заикаясь о склепе д'Эрбервиллей и о рыцаре Вильгельма Завоевателя, чье имя она носила. Узнав таким образом точку зрения Клэра, она объясняла теперь его интерес к себе главным образом тем, что он считал ее не связанной никакими семейными, и родовыми традициями.

20

Лето было в разгаре. Новые цветы, листья, соловьи, зяблики, дрозды разместились там, где всего год назад обитали другие недолговечные создания, в то время как эти были еще зародышами или частицами неорганического мира. Под лучами солнца наливались почки, вытягивались стебли, бесшумными потоками поднимался сок в деревьях, раскрывались лепестки и невидимыми водопадами и струйками растекались ароматы.

Жизнь работников и работниц фермера Крика текла беспечально, мирно, даже весело. Пожалуй, социальное их положение было самым счастливым, ибо они находились выше черты, у кото-

рой кончается нужда, и ниже той, где условности начинают сковывать естественные чувства, а погоня за пошловатой модой превращает довольство в скудость.

Так протекали дни, те дни, когда листва особенно обильна и кажется, будто природа преследует одну цель – выращивать растения. Тэсс и Клэр бессознательно изучали друг друга, неизменно балансируя на грани страсти, но, по-видимому, не переступая ее. И, подчиняясь непреложному закону, стремились к одной и той же цели, подобно двум ручьям, текущим в одной долине.

Никогда Тэсс не была так счастлива, как теперь, и, быть может, ей не было суждено еще раз пережить такие же счастливые дни. В этой новой обстановке она чувствовала себя и физически и духовно на своем месте. Молодое деревце, пустившее корни в ядовитую почву, где упало семя, было пересажено на более плодородную землю. Кроме того, и она и Клэр до сих пор еще занимали позицию между простым влечением и любовью; здесь не было места глубоким волнениям, не было рефлексии с ее надоедливymi вопросами: «Куда увлекает меня этот новый поток? Какое значение имеет он для моего будущего? В какой связи находится он с моим прошлым?»

Для Энджела Клэра Тэсс пока была лишь отражением идеала, розовой теплой тенью, которая еще не завладела его сознанием. И он разрешал себе думать о ней, полагая, что интерес его является не больше чем интересом философа, созерцающего крайне оригинальную и самобытную представительницу женского пола.

Встречались они постоянно, иначе и быть не могло.

Встречались ежедневно в странный и торжественный предутренний час, в лиловых или розовых лучах рассвета, – ибо здесь нужно было вставать рано, очень рано. Коров доили ни свет ни заря, а перед этим, в начале четвертого, снимали сливки с молока. Обычно тот, кто первым просыпался от звона будильника, должен был будить остальных. Тэсс поступила на мызу последней, а к тому же вскоре обнаружилось, что на нее можно положиться – она не проспит, как это случалось с другими, – а потому эта обязанность все чаще выпадала на ее долю. Как только в три часа кончал дребезжать будильник, она выходила из своей комнаты и бежала к двери хозяина, затем поднималась по лестнице на мезонин к Энджелу и окликала его громким шепотом, после чего будила своих подруг. К тому времени как Тэсс успевала одеться, Клэр уже спускался вниз и выходил в свежую утреннюю прохладу. Остальные работницы и работники старались поваляться в постели подольше и появлялись через четверть часа.

Серые полутона рассвета непохожи на серые вечерние сумерки, хотя краски как будто одни и те же. На восходе солнца свет кажется активным, а тьма пассивна, тогда как вечером активен нарастающий мрак, а свет дремотно пассивен.

И вот, потому что эти двое так часто – и не всегда, быть может, случайно – вставали первыми на ферме, им начинало казаться, что во всем мире пробуждались от сна они первые. В начале своего пребывания на мызе Тэсс, одевшись, не снимала сливок с молока и тотчас же выходила во двор, где Клэр обычно ее поджидал. Открытый луг залит был призрачным туманным светом, который внушал им чувство оторванности ото всех, словно они были Адамом и Евой. В этом тусклом свете зарождающегося дня Тэсс казалась Клэру существом совершенным и духовно и физически, наделенным чуть ли не царственным могуществом, – быть может, потому, что в пределах его кругозора вряд ли хоть одна женщина, столь же одаренная, как Тэсс, выходила из дому в такую раннюю пору; да и во всей Англии мало нашлось бы таких женщин. Красивые женщины обычно спят в летнюю утреннюю пору. Тэсс была подле него, а остальные просто не существовали.

Рассеянный странный свет, который окутывал их, когда они шли рядом к тому месту, где лежали коровы, часто заставлял его думать о часе воскресенья. Ему и в голову не приходило, что подле него, быть может, идет Магдалина. Все кругом было окутано серыми тенями, и лицо его спутницы, притягивавшее его взгляд, поднималось над туманной мглой, словно светясь фосфорическим светом. Она казалась призрачным бесплотным духом – такой делали ее падавшие с северо-востока холодные лучи загорающегося дня. Его лицо, хотя он этого и не подозревал, производило на нее то же впечатление.

И в этот час, как было уже сказано, он сильнее всего ощущал ее странное очарование. Больше не была она доильщицей, но воплощением женственности. Полушутя называл он ее Артемидой, Деметрой и другими причудливыми именами, которые ей не нравились, потому что она их не

понимала.

– Зовите меня Тэсс, – говорила она обиженно, и он повиновался.

Светало, и тогда она снова превращалась в женщину; лицо богини, которая может даровать блаженство, становилось лицом женщины, блаженства жаждущей.

В эти часы, когда люди еще спят, им случалось подходить совсем близко к водяным птицам. Из зарослей на границе луга, куда они ходили гулять, вылетали цапли, поднимая оглушительный шум, который напоминал стук распахивающихся дверей и ставней, либо, застигнутые врасплох, смело оставались стоять в воде и, следя за проходившей парой, медленно и бесстрастно повертывали головы, словно марионетки, приводимые в движение часовым механизмом.

Они видели пласты легкого летнего тумана над лугами – пушистые, ровные и тонкие, как покрывало. На траве, седой от росы, виднелись островки там, где ночью лежал скот, – темно-зеленые сухие островки величиной с коровью тушу, разбросанные в океане росы. От каждого островка вилась темная тропинка, проложенная коровой, которая, покинув место ночлега, ушла пастись, – и они находили ее в конце этой тропинки. Узнав их, корова фыркала, и у ее ноздрей клубилось в тумане облачко пара. Тогда гнали они коров на мызу, а иногда доили их тут же.

Случалось, что летний туман сгущался, и луга походили на белое море, над которым, словно грозные скалы, поднимались отдельные деревья. Птицы взмывали над ним, вырываясь к свету, и парили в воздухе, греясь на солнце, либо садились на мокрые, сверкавшие; как стеклянные прутья, перекладыны изгороди, пересекавшей луг. Туман оседал крохотными алмазами на ресницах Тэсс и мелким жемчугом осыпал ее волосы. Когда разгорался день, солнечный и банальный, роса испарялась, Тэсс теряла свою странную, эфирную прелесть, ее зубы и глаза блестели в лучах солнца, и снова она была лишь ослепительно красивой доильщицей, у которой могли найтись соперницы среди других женщин.

В это время раздавался голос фермера Крика, который распекал за поздний приход работниц, живших не на мызе, и бранил старую Дебору Файэндер за то, что та не моет рук.

– Ради бога, Деб, подставь руки под насос. Ей-богу, если бы лондонцы знали, какая ты грязнуха, они бы покупали масла и молока еще меньше, чем теперь, а это не так-то просто.

Кончали доить коров, и тут Тэсс, Клэр и все остальные слышали, как миссис Крик отодвигает в кухне тяжелый стол от стены; – эта процедура неизменно предшествовала каждой трапезе; после завтрака раздавался снова тот же отчаянный скрип, когда стол водворяли на прежнее место.

21

Однажды после завтрака в молочной поднялась суматоха. Маслобойка вращалась, как всегда, но масло не сбивалось. Всякий раз, как это случалось, обычная жизнь останавливалась. «Плюх-плюх» – плескалось молоко в огромном цилиндре, но того звука, которого ждали все, не было слышно.

Фермер Крик и его жена, доильщицы Тэсс, Мэриэн, Рэтти Придл, Изз Хьюэт и приходящие замужние работницы, а также мистер Клэр, Джонатэн, Кейл, старая Дебора и все остальные стояли, беспомощно созерцая маслобойку, а мальчишка, погонявший во дворе лошадь, тарасил глаза, показывая, что оценивает создавшееся положение. Даже меланхолическая лошадь, завершая круг, казалось, посматривала на окно вопросительно и грустно.

– Много лет не бывал я у сына знахаря Трэндела в Эгдоне, много лет, – с горечью сказал Крик. – Далеко ему до отца! И раз пятьдесят я говорил, что в него не верю. Да, не верю. А все-таки придется пойти к нему. Да, придется пойти, если дело не наладится.

Даже мистер Клэр приуныл, видя отчаяние хозяина.

– Когда я еще был мальчишкой, – сказал Джонатэн Кейл, – знахарь Фолл – тот, что живет по ту сторону Кэстербриджа, – слыл мастером. Ну, да теперь он рассыпается, как гнилое дерево.

– Мой дед ходил, бывало, к знахарю Минтерну в Олскомб, умный был человек, как говаривал дед, – продолжал мистер Крик. – Но нынче толковых людей не сыщешь.

Миссис Крик держалась ближе к делу.

– Уж не влюблен ли у нас тут кто-нибудь на мызе? – предположила она. – В молодости я

слыхала, что масло от этого не сбивается. Помнишь, Крик, много лет назад служила у нас одна девушка... и масло-то ведь тогда не сбивалось...

– Да, да. Но это не так. Любовь тут была ни при чем. Помню прекрасно: маслобойка тогда испортилась.

Он повернулся к Клэру:

– Был у нас работник Джек Доллоп, сэр, разбитной парень; ухаживал за молодой девушкой из Мелстока и обманул ее, как обманывал многих. Ну, да на этот раз пришлось ему столкнуться с женщиной совсем другого сорта, правда, сама-то девушка была здесь ни при чем. В святой четверг собрались мы все здесь – вот так же, как и теперь, только масло в тот день не сбивали – и видим: подходит к дому мать этой девушки и держит в руке громадный зонт, оправленный медью, которым быка можно с ног свалить, – идет и спрашивает: «Здесь работает Джек Доллоп? Он мне нужен. Хочу с ним поспотеть». А следом за матерью идет девушка, обманутая Джеком, и плачет горькими слезами, уткнувшись в платок. Джек посмотрел в окно и говорит: «О господи! Вот беда! Она меня убьет! Куда бы мне спрятаться, да поскорее?.. Не говорите ей, где я!» И с этими словами залез в маслобойку и крышку прикрыл изнутри. А тут уж мать девушки ворвалась в молочную. «Негодяй! Где он? – кричит. – Я ему всю морду расцарапаю, дайте только мне до него добраться!» Искала она повсюду, ругала Джека и так и этак; тот лежит и чуть не задыхается в маслобойке, а бедная девушка, или – вернее будет сказать – молодая женщина, стоит у двери и плачет навзрыд. Никогда я этого не забуду, никогда! Камень и тот бы растаял. А она никак не может его отыскать.

Хозяин мызы умолк, и слушатели обменялись кое-какими замечаниями.

Рассказы мистера Крика отличались одним любопытным свойством: казалось бы, доведенные до конца, они побуждали слушателей встречать со своими замечаниями не вовремя, так как на самом деле до конца было еще далеко, но старые друзья не попадались на эту удочку.

Рассказчик продолжал:

– Понять не могу, как старуха догадалась, но в конце концов она пронюхала, что он сидит в маслобойке. Не говоря ни слова, она ухватила за ручку – а маслобойку тогда крутили вручную – и давай крутить, а Джек болтается там, внутри. «О господи! Остановите маслобойку! – закричал он, высунув голову. – Выпустите! Всю душу из меня вытрясли!» Был он трусоват, как и полагается такому парню. «Э, нет, не выпущу, пока не вернешь ей честное имя!» – закричала старуха. «Останови маслобойку, старая ведьма!» – завизжал он. «Ах ты, обманщик! Называешь меня старой ведьмой, хотя вот уж пять месяцев, как следовало бы тебе величать меня тещей!» И пошла крутить, а у Джека кости трещат. Никто из нас не посмеял вмещаться, и он наконец обещал загладить грех. «Да, говорит, слово свое я сдержу». Тем дело и кончилось.

Слушатели, посмеиваясь, обсуждали рассказ, как вдруг сзади послышался шорох; все оглянулись: Тэсс, побледнев, направилась к двери.

– Какая жара сегодня! – чуть слышно проговорила она.

Действительно, день был жаркий, и никому не пришло в голову, что бледность ее вызвана воспоминаниями хозяина. Он шагнул вперед, распахнул перед ней дверь и сказал с ласковой насмешкой:

– Что ж это ты, девчурка? Самая хорошенькая молочница на моей мызе и вдруг раскисла, чуть только настала жара. Как же мы без тебя обойдемся в середине лета? А, что скажете, мистер Клэр?

– Мне дурно... я... я лучше выйду на воздух, – пролепетала она и скрылась за дверь.

На ее счастье, в эту самую минуту плеск молока во вращающейся маслобойке сменился долгожданным чмоканьем.

– Пошло! – воскликнула миссис Крик, и на Тэсс перестали обращать внимание.

Бедная девушка вскоре взяла себя в руки, но весь день втайне грустила. После конца вечерней дойки ей не захотелось оставаться на людях, и, выйдя из дому, она побрела сама не зная куда. Она чувствовала себя несчастной, глубоко несчастной, сознавая, что для ее товарок повествование фермера было забавным рассказом, и только. Казалось, ни одна из них, кроме нее, не поняла трагического его смысла, и, несомненно, никто не подозревал, как больно задел ее этот рассказ. Заходящее солнце выглядело теперь безобразным, словно глубокая воспаленная рана на небе. В зарос-

лях у реки только одинокая тростянка приветствовала ее надтреснутым печальным голосом, прозвучавшим, как голос утраченного друга.

В эти длинные июньские дни доильщицы, да и другие обитатели мызы, ложились спать на закате или еще раньше, так как вставать приходилось спозаранку и работа была тяжелая – в эту пору коровы давали полные ведра молока. Обычно Тэсс поднималась наверх вместе со своими товарками, но сегодня она первая ушла в их общую спальню и уже дремала, когда явились остальные. Она видела, как они раздевались в оранжевых лучах заката, окрасившего их фигуры в желтоватые тона, потом задремала снова, но ее разбудили их голоса, и она тихо повернулась к девушкам.

Ни одна из трех ее товарок по комнате еще не улеглась спать. В ночных рубашках, босые, они втроем стояли у окна, а последние алые лучи с запада румянили их лица и шеи и освещали стены комнаты. Все три с глубоким интересом следили за кем-то в саду, и лица их почти соприкасались: веселое круглое лицо, лицо бледное в рамке темных волос и хорошенькое личико, обрамленное рыжеватыми кудрями.

– Не толкайся! Тебе видно не хуже, чем мне, – сказала рыженькая и самая молоденькая, Рэтти, не отрывая глаз от окна.

– Тебе, Рэтти Придл, так же как и мне, нет никакого толку в него влюбляться, – лукаво сказала самая старшая, круглолицая Мэриэн, – ему другие щечки приглянулись.

Рэтти Придл упорно смотрела в окно, и подруги последовали ее примеру.

– Вот он опять! – воскликнула Изз Хьюэт, бледная девушка с темными волосами и резко очерченным ртом.

– Ты бы помалкивала, Изз, – отозвалась Рэтти. – Я видела, как ты целовала его тень.

– Что такое ты видела? – переспросила Мэриэн.

– Да! Он стоял возле чана и сливал сыворотку, а тень от его лица падала на стену около Изз, которая наполняла кадущку. Она прижалась губами к стене и поцеловала его в губы; он этого не видел, но я-то видела.

– Ай да Изз Хьюэт!.. – воскликнула Мэриэн.

Розовые пятна вспыхнули на щеках Изз Хьюэт.

– Ну что ж! Беды в этом нет, – с напускным равнодушием заявила она. – А влюблена в него не я одна – вот тоже и Рэтти, да и ты, Мэриэн, уж коли на то пошло.

Мэриэн не могла покраснеть, так как круглое ее лицо было всегда румяно.

– Я? – возмутилась она. – Что за вздор! А вот он опять! Милое лицо... милые глаза... милый мистер Клэр!

– Ну вот ты и призналась!

– Да и ты тоже, все мы признались, – заявила Мэриэн с прямолинейной откровенностью, источник которой – полное безразличие к чужому мнению. – Глупо притворяться друг перед другом, хотя и нет надобности объявлять об этом всем и каждому. Да я хоть бы завтра вышла за него замуж!

– Я тоже, – прошептала Изз Хьюэт, – да и не только это...

– И я, – отозвалась более робкая Рэтти.

Тэсс бросило в жар.

– Не можем же мы все выйти за него, – сказала Изз.

– Никто из нас за него не выйдет, а это еще хуже, – проговорила старшая. – Вот он опять.

И все три послали ему воздушный поцелуй.

– Почему? – быстро спросила Рэтти.

– Потому что Тэсс Дарбейфилд нравится ему больше всех, – ответила Мэриэн, понизив голос. – Я все время за ними следила, вот и узнала, в чем дело.

Наступило задумчивое молчание.

– Но она в него не влюблена? – прошептала наконец Рэтти.

– Иной раз мне кажется, что влюблена.

– Как это все глупо! – нетерпеливо воскликнула Изз Хьюэт. – Конечно, ни на одной из нас он не женится, да и на Тэсс тоже... Сын джентльмена, который за границей делается помещиком и

фермером. Уж скорее он предложит нам поехать на его ферму работницами за столько-то и столько-то в неделю.

Вздыхнула одна, потом другая, а громче всех – толстушка Мэриэн. И та, что лежала в постели, тоже вздохнула. Слезы выступили на глазах самой младшей, Рэтти Придл, хорошенькой рыжеватой девушки, – последнего бутона из рода Пэриделлей, столь знаменитого в хрониках графства. Еще некоторое время смотрели они молча в окно, снова лица их почти соприкасались и смешивались пряди темных и светлых волос. Но мистер Клэр, ничего не подозревая, вошел в дом, и больше они его не видели. Уже совсем стемнело, и девушки поспешно улеглись в постель. Через несколько минут они услышали, как он поднимается по лестнице в свою комнату. Мэриэн скоро захрапела, но Изз долго не могла сомкнуть глаз. Рэтти Придл заснула в слезах.

Тэсс, более впечатлительная, не могла уснуть. Их разговор был еще одной горькой пилюлей, которую пришлось ей проглотить в этот день. Ревности она не испытывала, зная, что ей отдается предпочтение. Она была красивее, образованнее, чем они; хотя и моложе их всех, за исключением Рэтти, но более зрелая; поэтому она понимала, что стоит ей сделать незначительное усилие – и она завоюет сердце Энджела Клэра и одержит верх над своими простодушными подругами. Но вставал страшный вопрос: имеет ли она право этого добиваться? Разумеется, ни одна из них не могла надеяться на что-либо серьезное, но та или другая могла внушить ему мимолетную страсть и с радостью стала бы принимать его ухаживание, пока он здесь живет. Случалось, что такие отношения приводили к браку и с неровней, а она слыхала от миссис Крик, что мистер Клэр шутливо спросил однажды, какой смысл ему жениться на девице из хорошей семьи, когда предстоит возделывать десять тысяч акров земли в колониях, разводить скот и убирать хлеб. Самое разумное взять в жены девушку, выросшую на ферме. Быть может, он говорил серьезно, но могла ли Тэсс, которой совесть не позволяла выйти замуж за кого бы то ни было, Тэсс, твердо решившая противостоять такому искушению, – могла ли она отвлекать внимание мистера Клэра от других женщин ради мимолетного счастья встречать его ласковые взгляды, пока он живет в Тэлботейс?

22

На следующее утро, зевая, они спустились вниз: надо было, как всегда, снимать сливки и доить коров; затем все пошли в дом завтракать. Оказалось, что хозяин Крик рвет и мечет. Он получил письмо от одного клиента, жаловавшегося, что масло имеет привкус.

– Ей-богу, так оно и есть! – объявил Крик, держа в левой руке деревянную лопаточку с прилипшим к ней куском масла. – Вот попробуйте-ка сами.

Его окружили. Попробовал масло мистер Клэр, Тэсс и другие работницы, жившие в доме, затем два-три батрака и, наконец, миссис Крик, которая уже приготовила завтрак. В масле действительно чувствовался привкус.

Хозяин мызы, погрузившийся в размышления и пытавшийся определить, что это за привкус, и угадать, какая ядовитая трава в этом повинна, вдруг воскликнул:

– Это чеснок. А я-то думал, что на том лугу совсем его не осталось.

Все старые батраки припомнили, что много лет назад масло испортилось точно так же и виной тому был один луг, куда не так давно начали снова пускать коров. Но тогда мистер Крик не распознал привкуса и порешил, что дело не обошлось без нечистой силы.

– Придется проверить этот луг, – объявил он. – Нужно с этим покончить.

Вооружившись старыми острыми ножами, все отправились в путь. Если этого вредного растения было так мало, что оно до сих пор никем не было замечено, отыскать его в тучной траве было почти невозможно. Однако в поисках принимали участие все работники, так как положение было серьезное. В одном конце цепи встал сам хозяин вместе с мистером Клэром, предложившим свои услуги, затем Тэсс, Мэриэн, Изз Хьюэт и Рэтти; дальше Билл Льюэл, Джонатэн и замужние работницы, жившие в своих домиках, Бэк Нибс, с курчавыми черными волосами и выпученными глазами, и белокурая Фрэнсис, заполучившая чахотку от зимних туманов на заливных лугах.

Не отрывая глаз от травы, они медленно продвигались по лугу, а дойдя до конца, шли назад, чтобы ни один дюйм пастбища не остался необследованным. Это была скучнейшая работа, так как

на поле было вряд ли более полудюжины побегов чеснока, но растение это такое едкое, что достаточно одной корове съесть хотя бы один стебелек – и все масло, сбиваемое на мызе в течение суток, приобретает привкус.

Работники резко отличались друг от друга и по характеру и по внешнему виду, но сейчас, согнувшись и двигаясь бесшумно, автоматически, они казались удивительно похожими, и посторонний наблюдатель, проходя По проселочной дороге, вправе был бы назвать их всех одним собирательным именем – Ходж. Они шли, низко наклонясь, чтобы разглядеть в траве чеснок, и желтый отблеск лютиков падал на их затененные лица, словно озарял их призрачным лунным светом – хотя их спины нещадно жгло полуденное солнце.

Энджел Клэр, который взял за твердое правило работать наравне со всеми, шел, изредка поднимая голову. Конечно, не случайно занял он место рядом с Тэсс.

– Ну, как вы поживаете? – прошептал он.

– Очень хорошо, благодарю вас, сэр, – вежливо ответила она.

Только полчаса назад они говорили о вещах, интересовавших их обоих, и теперь такое вступление казалось несколько излишним. Но разговор на этом оборвался. Они медленно продвигались вперед, и подол ее платья касался его гетр, а он изредка задевал – ее локтем. Наконец хозяйин мызы, находившийся рядом с ними, выбился из сил.

– Ей-богу, больше не могу – спину ломит! – воскликнул он и со страдальческим видом медленно выпрямился во весь рост. – А ведь тебе, Тэсс, на днях нездоровилось – смотри, как бы голова опять не разболелась. Если устала – брось это дело, пусть другие кончают.

Фермер Крик убрался восвояси, а Тэсс отошла в сторону. Мистер Клэр также отстал и начал вести поиски самостоятельно. Когда он очутился подле нее, нервное напряжение, вызванное подслушанным накануне разговором, побудило ее заговорить первой.

– Какие они хорошенькие, правда? – сказала она.

– Кто?

– Изз Хьюэт и Рэтти.

Тэсс пришла к горестному заключению, что любая из этих девушек была бы прекрасной женой фермера и потому она – Тэсс – должна их расхваливать и не выставлять напоказ свою злополучную красоту.

– Хорошенькие? Да, они хорошенькие девушки, их миловидность полна свежести, я часто об этом думал.

– Но бедняжки... со временем красота увянет.

– Да, к несчастью.

– Они прекрасные работницы.

– Да, но не лучше вас.

– Сливки они снимают лучше, чем я.

– Разве?

Клэр смотрел на них, и это не прошло незамеченным.

– Она краснеет, – продолжала Тэсс, делая героическое усилие.

– Кто?

– Рэтти Придл.

– Вот как. А почему?

– Потому что вы на нее смотрите.

Хотя Тэсс и готова была к самопожертвованию, но не могла пойти дальше и крикнуть: «Женитесь на одной из них, если вам действительно нужна работница, а не девушка из хорошей семьи, и не думайте о том, чтобы жениться на мне!» Она последовала за фермером Криком и почувствовала горькое удовлетворение, когда убедилась, что Клэр остался на лугу.

Начиная с этого дня, она прилагала все усилия, чтобы избегать его, – не позволяла себе оставаться с ним подолгу, как бывало раньше, хотя бы встречи их происходили чисто случайно. Она хотела, чтобы все преимущества были на стороне трех других девушек.

Услышав их признания, Тэсс женским чутьем угадывала, что от Энджела Клэра зависит не опорочить честь этих девушек, и, видя, как он заботливо остерегается хоть чем-нибудь омрачить

их счастье, она преисполнилась уважением к тому, что считала – правильно или ошибочно – его самообладанием и сознанием долга, а эти качества она не ожидала найти в мужчине; не будь их у Клэра, простосердечные ее товарки, жившие с ним в одном доме, пошли бы, может быть, обливаясь слезами, по пути, уже пройденному Тэсс.

23

Незаметно подкрался к ним жаркий июль, и над мызой, коровами и деревьями навис воздух долины, тяжелый, словно насыщенный опиумом. Часто выпадали теплые дожди, задерживавшие уборку сена на лугах, и еще тучнее становилась трава на пастбище, где паслись коровы.

Было воскресное утро. Подоив коров, приходящие работницы разошлись по домам. Тэсс и ее три товарки поспешно одевались, так как сговорились вчетвером идти в мелстокскую церковь, находившуюся в трех-четыре милих от мызы. Два месяца Тэсс прожила на мызе Тэлботейс и сегодня в первый раз отправлялась на прогулку.

Накануне вечером и всю ночь не стихала гроза над лугами, и дождь смыл часть сена в реку. Но утром засияло солнце, ослепительное после ливня, и воздух был ароматный и чистый.

Проселочная дорога из прихода Тэлботейс в Мелсток вилась по низине, и, дойдя до самого сырого участка, девушки убедились, что после ливня дорога на протяжении пятидесяти ярдов залита водой, поднимающейся выше лодыжек. В будни это не было бы серьезным препятствием: обутые в высокие сапоги с патенами, они преспокойно переправились бы вброд; но сегодня день был воскресный, суетный, когда плоть стремится кокетничать с плотью и в то же время лицемерно притворяется, будто поглощена высокими помыслами, – по этому случаю они надели белые чулки и тонкие ботинки, нарядились в белые, розовые и лиловые платья, на которых видны малейшие брызги грязи, – и, стало быть, лужа являлась досадной помехой. Они слышали колокольный звон, а им оставалось пройти еще около мили.

– Кто бы мог подумать, что река так разольется в середине лета! – воскликнула Мэриэн с придорожной насыпи, на которую они вскарабкались и где кое-как держались, надеясь пройти по склону и миновать лужу.

– Нам туда не добраться; придется или идти вброд, или свернуть на тернпайкскую дорогу, и мы, конечно, опоздаем! – сказала Рэтти, беспомощно останавливаясь на насыпи.

– А я всегда краснею до ушей, когда опаздываю в церковь и все пялят на меня глаза, – заявила Мэриэн. – Так и сижу вся красная до конца службы.

И вот, пока они стояли на скользкой насыпи, за поворотом дороги послышался плеск, и вскоре показался Энджел Клэр, шагавший прямо по воде им навстречу.

Четыре сердца екнули одновременно.

Одет он был отнюдь не по-праздничному, что, впрочем, частенько случалось с сыновьями священников, строго следивших за исполнением обрядов. На нем был будничный костюм и высокие болотные сапоги; в шляпу он вложил капустный лист, чтобы защитить голову от зноя, а репей завершал его наряд.

– Он не в церковь идет, – сказала Мэриэн.

– Да... к сожалению, – прошептала Тэсс.

Действительно, в ясные летние дни Энджел предпочитал, правильно или ошибочно (если воспользоваться осторожной фразой уклончивых краснобаев), проповедь природы церковным проповедям. А сегодня утром он пошел посмотреть, сильно ли сено пострадало от ливня. Девушек он увидел еще издали, хотя они были так озабочены встреченным на пути препятствием, что его не заметили. Он знал, что в этом месте дорогу затопило и им тут не пройти, поэтому он ускорил шаги, придумывая, как бы выручить их из беды – в особенности одну из них.

Четыре девушки в светлых летних платьях, румяные, ясноглазые, приютившиеся на насыпи, словно голуби на скате крыши, были так очаровательны, что он на секунду остановился и залюбовался ими. Пока они шли, подолы их воздушных юбок смахивали с травы бесчисленных мушек и бабочек, которые, не находя выхода, бились в складках прозрачной материи, словно в клетке. Наконец взгляд Энджела упал на Тэсс, стоявшую позади всех; она уже давно с трудом удержива-

лась от смеха, так что теперь, встретив его взгляд, не смогла придать лицу суровость и вся просияла.

Он направился к ним, шагая прямо по воде, не поднимавшейся выше его сапог, и остановился, глядя на мушек и бабочек, попавших в западню.

– Вы пытаетесь добраться до церкви? – спросил он Мэриэн, стоявшую впереди, и бросил взгляд на двух ее спутниц, избегая, однако, смотреть на Тэсс.

– Да, сэр, и мы опаздываем, а я всегда так краснею...

– Я вас перенесу через лужу... перенесу всех четырех.

Все четверо мгновенно вспыхнули, словно сердце у них было одно.

– Вряд ли вы справитесь, сэр, – сказала Мэриэн.

– Иначе вам здесь не пройти. Стойте смирно. Глупости, вовсе вы не такие тяжелые. Да я бы мог перенести вас всех сразу. Ну, Мэриэн, – продолжал он, – обнимите меня руками за плечи, вот так. Держитесь. Отлично.

Мэриэн опустила на его руку и плечо, и Энджел тронулся в путь; его стройная фигура издали казалась тонким стеблем, поддерживающим огромный букет. Они скрылись за поворотом дороги, и только плеск воды да бант на шляпе Мэриэн указывали, где они находятся. Через несколько минут он появился снова. Теперь была очередь Изз Хьюэт.

– Он идет, – прошептала она, и по голосу они догадались, что губы у нее пересохли от волнения. – И я должна обнять его за шею и смотреть ему в лицо, как смотрела Мэриэн!

– Ничего особенного в этом нет, – быстро сказала Тэсс.

– Все мое время, – не обращая на нее внимания, продолжала Изз. – Время для объятий и время, когда нужно воздержаться от них; сейчас мне на долю выпадет первое.

– Фи! Ведь это из Священного писания, Изз!

– Да, – сказала Изз. – В церкви я всегда прислушиваюсь к красивым изречениям.

Энджел Клэр, который три четверти этой работы выполнял исключительно по доброте своей, подошел теперь к Изз. Она спокойно и мечтательно опустила в его объятия, и он, мерно шагая, удалился вместе с ней. Когда его шаги послышались в третий раз, у Рэтти так сильно забило сердце, что она начала дрожать. Он приблизился к рыжеволосой девушке и, поднимая ее, взглянул на Тэсс. Взгляд этот был красноречивее слов: «Скоро мы будем вдвоем». Ее лицо выдало, что она угадала его мысли, она ничего не могла с собой поделать. Они давно без слов понимали друг друга.

Бедная маленькая Рэтти – самая легкая нота – оказалась, однако, самой беспокойной. Мэриэн была как куль с мукой, – под тяжестью этого пышного тела он буквально шатался. Изз вела себя спокойно и рассудительно. Рэтти оказалась клубком нервов.

Однако он все-таки донес взволнованную девушку до сухого места, опустил ее на землю и вернулся. Тэсс через живую изгородь видела, что все трое стоят на пригорке, там, куда он их отнес. Теперь была ее очередь. Смущенно призналась она себе, что испытывает волнение от близости глаз и губ мистера Клэра – то самое волнение, за которое осуждала своих подруг, но только удешевленное; и, словно страшась выдать свою тайну, она в последнюю минуту попыталась от него ускользнуть.

– Пожалуй, мне удастся пройти вдоль насыпи, я не так скольжу, как они. Вы ведь очень устали, мистер Клэр.

– Нет, нет, Тэсс! – быстро ответил он.

Она не успела опомниться, как он уже держал ее в своих объятиях, и она прислонилась к его плечу.

– Три Лии – ради одной Рахили! – прошептал он.

– Они лучше, чем я, – великодушно ответила она, не отступая от своего решения.

– Только не для меня, – сказал Энджел.

Он почувствовал, что ее бросило в жар. На несколько секунд воцарилось молчание.

– Вам не очень тяжело? – робко спросила она.

– О нет! Попробовали бы вы поднять Мэриэн! Вот это груз! Вы словно волна, согретая солнцем. А это пышное муслиновое платье – морская пена.

– Это очень красиво... если я кажусь вам такой.

– А знаете ли вы, что три четверти этой работы я проделал исключительно ради последней четверти?

– Нет.

– Не ждал я сегодня такого события.

– Я тоже... Вода поднялась так внезапно.

Не о поднявшейся воде думал он, и прерывистое ее дыхание свидетельствовало о том, что она его поняла. Клэр остановился и приблизил к ней лицо.

– О Тэсси! – воскликнул он.

Щеки девушки горели, в смущении она не смогла смотреть ему в глаза. Тогда Энджелу пришлось в голову, что он не вправе пользоваться случайным преимуществом, выпавшим на его долю, и он сдержался. Слова любви еще не сорвались с их губ, и в эту минуту промедление казалось желанным. Однако он шел медленно, чтобы растянуть оставшийся путь. Наконец он дошел до поворота дороги, и теперь трем остальным девушкам они были видны как на ладони. Дойдя до сухого пригорка, он опустил ее на землю.

Ее подруги смотрели на них задумчиво и внимательно – она поняла, что они говорили о ней. Он торопливо распрощался с ними и ушел, шлепая по воде.

Четыре девушки продолжали свой путь; наконец Мэриэн прервала молчание:

– Да, что и говорить, куда нам до нее!

Она уныло посмотрела на Тэсс.

– О чем ты говоришь? – спросила та.

– Ты ему больше всех нравишься, больше всех! Мы это поняли, когда он тебя нес на руках. Он бы тебя поцеловал, если бы ты хоть чуточку его подзадорила.

– О нет! – сказала Тэсс.

Прежнее веселое настроение развеялось; однако не было ни вражды, ни злобы. Это были великодушные девушки; они выросли в глухих деревушках, где фатализм глубоко пустил корни, и Тэсс они не винили: так угодно было судьбе.

У Тэсс сжималось сердце. Она не могла скрыть от себя, что любит Энджела Клэра, а любовь, внушенная им трем другим девушкам, быть может, еще усиливала ее страсть. Чувство это заразительно, и женщины особенно восприимчивы к такой заразе. И тем не менее сердце ее, изголодавшееся по любви, сочувствовало подругам. Тэсс, честная по натуре, боролась со своей любовью, но боролась недостаточно энергично, и результаты не заставили себя ждать.

– Никогда я не буду стоять вам поперек дороги! – объявила Тэсс вечером в спальне, обращаясь к Рэтти, и слезы струились по ее лицу. – Но я ничего не могу поделать, милая! Вряд ли он вообще думает о женитьбе, но даже если бы он захотел на мне жениться, я бы отказала ему, как и всякому другому.

– Да что ты? Почему? – удивилась Рэтти.

– Это невозможно! Но я буду откровенна: даже если бы меня совсем не было, не думаю, чтобы он женился на ком-нибудь из вас.

– Никогда я на это не надеялась, никогда об этом не мечтала! – простонала Рэтти. – Но как бы я хотела умереть!

Бедняжка, терзаемая чувством, ей самой не совсем понятным, повернулась к двум другим девушкам, которые только что поднялись наверх.

– Мы опять будем жить с ней в дружбе, – сказала она им. – Она не больше нас надеется на то, что он на ней женится.

Недоверие рассеялось, они были откровенны и ласковы.

– Теперь мне все равно, что ни делать, – сказала Мэриэн, настроенная очень мрачно. – Я собиралась выйти за одного парня из Стиклфорда, он дважды за меня сватался; но, честное слово, я теперь скорее покончу с собой, чем выйду за него замуж. Изз, почему ты молчишь?

– Уж коли говорить начистоту, – отозвалась Изз, – сегодня я была уверена, что он меня поцелует, когда понесет на руках; и я тихонько прислонилась к его плечу и все надеялась и ни разу не пошевелилась. А он не поцеловал. Не хочу я оставаться здесь, в Тэлботейсе! Вернусь домой.

Казалось, воздух в спальне вибрировал, насыщенный безнадежной страстью девушек. Они дрожали, словно в лихорадке, измученные чувством, навязанным жестокой природой, – чувством, которого они не ждали и не хотели. Событие этого дня раздуло пламя, сжигавшее их сердца, и пытка была почти невыносима. Страсть стерла их индивидуальности; каждая девушка была лишь частицей единого организма, именуемого полом. Они были так искренни и почти не чувствовали ревности потому, что надежды у них не было. Каждая наделена была здравым смыслом, не обманывала себя нелепыми фантазиями, не отрекалась от своей любви и не превозносила себя, чтобы затмить других. Полное признание тщеты своего чувства с социальной точки зрения, бесцельность, самоуничижение, невозможность оправдать его в глазах цивилизованного общества (хотя оно вполне оправдано было перед лицом природы), самое наличие этого чувства, доставлявшего им мучительную радость, – все это преисполняло их смирением и достоинством, которого лишила бы их корыстная надежда выйти замуж за мистера Клэра.

Они метались на своих узких кроватях, а снизу, где стоял пресс для сыров, доносилось монотонное капанье.

Через полчаса раздался шепот:

– Тэсс, ты спишь?

Это был голос Изз Хьюэт.

Тэсс ответила отрицательно, и Рэтти и Мэриэн вдруг сбросили с себя одеяла и со вздохом прошептали:

– Мы тоже не спим!

– Хотела бы я знать, какова она – та невеста, которую, говорят, приглядели для него его родители! – сказала Изз.

Тэсс вздрогнула.

– А разве ему приглядели невесту? Я об этом не слыхала.

– Да, ходит слух. Она ровня ему, и ее выбрала его семья; она дочь доктора богословия, который живет недалеко от Эмминстера, где находится приход его отца. Говорят, он в нее не очень-то влюблен. Но, конечно, он на ней женится.

Знали они очень мало, но этого было достаточно для того, чтобы сейчас, под покровом ночи, строить мучительные догадки. И они заговорили о том, как он даст в конце концов свое согласие, думали о приготовлениях к свадьбе, о радости невесты, о платье ее и вуали, о ее счастливой жизни с ним, когда они со своей любовью будут забыты. Так беседовали они, грустили и плакали, пока сон не развеял их тоску.

После этого открытия Тэсс уже не лелеяла глупой мысли, что в отношении к ней Клэра есть нечто серьезное. Это было летнее увлечение ее красотой, переходящая любовь ради самой любви, и только. И терновым венцом, когда Тэсс пришла к этому печальному выводу, явилось сознание, что она, которую он ненадолго предпочел всем остальным, она, от природы более страстная, умная и красивая, была, с точки зрения общества, менее достойна его, чем те, другие, им не замеченные и более заурядные.

24

Среди просачивающихся тучных и теплых испарений долины Вар в ту пору года, когда, казалось, простым слухом можно было уловить течения соков под слоем удобрения, даже самая мечтательная любовь не могла не разгореться в страсть. Сердца, готовые принять ее, пребывали под властью окружающей природы.

Пролетел над ними июль, а потом настала термидорианская жара, словно природа хотела состязаться со страстью, сжигающей сердца на мызе Тэлботейс. Воздух, такой свежий весной и ранним летом, стал недвижимым и расслабляющим. Душные тяжелые ароматы вызывали головокружение, а в полдень долина, казалось, замирала в обмороке. Верхние склоны пастбищ побурели от африканского зноя, но там, где журчали ручьи, трава была ярко-зеленой. Клэр томился от жары, и его сжигала нарастающая страсть к молчаливой и кроткой Тэсс.

Миновала дождливая пора, и в предгорьях наступила засуха. Когда фермер Крик возвращал-

ся домой с базара, колеса его двуколки подбрасывали рассыпающуюся в порошок иссохшую землю и за ними белыми лентами тянулась пыль, как будто подождгли тонкий пороховой шнур. Коровы, измученные оводами, перепрыгивали через-изгородь загона; с понедельника по субботу у фермера рукава рубахи были засучены выше локтя; приходилось открывать не только окна, но и двери, чтобы хоть как-то освежить воздух в доме; а в саду дрозды забивались под кусты смородины, наподобие скорее четвероногих, чем крылатых созданий. В кухне мухи, ленивые, назойливые, бесцеремонные, появлялись в самых неожиданных местах, ползали по полу, забирались в ящики, садились на руки доильщиц. Разговоры шли больше о солнечных ударах. Сбивать масло, и в особенности сохранять его свежим, было более чем неблагоприятной задачей.

Коров не загоняли на мызу, а доили их на лугу, где было прохладнее. Днем животные покорно следовали за тенью хотя бы самого маленького деревца, по мере того как она ползла по земле вокруг ствола, двигаясь вместе с солнцем; а когда приходили доильщицы, коровы не могли стоять смиренно, осаждаемые мухами.

Однажды после полудня четыре или пять не выдоенных еще коров отошли от стада и стояли за углом изгороди; среди них были Толстушка и Старая Красотка, которые предпочитали руки Тэсс рукам всех других доильщиц. Когда, выдоив корову, Тэсс поднялась со скамеечки, Энджел Клэр, следивший за ней, спросил, не займется ли она этими двумя. Тэсс молча кивнула и, держа скамеечку в вытянутой руке, а подойник у колена, направилась к коровам. Вскоре из-за изгороди донесся плеск молока Старой Красотки, стекающего в подойник, и Энджелу захотелось пойти туда и выдоить одну из непокладистых коров, отбившихся от стада, так как теперь он доил не хуже самого Крика.

Все мужчины и многие женщины во время доения упирались лбом в бок коровы и смотрели в подойник. Но некоторые – в особенности те, что были помоложе, – поворачивали голову в профиль. Так делала и Тэсс Дарбейфилд: прислонившись виском к корове, она рассеянно смотрела в дальний конец луга, словно погружившись в размышления. Так она доила и Старую Красотку, а лучи солнца падали на нее, освещая ее фигуру в розовом платье, белый чепчик с оборками и профиль, напоминающий каменю, вырезанную на буром боку коровы.

Она не знала, что Клэр последовал за ней и, сидя подле своей коровы, не спускает с нее глаз. Голова ее была неподвижна, лицо застыло; казалось, она погружена в транс и ничего не видит, хотя глаза ее и открыты. Застыло все, только Старая Красотка махала хвостом да чуть заметно двигались розовые руки Тэсс, словно пульсировали ритмично, подобно бьющемуся сердцу.

Каким милым казалось ему ее лицо! В нем не было ничего эфемерного – жизнь, живое тепло, подлинная плоть. И ярче всего выражалось это в ее губах. Ему и раньше случалось видеть глаза почти такие же глубокие и выразительные, такие же нежные щеки, такие же изогнутые брови, безукоризненно вылепленные подбородок и шею – но никогда ни на одном лице не видывал он таких губ. Любому юноше, хоть сколько-нибудь пылкому, достаточно было увидеть эту алую, чуть приподнятую верхнюю губу, чтобы потерять голову, влюбиться, сойти с ума. Никогда не видывал он ни у одной женщины губ и зубов, которые так настойчиво напоминали бы ему старое, времен Елизаветы, сравнение: «Розы, наполненные снегом». Влюбленный мог смело назвать их совершенными. И, однако, они не были совершенны. И это легкое несовершенство придавало им особую живую прелесть.

Клэр столько раз изучал очертания этих губ, что всегда мог мысленно их себе представить; сейчас он снова видел эти губы – живые, алые, и словно ток пробежал по его телу, дрожь охватила его, он был близок к обмороку, как вдруг, в силу какого-то таинственного физиологического процесса, самым прозаическим образом чихнул.

Тогда она осознала, что он наблюдает за ней, но не изменила позы, хотя мечтательно-задумчивое выражение исчезло, и внимательный взгляд легко мог уловить, как кровь медленно прилила к ее щекам, а потом отхлынула, и только розовая тень осталась на лице.

Волнение, охватившее Клэра, словно он услышал голос с неба, не утихло. Принятые решения, сдержанность, осторожность, опасения – все отступило, как потерпевший поражение батальон. Он вскочил с места – пусть корова если ей вздумается опрокидывает подойник, – быстро подошел к той, которая так влекла его, и, опустившись перед ней на колени, крепко обнял ее.

Тэсс была застигнута врасплох и, не задумываясь, отдалась его объятию, как чему-то неизбежному. Едва она увидела, что это действительно он, ее возлюбленный, губы ее раскрылись, и, охваченная безотчетной радостью, она прижалась к нему и вскрикнула, словно в экстазе.

Он готов был поцеловать эти притягивающие его губы, но удержался, чувствуя себя виноватым.

– Простите меня, Тэсс, дорогая! – прошептал он. – Я должен был спросить... Я... я не знал, что делаю. Я не хотел быть дерзким. Я предан вам всей душой, Тэсси, милая!

Старая Красотка в недоумении оглянулась; видя, что подле нее вопреки всем обычаям, установившимся с незапамятных времен, сидит не один, а двое, она сердито подняла заднюю ногу.

– Она сердится... не понимает, что случилось... она опрокинет подойник! – воскликнула Тэсс, мягко отстраняя его. Она следила за движениями коровы, но занята была только собой и Клэром.

Потом Тэсс поднялась со скамеечки, и они стояли друг подле друга; его рука все еще обвивала ее талию. Глаза Тэсс, устремленные вдаль, наполнились слезами.

– О чем вы плачете, милая? – спросил он.

– Ах, не знаю! – грустно прошептала она.

Опомнившись и осознав, что случилось, она заволновалась и попыталась выскользнуть из его объятий.

– Да, наконец я выдал свои чувства, Тэсс, – сказал он, печально вздохнув и невольно давая понять, что сердце его опередило рассудок. – Вряд ли нужно говорить, что я люблю вас искренне и горячо. Но я... сейчас я не скажу больше ни слова... это вас расстраивает... а я потрясен не меньше, чем вы. Вы не подумаете, что я воспользовался вашей беспомощностью... был слишком стремителен, безрассуден? Не подумаете?

– Я ничего не могу сказать.

Он выпустил ее из своих объятий, и минуты через две оба уже доили коров. Свидетелей не было, никто не видел этого объятия. Когда фермер спустя несколько минут забрел в этот уединенный уголок, ничто не показывало, что эти двое, разделенные внушительным расстоянием, были друг для друга больше, чем простые знакомые. Однако с тех пор, как Крик в последний раз их видел, произошло событие, которое – пока оно длится – изменяет облик вселенной для двух людей; если бы об этом событии ведал фермер, он, как человек практический, отнесся бы к нему презрительно; однако основывалось оно на стремлении более стойком и неодолимом, чем все так называемые практические предпосылки. Отдернута была завеса; отныне перед каждым из них открылся новый горизонт – на краткий срок или на долгий.

ФАЗА ЧЕТВЕРТАЯ «ПОСЛЕДСТВИЯ»

25

Когда спустились сумерки и та, что завоевала его сердце, удалилась в свою комнату, Клэр, не находя покоя, вышел в темноту.

Душный день сменился не менее душной ночью. Только трава казалась прохладной. Дороги, тропинки, фасады строений, заборы были теплы, как нагретый очаг, и эта полуденная жара обжигала лицо человека, бродившего в ночи.

Он присел на перекладину восточных ворот, стараясь разобраться в самом себе. Да, в этот день чувство заглушило рассудок.

Три часа прошло после неожиданных объятий, и с тех пор эти двое избегали друг друга. Она была словно в лихорадке, почти испугана тем, что произошло, а Клэр, человек нервный, предрасположенный к созерцательной жизни, был обеспокоен новизной, безотчетностью своего порыва и непреодолимой властью обстоятельств. Сейчас он едва мог дать себе отчет в том, каковы должны быть отныне их взаимоотношения наедине и в присутствии посторонних.

Приехав учиться на эту мызу, Энджел предполагал, что временное пребывание его здесь будет лишь случайным эпизодом в его жизни, мимолетным и быстро стирающимся в памяти; он думал, что отсюда, словно из занавешенной ниши, сможет спокойно созерцать манящий внешний мир и, обращаясь к нему, говорить вместе с Уолтом Уитменом:

Толпы мужчин и женщин в обычных костюмах,
Какими занятыми кажетесь вы мне! –

но в то же время строить планы, как снова в него окунуться. Но вдруг случилось невероятное, и то, что прежде было всепоглощающим миром, превратилось в неинтересную пантомиму, а здесь, в этом якобы скучном местечке, чуждом всяких страстей, взорвалось с вулканической силой нечто новое, до сей поры ему неведомое.

Все окна в доме были открыты, и через двор до Клэра доносились привычные звуки – обитатели мызы укладывались спать. Этот дом, такой скромный и невзрачный, на который он привык смотреть как на временное жилище и отнюдь не считая его чем-либо достопримечательным на фоне окружающего пейзажа, – какое значение приобрел для него теперь этот дом! Старые, поросшие мхом кирпичные карнизы шептали ему: «Останься!» Окна улыбались, дверь приветливо манила, вьющиеся растения ему сочувствовали. Влияние женщины, находившейся в доме, оживило даже кирпич и известку, заставило их вместе с небосводом сгорать от страсти. Кто же была эта всемогущая женщина? Работница с молочной фермы.

Да, изумительным казалось то значение, какое приобрела для него жизнь скромной мызы. И не только новая любовь была тому причиной. Не один Энджел познал на опыте, что ценность жизни не во внешних изменениях, но в субъективных переживаниях. Чуткий крестьянин живет жизнью более полной, широкой, драматической, чем толстокожий король. И теперь Клэр убедился в том, что жизнь так же величественна здесь, как и в любом другом месте.

Клэр, несмотря на свою ересь, ошибки и слабости, был человеком с чуткой совестью. Для него Тэсс была не ничтожным существом, не забавной игрушкой, но женщиной, которой дарована драгоценная жизнь, и жизнь эта ей самой, страдающей либо радующейся, представлялась не менее значительной, чем могущественнейшему из людей его собственная жизнь. Для него весь мир сконцентрировался в Тэсс, и лишь пройдя сквозь призму ее восприятия, существовали для нее люди. Сама вселенная возникла для Тэсс в тот день и час, когда она родилась.

Это сознание, в которое он вторгся, было единственной возможностью существования, пожалованного Тэсс равнодушной Первопричиной, – всем ее достоянием, единственной предпосылкой ее бытия. Как же мог он считать ее существом менее значительным, чем он сам, хорошенькой безделушкой, которая скоро надоест? Мог ли он не относиться с величайшей серьезностью к чувству, какое – а это было ему известно – он пробудил в ней, такой пылкой и впечатлительной, несмотря на ее сдержанность? Мог ли он допустить, чтобы это чувство истерзало ее и погубило?

Ежедневные встречи с ней в привычной обстановке помогли бы развиваться тому, что уже зародилось. Жизнь в такой близости привела бы к неясности, с которой плоть и кровь бессильны бороться. Не находя выхода из создавшегося положения, он решил на время не браться за ту работу, которую ему пришлось бы делать с ней. Пока причиненное ей зло было еще невелико.

Но не так-то легко было выполнить решение упорно ее избегать. С каждым ударом сердца его все сильнее влекло к ней.

Он решил навестить родных. Быть может, удастся узнать их мнение. Срок его пребывания здесь истечет меньше чем через полгода; затем, проведя еще несколько месяцев на других фермах, он уже вполне изучит агрономию и сможет начать самостоятельную жизнь. А ведь фермеру нужна жена, которая не украшала бы, словно восковая кукла, гостиную, а знала бы толк в сельском хозяйстве. В молчании ночи прочел он желанный ответ, но тем не менее решил отправиться в путь.

Однажды утром, когда на мызе Тэлботейс уселись завтракать, одна из работниц заметила, что мистера Клэра сегодня что-то не было видно.

– Да, – отозвался фермер Крик, – мистер Клэр поехал в Эмминстер, провести день-другой со своими родными.

Четырем влюбленным девушкам, сидевшим за столом, показалось, что свет солнечный внезапно угас и пение птиц смолкло. Но ни словом, ни жестом не выдали они своей тоски.

– Скоро его договор со мной кончится, – с бессознательной жестокостью флегматично добавил Крик. – Вот он, должно быть, и присматривает себе какое-нибудь занятие.

– А сколько времени он еще здесь пробудет? – спросила Изз Хьюэт, единственная из четырех приунывших девушек, которая осмелилась заговорить.

Остальные ждали ответа, словно от него зависела их жизнь, – Рэтти, приоткрыв рот, разглядывала скатерть; ярче вспыхнул румянец на щеках Мэриэн; Тэсс, дрожа, смотрела в окно на луг.

– Точно я не могу сказать, у меня нет под рукой записной книжки, – с тем же невыносимым спокойствием ответил Крик. – Но ведь срок можно менять. Он, конечно, захочет поучиться уходу за телятами. Думаю, он у нас проживет до конца года.

Еще четыре с лишним месяца мучительного восторга, «радости, опоясанной болью», а потом – мрак непроглядной ночи.

В этот утренний час Энджел Клэр был уже в десяти милях от мызы; он ехал по узкой проселочной дороге, направляясь в Эмминстер, в приход своего отца, и вез корзиночку с кровяной колбасой и бутылку меду, которые миссис Крик послала вместе с приветом его родителям. Перед ним тянулась белая дорога, и он не спускал с нее глаз, но видел не ее, а будущее. Он любит Тэсс. Следует ли на ней жениться? Вправе ли он это сделать? Что скажут его мать и братья? Что скажет он сам года через два? Это зависит от того, кроются ли в преходящей страсти семена прочной привязанности, или девушка вызывает в нем лишь чувственное влечение, которое не может быть вечным.

Наконец показался городок, окруженный холмами, красная каменная церковь времен Тюдоров, группа деревьев возле дома священника. Клэр повернул лошадь к хорошо знакомым воротам. У входа в дом он бросил взгляд на церковь и увидел у дверей ризницы группу девочек от двенадцати до шестнадцати лет, которые, очевидно, кого-то ждали; через секунду появилась девушка постарше, в широкополой шляпе и туго накрахмаленном батистовом платье, в руке она держала две книги.

Клэр хорошо ее знал. Он не был уверен, заметила ли она его, и надеялся, что не заметила, ибо в таком случае не нужно было здороваться и разговаривать с этой безупречной особой. Очень не хотелось ему к ней подходить, и потому он решил, что она его не видела. Это была мисс Мерси Чант, единственная дочь соседа и приятеля его отца; и родители Клэра втайне питали надежду, что когда-нибудь он попросит ее стать его женой. Она была знатоком антиномизма и Библии и сейчас, несомненно, шла заниматься с учениками воскресной школы. Клэр вспомнил страстных, напоенных летним зноем язычниц долины Вар, их розовые лица, забрызганные коровьим пометом, и ту, которая была самой жизнерадостной, самой нежной и пылкой.

Решение ехать в Эмминстер он принял под влиянием минуты и потому не уведомил родителей, намереваясь, впрочем, приехать к завтраку, чтобы застать их дома, так как после завтрака они имели обыкновение заниматься делами прихода. Он запоздал, и они уже сидели за столом. Как только он вошел, все вскочили, чтобы с ним поздороваться: отец и мать, брат, его преподобие Феликс, – священник в одном из городов смежного графства, заглянувший на две недели домой, и второй брат, его преподобие Катберт, – ученый, декан колледжа, приехавший на каникулы из Кембриджа. Мать носила чепец и серебряные очки; отец и на вид казался таким, каким был на самом деле: серьезный, богобоязненный человек, несколько худощавый, лет шестидесяти пяти; размышления избородили морщинами его бледное лицо. На стене висел портрет сводной сестры Энджела, которая была старше его на шестнадцать лет; она вышла замуж за миссионера и уехала в Африку.

Священники, подобные мистеру Клэру-старшему, совсем исчезли за последние двадцать лет. Близкий по духу Уиклифу, Гусу, Лютеру и Кальвину, евангелист до мозга костей, человек, и в быту и в размышлениях своих склонявшийся к апостольской простоте, он еще в ранней юности окончил раз и навсегда с основными вопросами бытия и с тех пор не позволял себе к ним возвращаться. Даже сверстники его и единомышленники считали, что он в своих выводах доходит до

крайностей; но, с другой стороны, противники его невольно восхищались его прямолинейностью и той исключительной энергией, с какой он отметал все сомнения, проводя в жизнь свои принципы. Он любил Павла из Тарса, питал расположение к святому Иоанну, святого Иакова ненавидел насколько хватало смелости, а к Тимофею, Титу и Филимону относился со смешанным чувством. Для него Новый завет был не столько заветом Христа, сколько заветом Павла, – не столько учением, сколько опьянением. Вера его в детерминизм была почти манией и негативной своей стороной граничила с философией отречения, родственной философии Шопенгауэра и Леопарди. Одно оставалось бесспорным: он был глубоко искренен.

К эстетическому, чувственному, языческому наслаждению природой и пламенной женственностью, какое познал в долине Вар его сын Энджел, он отнесся бы в высшей степени отрицательно, если бы путем расспросов или догадок постиг правду. Как-то в минуту раздражения Энджел имел неосторожность сказать ему, что, пожалуй, лучше было бы для человечества, если бы источником современной религии стала Греция, а не Палестина; возмущенный отец и мысли не допускал, чтобы в этих словах могла таиться хотя бы тысячная доля истины, не говоря уж о полустине или истине. Он ограничился тем, что долгое время после этого читал Энджелу суровые нотации. Но доброму его сердцу чужда была злопамятность, и сегодня он приветствовал сына улыбкой нежной и светлой, как улыбка ребенка.

Энджел уселся за стол; здесь был он у себя дома, но сейчас, в отличие от былых дней, он не чувствовал себя членом собравшейся семьи. Всякий раз, возвращаясь домой, он замечал свое расхождение с семьей, а сегодня жизнь родного дома показалась ему еще более чуждой, чем обычно. Трансцендентальные устремления, все еще выраставшие из геоцентрической теории – рай в зените, ад в надире, – были непонятны ему, словно грезы людей, обитающих на другой планете. Последние месяцы видел он только Жизнь, ощущая мощное, страстное биение пульса бытия, не искаленного, не искаженного, не стесненного теми верованиями, какие тщетно пытаются заглушить то, что мудрость хотела бы только регулировать.

И родные, в свою очередь, нашли его резко изменившимся, непохожим на прежнего Энджела Клэра. Сейчас родители, и в особенности братья, отметили перемену в его манерах: он привык держать себя, как фермер, – сидел вытянув ноги; лицо его стало более выразительным, в глазах отражалась мысль раньше, чем он успевал ее высказать; стерся лоск, свойственный ученикам колледжей и тем более салонным юношам. Сноб сказал бы, что Энджел утратил культуру; чопорная дама нашла бы его огрубевшим. Таковы были результаты общения с нимфами и пастухами Тэлботейс.

После завтрака он пошел погулять со своими братьями, неевангелистами, прекрасно образованными молодыми людьми, корректными до мозга костей, – такие безупречные модели ежегодно сходят с токарного станка систематического обучения. Оба были слегка близоруки, и когда мода требовала носить монокль на шнурке, они носили монокль на шнурке; когда в моду вошел лорнет, они приобрели лорнет; а когда модными стали очки, они немедленно обзавелись очками, не заботясь о том, что, собственно, требуется их глазам. Когда на трон возведен был Вордсворт, они носили в кармане его книжки, а когда развенчали Шелли, они предоставили ему покрываться пылью на книжных полках. Когда всеобщий восторг вызывали святые семейства Корреджо, они восхищались Корреджо; когда Корреджо был отвергнут в пользу Веласкеса, нимало не возражая, они поспешили присоединиться к общему мнению.

Если старшие братья решили, что Энджел утрачивает хорошие манеры, то он пришел к выводу, что их духовная ограниченность все возрастает. Феликс казался ему олицетворением церкви, Катберт – колледжа. Для одного краеугольным камнем мира был епархиальный совет, для другого – Кембридж. Оба брата снисходительно признавали, что в цивилизованном обществе существуют несколько десятков миллионов людей, не имеющих отношения ни к университету, ни к церкви; но к этим людям следует скорее относиться терпимо, чем считаться с ними и их уважать.

Оба были почтительными и внимательными сыновьями и в положенные сроки навещали родителей. Феликс, как богослов, был значительно современнее, чем его отец, но менее склонен к самопожертвованию и самоотречению. В отличие от отца он относился более терпимо к мнениям, шедшим вразрез с его верованиями, – однако только в той мере, в какой они грозили гибелью то-

му, кто их придерживался, но зато не прощал их, как неуважение к своей доктрине. Катберт был более либерален и тонок, но и более черств.

Прогуливаясь с братьями по склону холма, Энджел снова почувствовал, что, каковы бы ни были их преимущества перед ним, ни один из них не видел и не знал жизни. Быть может, у них, как и у многих людей, способность выражать свои мысли была развита в ущерб наблюдательности. Они не имели здравого представления о сложных силах, действующих за пределами того тихого и невозмутимого потока, который увлекал их вместе с их единомышленниками. Оба не видели разницы между частной истиной и истиной всеобщей; они не понимали, что мнения узкого круга, клерикального и академического, отнюдь не есть мнение всего человечества.

– Полагаю, дорогой мой, теперь для тебя ничего больше не остается, как сделаться фермером, – сказал между прочим Феликс своему младшему брату, печально и сурово посматривая сквозь очки на далекие поля. – И, следовательно, мы должны с этим примириться. Но умоляю тебя – уделяй по мере сил внимание нравственным идеалам. Конечно, жизнь фермера приводит к внешнему огрубению, и тем не менее можно жить просто, но мыслить возвышенно.

– Разумеется, – отозвался Энджел. – Прости, что я вторгаюсь в твою область, но разве это не было доказано девятнадцать столетий назад? Почему ты думаешь, Феликс, что я откажусь от возвышенных нравственных идеалов?

– Видишь ли, по тону твоих писем и нашего разговора мне показалось... быть может, это только моя фантазия... что интеллектуальное твое развитие приостановилось. А ты что скажешь, Катберт?

– Послушай, Феликс, – сухо перебил Энджел, – мы, как тебе известно, хорошие друзья, и каждый из нас идет своей дорогой, но уж коли речь зашла об интеллектуальном развитии, я нахожу, что тебе, довольному собой догматику, не стоит беспокоиться о моем развитии, а следовало бы подумать о своем.

Они вернулись домой к обеду, который всегда подавали в тот час, когда отец и мать заканчивали утренний обход прихожан. Самоотверженная пара, естественно, нимало не считалась с удобствами своих гостей, и тут расхождения у сыновей не было – все трое хотели, чтобы в этом мистер и миссис Клэр усвоили современные понятия.

После прогулки они проголодались, в особенности Энджел, который привык к жизни на свежем воздухе и обильным *dapes inemptae*², подававшимся на стол фермера, не очень-то изящно сервированный. Но старики вернулись, только когда у сыновей почти иссякло терпение. Самоотверженная чета занималась тем, что пыталась пробудить аппетит у больных прихожан, чей дух они, довольно непоследовательно, старались удержать в теле, совсем забыв о собственном аппетите.

Семья уселась за стол; еды было мало, кушанья холодные. Энджел вспомнил о подарке миссис Крик – кровяной колбасе, которую он попросил хорошенько поджарить, как поджаривали ее на мызе; ему хотелось, чтобы отец и мать отведали этой вкусной колбасы и оценили ее так же высоко, как оценивал он сам.

– Ты ищешь кровяную колбасу, милый? – заметила мать. – Но я уверена, что ты охотно от нее откажешься, как отказываемся мы с отцом, когда узнаешь, почему ее нет. Я посоветовала отцу отнести подарок любезной миссис Крик детям человека, который не может работать из-за припадков *delirium tremens*³. Отец согласился с тем, что это их порадует, так мы и сделали.

– Отлично! – весело отозвался Энджел и стал искать мед.

– Мед оказался таким крепким, – продолжала мать, – что решительно не годится как столовый напиток, но в случае болезни может заменить ром или коньяк, поэтому я его спрятала в свою аптечку.

– Мы принципиально не пьем за этим столом ничего спиртного, – добавил отец.

– Но что же мне сказать ясене мистера Крика? – спросил Энджел.

² домашним яствам (лат.)

³ белой горячки (лат.)

- Конечно, правду, – отозвался отец.
- Я предпочел бы сказать ей, что и мед и колбаса вам очень понравились. Миссис Крик – славная добрая женщина и непременно спросит меня об этом, как только я вернусь.
- Ты не можешь сказать неправду, – невозмутимо ответил мистер Клэр.
- Да, конечно... а все-таки этот мед – винишко хоть куда.
- Что ты сказал? – в один голос воскликнули Катберт и Феликс.
- Это так говорят в Тэлботейс, – краснея, объяснил Энджел и умолк, чувствуя, что родители его поступают правильно, хотя душевной мягкости им, может быть, и не хватает.

26

Только вечером, после общей молитвы, Энджел нашел случай поговорить с отцом о том, что его больше всего интересовало. Он готовился к этому разговору, пока стоял, преклонив колени, на ковре, позади братьев, разглядывая гвозди на их башмаках. После молитвы братья вышли вместе с матерью, а мистер Клэр остался наедине с Энджелом.

Сначала молодой человек обсуждал с отцом свои планы: он намеревался стать фермером в Англии или в колониях и поставить дело на широкую ногу. Тогда отец сообщил ему, что, не послав его в Кембридж и, следовательно, сэкономив на этом, он счел своим долгом откладывать ежегодно некоторую сумму денег, чтобы сын мог со временем купить или арендовать участок земли и не чувствовать себя обойденным.

– Что касается мирских богатств, – продолжал отец, – то через несколько лет ты, несомненно, окажешься гораздо обеспеченней своих братьев.

Ободренный заботливостью старика, Энджел коснулся другого, более животрепещущего вопроса. Он напомнил отцу, что ему уже двадцать шесть лет; когда он станет фермером, ему одному не справиться с хозяйством – фермеру нужна не одна, а две пары глаз: кто-то должен смотреть за домом, когда он сам будет работать в поле. Не благоразумнее было бы ему жениться?

Казалось, отец отнесся к этому благосклонно; тогда Энджел задал ему вопрос:

- Как ты думаешь, какой жена нужна мне, бережливому, работающему фермеру?
- Истинная христианка, помощница и утешительница и в радостях и в невзгодах. Все остальное, в сущности, неважно. Такую девушку найти можно. Да вот у моего умнейшего друга и соседа доктора Чанта...

– А не должна ли она прежде всего уметь доить коров, сбивать хорошее масло, варить огромные сыры, ходить за курами и индюками, кормить цыплят, в случае необходимости присматривать за работниками на поле и знать цену на овец и телят?

– Да... жена фермера... да, конечно. Это было бы желательно. – Мистер Клэр-старший, очевидно, никогда не задумывался над этими вопросами. – Я хотел сказать, – продолжал он, – что, если ты ищешь женщину целомудренную и добродетельную, такую, которая пришлась бы по душе твоей матери и мне, тебе не найти никого лучше твоей приятельницы Мерси. Ты, кажется, интересовался ею. Правда, не так давно дочь моего соседа Чанта заразилась этой модой, введенной у нас более молодыми священнослужителями, украшать по праздникам стол причастия – к великому моему возмущению, она на днях назвала его алтарем, – украшать его цветами и прочим. Но ее отец, который, как и я, восстает против подобной суетности, считает, что ее можно исправить. Это лишь девичья причуда, и я уверен, что она от нее откажется.

– Да, да, знаю: Мерси славная, набожная девушка. Но не думаешь ли ты, отец, что девушка, такая же целомудренная и добродетельная, как мисс Чант, и хотя не столь сведущая в богословии, но зато знающая толк в сельском хозяйстве не хуже самого фермера, – такая девушка подошла бы мне значительно больше?

Мистер Клэр, однако, продолжал считать, что строго следовать учению апостола Павла куда важнее, чем знать обязанности жены фермера. Тогда Энджел, желая добиться своего, но не огорчать отца, начал говорить со всей возможной убедительностью. Он сказал, что судьба, или провидение, поставила на его пути девушку, которая может быть идеальной помощницей фермера и вместе с тем очень серьезно относится к жизни. Ему неизвестно, принадлежит ли она к Низкой

церкви его отца, но, несомненно, ее можно будет направить на истинный путь; она аккуратно ходит в церковь, чистосердечна, восприимчива, умна, пожалуй, изящна, целомудренна, как весталка, а что касается ее внешности, то она изумительно красива.

– А она из семьи, с которой ты будешь рад породниться? Короче говоря, она девушка нашего круга? – спросила изумленная мать, которая тихонько вошла в кабинет во время этого разговора.

– С общепринятой точки зрения – нет, – твердо заявил Энджел, – я с гордостью могу сказать, что она дочь крестьянина. И тем не менее она обладает истинным душевным благородством.

– Мерси Чант из очень хорошей семьи.

– Да какой в этом толк, мама? – быстро возразил Энджел. – Чем семья может быть полезна жене человека, которому предстоит вести трудовую жизнь, как мне?

– Мерси прекрасно воспитана и образованна. А это имеет свою хорошую сторону, – возразила мать, поглядывая на него сквозь очки в серебряной оправе.

– Что касается внешнего лоска, то в той жизни, какую я намерен вести, пользы от него не будет. А ее образованием я сам могу заняться. Она способная ученица, вы бы в этом убедились, если бы ее знали. Она натура поэтическая, живет поэзией, если можно так выразиться. Живет тем, о чем поэты только пишут. И она безупречная христианка; пожалуй, она принадлежит именно к тому роду, виду и разновидности людей, какие вам больше всего по душе.

– О Энджел, ты над нами смеешься!

– Прости, мама. Но она добрая христианка, почти каждое воскресенье ходит в церковь; и я уверен, ради этого вы будете снисходительны к некоторым недочетам в ее воспитании и согласитесь с тем, что мой выбор неплох.

Энджел с большим пылом восхвалял религиозность своей возлюбленной Тэсс, ту самую формальную религиозность, над которой (не подозревая, что когда-нибудь извлечет из нее пользу) он всегда посмеивался, считая, что она явно чужда верованиям, порожденным жизнью на лоне природы, – истинным верованиям и Тэсс и других доильщиц.

Мистер и миссис Клэр, терзаемые сомнениями, насколько их сын сам имеет право называться добрым христианином, носителем тех добродетелей, которые он приписывал этой неизвестной девушке, начали склоняться к мысли, что твердость ее веры во всяком случае уже очень большое преимущество; да и вообще в этой встрече ясно чувствовалась воля провидения, ведь Энджел не такой человек, для которого ортодоксальность веры его избранницы может сыграть хоть какую-нибудь роль. В конце концов они заявили, что спешить незачем, но они готовы познакомиться с ней.

Поэтому Энджел пока воздержался от сообщения дальнейших подробностей. Он понимал, что, хотя родители его были людьми преданными своим идеалам и самоотверженными, они, однако, не отдавая себе в этом отчета, сохранили многие буржуазные предрассудки, и, чтобы их преодолеть, нужно действовать тактично. Хотя по закону он имел право поступать как ему угодно, а качества невестки не могли отразиться на жизни стариков – он предполагал жить вдали от них, – но из любви к родителям он не хотел оскорблять их чувства, принимая решение, наиболее ответственное в жизни человека.

Он отметил свою собственную непоследовательность, когда подчеркивал случайные черты как нечто существенное. Он любил Тэсс, любил ее душу, ее сердце, самое существо ее, не придавая значения ее умению вести хозяйство, ее способностям как будущей его ученицы и особенно ее простодушной и чисто формальной набожности. Он чувствовал прелесть ее существования, вольного и безыскусственного, и не требовал от нее светского лоска. Он считал, что пока образование почти не влияет на эмоции и импульсы, на которых зиждется семейное счастье. Быть может, по прошествии веков усовершенствованная система морального и интеллектуального воспитания заметно, пожалуй, даже значительно, очистит неосознанные инстинкты человеческой природы, но в данное время культура, по мнению Клэра, затрагивала лишь духовную эпидерму тех жизней, на которые распространилось ее влияние. Он еще больше убедился в этом, наблюдая женщин – сначала культурных представительниц мелкой буржуазии, а затем девушек на мызе, – и окончательно пришел к выводу, что между хорошей и умной женщиной одного социального слоя и хорошей и умной женщиной другого социального слоя разница гораздо меньше, чем между хорошей и дур-

ной либо умной и глупой одного и того же слоя или класса.

Настал день отъезда. Братья его уже покинули отчий дом, чтобы совершить пешую экскурсию по северу, откуда один должен был вернуться в свой колледж, а другой – в приход. Энджел мог отправиться с ними, но предпочел вернуться к своей возлюбленной в Тэлботейс. В сущности, это было к лучшему: хотя он был, пожалуй, наиболее чутким, верующим и даже наиболее христиански настроенным из всех троих, чувство отчуждения, вызванное тем, что он никак не хотел укладываться в предназначенные ему рамки, все росло. Ни Феликсу, ни Катберту он ни слова не сказал о Тэсс.

Мать приготовила ему сэндвичи, а отец верхом на своей кобыле отправился его провожать. Труся рысцой по тенистым проселочным дорогам, Энджел, довольный результатами своей поездки, охотно слушал повествование отца о трудностях его работы в приходе, о холодности его собратьев, а ведь он их любит согласно тому самому буквальному толкованию Нового завета, в котором они усматривают влияние пагубной кальвинистской доктрины.

– Пагубной! – с добродушным презрением воскликнул мистер Клэр и стал приводить случаи, доказывающие нелепость подобного утверждения.

Он рассказал о том, как посчастливилось ему быть орудием чудесного обращения грешников на путь истинный – не только бедняков, но и людей богатых или зажиточных, затем откровенно признался и во многих неудачах.

По этому поводу-упомянул он об одном молодом выскочке-эсквайре по фамилии д'Эрбервилль, который доил в окрестностях Трэнтриджа, милях в сорока от Эмминстера.

– А он не из древнего рода д'Эрбервиллей, владельцев Кингсбира и других земель? – спросил сын. – Из этого древнего, давно захудавшего рода, с которым связана страшная легенда о карете, запряженной четверкой?

– О нет! Последние потомки подлинных д'Эрбервиллей умерли в неизвестности лет шестьдесят или восемьдесят назад – по крайней мере насколько мне известно. А эти д'Эрбервилли присвоили себе чужую фамилию. Из уважения к древнему рыцарскому роду я надеюсь, что они самозванцы. Но странно, что ты стал интересоваться старинными родами. Ты как будто придавал им еще меньше значения, чем я.

– Ты меня не так понял, отец, что часто с тобой случается, – нетерпеливо отозвался Энджел. – Для политики древность рода, как я считаю, не имеет значения. Даже среди представителей древних фамилий встречаются мудрецы, которые «восстают против своего же права наследования», как выразился Гамлет. Но для истории и искусства древние роды вещь важная, и я ими очень интересуюсь.

Такие тонкости, если только можно назвать их тонкостями, превышали, однако, понимание мистера Клэра-старшего, и он продолжал прерванный рассказ. После смерти старика д'Эрбервилля молодой человек предался разгульной жизни, хотя у него есть слепая мать, печальное положение которой, казалось, должно было бы его образумить. Слух о его поведении дошел до мистера Клэра, когда он выступал в тех краях с миссионерскими проповедями, и он смело воспользовался случаем, чтобы указать заблудшему на черноту его жизни. Хотя он был там чужим человеком и говорил с чужой кафедры, но видел в этом свой долг и произнес проповедь на слова евангелиста Луки: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя!» Молодой человек был возмущен таким откровенным выпадом и в завязавшемся при встрече словесном поединке не постеснялся публично оскорбить мистера Клэра, невзирая на его седины.

Энджел покраснел от огорчения.

– Дорогой отец, – грустно сказал он, – я бы не хотел, чтобы ты подвергал себя незаслуженным оскорблениям со стороны негодяев.

– Оскорблениям? – переспросил отец, и суровое его лицо озарилось пламенем самопожертвования. – Мне только было больно за этого несчастного, безумного юношу. Неужели ты думаешь, что меня могли оскорбить безрассудные его слова или даже побои? «Злословят нас – мы благословляем; гонят нас – мы терпим; хулят нас – мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне». Эти древние и благородные слова, обращенные к коринфянам, совершенно справедливы и в наше время.

– Но ведь до побоев дело не дошло, отец? Он тебя не ударил?

– Нет, не ударил. Но мне случалось терпеть побои от людей, обезумевших от алкоголя.

– Не может быть!

– Частенько, мой милый. Беда невелика. Я спасал их от преступления, не давая им пролить кровь ближнего. И впоследствии они меня благодарили и славили господа.

– Будем надеяться, что и этот молодой человек последует их примеру! – воскликнул Энджел. – Но, судя по твоим словам, боюсь, что этому не бывать.

– А все-таки будем надеяться, – сказал мистер Клэр. – Я продолжаю за него молиться, хотя вряд ли мы с ним встретимся по сю сторону могилы. Но, быть может, слова мои, как доброе семя, прорастут когда-нибудь в его сердце.

Сейчас, как и всегда, отец Клэра был оптимистичен, как ребенок. Хотя сын и не мог принять узкой догмы старика, но относился с уважением к его деятельности и в пиетисте видел героя. Пожалуй, теперь он уважал отца больше, чем когда бы то ни было, так как мистер Клэр, обсуждая вопрос о браке его с Тэсси, даже не спросил, богата девушка или бедна. Это была та самая непрактичность, по причине которой Энджел вынужден был стать фермером, а братьям его, по всей вероятности, предстояло быть до конца жизни бедными приходскими священниками, – и тем не менее Энджел восхищался ею. Несмотря на еретические свои убеждения, он не раз чувствовал, что как человек он гораздо ближе отцу, чем оба его брата.

27

Больше двадцати миль он проехал знойным днем по дороге, взбирающейся на холмы и сбегаящей в долину, и после полудня поднялся на холм, который находился в одной-двух милях к западу от Тэлботейс, откуда снова увидел это зеленое корыто – сочную и сырую долину реки Вар. Как только начал он спускаться с предгорий в эту долину с тучной илистой землей, воздух сделался более тяжелым; томительные запахи летних плодов, тумана, цветов и сена сливались в озеро ароматов и в этот час словно нагоняли дремоту не только на животных, но даже на бабочек и пчел. Клэр был здесь своим человеком, знал клички многих коров, которые паслись вдалеке. Ему было радостно сознавать, что на эту жизнь смотрит он не со стороны, а как бы изнутри, как не умел он смотреть в студенческие дни. И несмотря на всю свою любовь к родителям, он почувствовал, что после пребывания в родительском доме он здесь словно сбрасывает с себя лубки и повязки; ведь тут не знали даже той привычной узды, которая обычно мешает самобытной жизни английских поселян, – в Тэлботейс не было помещика.

Во дворе он никого не встретил. Все обитатели мызы имели обыкновение вздремнуть часок после полудня, что было необходимо, так как в летнее время вставать приходилось очень рано. У дверей на вбитом в землю и очищенном от коры разветвленном дубовом суку висели, словно шляпы на вешалке, подошники, стянутые деревянными обручами, побелевшие от бесконечного мытья; они были приготовлены и высушены для вечернего доения. Энджел прошел через сени на задний двор и остановился, прислушиваясь. Из сарая, где стояли повозки, доносился негромкий храп, там спал кое-кто из батраков, а вдали раздавалось хрюканье и визг свиней, измученных зноем. Широколиственный ревень и капуста были тоже погружены в дремоту, их большие листья вяло обвисли на солнцепеке, словно полужакрытые зонты.

Энджел расседлал и накормил свою лошадь, и когда он снова вошел в дом, пробило три часа. В этот час обычно снимали сливки с молока утреннего удоя, и как только замер бой, Энджел услышал поскрипывание половиц наверху: кто-то спускался по лестнице. Еще секунда – и показалась Тэсс.

Она не слышала, как Клэр вошел, и не сразу его заметила. Она зевала, и он видел ее открытый рот, красный, как у змеи. Одну руку она высоко подняла над туго скрученным узлом волос, и там, где кончался загар, он увидел белую атласную кожу. Лицо ее разругалось после сна, глаза были полузакрыты. Жизнь била в ней через край. Это было одно из тех мгновений, когда душа женщины полнее, чем когда-либо, облекается в плоть, когда самая одухотворенная красота становится плотской и чувственной.

Потом эти глаза вспыхнули сквозь дымку дремоты, хотя с лица еще не стерлась печать сна, и, мешая радость с удивлением и смущением, Тэсс воскликнула:

– Ох, мистер Клэр. Как вы меня испугали... я...

В первую минуту она не успела подумать о перемене в их отношениях, вызванной его признанием, но эта мысль ясно отразилась на ее лице, когда она встретила нежный взгляд Клэра, бросившегося ей навстречу.

– Тэсси, дорогая, любимая! – прошептал он, обнимая ее за талию и прижимаясь лицом к ее горячей щеке. – Ради бога, не называй меня больше мистером! Я так спешил к тебе!

Тэсс не отвечала, но сердце ее забилось быстрее. Они стояли в сенях, на красном кирпичном полу, он прижимал ее к своей груди, а косые лучи солнца, врываясь в окно за его спиной, освещали ее опущенную голову, голубые вены на виске, обнаженную руку, шею и пышные волосы. Спала она не раздеваясь и сейчас была вся теплая, как пригревшаяся на солнце кошка. Сначала она не смотрела ему в лицо, но вскоре подняла глаза, и он заглянул в глубь вечно меняющихся зрачков, окруженных радужной оболочкой с голубыми, черными, серыми и фиолетовыми волокнами, а она смотрела на него так, как могла смотреть Ева на Адама после грехопадения.

– Я должна снимать сливки с молока, – умоляюще прошептала она. – А сегодня дома осталась одна старая Дебора. Миссис Крик поехала на базар с мистером Криком, Рэтти нездорова, а все остальные куда-то ушли и вернутся только к вечеру доить коров.

Когда они направились в молочную, на площадке лестницы показалась Дебора Файэндер.

– Я вернулся, Дебора, – сказал ей мистер Клэр. – Я помогу Тэсс снимать сливки. А вы, конечно, очень устали; отдохайте, пока не настало время доить коров.

Пожалуй, в этот день на мызе Тэлботейс сливки с молока были сняты не очень тщательно. Тэсс двигалась словно во сне; знакомые предметы, казалось, превратились в смутные скопления солнечного света и теней. Когда она подставляла под насос шумовку, чтобы охладить, рука ее дрожала; она ощущала пламя страсти Клэра и съеживалась, как съеживается растение под палящими лучами солнца.

Он снова привлек ее к себе, а когда она, счищая сливки с шумовки, провела по ней указательным пальцем, он попросту облизал этот палец: отсутствие чопорности на мызе Тэлботейс оказалось сейчас весьма кстати.

– Лучше уж я сразу скажу тебе все, дорогая, – заговорил он неясно. – Я хочу задать тебе один вопрос, в высшей степени практический, о котором думал все время, начиная с того дня на лугу. Я собираюсь жениться, и мне, как будущему фермеру, нужна женщина, понимающая толк в сельском хозяйстве. Согласна ты быть этой женщиной, Тэсси?

Он задал вопрос в такой форме, опасаясь, как бы она не подумала, что он действует под влиянием импульса, против которого может восстать его рассудок.

Она побледнела. Она приняла как неизбежное последствия своего сближения с ним, приняла свою любовь к нему, но не ждала этого внезапного предложения, да и сам Клэр заговорил об этом раньше, чем предполагал. С тоской, в которой был словно горький привкус смерти, прошептала она те слова, какие считала своим долгом произнести, ибо была честной женщиной.

– Я не могу быть вашей женой, мистер Клэр! Не могу!

Казалось, ее собственный решительный ответ разбил ей сердце, и она в отчаянии опустила голову.

– Тэсс! – воскликнул он, изумленный ее словами, еще крепче прижимая ее к себе. – Ты сказала – нет? Но ведь ты меня любишь?

– Да, да. И только за вас хотела бы я выйти замуж, – честно ответила ему несчастная девушка. – Но я не могу!

– Тэсс, – сказал он, слегка отстраняя ее от себя, – ты помолвлена с кем-то другим?

– Нет, нет!

– Но почему же ты мне отказываешь?

– Я не хочу идти замуж! Я никогда об этом не думала. Я не могу! Я могу только любить вас.

– Но почему?

Вынужденная лукавить, она пробормотала:

– Ваш отец – священник, и ваша мать не пожелает, чтобы вы женились на такой, как я. Она захочет, чтобы вашей женой стала девушка воспитанная и образованная.

– Вздор! Я говорил с ними обоими. Отчасти из-за этого я и поехал домой.

– Я чувствую, что не могу. Нет, нет, никогда! – повторила она.

– Быть может, я слишком поторопился, моя милая?

– Да... Я не ожидала.

– Пожалуйста, простите меня, Тэсси, я дам вам время подумать, – сказал он. – Я приехал так неожиданно и сразу же ошеломил вас. В течение ближайших дней я больше не буду упоминать об этом.

Она снова взяла блестящую шумовку, подставила под насос и принялась за работу. Но, как ни старалась она, ей не удавалось аккуратно снять сливки с молока – шумовка то погружалась в молоко, то скользила по воздуху. Тэсс почти ничего не видела, слезы застилали ей глаза, но причину такой тоски не могла она объяснить этому лучшему своему другу и защитнику.

– У меня ничего не выходит, – сказала она, отвернувшись.

Не желая ее волновать и мешать работе, всегда тактичный Клэр заговорил уже на общую тему.

– У вас ложное представление о моих родителях, они оба очень простые и совсем не спесивые люди. Последние из немногих, оставшихся верными евангелической школе. Вы евангелистка, Тэсси?

– Не знаю.

– Вы аккуратно ходите в церковь, а здешний священник, говорят, не очень-то склоняется к Высокой церкви.

Представление Тэсс о взглядах приходского священника, проповеди которого она слушала каждую неделю, было, пожалуй, еще более туманно, чем представление Клэра, который ни разу их не слышал.

– Я никак не могу хорошенько сосредоточиться на том, что он говорит, – отделалась она общей фразой. – Меня это часто огорчает.

Она говорила удивительно искренне, и Энджел тут же решил, что его отец не стал бы возражать против их брака по религиозным мотивам, хотя Тэсс и не знает, принадлежит ли она к Высокой, Низкой или Широкой церкви. Он-то понимал, что ее смутные верования, которые она, по видимому, впитала с детства, были, по существу, пантеистическими, а фразеология почерпнута из религиозных брошюр. Но если и были они смутны, он не хотел разрушать их.

Вот молится сестра твоя...

Ей веру детскую и рай

Оставь, и ей ты не смущай

Простую радость бытия!

Прежде он думал, что этот совет более мелодичен, чем достоин внимания, но сейчас он с радостью внял ему.

Он стал рассказывать о своем пребывании в родном доме, о жизни отца, о том, как ревностно следует он своим принципам. Тэсс понемногу успокоилась, и работа пошла у нее на лад. Он вытаскивал пробки из чанов и выпускал молоко, по мере того как она снимала с него сливки.

– Когда вы сюда вошли, мне показалось, что у вас был печальный вид, – отважилась она заметить, чтобы не возвращаться к разговору о себе самой.

– Да, пожалуй... Отец рассказывал мне о своих невзгодах и затруднениях, а меня это всегда расстраивает. Он с таким рвением отдается своему делу, что ему часто приходится сносить оскорбления и нападки тех, кто не разделяет его образа мыслей, а мне больно слышать, что человек преклонных лет подвергается подобным оскорблениям, и я не верю, чтобы рвение, заходящее слишком далеко, могло принести какое-нибудь благо. Он рассказал мне об одной неприятной сцене, происшедшей не так давно. По поручению миссионерского общества он произносил проповедь в окрестностях Трэнтриджа, милях в сорока отсюда, и считал своим долгом обратиться с уве-

щеванием к одному молодому повесе, с которым встретился в тех краях. Это сын какого-то помещика, мать у него слепая. Мой отец без обиняков обратился прямо к этому джентльмену, и в результате произошел скандал. Должен сказать, что со стороны отца было нелепо обращаться с поучениями к незнакомому человеку, когда не было ни малейшей надежды на успех. Но, как бы там ни было, он всегда, кстати или некстати, делает то, что считает своим долгом. Разумеется, он нажил много врагов среди людей не только порочных, но и просто легкомысленных, которые не любят, когда кто-нибудь вмешивается в их дела. Но, по его словам, он гордится тем, что произошло, и утверждает, будто добро можно творить и косвенным путем. А мне бы хотелось, чтобы он пощадил себя на старости лет и предоставил свиньям барахтаться в грязи.

Лицо Тэсс стало суровым и постаревшим, сочные губы трагически сжались, но волнение ее как будто улеглось. Клэр, погруженный в мысли об отце, ничего не заметил. Они обошли ряд белых прямоугольных чанов, сняли сливки и слили молоко, а затем пришли работницы за своими подойниками и явилась Деб, чтобы вымыть чаны кипятком перед вечерним удоом. Когда Тэсс пошла на луг доить коров, Клэр шепнул ей:

– Что же вы мне ответите, Тэсси?

– Нет, нет! – сказала она сурово и безнадежно, словно в рассказе об Алеке д'Эрбервилле услышала голос своего тревожного прошлого. – Этому не бывать!

Она побежала вслед за своими товарками, как будто надеялась, что свежий воздух разгонит тоску. Девушки направлялись к дальнему лугу, где паслись коровы; шли они гурьбой, со смелой, чисто животной грацией. Это была свободная, решительная походка женщин, которые чаще видят над головой безграничный небесный свод, чем крышу, и чувствуют себя на вольном воздухе, как пловец на волнах. И теперь, снова увидев Тэсс, Клэр нашел вполне естественным, что выбор его пал на девушку, которая выросла не среди уловок цивилизации, а на лоне природы.

28

Отказ ее, хотя неожиданный, недолго смутил Клэра. Он знал женщин достаточно хорошо, чтобы помнить, насколько часто отрицательный ответ лишь предшествует утвердительному; и все же не настолько, чтобы понять, что отрицательный ответ Тэсс вызван отнюдь не робостью или кокетством. Она уже приняла его ухаживания, и в этом он видел добрый знак, не подозревая, что на лугах и пастбищах «тщетные вздыхания» нимало не считаются пустой тратой времени; здесь девушки не задумываясь и исключительно ради удовольствия принимают знаки внимания, тогда как в унылых домах, где правит тщеславие, желание девушки пристроиться парализует здоровое стремление к любви как к самоцели.

– Тэсс, почему вы так решительно сказали мне «нет»? – спросил он ее через несколько дней.

Она вздрогнула.

– Не спрашивайте, я вам объяснила... отчасти. Я недостаточно хороша для вас... я вас недостойна.

– Что это значит? То ли, что вы недостаточно образованны?

– Да, пожалуй, – прошептала она. – Ваши друзья стали бы меня презирать.

– Вы ошибаетесь... вы не знаете моих родителей. Ну, а что касается братьев, то мне нет дела... – Он обнял ее, опасаясь, как бы она от него не ускользнула. – Ведь вы не всерьез отказали мне, дорогая? Я уверен, что нет! Вы меня так измучили, что я ничего не могу делать – ни читать, ни заниматься музыкой. Я не тороплю вас, Тэсс, но хочу знать, хочу услышать из ваших милых уст, что когда-нибудь вы будете моей – в тот день, который назначите сами, но назначите непременно.

Она только покачала головой и отвернулась.

Клэр пристально смотрел на нее, изучая черты ее лица, словно какие-то иероглифы. Повидимому, она отказала ему вполне серьезно.

– Значит, я не смею вас обнимать... не смею? У меня нет никаких прав на вас... я не вправе подойти к вам, гулять с вами? Скажите по чести, Тэсс, вы любите другого?

– Как можете вы спрашивать? – проговорила она, пытаясь не потерять контроля над собой.

– Я почти знаю, что не любите. Но в таком случае почему же вы меня отталкиваете?

– Я вас не отталкиваю. Мне... мне приятно, когда вы говорите, что любите меня, и вы можете всегда говорить об этом, когда мы вместе... и никогда я не рассержусь.

– Но выйти за меня вы не хотите?

– А это другое дело... это для вашего же блага, милый! Поверьте мне, это только ради вас! Я была бы бесконечно счастлива, если бы могла обещать вам стать вашей женой, но... но я уверена, что не должна это делать.

– Но с вами я буду счастлив!

– Да, вы так думаете, а если будет не так?

В подобных случаях, предполагая, что она из скромности считает себя неподходящей для него женой, так как не умеет вести себя в обществе, он начинал ее убеждать, говорил о восприимчивости и гибкости ее ума; и он не лгал: Тэсс была умна от природы, а любовь к Клэру помогла ей усвоить его словарь, произношение и с удивительной быстротой почерпнуть от него кое-какие знания. После этих нежных споров, одержав победу, она шла в дальний конец луга доить отбившуюся от стада корову, а если никакой работы не было, пряталась в осоке либо уходила в свою комнату и тихо плакала – всего лишь через несколько минут после своего внешне равнодушного отказа.

Тэсс выдерживала тяжелую борьбу; сердце ее было на его стороне – два пламенных сердца боролись с бедной маленькой совестью, – и Тэсс всеми доступными средствами пыталась подкрепить свою решимость. Она приехала в Тэлботейс, твердо зная, что ни при каких условиях не делает шага, который впоследствии заставил бы ее мужа горько раскаиваться в своей слепоте. И она твердила себе, что требование ее совести, которому она готова была подчиниться в те дни, когда могла мыслить трезво, не должно и теперь остаться втуне.

«Почему никто не расскажет ему обо мне? – думала она. – Ведь это случилось всего за сорок миль отсюда? Почему не дошли сюда слухи? Ведь должен же кто-нибудь знать?»

Но никто, казалось, не знал, никто не сказал ему.

В течение следующих двух-трех дней они не разговаривали на эту тему.

По грустным лицам своих товарок Тэсс догадывалась, что они видят в ней его счастливую избранницу. Однако они не могли не заметить, что она избегает его по мере сил.

Впервые нить жизни Тэсс так четко разделилась надвое – радость и скорбь. В тот день, когда на мызе варили сыры, она снова осталась с Энджелом наедине. Хозяин мызы сам принимал участие в работе, но последнее время и мистер Крик и его жена, казалось, подметили взаимную склонность молодых людей, хотя Энджел и Тэсс были так осторожны, что у хозяев могло возникнуть лишь самое смутное подозрение. Как бы то ни было, но фермер оставил их вдвоем.

Они крошили творог, прежде чем положить его в чаны, – эта операция походила на крошение огромных хлебов. Пальцы Тэсс Дарбейфилд, погруженные в белоснежную массу, розовели, как лепестки розы. Энджел, пригоршнями бросавший творог в чаны, вдруг оторвался от работы и положил обе руки на руки Тэсс. Рукава у нее были засучены выше локтя, и, наклонившись, он поцеловал голубую вену, просвечивавшую сквозь нежную кожу.

Хотя первые сентябрьские дни были жаркими, рука Тэсс, запачканная творогом, показалась ему холодной и влажной, как свежий гриб; она чуть пахла сывороткой. Чувствительность Тэсс была обострена до крайности: от одного его прикосновения пульс ее забился быстрее, кровь прилила к кончикам пальцев, и руки стали горячими. Затем сердце словно шепнуло ей: «Нужно ли его избегать? Правда всегда остается правдой, даже в отношениях между женщиной и мужчиной». Она подняла глаза, посмотрела на него с бесконечной преданностью, и нежная улыбка тронула ее губы.

– Вы знаете, почему я это сделал, Тэсс? – спросил он.

– Потому что вы меня очень любите.

– Да, а кроме того – это вступление к новым мольбам.

– Опять?!

На лице ее отразился испуг, словно она боялась, что упорство ее будет сломлено ее же собственным желанием.

– О Тэсси, – продолжал он, – я не понимаю, зачем ты меня так мучаешь? Честное слово, можно подумать, что ты кокетка, чистейшей воды городская кокетка. От них то холодом веет, то теплом, – точь-в-точь, как от тебя. Вот уж не ждал я найти кокетку в такой глуши, как Тэлботейс. А все-таки, любимая, – поспешил он добавить, видя, как задела ее эти слова, – я знаю, что в мире нет человека честнее и искреннее тебя. Может ли мне прийти в голову, что ты со мной кокетничаешь? Тэсс, почему тебе неприятна мысль стать моей женой, если ты действительно меня любишь?

– Я никогда не говорила, что эта мысль мне неприятна, и не могу сказать, потому что... потому что это неправда!

Губы ее задрожали, и она должна была отойти от него, чувствуя, что силы ей изменяют. Клэр, измученный, недоумевающий, бросился за ней и поймал ее в коридоре.

– Скажи мне, скажи, – начал он, страстно обнимая ее и совсем не думая о том, что руки у него в твороге, – скажи, что никому, кроме меня, ты не будешь принадлежать!

– Да, да! – воскликнула она. – И я вам отвечу на все вопросы, только отпустите меня сейчас! Я вам расскажу свою жизнь... все о себе расскажу, все.

– Да, да, дорогая! Конечно, ты мне расскажешь обо всех твоих приключениях! – с ласковой иронией отозвался он, всматриваясь в ее лицо. – Я не сомневаюсь, что у моей Тэсс приключений было не меньше, чем у этого выюнка на изгороди, который только сегодня утром распустился. Ты мне расскажешь все, что тебе угодно, только не повторяй больше этих мерзких слов, будто ты меня недостойна.

– Хорошо, постараюсь. И завтра я вам объясню причину... нет, не завтра, на будущей неделе.

– Ну, скажем, в воскресенье?

– Хорошо, в воскресенье.

Наконец она ускользнула от него и бросилась к ивовым зарослям в дальнем конце двора, где никто ее не видел. Здесь росла мята. Тэсс упала на траву, словно на кровать, и скорчилась, изнемогая от тоски, которая на мгновение вдруг сменилась радостью, – даже предчувствие конца не могло ее заглушить.

Действительно, она почти готова была уступить. Каждый ее вздох, каждая капля крови и биение пульса сливали свой голос с голосом природы, восставая против излишней щепетильности. Смело и бездумно дать свое согласие, соединиться с Энджелом перед алтарем, ничего не открыв ему в надежде остаться необличенной, вырвать кусочек счастья, раньше чем успеют вонзиться в нее железные когти страдания, – вот к чему толкала ее любовь. Охваченная каким-то экстазом, Тэсс предчувствовала, что, несмотря на многие месяцы тайного самообуздания и борьбы, несмотря на решение вести отныне жизнь суровую и одинокую, любовь в конце концов победит.

Время шло, а Тэсс все еще оставалась в зарослях. Она слышала, как гремели подойники, когда их снимали с развилистых кольев, раздался крик «уау-уау!», созывающий стада, но она не пошла доить коров. Все заметят, как она взволнована, а хозяин, считая, что причиной ее волнения может быть только влюбленность, начнет добродушно ее поддразнивать – этой пытки она не вынесет.

Должно быть, возлюбленный угадал ее состояние и как-нибудь объяснил ее отсутствие, потому что никто не искал и не окликал Тэсс. В половине седьмого закатилось солнце, и по небу, словно вырвавшееся из гигантского горна, разлилось пламя, а с другой стороны вскоре взошла чудовищная луна, напоминающая тыкву. На фоне этой луны, изуродованные постоянной рубкой, ивы походили на щетинистых чудовищ. Тэсс вошла в дом и, не зажигая света, поднялась наверх.

Это было в среду. В четверг Энджел задумчиво посматривал на нее издали, но не подходил. Товарки ее по комнате, Мэриэн и две другие, казалось, догадывались, что решительный момент приближается, и, встречаясь с ней в спальне, не досаждали ей своими замечаниями. Миновала пятница; настала суббота. Завтра предстояло объяснение.

– Я не устою... скажу – «да»... выйду за него замуж... я ничего не могу поделать! – ревниво шептала она в ту ночь, прижимаясь горячим лицом к подушке, услышав, как одна из девушек бормочет во сне его имя. – Я никому не могу его уступить. Но это дурно по отношению к нему, это его убьет, когда он узнает! Сердце... о мое сердце...

– А ну-ка, угадайте, про кого я сегодня кое-что слышал! – сказал фермер Крик, усаживаясь на следующее утро за завтрак и загадочно посматривая на жующих работников и работниц. – Ну, как вы думаете, про кого?

Двое-трое попытались угадать; миссис Крик молчала, так как ей уже все было известно.

– Да об этом шалопае и повесе Джеке Доллопе, – объявил Крик. – Он недавно женился на вдове.

– Джек Доллоп? Вот негодяй! – сказал кто-то из работников.

Тэсс Дарбейфилд тотчас же вспомнила это имя – имя человека, который обманул свою возлюбленную, а затем спрятался в маслобойку и был сурово наказан матерью молодой женщины.

– А он женился, как обещал, на дочери доблестной матроны? – рассеянно спросил Энджел Клэр, отрываясь от газеты, которую читал за отдельным столиком, куда упорно загоняла его миссис Крик из уважения к благородному его происхождению.

– Э, нет, сэр! Да и не собирался, – ответил фермер. – Как я уже сказал, он женился на вдове, а у нее как будто водились деньжата – фунтов пятьдесят годового дохода; на них-то он и целился. Повенчались они, не откладывая, а потом она ему объявила, что по выходе замуж теряет свои пятьдесят фунтов. Можете себе представить, как взбеленился парень! С тех пор живут они, как кошка с собакой. Поделом ему! Жаль только, что бедной женщине приходится еще хуже.

– Лучше бы она, глупая, сразу сказала ему, что дух ее первого мужа не даст ему покоя, – заметила миссис Крик.

– Да, пожалуй, – нерешительно отозвался хозяин мызы. – Ну да ведь вон оно как вышло. Она хотела жить своим домом и боялась, как бы он от нее не улизнул. А как по-вашему, девушки?

И он повернулся к работницам.

– Она должна была сказать ему по дороге в церковь, когда он уж вряд ли мог удрать, – заявила Мэриэн.

– Да, верно, – согласилась Изз.

– Конечно, она догадывалась, на что он метит, и должна была ему отказать! – порывисто воскликнула Рэтти.

– А ты что скажешь, моя милая? – обратился мистер Крик к Тэсс.

– Мне кажется, она должна была сказать ему всю правду... или отказать... не знаю, – пробормотала Тэсс; кусок хлеба символом застрял у нее в горле.

– Вот уж этого бы я не сделала! – объявила Бэк Нибс, одна из замужних работниц. – В любви, как на войне, все средства хороши. Я бы за него пошла, как и она; а посмей он меня хоть словом попрекнуть, почему я ему раньше не рассказала о первом муженьке, я бы его угостила скалкой. Парень он тщедушный, любая женщина с ним справится.

Взрыв смеха встретил эту шутку, и Тэсс заставила себя криво улыбнуться. То, что казалось им смешным, она воспринимала как трагедию и не могла слышать этот смех. Вскоре она встала из-за стола и, предчувствуя, что Клэр последует за ней, пошла по извилистой тропинке, тянувшейся вдоль берега оросительной канавы, которая привела ее к реке Вар. В верховьях реки работники срезали водоросли, и зеленая трава плыла мимо нее – движущиеся островки, на которых она могла, казалось, поместиться; длинные пучки водорослей обвивались вокруг свай, вбитых в дно, чтобы коровы не переходили реку вброд.

Да, вот что было особенно больно: вопрос, должна ли женщина поведать любимому историю своей жизни, был для нее тяжким крестом, а у других вызывал смех. Казалось, люди смеются над мученичеством.

– Тэсси! – раздалось за ее спиной, и Клэр, перепрыгнув через канаву, остановился подле нее. – Ты моя невеста, правда?

– Нет, нет, я не могу! Ради вас, мистер Клэр, ради вас я говорю «нет»!.

– Тэсс!

– И все-таки – нет! – повторила она.

Не ожидая ответа, он обнял было ее за талию, просунув руку под косу. (По воскресеньям девушки помоложе, в том числе и Тэсс, завтракали, не заколов кос, а потом, отправляясь в церковь, сооружали высокую прическу, которая в будние дни помешала бы доить коров.) Скажи она «да», он поцеловал бы ее – несомненно, таково было его намерение, – но ее решительный отказ заставил заговорить его чуткую совесть. Жизнь под одной кровлей и неизбежные встречи ставили ее как женщину в столь невыгодное положение, что он считал нечестным воздействовать на нее ласками, к которым не постеснялся бы прибегнуть, имея она возможность не встречаться с ним. Он не поцеловал ее и снял руку с ее талии.

Это все и решило. У Тэсс хватило сил отказать ему только благодаря рассказу мистера Крика о вдове; еще секунда – и ее сопротивление было бы сломлено. Но Энджел не сказал больше ни слова. Он ушел, и на лице его застыло выражение растерянности.

Встречались они ежедневно, но, быть может, реже, чем прежде. Так пролетели еще две-три недели. Был конец сентября. Тэсс по глазам Клэра угадывала, что он решил повторить свою просьбу.

Теперь он изменил свою тактику, словно убедившись в том, что отказ ее объясняется в конце концов лишь смущением и молодостью, – она испугана его предложением. Ее порывистые, уклончивые ответы, когда заходила об этом речь, подтверждали его догадку, и он повел другую игру: был очень неясен, но не прикасался к ней, ограничиваясь словами.

Клэр настойчиво добивался ее согласия и голос его звучал, как журчание молока; он ухаживал за ней, когда она доила коров, снимала сливки, сбивала масло, делала сыры, ходила на птичник или к поросившимся свиньям, – ни за одной доильщицей никогда так не ухаживали.

Тэсс знала, что силы ей изменят. Религиозное представление о какой-то моральной законности первого союза и добросовестное желание быть искренней не могли ее поддержать. Слишком горячо она его любила и видела в нем божество; хотя она была простой, необразованной девушкой, все лучшее в ней страстно жаждало его духовного руководства. Тэсс упорно твердила: «Я не могу быть его женой», но эти слова были пустым звуком. Они лишь доказывали ее неуверенность, ибо сознание своей силы в словах не нуждается. Звук его голоса, повторявшего ей все те же клятвы, переполнял ее радостью и страхом, и, добиваясь его отречения от нее, она больше всего на свете страшилась, что он подчинится.

Как и всякий мужчина, держал он себя так, словно готов был любить ее, беречь и охранять, невзирая ни на какие условия, перемены, трудности, разоблачения, – и уныние ее рассеивалось, когда она думала о его любви. Приближалось равноденствие, и хотя погода была ясная, дни стали гораздо короче. По утрам на мызе давно уже работали при свечах, и однажды в четвертом часу утра Клэр возобновил свои мольбы.

Еще в ночной рубашке, Тэсс, как всегда, подбежала к его двери, чтобы разбудить его, потом оделась и разбудила остальных, а через десять минут вышла со свечой в руке на площадку лестницы. В то же время Клэр без куртки спустился к ней и загородил дорогу.

– Ну-с, мисс кокетка, – повелительно сказал он, – подождите минутку! Две недели прошло с тех пор, как мы с вами говорили, и так продолжаться не может. Вы должны сказать, что у вас на уме, или мне придется оставить этот дом. Сейчас моя дверь была приоткрыта, и я вас увидел. Ради вас я должен уехать. Вы не понимаете... Ну? Скажете ли вы наконец «да»?

– Я только что встала, мистер Клэр, и, право же, сейчас еще слишком рано, чтобы меня бранить, – притворилась она обиженной. – Не называйте меня кокеткой, это жестоко и несправедливо. Подождите немного. Пожалуйста, под о дадите! Теперь я подумаю об этом серьезно. Дайте мне пройти!

Ее и в самом деле можно было заподозрить в кокетстве, когда, держа в вытянутой руке свечу, она пыталась улыбнуться, хотя говорила серьезно.

– Ну так зовите меня Энджелом, а не мистером Клэром.

– Энджел...

– Скажите: дорогой Энджел.

– Но ведь если я так скажу, значит я согласна?

– Нет, это значит только, что вы меня любите, даже если и не можете выйти за меня, а вы

были столь добры, что давно уже в этом признались.

– Ну хорошо... раз вы меня заставляете, я скажу: дорогой Энджел, – прошептала она, не спуская глаз со своей свечи; хотя она была очень взволнована, но на губах ее мелькнула лукавая улыбка.

Клэр решил не целовать ее, пока не добьется ее согласия; но Тэсс в рабочем платье, изящно подколотом, с волосами, небрежно закрученными на голове, – причесаться можно было позднее, на досуге, после доения коров, – эта Тэсс заставила его забыть о принятом решении, и он прикоснулся губами к ее щеке. Она быстро сбежала по лестнице, не оглянувшись и не сказав ни слова. Три другие девушки были уже внизу, и разговор не возобновился. При тусклом, желтом свете свечей, сливавшемся с первыми холодными лучами зари, они, за исключением Мэриэн, посмотрели на парочку грустно и подозрительно.

Когда сняты были сливки – теперь на эту работу уходило мало времени, так как с приближением осени коровы давали все меньше молока, – Рэтти и остальные работницы вышли из дому. Влюбленные последовали за ними.

– Наши переживания так не похожи на ту жизнь, которую ведут они, не правда ли? – задумчиво сказал он ей, поглядывая на трех девушек, идущих впереди в холодном бледном свете заходящего дня.

– Разница не так уж велика, – отозвалась она.

– Почему вы так думаете?

– Почти у всех женщин есть эти... переживания, – запинаясь, выговорила Тэсс новое слово, которое, по-видимому, произвело на нее впечатление. – Вы ведь не все о них знаете.

– Что ж мне знать о них?

– Каждая... почти каждая... – начала она, – была бы, пожалуй, лучшей женой, чем я. И, быть может, они любят вас так же, как я... почти так же.

– О Тэсси!

Казалось, это нетерпеливое восклицание обрадовало ее и успокоило, хотя она мужественно решила быть великодушной во зло себе. Так она и поступила, но на вторичную попытку унижить себя у нее не хватило сил. К ним подошел один из проходящих работников, и больше они не возвращались к разговору, который глубоко интересовал обоих. Однако Тэсс знала, что этот день будет решающим.

К вечеру домочадцы и работники Крика ушли по обыкновению на луг доить коров, которые паслись далеко от мызы. Коровы давали мало молока, так как приближалось время, когда им предстояло телиться, и многие доильщики, работавшие летом, были отпущены.

Работали не спета. Из подойников выливали молоко в высокие металлические бидоны, стоявшие на большой рессорной повозке; выдоенные коровы лениво отходили прочь.

Фермер Крик работал вместе с остальными, и его белый халат резко выделялся на фоне свинцового вечернего неба. Вдруг он посмотрел на свои массивные часы.

– Э, да сейчас позднее, чем я думал! – воскликнул он. – Нужно поторопиться, чтобы не опоздать на станцию. Сегодня мы не успеем вернуться домой и соединить эти бидоны с остальными. Придется ехать прямо отсюда. Кто повезет молоко?

Мистер Клэр предложил свои услуги, хотя это и не входило в его обязанности, и попросил Тэсс его сопровождать. Хотя небо было затянуто облаками, для конца сентября вечер был душный и теплый, и Тэсс вышла на луг без верхней кофточки, в чепце и в платье с короткими рукавами. Разумеется, этот костюм не подходил для поездки. Она бросила взгляд на свое легкое платье, но Клэр мягко настаивал. Попросив фермера отнести домой скамеечку и подойник, она согласилась и уселась рядом с Клэром в повозку.

В надвигающихся сумерках они ехали по ровной дороге, пересекавшей растянувшиеся на много миль луга, за которыми вставали темные крутые склоны Эгдон-Хита. На вершине виднелись купы елей, и зазубренные их верхушки напоминали зубчатые башни, увенчивающие черный

заколдованный замок.

Близость друг к другу поглотила все мысли и чувства Клэра и Тэсс; долго не нарушали они молчания, и в тишине слышался лишь плеск молока в высоких бидонах. Проселок, которым они ехали, был таким уединенным, что никто никогда не срывал здесь орехов с ветвей, и, созревая, они падали на землю, а ягоды ежевики висели тяжелыми гроздьями. Энджел кнутом притягивал к себе ветки, срывал ягоды и подавал их Тэсс.

Вскоре хмурое небо послало первых предвестников ненастья – упали тяжелые капли дождя и духота сменилась порывами ветра, игравшего волосами путников. Речки и пруды уже не отливали ртутным блеском; широкая зеркальная гладь превратилась в тусклую свинцовую пелену, казавшуюся шероховатой. Но Тэсс оставалась задумчивой; дождь бил ее по лицу, и румянец на загорелых щеках стал ярче. Как всегда, волосы ее растрепались, так как она доила коров, прижимаясь головой к их животу; из-под оборок коленкорového чепчика выбились прядки, и, смоченные дождем, они напоминали липкие водоросли.

– Пожалуй, лучше было мне не ехать, – прошептала она, поглядывая на небо.

– Мне очень неприятно, что вы оказались под дождем, – сказал он, – но как я рад, что вы со мною.

Далекий Эгдон скрылся за дождевой сеткой. Стемнело, и можно было ехать только шагом, так как дорога то и дело пересекалась шлагбаумами. Стало прохладно.

– Боюсь, как бы вы не простудились – ведь руки и шея у вас открыты, – сказал он. – Придвиньтесь ближе ко мне, и дождик до вас не доберется. Я бы еще больше беспокоился, если бы не надеялся, что дождь будет мне союзником.

Она незаметно придвинулась ближе, и он набросил на нее и на себя большой кусок парусины, которым иногда прикрывали от солнца бидоны с молоком. Так как у Клэра руки были заняты, то Тэсс придерживала парусину, чтобы она не соскользнула.

– Ну, все в порядке... Нет, не совсем: дождь стекает мне на шею, а вам, должно быть, приходится еще хуже. Вот теперь хорошо. Тэсс, руки у вас – как влажный мрамор. Вытрите их парусиной. Теперь дождь вам не страшен, если будете сидеть смирно. Ну, дорогая, что же вы мне ответите на мой вопрос? Я долго ждал.

В ответ он услышал только хлюпанье копыт по грязи да плеск молока в бидонах, стоявших за его спиной.

– Вы помните, что вы мне сказали?

– Помню, – отозвалась она.

– Вы мне ответите раньше, чем мы вернемся домой?

– Постараюсь.

Больше он не настаивал. Вдали показались развалины господского дома времен Карла I, четко вырисовывались на фоне неба, а потом остались позади.

– Вот это интересное место, – начал он, желая развлечь ее. – Одно из многих поместий, принадлежавших древнему нормандскому роду, который некогда пользовался огромным влиянием в этой части страны, – роду д'Эрбервиллей. Я всегда о них вспоминаю, проезжая мимо их бывших владений. Есть что-то грустное в вымирании древнего знаменитого рода, даже если представители этого рода прославились как жестокие и властные феодалы.

– Да, – сказала Тэсс.

В темноте они медленно подвигались вперед, и вдали замаячил слабый свет – там, где днем на темно-зеленом фоне появлялась белая полоска дыма, – знак, свидетельствующий о том, что между уединенным их мирком и современной жизнью устанавливается время от времени связь. Раза три-четыре в день современная жизнь вытягивала белое свое щупальце, прикасалась к здешнему миру, а затем щупальце быстро втягивалось, словно прикоснулось к чему-то чуждому.

Слабый свет исходил от закоптелой лампы на маленькой железнодорожной станции – от жалкой земной звезды, которая, впрочем, имела в некотором смысле больше значения для обитателей мызы Тэлботейс и всего человечества, чем небесные светила, хотя далеко ей было до них. Поездку начали разгружать, а Тэсс спряталась от дождя под ближайшим деревом.

Послышалось шипение паровоза, по мокрым рельсам поезд почти бесшумно подошел к

станции, и бидоны с молоком были быстро погружены на товарную платформу. Фонари локомотива на секунду осветили Тэсс Дарбейфилд, неподвижно стоявшую под огромным остролистом. Ни одно существо не могло быть более чуждо этим сверкающим рычагам и колесам, чем Тэсс – наивная девушка с полными обнаженными руками, с мокрыми от дождя волосами и лицом; на ней было ситцевое, отнюдь не модное платье, коленкоровый чепчик сдвинулся на лоб; она напоминала ласкового, отдыхающего леопарда.

Снова она уселась возле своего возлюбленного, с той молчаливой покорностью, какая иногда свойственна страстным натурам. Завернувшись с головой в парусину, они снова окунулись в глубокий мрак ночи. Тэсс была очень впечатлительна, и промелькнувшая перед ней вихрем картина технического прогресса заставила ее глубоко задуматься.

– Завтра утром лондонцы будут пить за завтраком это молоко, правда? – спросила она. – Незнакомые люди, которых мы никогда не видели.

– Да, должно быть, будут пить. Но не в том виде, в каком мы его посылаем. Нужно его разбавить, чтобы оно не ударило им в голову.

– Знатные мужчины и женщины, послы и центурионы, дамы, торговки и дети, никогда не видевшие ни одной коровы.

– Да, пожалуй, особенно центурионы.

– Люди, которые понятия о нас не имеют и не знают, откуда явилось это молоко; им и в голову не придет, что сегодня, под дождем, мы проехали много миль по лугам, чтобы доставить его вовремя.

– Это путешествие мы совершили не только ради почтенных лондонцев, мы и себя не забыли – нам нужно поговорить о животрепещущем деле; и я уверен, что сегодня мы покончим с ним, дорогая Тэсс. Выслушайте меня: ведь вы мне уже принадлежите – я говорю о вашем сердце. Не правда ли?

– Вы это знаете не хуже, чем я. Да, да!

– Но если ваше сердце принадлежит мне, то почему же вы мне отказываете в своей руке?

– Я думала только о вас... Я хотела спросить... Я должна вам кое-что сказать...

– Ну представьте себе, что вы это делаете только ради моего счастья и благополучия.

– О, если бы это было так... Но моя прежняя жизнь – до того, как я поселилась тут... я хочу...

– Да, для моего счастья и благополучия. Если я арендую большую ферму в Англии или в колониях, вы будете незаменимой женой для меня, лучшей, чем любая девица из самого знатного рода. Тэсси, милая, пожалуйста, перестаньте думать о том, что вы станете мне поперек дороги.

– Но моя жизнь... Я хочу, чтобы вы ее знали. Вы должны выслушать, тогда вы меня будете меньше любить.

– Расскажите, если хотите, дорогая. Расскажите вашу чудесную жизнь. Ну-с, родилась я там-то, в таком-то году...

– Я родилась в Марлоте, – начала она, цепляясь за его слова, сказанные шутливым тоном. – Там я и выросла, училась в школе, но шестого класса не закончила. Говорят, я была очень способной и могла сделаться хорошей учительницей. И решено было, что я буду учительницей. Но моей семье жилось тяжело; мой отец не очень-то любил трудиться и к тому же выпивал.

– Да, да! Бедное дитя! Старая история! – Он крепче прижал ее к себе.

– А потом... я должна вам рассказать... Это очень необычно... это касается меня... я... я... была...

Голос Тэсс прервался.

– Да, милая, не волнуйтесь.

– Я... я не Дарбейфилд, а д'Эрбервилль... из того самого рода д'Эрбервиллей, владевших старым замком, мимо которого мы проехали. И мы все обеднели.

– Д'Эрбервилль! Вот как! Это и смущало вас, дорогая моя?

– Да, – чуть слышно проговорила она.

– Но почему же я буду меньше любить вас теперь?

– Хозяин говорил, что вы ненавидите старинные роды.

Он расхохотался.

– Ну что ж, в этом есть доля правды. Мне противно, что аристократы превыше всего ставят чистоту крови. Я считаю, что уважать мы должны лишь духовные качества – ум и добродетель, а отнюдь не благородное происхождение. Но эта новость меня заинтересовала; вы не можете себе представить, как я заинтересован. А разве вас не занимает, что вы происходите из такого знатного рода?

– Нет. Мне это казалось печальным... в особенности с тех пор, как я сюда приехала и узнала, что эти холмы и поля когда-то принадлежали предкам моего отца. Но другие холмы и поля принадлежали предкам Рэтти и, быть может, Мэриэн, так что я ничего особенного в этом не вижу.

– Да, удивительно, как много людей, обрабатывающих теперь землю, некогда владело ею! Не понимаю, почему не воспользуются этим представители некоторых политических школ! Но они, по-видимому, не знают... Странно, что я не заметил сходства вашей фамилии с фамилией д'Эрбервилль, не уловил искажения, бросающегося в глаза. Так вот она, страшная тайна!

Тэсс промолчала. В последнюю секунду мужество ей изменило: она боялась, как бы не упрекнул он ее за то, что она не сказала ему обо всем раньше. И инстинкт самосохранения оказался сильнее ее чистосердечия.

– Конечно, – продолжал ничего не подозревающий Клэр, – я был бы рад, если бы вы происходили из среды многострадального, немого и безвестного простого народа, а не от этих корыстолюбцев, которые составляют меньшинство и могущества достигли в ущерб остальным. Но меня испортила любовь к вам, Тэсс, – добавил он со смехом, – и сделала своекорыстным. Узнав о вашем происхождении, я радуюсь за вас. Общество состоит из неисправимых снобов, и теперь – благодаря вашим предкам – с большой охотой примет вас как мою жену, тем более что я намерен заняться вашим образованием и сделать вас начитанной женщиной. Да и моя мать, бедняжка, будет лучшего мнения о вас, Тэсс. С этого дня вы должны правильно произносить свою фамилию – д'Эрбервилль.

– Превняя мне больше нравится.

– Но вы должны, дорогая! Ведь десятки выскочек-миллионеров ухватились бы за такую фамилию. Кстати, один из них завладел этим именем... Где я о нем слышал? Кажется, в окрестностях Заповедника. Ну конечно, это тот самый человек, который повздорил с моим отцом, – я вам о нем рассказывал. Какое странное совпадение!

– Энджел, я не хочу носить эту фамилию! Быть может, она приносит несчастье!

Тэсс была взволнована.

– Вот вы и попались, госпожа Тереза д'Эрбервилль! Возьмите мою фамилию, и вы избавитесь от своей! Тайна открыта, и теперь у вас нет оснований мне отказывать.

– Если в самом деле вы будете счастливы, женившись на мне, и если чувствуете, что вы очень-очень хотите сделать меня своей женой...

– Конечно, дорогая!

– Если только вы меня любите так сильно, что не можете без меня жить (какой бы я ни была дурной), то, пожалуй, я должна согласиться.

– Ты согласишься – да нет, ты уже согласилась! Ты будешь моей до конца жизни!

Он крепко обнял ее и поцеловал.

– Да.

Не успела она выговорить это слово, как разрыдалась без слез, – казалось, сердце ее не выдержит. Тэсс отнюдь не была истеричкой, и Клэр был изумлен.

– О чем ты плачешь, любимая?

– Не могу сказать... не знаю... я так рада, что я ваша и могу дать вам счастье.

– Но это не очень-то похоже на радость, моя Тэсси!

– Я... плачу потому, что не сдержала клятвы! Я говорила, что никогда не выйду замуж.

– Но если ты меня любишь, значит, ты хочешь, чтобы я был твоим мужем.

– Да, да, да! Но... ах, зачем только я родилась на свет!

– Милая моя Тэсс, если бы я не знал, что ты очень взволнована и очень неопытна, это восклицание показалось бы мне не особенно лестным. Как можешь ты так говорить, если действи-

тельно меня любишь? Любишь ли ты меня? Хотел бы я, чтобы ты это как-нибудь доказала.

– Какие вам еще нужны доказательства? – воскликнула она в порыве бесконечной неясности. – Быть может, вот это?

Она обвила рукой его шею, и Клэр впервые узнал, как целует страстная женщина человека, которого любит всей душой.

– Ну вот... теперь ты веришь? – спросила она, краснея и вытирая глаза.

– Да. И, в сущности, я никогда не сомневался... никогда!

Они ехали во мраке, сжавшись в один комок под парусиной, и лошадь брела как ей вздумается, а дождь хлестал по ним. Тэсс согласилась. Она могла бы согласиться с самого начала. «Жажда радости», которой проникнуто все живое, эта великая сила, влекущая человечество по своему произволу, как влечет поток беспомощные водоросли, не могла быть подавлена туманными размышлениями об общественных предрассудках.

– Я должна написать матери, – сказала Тэсс. – Ты ничего против этого не имеешь?

– Конечно, ничего, дорогое дитя! Тэсс, ты еще ребенок, если не понимаешь, что как раз теперь-то и нужно написать твоей матери, и я поступил бы дурно, если бы стал возражать. Где она живет?

– Там же, в Марлоте. В конце Блекмурской долины.

– Так, значит, я тебя действительно видел раньше...

– Да, когда мы плясали на лугу, но ты не хотел со мной танцевать. О, я надеюсь, что это не было дурным предзнаменованием!

31

На следующий же день Тэсс послала очень трогательное письмо своей матери, а в конце недели получен был ответ, написанный нетвердым старомодным почерком Джоан Дарбейфилд.

«Дорогая Тэсс, пишу тебе эти несколько строк в надежде, что они застанут тебя в добром здоровье; и я тоже, слава богу, здорова. Дорогая Тэсс, мы все рады были узнать, что ты скоро выйдешь замуж. Но на твой вопрос, Тэсс, я тебе отвечу между нами, по секрету, но очень твердо: не говори ему ни в коем случае о своей прошлой беде. Я не все рассказывала твоему отцу – очень уж он гордился, что был из почтенной семьи, а может быть, и нареченный твой такой же. Многие женщины – и даже самые благородные – попадали в свое время в беду, и если они об этом не трубят, то незачем и тебе трубить. Ни одна девушка не была бы такой дурой, тем более что это случилось давным-давно и ты тут ни при чем. Я тебе то же самое отвечу, хотя бы ты меня пятьдесят раз спрашивала. И вот что ты еще должна помнить: я всегда знала, что ты ребенок и по простоте своей готова выболтать все, что есть у тебя на душе, – и вот, забоясь о том, чтобы тебе было лучше, я взяла с тебя слово молчать об этом; и ты, уходя из дому, торжественно дала мне обещание. О твоём вопросе и твоей свадьбе я отцу не говорила, потому что он человек простой и сейчас же обо всем разболтает.

Дорогая Тэсс, бодрись, а мы пришлем тебе на свадьбу бочку сидру, потому что в тех краях сидра мало и он слабый и кислый. Писать больше не о чем, передай наш привет своему жениху.

Любящая тебя мать – Дж. Дарбейфилд».

– Ах, мама, мама! – вздохнула Тэсс.

Она понимала, как мало затрагивают самые печальные события эластичный ум миссис Дарбейфилд. Мать смотрела на жизнь иначе, чем Тэсс. Трагическое событие, воспоминание о котором преследовало Тэсс, было для ее матери лишь случайным эпизодом. Но, быть может, мать, какими бы доводами она ни руководствовалась, указывает правильный путь? Казалось, молчание обеспечивало счастье ее возлюбленного, – значит, нужно молчать.

Получив приказ от единственного в мире человека, который имел хоть какое-то право кон-

тролировать ее поступки, Тэсс начала успокаиваться. С нее сняли ответственность, и впервые за много недель у нее стало легче на душе. Согласие свое она дала в начале осени, а в октябре осень вступила в свои права, и все это время Тэсс жила в приподнятом душевном состоянии, которое граничило с экстазом и было ей еще неведомо.

В любви ее к Клэру вряд ли был даже намек на что-нибудь земное. Она всецело ему доверяла, и для нее он был совершенством, знал все, что должен знать воспитатель, философ и друг. Каждая линия его фигуры казалась ей воплощением мужской красоты, его душа была для нее душой святого, а ум – умом пророка. Умудренная любовью к нему, она держала себя с достоинством и словно носила корону. Сознание, что он ее любит, заставляло ее благоговеть перед ним. Иногда он ловил преданный взгляд ее больших глаз, казавшихся-бездонными, – она смотрела на него так, словно он был существом бессмертным.

Мысль о прошлом она отогнала, растоптала прошлое, как топчут уголек, тлеющий и опасный, и отбросила.

Она не знала, что мужчина в своей любви к женщине может быть столь бескорыстен и рыцарски предан. В этом отношении Энджел Клэр был не таков, каким она его себе представляла, далеко не таков, – но действительно духовная сторона одерживала в нем верх над животной; он умел владеть собой и никогда не бывал груб. Отнюдь не холодный по природе, он был скорее чувствительным, чем пылким, более походил на Шелли, чем на Байрона; мог любить до безумия, но его любовь была духовной, платонической, она помогала ему ревниво оберегать возлюбленную от самого себя. Это изумляло и чаровало Тэсс, ибо ее столь малый опыт в этой области был печален. Ожесточение против всего мужского пола перешло в безмерное восхищение Клэром.

Они открыто искали общества друг друга; чистосердечная и доверчивая, она не скрывала своего желания быть с ним. Чутье подсказывало ей, что уловки, свойственные женщинам и привлекающие мужчин, могут оттолкнуть столь безупречного человека, после того как она призналась ему в любви, – ибо уловки по природе своей искусственны.

По деревенскому обычаю обрученные могут, не стесняясь, проводить время вместе, и Тэсс это казалось совершенно естественным, ибо других обычаев она не знала, однако Клэр находил такую свободу несколько преждевременной, пока не убедился, как просто относится к этому Тэсс и все остальные обитатели мызы. В эти ясные октябрьские дни они бродили вдвоем среди лугов по тропинкам, тянувшимся вдоль журчавших ручьев, и по деревянным мостикам переходили с одного берега на другой. До слуха их всегда доносилось журчание воды у какой-нибудь плотины – аккомпанемент их тихим разговорам, а лучи солнца, почти горизонтальные, как сами луга, словно одевали все кругом сверкающей пылью. Они видели голубоватую дымку в тени деревьев и изгородей, когда вокруг все было залито солнечным светом. Солнце стояло над землей так низко, а местность была такая ровная, что тени Клэра и Тэсс тянулись вперед на четверть мили, словно два Длинные пальца, указывающих вдаль – туда, где холмы замыкали зеленую долину.

В лугах повсюду работали люди; в эту пору года прочищались канавы для зимнего орошения, укреплялись их берега, осыпавшиеся под копытами скота. Жирный чернозем на лопатах, черный как смола, был принесен сюда рекой в ту пору, когда вся долина была ее руслом, и он даровал исключительное плодородие лугам. Недаром тучнели пасущиеся здесь стада.

Не стесняясь рабочих, Клэр смело обнимал ее за талию, словно привык ухаживать на виду у всех, хотя в действительности смущался не меньше, чем Тэсс, которая с полуоткрытым ртом, украдкой, как насторожившийся зверек, посматривала на рабочих.

– Тебе не стыдно гулять со мной на виду у всех, как со своей невестой? – радостно говорила она.

– Конечно, нет.

– Но если твои родные в Эмминстере узнают, что ты прогуливаешься вот так со мной, простой доильницей?

– Самой очаровательной из всех доильщиц!

– Как бы они не сочли это оскорблением их достоинства.

– Дорогая моя, д'Эрбервилль не может нанести оскорбление достоинству какого-то Клэра. Твоя фамилия – наша козырная карта, и для большего эффекта я ее открою, когда мы повенчаемся

и получим от священника Трингхэма доказательства твоего происхождения. А кроме того, мое будущее нисколько не касается моей семьи и ни малейшего отношения к ней не имеет. Мы уедем из этого графства, а быть может, и из Англии – не все ли равно, как будут относиться к нам здесь? Тебе хочется уехать?

Она могла, ответить только коротеньким «да» – так глубоко взволновала ее мысль о том, что она уедет с ним в широкий мир – уедет, как самый близкий и родной ему человек. Казалось, она слышала свои чувства, как слышат журчание волн, и слезы подступили к горлу. Тэсс взяла Клэра за руку, и они пошли к реке – туда, где под мостом отражалось в воде солнце и металлический блеск слепил глаза, хотя само светило было заслонено мостом. Здесь они залюбовались видом, и попрятавшиеся зверьки и птички высунули свои головки, но тотчас же скрылись, убедившись, что страшные люди не прошли, а просто остановились. Но они медлили на берегу, пока не сомкнулся вокруг них туман, который рано поднимается над рекой в осеннюю пору, и хрустальные капли не осели на ресницах Тэсс, на волосах и бровях Клэра.

По воскресеньям они гуляли позднее, в сумерках. Кое-кто из обитателей мызы, возвращаясь домой в первый воскресный вечер после их помолвки, слышал восторженные речи Тэсс, и хотя слов нельзя было разобрать, замечал, как ее голос прерывался от волнения, когда она шла, опираясь на его руку, и чувствовал, каким счастьем исполнено ее молчание и ее смех, в котором словно изливалась ее душа, – смех женщины, идущей рядом с любимым человеком, который избрал ее среди всех других женщин; ничто в мире не сравнится с этим смехом. И обитатели мызы дивились легкости ее походки: она скользила словно птица, взлетающая ввысь.

Любовь к нему была теперь дыханием Тэсс, ее жизнью; эта любовь окутывала ее как фото-сфера; в ее сиянии Тэсс забывала былые горести, и мрачные призраки, настойчиво пытавшиеся завладеть ею – сомнение, страх, уныние, беспокойство, стыд, – отступали от нее. Она знала, что за пределами светлого круга они подстерегают ее, словно волки, но теперь у нее была власть удерживать их, голодных, в повиновении.

Душа забывала, но рассудок помнил. Тэсс шла озаренная светом, но знала, что за ее спиной всегда стоят эти темные призраки. И каждый день они либо немного отступали, либо приближались.

Однажды вечером все обитатели мызы ушли, а Тэсс и Клэр должны были остаться сторожить дом. Разговаривая с Клэром, она задумчиво взглянула на него – он смотрел на нее с восхищением.

– Я недостойна тебя! Нет, недостойна! – воскликнула она, вскакивая с низкой скамеечки.

Казалось, ее пугали и его преклонение и собственная ее радость. Клэр, считая причиной ее волнения то, что на самом деле составляло лишь малую часть этой причины, сказал:

– Тэсс, дорогая, мне неприятно, когда ты так говоришь. Достоинство человека заключается не в умении щегольнуть внешним лоском, которого требуют жалкие условности, принятые в обществе, а в правдивости, честности, справедливости, чистоте и добром имени – как у тебя, моя Тэсс!

Она старалась подавить рыдания. Как часто сердце ее ныло, когда в церкви перечислялись эти добродетели, и как странно, что именно теперь вздумал он о них вспомнить!

– Почему ты не остался и не полюбил меня, когда я... когда я жила с братьями и сестрами... и мне было шестнадцать лет, а ты танцевал на лугу? Почему ты меня не полюбил, почему? – бормотала она, заламывая руки.

Энджел стал ее утешать и успокаивать, думая – и не без основания – о том, какая она нервная и как бережно должен он к ней относиться, когда счастье ее будет всецело зависеть от него.

– Да, почему я не остался? – повторил он. – Я тоже об этом думаю. О, если бы я знал! Но почему ты так горько сожалеешь... стоит ли так огорчаться?

По-женски скрытная, она схитрила:

– Твое сердце принадлежало бы мне уже четыре года, и я бы не потеряла этих лет. Была бы счастлива гораздо дольше!

Так могла бы терзать себя зрелая женщина с темным прошлым, сотканным из интриг, а не

простодушная двадцатилетняя девушка, которая в годы ранней юности попала, словно птица, в силки. Чтобы успокоиться, она встала со своего маленького табурета и вышла из комнаты, опрокинув его подолом юбки.

Клэр остался сидеть у очага, в котором весело трещали сырые ясеневые сучья, и на концах их пузырился сок. Тэсс вернулась успокоенная.

– Не кажется ли тебе, Тэсс, что ты чуточку своенравна и порывиста? – добродушно сказал он, положив для нее подушку на табурет и усаживаясь подле, на скамью. – Я хотел кое о чем тебя спросить, а ты вдруг убежала.

– Да, пожалуй, я своенравна, – прошептала, она.

Потом подошла и положила руки ему на плечи.

– Нет, Энджел, право же, я несколько не своенравна – то есть это у меня не в характере.

И, словно желая убедить его, она села рядом с ним на скамью и положила голову ему на плечо.

– О чем ты хотел меня спросить? Я на все отвечу, – продолжала она покорно.

– Тэсс, ты меня любишь и согласилась быть моей женой, а отсюда вытекает вопрос: когда день нашей свадьбы?

– Мне нравится жить так, как теперь.

– Но в начале нового года или немного позднее я должен подумать о том, чтобы начать свое собственное дело. И раньше, чем меня поглотят новые заботы, я хотел бы получить твое согласие.

– Но если рассуждать практически, не лучше ли будет нам повенчаться после этого? – робко возразила она. – Хотя я даже подумать не могу, что ты уедешь и оставишь меня здесь!

– Ну конечно! И это было бы гораздо хуже. Мне нужна твоя помощь, когда я буду устраиваться на новом месте. Ну, так когда же свадьба? Через две недели?

– Нет, – сказала она серьезно. – Мне о многом надо подумать.

– Но...

Он ласково привлек ее к себе.

Теперь, когда недалек был день свадьбы, ей стало страшно. Но не успели они обсудить этот вопрос, как из-за спинки скамьи вышли фермер Крик, миссис Крик и две работницы.

Тэсс отскочила от Клэра, словно резиновый мяч; лицо ее покраснелось, глаза заблестели.

– Я знала, что так оно и будет, если я сяду рядом с ним! – воскликнула она с досадой. – Так я и знала, что они войдут и поймают нас! Но, право же, я не сидела у него на коленях, хотя и могло показаться, будто сидела.

– Ну, если бы нам ничего не сказали, мы бы и не заметили при таком свете, как вы тут сидите, – отозвался фермер и повернулся к жене с видом человека, ничего не смыслящего в любовных делах. – Никогда не следует гадать о том, что думают другие люди, когда они ничего не думают. Да я бы и не приметил, где она там сидит, если бы она сама не сказала.

– Мы скоро поженимся, – проговорил Клэр с напускным спокойствием.

– А, вот оно что! От души рад это слышать, сэр. Я давно уже подумывал, что так оно и случится. Она слишком хороша для доильщицы, я это сказал, как только ее увидел. Находка для всякого мужчины и чудесная жена для джентльмена-фермера; с такой помощницей вам никакого управляющего не нужно.

Между тем Тэсс скрылась. Смутили ее не столько грубые похвалы Крика, сколько взгляды вошедших с ним девушек.

После ужина, когда она поднялась в спальню, все ее товарки были уже там. Горел свет, девушки в белых рубашках сидели на своих кроватях и, словно мстительные привидения, поджидали Тэсс.

Но вскоре она убедилась, что злого чувства к ней они не питают. Ведь они лишились того, чего никогда не имели. Настроение их было скорее задумчивым и созерцательным.

– Он на ней женится! – прошептала Рэтти, не спуская глаз с Тэсс. – Как это видно по ее лицу!

– Ты и вправду выйдешь за него замуж? – спросила Мэриэн.

– Да, – сказала Тэсс.

– Когда?

– Когда-нибудь.

Они подумали, что она хочет уклониться от ответа.

– Да... она выходит за него... за джентльмена! – повторила Иzz Хьюэт.

И три девушки, словно зачарованные, одна за другой встали с постели и босиком подошли к Тэсс. Рэтти положила руки ей на плечи, как будто хотела убедиться, что совершившееся чудо не сделало ее подругу бесплотной, Иzz и Мэриэн обняли ее за талию, и все три смотрели ей в лицо.

– Странно это! Я даже представить себе не могу! – сказала Иzz Хьюэт.

Мэриэн поцеловала Тэсс и после поцелуя прошептала:

– Да.

– Почему ты ее поцеловала? Из любви к ней или потому, что ее целовали другие губы? – сухо спросила Иzz.

– Я об этом не подумала, – простодушно ответила Мэриэн. – Я только почувствовала, как это странно... странно, что его женой будет она, а не кто-нибудь другой. Я не о нас говорю – мы-то никогда об этом не думали и только любили его. А все-таки его женой будет она, а не какая-нибудь знатная леди в драгоценных камнях и золоте, в шелку и атласе; она – такая же, как и мы.

– Вы не разлюбите меня за это? – тихо спросила Тэсс.

Фигуры в белых ночных рубашках молча наклонились к ней, словно в ее глазах искали ответа.

– Я не знаю... не знаю, – пробормотала Рэтти Придл. – Я хочу тебя ненавидеть – и не могу.

– И я тоже, – как эхо отозвались Иzz и Мэриэн. – Я не могу ее ненавидеть. Что-то мне мешает.

– Ему следовало бы жениться на ком-нибудь из вас, – прошептала Тэсс.

– Почему?

– Вы все лучше меня.

– Мы лучше тебя? – шепотом переспросили девушки. – Нет, нет, милая Тэсс!

– Лучше! – возразила она настойчиво.

И вдруг вырвалась из их объятий и расплакалась истерически, прижавшись головой к комоду и повторяя:

– Да, да, да!

Разрыдавшись, она не могла успокоиться.

– Он должен был жениться на ком-нибудь из вас! – кричала она. – И теперь еще я должна была бы его убедить! Вы ему больше подходите... О, я не знаю, что говорю!

Они бросились к ней, обняли ее, но она все еще сотрясалась от рыданий.

– Дайте воды, – сказала Мэриэн. – Бедняжка, она из-за нас так плачет!

Они осторожно усадили ее на кровать и ласково поцеловали.

– Ты лучше нас, – говорила Мэриэн. – Манеры у тебя лучше, и ты учнее нас... он ведь сам тебя обучал. И ты должна гордиться этим. Да ты и гордишься, правда?

– Да, – сказала Тэсс, – и мне стыдно, что я так расплакалась.

Когда они улеглись и потушили свет, Мэриэн сказала шепотом:

– Тэсс, думай о нас, когда будешь его женой; не забывай, как мы говорили тебе, что любим его, и старались не чувствовать к тебе ненависти... И не чувствовали; мы не могли тебя ненавидеть, потому что он выбрал тебя, а мы на это не надеялись.

Они не подозревали, что при этих словах жгучие соленые слезы снова смочили подушку Тэсс. И в отчаянии она решила, несмотря на запрещение матери, рассказать Энджелу Клэру все. Пусть презирает ее тот, кем она жила и дышала, пусть мать считает ее дурой – это лучше, чем хранить молчание, которое было бы предательством по отношению к нему и почему-то казалось грехом по отношению к подругам.

еще оставался без ответа, хотя Клэр задавал его в такие минуты, когда ей трудно было устоять. Однако Тэсс как будто хотела вечно быть невестой и не вносить никаких перемен в свою жизнь.

Луга были теперь не те, что летом, но днем, перед тем как доили коров, бывало еще тепло, а так как в эту пору года меньше стало работы на мызе, то иногда оставалось время для прогулок. Солнечные лучи, падая на влажную траву, освещали сверкающую рябь осенних паутинок, которая напоминала лунную дорожку на море. Комары, не ведая, сколь кратковременно их ликование, кружились в полосе солнечного света, ярко освещенные, словно в каждом из них горел огонек, который угасал, как только покидали они эту полосу. И здесь Клэр снова напоминал ей о том, что день свадьбы еще не назначен.

Иногда он заговаривал об этом по вечерам, отправляясь вместе с ней исполнять какое-нибудь поручение, которое миссис Крик придумывала специально для того, чтобы предоставить ему случай побыть с Тэсс наедине. Большею частью ходили они на ферму, находившуюся в предгорье, проведать стельных коров, которых на время переводили туда и кормили соломенной резкой, ибо в эту пору года в жизни скота происходили серьезные перемены. Коров небольшими партиями отправляли ежедневно в этот «родильный дом», где они оставались на соломенной диете, пока не производили на свет телят, а как только теленок мог ходить, мать и ее отпрыска пригоняли назад на мызу. Пока теленка не отнимали от матери, разумеется, ее не нужно было доить, но когда телят продавали, доильщицы вновь принимались за работу.

Однажды вечером, возвращаясь в темноте на мызу, они поднялись на скалу, возвышавшуюся над долиной, и здесь остановились, прислушиваясь. Вода в речках поднялась, бурлила у запруд, журчала в дренажных трубах, заполняла все канавы; нельзя было идти напрямик, чтобы сократить расстояние, и путникам приходилось держаться горных дорог. Над долиной, невидимой во мраке, стоял многоголосый гул; им чудилось, что там, внизу, раскинулся большой город и слышится гудение толпы.

– Как будто там бродят десятки тысяч людей, – сказала Тэсс. – Они собираются на площадях, спорят, доказывают что-то, ссорятся, рыдают, стонут, молятся и проклинают друг друга.

Клэр слушал ее рассеянно.

– Крик не говорил тебе сегодня, дорогая, о том, что в зимние месяцы ему не понадобится столько работников?

– Нет.

– Коровы перестают давать молоко.

– Да. Вчера отправили на ферму шесть или семь коров, а третьего дня – трех, и теперь их там около двадцати. Ах, так, значит, хозяину не нужна моя помощь для ухода за телятами? Во мне больше здесь не нуждаются! А я-то старалась...

– Крик, в сущности, не говорил, что ты ему больше не понадобишься, но, зная о наших отношениях, он мне сказал очень добродушно и вежливо, что я, должно быть, возьму тебя с собой, когда распрощаюсь с ним перед рождеством. На мой вопрос, как он без тебя обойдется, он ответил только, что зимой ему хватит и троих работниц. Боюсь, что я, грешный человек, обрадовался, – ведь теперь тебе придется наконец решиться!

– Мне кажется, ты не должен был радоваться, Энджел. Всегда бывает грустно, когда в человеке не нуждаются, хотя бы это и было нам на руку.

– Значит, признаешь, что это нам на руку?

Он коснулся пальцем ее щеки и сказал:

– Так-так...

– Что такое?

– Я чувствую, что ты покраснела, оттого что попалась. Но зачем я шучу? Мы не должны шутить, жизнь слишком серьезна.

– Да... пожалуй, я это поняла раньше, чем ты.

Она понимала это и теперь. Если в конце концов она откажется от него, следуя принятому ночью решению, и покинет мызу – значит, придется поступать на новое место. Теперь, когда коров телились, на мызах не нуждались в доильщицах, и ей придется искать какую-нибудь земледельческую ферму, где не будет подле нее такого божественного существа, как Энджел Клэр.

Мысль эта показалась ей невыносимой, но еще мучительнее было думать о возвращении домой.

– Будем говорить серьезно, милая Тэсс, – продолжал он, – раз к рождеству тебе придется, по-видимому, отсюда уйти, то во всех отношениях желательнее и удобнее, чтобы я тебя увез как свою собственность. И, не будь ты самой нерасчетливой девушкой в мире, ты бы сообразила, что так, как сейчас, вечно продолжаться не может.

– А жаль! Пусть бы всегда было лето и осень, а ты бы ухаживал за мной и всегда был обо мне такого высокого мнения, как прошлым летом.

– Так оно и будет.

– Да, знаю! – воскликнула она в порыве безграничного доверия к нему. – Энджел, я назначу день, когда я стану твоей навсегда.

Так договорились они наконец во время этой вечерней прогулки, под аккомпанемент бесчисленных ручейков, журчавших справа и слева.

Придя на мызу, они немедленно сообщили новость мистеру и миссис Крик, с просьбой хранить ее в тайне, так как влюбленным хотелось отпраздновать свадьбу возможно скромнее. Хотя фермер и собирался рассчитать Тэсс в ближайшее время, но теперь начал громко сожалеть об ее уходе. Кто будет снимать сливки? Кто будет украшать узорами куски масла для дам из Энглбери и Сэндборна? Миссис Крик поздравила ее с тем, что она покончила со своими колебаниями; она заявила, что как только она впервые увидела Тэсс, так тотчас же и угадала: быть ей замужем не за простым работником. В день своего приезда Тэсс с таким величественным видом прошла по двору, что миссис Крик готова была поклясться – родом она из хорошей семьи. По правде говоря, миссис Крик обратила внимание только на грацию и миловидность Тэсс, что же касается величественного ее вида, то миссис Крик припомнила его только после получения дополнительных сведений.

Теперь Тэсс неслась на крыльях времени, утратив волю. Слово было дано, день назначен. Умная от природы, она начала склоняться к фатализму; эта вера в судьбу свойственна крестьянам и тем, кто живет в более близком общении с природой, чем со своими ближними. Все желания своего жениха она исполняла с пассивной покорностью, характерной для этого мировоззрения.

Впрочем, она еще раз написала матери якобы для того, чтобы сообщить о дне свадьбы, – в действительности же она снова просила ее совета... На ней остановил свой выбор джентльмен... быть может, мать не приняла этого во внимание? Возможно, что к объяснению, данному после свадьбы, он отнесется далеко не так спокойно, как мог бы отнестись человек попроще... Но на это письмо миссис Дарбейфилд ничего не ответила.

Хотя Энджел Клэр настаивал на необходимости немедленно отпраздновать свадьбу, выдвигая благовидные доводы, однако была в этом излишняя стремительность, что и обнаружилось позднее. Он любил ее горячо, но, пожалуй, это была скорее идеальная любовь, чем то страстное чувство, какое питала к нему она. Считая себя обреченным отказаться от интеллектуальной жизни и вести жизнь пастушескую, он и не подозревал до встречи с Тэсс, что найдет здесь столько очарования, сколько он нашел в этой простодушной девушке. О простоте и безыскусственности ему случалось говорить, а что это такое – он, в сущности, не знал, пока не явился сюда. Но будущее рисовалось ему очень неясно, и лишь по прошествии года или двух мог он окончательно определить свой жизненный путь. И решимость его объяснялась некоторой небрежностью, с какой он привык относиться к своей карьере, считая, что по вине родных, зараженных предрассудками, отказался от истинного своего призвания.

– Не думаешь ли ты, что лучше было бы нам подождать, пока ты не устроишься на своей собственной ферме? – робко спросила она однажды. (В то время он мечтал о ферме в центральных графствах Англии.)

– Сказать по правде, моя Тэсс, я не хочу, чтобы мы расставались – ведь это значило бы, что я не могу оберегать тебя и заботиться о тебе.

Довод был веский. Клэр имел на нее такое сильное влияние, что она переняла его манеры и привычки, его слова и фразы, вкусы и склонности. Если оставить ее одну на мызе, она вернется к прежним своим привычкам и гармоническая связь будет нарушена. Было у него еще одно основание не расставаться с ней. Разумеется, его родители захотят увидеть ее хоть раз, раньше чем она

уедет с Клэром на ферму в Англии или в колониях; а так как мнение их нимало не могло повлиять на его решение, то он считал, что месяца два совместной жизни с ним, пока он будет устраивать свои дела, пойдут ей на пользу и подготовят к мучительному для нее испытанию – предстоящему визиту к его матери. Далее Клэр хотел ознакомиться с мукомольным делом, предполагая построить на будущей своей ферме мельницу. Владелец большой старой водяной мельницы в Уэллбридже, некогда принадлежавшей аббатству, предложил ему в любое время ознакомиться с издавна налаженным делом и на несколько дней принять участие в работе. Клэр поехал туда договориться о частностях – место это находилось в нескольких милях от Тэлботейса, – и к вечеру вернулся на мызу. Тэсс он объявил, что думает пожить некоторое время на уэллбриджской мельнице. Что же побудило его принять такое решение? Не столько желание изучить дело, сколько одно случайное обстоятельство: можно было поселиться на ферме, которая некогда была поместьем одной из ветвей рода д'Эрбервиллей. Так обычно разрешал Клэр практические вопросы, – руководствуясь чувством, никакого отношения к этим вопросам не имеющим. Они решили отправиться на мельницу немедленно после свадьбы и провести там две недели, вместо того чтобы скитаться по городам и гостиницам.

– Затем мы осмотрим несколько ферм по ту сторону Лондона, о которых я слышал, – сказал он, – а в марте или апреле навестим моих родителей.

Такие вопросы постоянно возникали и обсуждались, а день, когда она должна была стать его женой, – этот невероятный день приближался. Свадьба была назначена на тридцать первое декабря, в канун Нового года. «Его жена! – говорила она себе. – Возможно ли это? Они соединятся навеки, ничто не сможет их разлучить, и все будут они делить пополам. Что же в этом невероятно? И все-таки – может ли это быть?»

В воскресенье утром Изз Хьюэт вернулась из церкви и потихоньку сказала Тэсс:

– Вас не оглашали сегодня в церкви.

– Что такое?

– Сегодня ведь срок первому оглашению, – объяснила она, посматривая на Тэсс. – Свадьба будет под Новый год, милочка?

Та быстро кивнула.

– Оглашать должны три раза. А до Нового года остаются теперь только два воскресенья.

Тэсс почувствовала, что бледнеет. Изз права: конечно, оглашают трижды. Быть может, он забыл? В таком случае свадьбу придется отложить на неделю, а это дурное предзнаменование. Может ли она напомнить своему возлюбленному?

Тэсс, медлившая так долго, вдруг охвачена была нетерпением и опасением потерять то, что завоевала. Но тревога скоро рассеялась. Изз рассказала миссис Крик о том, что не было оглашения, а та, пользуясь правами матроны, обратилась к Энджелу:

– Вы о нем забыли, мистер Клэр? Об оглашении-то вы и забыли?

– Нет, не забыл, – отозвался Клэр.

И наедине с Тэсс поспешил ее успокоить:

– Пусть они тебя не дразнят этим оглашением. Я, не посоветовавшись с тобой, решил, что нам удобнее взять брачное свидетельство, – так будет для нас спокойнее. И хотя тебе хочется услышать свое имя, ты его не услышишь и в следующее воскресенье.

– Мне этого вовсе не хочется, милый, – гордо ответила она.

Но все-таки Тэсс почувствовала облегчение, узнав, что все складывается так благополучно. Она побаивалась, как бы кто-нибудь, услышав оглашение, не объявил в церкви во всеуслышание о ее прошлом. Но судьба ей благоприятствовала. «На душе у меня неспокойно, – думала Тэсс, – мне везет, но, быть может, впоследствии придется за это расплачиваться. Бог жестоко взыскивает за счастье, лучше бы нас оглашали, как всех».

Но все шло гладко. Тэсс не знала, венчаться ли ей в ее лучшем белом платье или купить к свадьбе новое. Вопрос разрешился благодаря предусмотрительности Клэра: на мызу были доставлены большие пакеты, адресованные Тэсс. В них оказался свадебный туалет, начиная от шляпы и кончая ботинками, а также утреннее платье; этот убор вполне соответствовал скромной свадьбе, на которой они порешили. Клэр пришел домой вскоре после того, как были доставлены пакеты, и

слышал, что она разворачивает их наверху.

Через минуту она спустилась вниз, раскрасневшаяся, со слезами на глазах.

– Какой ты заботливый! – прошептала она, прижимаясь щекой к его плечу. – Ты подумал даже о перчатках и носовом платке! Милый мой, какой ты хороший, какой добрый!

– Право же нет, Тэсс! Я послал заказ в Лондон – вот и все!

И, не желая, чтобы она его превозносила, он посоветовал ей пойти наверх и примерить платье и, если оно окажется не впору, попросить деревенскую швею перешить его.

Она вернулась в свою комнату, оделась и секунду стояла перед зеркалом, любуясь шелковым платьем, но тут ей вспомнилась баллада о волшебном платье:

Нет, не пойдет оно жене,
Что согрешила хоть разок, –

баллада, которую так весело и задорно напевала ей в детстве миссис Дарбейфилд, раскачивая ногой колыбель под аккомпанемент песенки. Что, если это платье изменит цвет и выдаст ее, как выдал королеву Джиневру ее наряд? С тех пор как Тэсс жила на ферме, строфа эта припомнилась ей впервые.

33

Энджелу очень хотелось провести с ней перед свадьбой один день наедине, где-нибудь вдали от мызы в последний раз побродить с той, которая является пока его возлюбленной, – провести романтический день в обстановке, неповторимой больше, потому что близился уже и другой великий день. И он предложил сделать кое-какие покупки в соседнем городке, куда они вместе и отправились.

На мызе Клэр жил затворником, не встречаясь с представителями своего класса; месяцами он не бывал вблизи города и не нуждался в собственном экипаже. Когда ему нужно было куда-нибудь съездить, он брал у фермера верховую лошадь или двуколку. На этот раз они поехали в двуколке.

И вот впервые пришлось им делать покупки, предназначенные для них обоих. Был сочельник – всюду виднелись ветки омелы и остролиста; и в город стеклось немало народу со всех концов графства. Тэсс, идущей под руку с Клэром, пришлось расплачиваться за то, что ее сияющее счастьем лицо стало еще прекраснее обычного, – все поворачивались и смотрели на нее.

Вечером они вернулись в гостиницу, где остановились. Тэсс осталась ждать у входа, пока Энджел пошел распорядиться, чтобы запрягли лошадь. Зал был полон народа, безостановочно входили и выходили посетители. Когда дверь распахивалась, свет падал прямо на лицо Тэсс. Мимо прошли двое мужчин. Один из них с удивлением осмотрел ее с ног до головы, и ей показалось, что он из Трэнтриджа, хотя трэнтриджских жителей редко можно было здесь встретить – слишком далеко отсюда была их деревня.

– Хорошенькая девушка! – заметил другой.

– Да, хорошенькая. Но либо я обознался, либо... – И он выразил сомнение, можно ли Тэсс назвать девушкой.

Клэр, возвращаясь из конюшни, столкнулся с говорившим на пороге, услышал его слова и увидел, как Тэсс вся съежилась. Оскорбление, нанесенное ей, привело его в бешеную ярость, и, ничего не соображая, он со всего размаха ударил говорившего кулаком в подбородок так, что тот отлетел в коридор.

Придя в себя, оскорбитель рванулся вперед, и Клэр, переступив порог, приготовился защищаться. Но, по-видимому, противник его передумал. Он снова посмотрел на Тэсс и сказал Клэру:

– Прошу прощения, сэръ. Я ошибся. Принял ее за другую девушку, которая живет в сорока милях отсюда.

Клэр, раскаиваясь в своей запальчивости и пожалев, что оставил ее одну у входа в гостиницу, поступил так, как обычно поступал в подобных случаях, – дал пострадавшему пять шиллингов,

и они разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Когда Клэр взял от конюха вожжи и парочка отъехала, эти двое мужчин пошли в противоположную сторону.

– Ты и в самом деле ошибся? – спросил второй.

– Ну нет, только я не захотел расстраивать этого джентльмена.

Тем временем влюбленные ехали своей дорогой.

– А могли бы мы отложить немного свадьбу? – спросила Тэсс упавшим голосом. – Если бы нам захотелось?

– Нет, дорогая. Успокойся. Ты думаешь, что парень подаст на меня в суд за оскорбление? – спросил он добродушно.

– Нет... Я думала... Если бы пришлось отложить...

Он не понял, о чем она думала, и посоветовал ей выбросить из головы вздорные фантазии, что она и попыталась сделать, насколько это было возможно. Но всю дорогу домой она была грустна, очень грустна, пока не подумала: «Мы уедем далеко, далеко, за сотни миль отсюда... То, что сегодня произошло, никогда больше не повторится... Там я не столкнусь с призраками прошлого».

В этот вечер они неявно простились на площадке лестницы, и Клэр поднялся к себе в мезонин. Тэсс занялась кое-какими приготовлениями, опасаясь, что в оставшиеся несколько дней не успеет сделать все необходимое. Вдруг она услышала над головой в комнате Энджела шум – возню и удары. Все в доме спали; испугавшись, что Клэр заболел, она побежала наверх, постучала в дверь и спросила, что с ним.

– Ничего, дорогая, – ответил он. – Прости, что я тебя испугал! Забавная история: мне приснилось, будто я снова дерусь с тем парнем, который сегодня тебя оскорбил, и я тузил кулаком по саквоюжу, который достал для того, чтобы уложить вещи. У меня бывают во сне такие припадки. Иди спать и больше об этом не думай.

Нужна была эта последняя капля – и с колебаниями было кончено. Сказать ему о прошлом она не могла; оставался другой выход. На четырех страницах она написала сжатую историю тех событий, которые произошли три-четыре года назад, и вложила письмо в конверт, адресовав Клэру. Потом, опасаясь приступа слабости, она, сбросив ботинки, поднялась наверх и подсунула письмо под дверь.

Неудивительно, что ночь она провела без сна, прислушиваясь, когда наверху раздастся первый шорох. Все произошло, как обычно; Клэр спустился вниз. Спустилась и она. Внизу, на площадке лестницы, он обнял ее и поцеловал, так же нежно, как и всегда!

Ей показалось, что он слегка расстроен и утомлен. Но об ее исповеди он не сказал ничего, даже тогда, когда они остались одни. Прочел ли он? Она чувствовала, что ничего не может сказать, пока он сам не заговорит. Прошел день, и стало очевидным: он не заговорит, что бы он ни думал. Как и раньше, он был прост, с ней и ласков. Неужели ее опасения были простым ребячеством? Неужели он прощает ее и любит ее такую, какова она есть, и посмеивается над ее волнением, как над нелепым кошмаром? Да получил ли он ее письмо? Она заглянула в его комнату и не увидела никакого письма. По-видимому, он простил. И вдруг она пламенно поверила, что даже в том случае, если он не получил письма, он все равно простит ее.

Таким он был с ней ежедневно, утром и вечером, а между тем настал канун Нового года – день свадьбы.

Влюбленные не встали в час доения коров, ибо последнюю неделю их пребывания на мызе они провели на положении гостей, а Тэсс даже получила отдельную комнату. Спустившись вниз к утреннему завтраку, они были удивлены переменами, которые в их честь произвели в большой кухне. В необычно ранний час фермер велел выбелить уголок перед очагом, оттереть печные кирпичи, а над очагом повесить желтые атласные занавеси вместо холщовых, грязно-синих, с черной заплатой, висевших здесь раньше. Благодаря тому, что подновлена была та часть комнаты, куда каждый стремился в хмурое зимнее утро, вся комната оживилась.

– Решил что-нибудь устроить в вашу честь, – сказал фермер, – а так как вы слышать не хотите о танцах под скрипку и виолончель, как принято было в добрые старые времена, я и устроил такую штуку, от которой никакого шума не будет.

Родные Тэсс жили так далеко, что вряд ли приехали бы на свадьбу, даже если бы их пригласили, но из Марлота никого не пригласили. Что же касается близких Энджела, он, как полагается, известил их о дне свадьбы, прибавив, что был бы рад видеть хотя бы кого-нибудь из них; если бы они пожелали приехать Братья его совсем не ответили: они, по-видимому были возмущены. Отец с матерью написали печальное письмо, в котором сожалели о его столь быстрой и необдуманной женитьбе, но потом добавляли, что хотя они и меньше всего ожидали увидеть невесткой работницу с мызы, однако сын их уже достиг такого возраста, когда может самостоятельно сделать выбор.

Эта холодность огорчила Клэра меньше, чем можно было думать, так как у него был козырь, которым он рассчитывал скоро их удивить. Объявить теперь, что Тэсс, еще недавно работавшая на молочной ферме, принадлежит к роду д'Эрбервиллей, было делом рискованным, и он решил скрывать ее происхождение до той поры, пока в течение нескольких месяцев, путешествуя и читая под его руководством, она не приобретет необходимую светскость, а тогда повезти ее к своим родителям и с торжеством представить им как достойную дочь этого древнего рода. Это была мечта влюбленного, не более. Быть может, происхождение Тэсс имело для него большее значение, чем для кого бы то ни было.

Она видела, что отношение его к ней после ее исповеди осталось прежним, и усомнилась, нашел ли он письмо. Прежде чем он позавтракал, она встала из-за стола и поспешила наверх: ей хотелось еще раз заглянуть в каморку Клэра. Поднявшись по лестнице, она остановилась у открытой двери, задумчиво осматриваясь по сторонам, потом наклонилась над порогом, куда несколько дней назад в таком волнении подсунула свою записку. Ковер доходил до самого порога, и из-под края ковра торчал уголок белого конверта с ее письмом, которое Клэр не заметил, ибо второпях она подсунула его под ковер.

Чувствуя дурноту, она схватила письмо. Да, оно было по-прежнему запечатано. Бремя, на ней лежавшее, не было сброшено. Теперь, когда в доме шли последние приготовления, она не могла отдать его Клэру; и, спустившись в свою комнату, она разорвала письмо.

Когда Клэр увидел ее, она была так бледна, что он испугался. В душе Тэсс знала, что попавшее под ковер письмо – только предлог отложить признание, ведь время еще было. Но вокруг все хлопотали и суетились. Нужно было одеваться. Фермер и миссис Крик приглашены были свидетелями... Размышлять и объясняться не оставалось времени. Тэсс удалось только минуту побыть с Клэром наедине, когда они встретились на площадке лестницы.

– Как мне нужно с тобой поговорить! Я хочу исповедаться тебе во всех моих ошибках и прегрешениях, – сказала она с деланной беззаботностью.

– Нет, нет, никаких ошибок, любимая. Сегодня ты должна быть совершенством! – воскликнул он. – Потом у нас еще будет достаточно времени поговорить о наших грехах. И я в своих исповедаюсь.

– Лучше будет, если я сделаю это теперь, чтобы ты потом не...

– Прекрасно, моя фантазерка! Когда мы будем у себя дома – ты и расскажешь обо всем, но не теперь. И я расскажу о своих ошибках. Только не нужно портить этого дня. Это будет прекрасная тема для разговора, когда окажется, что нам нечем заняться.

– Так ты в самом деле не хочешь меня выслушать, милый?

– Не хочу, Тэсси.

Надо было одеваться и ехать в церковь – поговорить им больше так и не пришлось. Однако слова его слегка ее успокоили. В течение оставшихся двух часов у нее не было времени размышлять, ибо, она целиком отдалась охватившему ее чувству огромной неясности к нему. Все опасения и предчувствия наконец поглотило единственное ее желание, с которым она так, долго боролась, – желание принадлежать ему, назвать его своим господином, назвать его своим, а потом, если так нужно, умереть. Одеваясь, она парила в облаке радужных грез, и в их сиянии не было места зловещим мыслям.

Церковь находилась далеко, и пришлось взять экипаж, – тем более что была зима. На ближайшем постоялом дворе была нанята закрытая карета, сохранившаяся со времен почтовых дилижансов. Она отличалась громоздкими колесами, тяжелыми спицами, огромным изогнутым кузовом, множеством ремней и рессор, а дышло походило на таран. Форейтор был солидный «малый»

лет шестидесяти, мученик подагры, заполученной им в далекой молодости благодаря постоянному пребыванию на чистом воздухе в любую погоду, что вело к злоупотреблению крепкими напитками. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как он перестал быть фореитором-профессионалом, и в течение двадцати пяти лет он стоял без дела у дверей гостиницы, словно надеялся, что вернется доброе старое время. На правой ноге у него была незаживающая рана, образовавшаяся от постоянного трения о дышла аристократических экипажей за время многолетней его службы в «Золотом гербе» в Кэстербридже.

В эту громоздкую и скрипучую колыхающую с дряхлым вожатым уселась *partie carree*⁴ – жених с невестой и мистер и миссис Крик. Энджелу хотелось, чтобы хоть один из его братьев был шафером, но на его письмо, заключавшее осторожный намек, они ответили молчанием, свидетельством о нежелании приехать. Им не нравился этот брак, и они не намерены были скрывать свои чувства. Быть может, и лучше, что они не приехали. Они не были светскими молодыми людьми, но общение с обитателями мызы оскорбило бы их понятие о сословных различиях, не говоря уж об их отрицательном отношении к этому браку.

Тэсс, взволнованная приближением торжественной минуты, не думала об этом; она ничего не замечала, не видела, по какой дороге они едут в церковь. Она знала, что Энджел подле нее; все остальное тонуло в лучезарной дымке. Она была каким-то неземным существом, созданным поэзией, одной из тех классических богинь, о которых рассказывал ей Клэр во время прогулок.

Так как оглашения не делали, то в церкви собралось человек десять, не больше; но будь здесь тысячная толпа, все равно на Тэсс она не произвела бы никакого впечатления. Астрономическое расстояние отделяло присутствующих от того мира, в каком пребывала Тэсс. По сравнению с той ликующей торжественностью, с какой поклялась она ему в верности, обычная женская робость и смущение казались легкомысленным кокетством. Во время перерыва в богослужении, когда они оба преклонили колени, она бессознательно склонилась к нему, и ее плечо коснулось его руки, – ее испугала мимолетная мысль, и движение это было инстинктивным: она хотела убедиться в его близости, хотела крепче поверить в то, что его преданность выдержит все испытания.

Клэр знал, что она его любит, – любовью дышало все ее существо, – но в то время он не знал всей глубины ее чувства, напряженности его и самоотверженности, не знал, что оно является залогом верности, терпения, безграничной преданности.

Когда они вышли из церкви, звонари ударили в колокола. Только три ноты слышались в колокольном звоне, так как строители церкви считали, что этого количества вполне достаточно для выражения радости в таком маленьком приходе. Проходя рядом с мужем мимо колокольни по тропинке, ведущей к воротам, она чувствовала, как гудит вокруг них вибрирующий воздух, и это гармонировало с той напряженной духовной атмосферой, в которой она жила.

Экзальтация – ей казалось, что она озарена светом, подобно ангелу, которого видел на солнце св.Иоанн, – продолжалась, пока не замер гул колоколов и не улеглось волнение, вызванное свадебным обрядом. Теперь она начала замечать то, что ее окружало. Не ускользнули детали: мистер и миссис Крик поехали домой в высланной с мызы двуколке, предоставив карету в полное распоряжение молодоженов, и Тэсс только теперь заметила особенности этой колыхающей. Она молча и долго ее рассматривала.

– Ты как будто приуныла, Тэсси, – сказал Клэр.

– Да, – ответила она, прижимая руку ко лбу. – Много меня пугает. Все это так серьезно, Энджел. И вот мне кажется, будто эту карету я когда-то видела и прекрасно ее знаю. Это очень странно: должно быть, я ее видела во сне.

– О, ты слышала легенду о д'Эрбервилльской карете – знаменитое поверье, касающееся твоей семьи и ходившее по всему графству в ту пору, когда твои предки были здесь хорошо известны. А эта старая рухлядь напомнила тебе о легенде.

– Право же, я никогда о ней не слыхала, – возразила она. – А что это за легенда?

– Мне бы не хотелось подробно рассказывать ее сейчас. В шестнадцатом или семнадцатом веке некий д'Эрбервилль совершил в своей фамильной карете страшное преступление, и с тех пор

⁴ компания из четырех человек (*фр.*)

члены этого рода видят карету либо слышат о ней всякий раз, как... Но я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз – история слишком мрачная. Должно быть, что-то ты о ней слыхала и смутно припомнила при виде этой почтенной колымаги.

– Нет, я о ней прежде ничего не слышала, – прошептала она. – Энджел, эта карета является членам моего рода перед смертью или тогда, когда мы совершим преступление?

– Не надо, Тэсс!

Он закрыл ей рот поцелуем.

Когда они приехали домой, она совсем пала духом и мучилась угрызениями совести. Да, теперь она была миссис Энджел Клэр, но морально имела ли она право носить это имя? Не должна ли она называться миссис Александр д'Эрбервилль? Оправдывает ли беспредельная любовь то, что праведные души могут называть преступным умалчиванием? Она не знала, как должна женщина поступить в подобном случае, и ей не с кем было посоветоваться.

Когда Тэсс на несколько минут осталась одна в своей комнате – сегодня в последний раз входила она в нее, – она опустила на колени и стала молиться. Она пыталась молиться богу, но, в сущности, обращалась с молитвой к мужу. Ее поклонение этому человеку было таково, что она почти боялась, не предвещает ли оно беду. Она смутно чувствовала, что, как говорил монах Лоренцо: «Таких страстей конец бывает страшен». Такая любовь, наверно, слишком безрассудна для человеческой природы – слишком буйна, безумна, смертоносна.

– О мой любимый, мой любимый, зачем я так тебя люблю? – шептала она. – Та, которую любишь ты, не я, а другая в моем образе, – та, какой бы я могла быть!

Приблизился час отъезда. Они решили выполнить давно задуманный план – поселиться на несколько дней на старой ферме около уэллбриджской мельницы, где Клэр собирался изучать мукомольное дело. В два часа они кончили все сборы. Фермер и его жена пошли проводить их до калитки. На красном кирпичном крыльце теснились все работники мызы. У стены понуро стояли три товарки Тэсс. Она сомневалась, придут ли они проститься, но все три были здесь, героически стойкие до конца. Она понимала, почему маленькая Рэтти кажется такой хрупкой, Изз – трагически скорбной, а Мэриэн – растерянной; и, видя их тоску, на секунду забыла о своей.

Невольно она шепнула мужу:

– Не поцелуешь ли ты их, бедненьких, в первый и последний раз?

Клэр не стал возражать против того, что считал простой формальностью, и, проходя мимо них, поцеловал всех по очереди, говоря: «Прощайте!» В дверях Тэсс чисто по-женски оглянулась, чтобы узнать, какое впечатление произвел этот поцелуй, подаренный из сострадания, но в глазах ее не было торжества. А если бы оно и было, то, конечно, исчезло бы, когда она увидела, как взволнованы девушки. Поцелуй явно причинил зло, пробудив чувства, которые они старались подавить.

Клэр ничего не подозревал. Подойдя к калитке, он пожал руку фермеру и его жене и еще раз поблагодарил их за все заботы. Затем на секунду воцарилась тишина. Ее нарушило кукареканье. Белый петух с розовым гребешком уселся на изгородь перед домом, в нескольких шагах от них, и крик его зазвенел в их ушах и замер, словно эхо в горной долине.

– Что? – воскликнула миссис Крик. – Петух запел после обеда!

Два работника стояли у распахнутых ворот, придерживая створки.

– Не к добру, – шепнул один другому, не думая, что его услышит группа, собравшаяся у калитки.

Петух запел снова, повернувшись к Клэру.

– М-да! – сказал фермер.

– Мне неприятно его слушать! – сказала Тэсс мужу. – Скажи, чтобы кучер трогал. Прощайте, прощайте!

Снова запел петух.

– Кш! Проваливай, пока я не свернул тебе шею! – с досадой крикнул фермер, отгоняя петуха, а войдя в дом, сказал жене: – И нужно же было этому случиться как раз сегодня! За весь год я не слыхал; чтобы он пел после обеда.

– Это к перемене погоды, – сказала она, – а совсем не то, что ты думаешь. Не может этого

быть!

34

Несколько миль они ехали долиной, по ровной дороге, до Уэллбриджа, затем повернули от деревни влево, к большому елизаветинскому мосту. Тотчас же за мостом находился дом, где они наняли помещение, – дом, внешний вид которого хорошо знают все, кто бывал в долине Фрум; когда-то он был частью великолепного господского дома и принадлежал одному из д'Эрбервиллей, а затем, уже полуразрушенный, был превращен в ферму.

– Добро пожаловать в один из твоих родовых замков! – сказал Клэр, высаживая ее из экипажа. Но он раскаялся в своей шутке: она слишком походила на иронию.

Они наняли только две комнаты, но, войдя в дом, узнали, что фермер, решив воспользоваться их приездом, чтобы нанести новогодний визит своим друзьям, поручил прислуживать им женщине из соседнего коттеджа. Ферма находилась в их полном распоряжении, и это их очень обрадовало – словно они приехали в свой собственный, нераздельно им принадлежащий дом.

Но потом Клэр заметил, что ветхое древнее жилище угнетающе действует на его жену. Когда отъехал экипаж, они пошли наверх мыть руки, а поденщица показывала им дорогу. На площадке лестницы Тэсс остановилась и вздрогнула.

– Что с тобой? – спросил он.

– Какие страшные женщины! – отозвалась она с улыбкой. – Как они меня испугали!

Он поднял голову и увидел на панелях, вделанных в каменную стену, два портрета в человеческий рост. Как известно всем посетителям старинного дома, на портретах, написанных около двух веков тому назад, изображены женщины средних лет, и лица их, раз увидев, нельзя забыть. Заостренные черты одной, узкие глаза и усмешка, свидетельствующая о бесчеловечности и вероломстве, даже во сне преследуют человека, так же как крючковатый нос другой, длинные зубы и дерзкий взгляд, высокомерный и жестокий.

– Чьи это портреты? – спросил Клэр поденщицу.

– Старики говорят, что это дамы из рода д'Эрбервиллей, владельцев этого бывшего поместья, – ответила она. – Их нельзя снять, потому что они вделаны в стену.

Портреты произвели тяжелое впечатление на Тэсс, и это было тем более неприятно, что ее прекрасное лицо чем-то походило на эти резко очерченные лица. Однако Клэр не сказал ни слова и только пожалел, что выбрал для медового месяца этот дом. Он вошел в комнату. К приезду их, видимо, готовились наспех, и им пришлось мыть руки в одном тазу. Клэр, опустив руки в воду, коснулся ее рук.

– Где мои пальцы; а где твои? – спросил он, поднимая на нее глаза. – Они совсем перепутались.

– Они все твои, – нежно ответила она, стараясь развеселиться.

Сегодня ее задумчивость не огорчала его, в такой день только ветреница не была бы задумчивой, но Тэсс понимала, что сосредоточенность ее переходит все границы, и боролась с ней.

В этот последний день старого года солнце так низко стояло над горизонтом, что лучи его, врываясь в маленькое оконце, протянулись, как золотой жезл, по полу и легли на платье Тэсс красочным пятном. Они вошли в старинную гостиную и впервые стали пить чай наедине. Им нравилось ребячиться, вернее, это нравилось Клэру; его забавляло класть свои бутерброды на ее тарелку и смахивать губами крошки с ее губ. Правда, его немного удивляло, что эти шалости забавляют ее меньше, чем его.

Молча всматривался он в ее лицо и наконец подумал, словно найдя правильное толкование темного места в книге: «Она моя – дорогая, дорогая Тэсс. По-настоящему ли я понимаю, насколько эта маленькая женщина зависит от моей судьбы, моей верности или моего бездушия? Вряд ли. Пожалуй, будь я женщиной, я мог бы это понять. Какой жребий выпадет мне, тот выпадет и ей. Кем буду я, тем должна стать и она. Что недоступно мне, то недоступно ей. И неужели я когда-нибудь пренебрегу ею, обижу ее или просто буду к ней невнимателен? Избави меня бог от такого преступления».

Они продолжали сидеть за чайным столом, ожидая своих вещей, которые фермер обещал прислать засветло. Но сумерки надвигались, вещей все еще не было, а они приехали безо всякого багажа. После заката солнца спокойствие зимнего вечера было нарушено. Погода изменилась; за дверью послышался шум, напоминающий шелест жесткого шелка; сухие листья, с осени покоившиеся на земле, сердито зашуршали и, словно неохотно пробуждаясь к жизни, закружились в вихре и застучали в ставни. Вскоре пошел дождь.

– А петух знал, что погода изменится, – сказал Клэр.

Прислуживавшая им женщина ушла на ночь домой, но предварительно поставила на стол свечи, и теперь они их зажгли. Огненные язычки тянулись к камину.

– В этих старых домах всегда страшный сквозняк, – продолжал Энджел, глядя на пламя свечей и стекавшее по ним сало. – Но где же наш багаж? У нас даже щетки и гребенки с собой нет.

– Не знаю, – рассеянно отозвалась она.

– Тэсс, сегодня ты совсем не весела, сама на себя непохожа. Эти старые ведьмы на стене тебя расстроили. Жаль, что я привез тебя сюда. Я даже начинаю сомневаться, действительно ли ты меня любишь.

Он знал, что она его любит, и сказал это несерьезно, но Тэсс была слишком взволнована и вздрогнула, как раненое животное. Хотя она старалась не расплакаться, на глазах ее все же выступили слезы.

– Я пошутил! – тотчас же раскаялся он. – Я знаю, ты расстроена, потому что до сих пор еще не привезли твоих вещей. Не понимаю, почему не едет старый Джонатэн? Ведь уже семь часов! А, вот и он!

Раздался стук в дверь, а так как некому было открыть, то пошел Клэр. Вернулся он, держа в руке маленький сверток.

– Это был не Джонатэн, – сказал он.

– Какая досада! – воскликнула Тэсс.

Сверток был привезен нарочным из Эмминстера в Тэлботейс сейчас же после отъезда новобрачных, а затем доставлен сюда, так как нарочный получил приказ отдать его им лично. Клэр поднес сверток ближе к свету. Он был меньше фута в длину, зашит в парусину, запечатан красным сургучом с печатью отца Клэра и его же почерком адресован: «Миссис Энджел Клэр».

– Это маленький свадебный подарок тебе, Тэсс, – сказал он, передавая ей сверток. – Как они внимательны!

Тэсс вдруг смутилась.

– Милый, лучше ты его вскрой, – попросила она, вертя сверток в руках. – Мне не хочется ломать эти большие печати, у них такой внушительный вид. Пожалуйста, вскрой ты!

Он распорол парусину. Внутри оказалась сафьяновая шкатулка. На крышке лежали записка и ключ. Записка, адресованная Клэру, гласила следующее.

«Дорогой сын! Быть может, ты забыл – ты был тогда еще мальчиком, – что твоя крестная мать миссис Питни, умирая, передала мне – суетная добрая женщина – часть своих драгоценностей для твоей жены (если ты когда-нибудь женишься) в знак ее любви к тебе и к той, кого ты выберешь. Я принял от нее эти бриллианты, и с тех пор они хранились у моего банкира. Хотя при данных обстоятельствах это и кажется несколько неуместным, но я, как видишь, обязан передать эти вещи той, которая отныне имеет право владеть ими до конца своей жизни, и потому немедленно их высылаю. Думаю, что, согласно воле твоей крестной матери, их, строго говоря, следует считать фамильными драгоценностями. Ее распоряжение по сему поводу прилагается».

– Что-то припоминаю, – сказал Клэр, – но я совсем об этом забыл.

Открыв шкатулку, они увидели ожерелье с подвеской, браслеты, серьги и кое-какие мелкие украшения.

Сначала Тэсс словно боялась к ним прикоснуться, но когда Клэр вынул из шкатулки убор, глаза ее на миг засверкали ярче бриллиантов.

– Они мои? – недоверчиво спросила она.

– Разумеется, – ответил он.

Он смотрел на огонь в камине, вспоминая, как его крестная мать, жена помещика, единственная богатая особа, с какой приходилось ему когда-либо иметь дело, уверовала в незаурядную его будущность, когда он был пятнадцатилетним мальчиком, и предсказала ему блестящую карьеру. А если перед ним открывалось такое будущее, то вполне естественно было сохранить эти изящные украшения для его жены и для жен его сыновей. Сейчас в блеске камней чудилась ему насмешка. «Но почему же?» – спрашивал он себя. Завещание было продиктовано тщеславием; и если одна из сторон оказалась тщеславной, то почему другой не последовать ее примеру? Его же-на была д'Эрбервилль: кому же, как не ей, носить драгоценности?

Неожиданно он воскликнул:

– Тэсс, надень их, надень! – и отвернулся от камина, чтобы ей помочь.

Но, словно по волшебству, она уже их надела: ожерелье, серьги, браслеты – все, что было в шкатулке.

– Только платье не подходит, Тэсс, – сказал Клэр. – Для таких бриллиантов платье должно быть с низким вырезом.

– Обязательно? – спросила Тэсс.

– Да, – ответил он.

Он показал ей, как нужно подогнуть ворот платья, чтобы оно хоть сколько-нибудь напоминало вечерний туалет, а когда она это сделала и подвеска ожерелья блеснула на белой груди, где и полагалось ей быть, он отступил на шаг, чтобы полюбоваться эффектом.

– Боже мой! – воскликнул Клэр. – Как ты красива!

Как известно, одежда делает человека. Крестьянская девушка, на которую случайный встречный лишь мельком обратит внимание, если увидит ее в простеньком платье за повседневной работой, окажется ослепительно прекрасной, если одеть ее, как светскую женщину, и пустить в ход все уловки искусства: а красавица, блистающая на балах, будет иметь жалкий вид, если нарядить ее в крестьянскую блузу и поставить в серый денек среди гряд, засаженных репой. Клэр теперь только оценил как художник лицо и фигуру Тэсс.

– О, если бы ты появилась на балу! – сказал он. – Но, знаешь ли, дорогая, кажется, больше всего ты мне нравишься в своем крылатом чепце и ситцевом платье, – гораздо больше, чем украшенная этими драгоценностями, хотя они очень тебе к лицу.

Тэсс знала, какое производит впечатление, и раскраснелась от волнения, которое все-таки нельзя было назвать счастьем.

– Я их сниму, – сказала она, – чтобы Джонатэн меня не увидел. Ведь они не подходят мне, правда? Вероятно, нужно их продать?

– Подожди минутку, не снимай! Продать их? Никогда! Мы бы не исполнили воли покойной.

Подумав, она охотно подчинилась. Ей нужно было кое-что сказать, а эти камни, быть может, ей помогут. Она села, не снимая украшений, и снова начали они гадать, куда делся Джонатэн с их вещами. Они налили для него эля, но за это время пена осела.

Вскоре они уселись за ужин, который был накрыт на маленьком столе. Не успели они поесть, как клубы дыма ворвались из камина в комнату, словно какой-то великан на секунду прикрыл рукой дымовую трубу. Произошло это потому, что кто-то открыл входную дверь. В коридоре слышались тяжелые шаги, и Энджел вышел из комнаты.

– Я не мог достучаться, – извинился наконец-то явившийся Джонатэн Кейл. – Дождь льет, вот я и решил войти. Я привез вещи, сэр.

– Очень рад. Но вы запоздали.

– Гм... да, сэр.

Голос Джонатэна Кейла звучал глуше, чем обычно, а на лбу, морщинистом от старости, пролегли новые складки. Он продолжал:

– После отъезда вашего и вашей миссис – теперь уж ее так полагается называть – был у нас на мызе переполох, и чуть не случилось большого несчастья. Может, вы не забыли, как петух запел днем?

– Боже мой! Что же...

– Одни толковали так, другие этак, а на деле случилось, что бедная Рэтти Придл хотела утопиться.

– Как! Неужели? Но ведь она с нами попрощалась вместе с остальными.

– Да. Так вот, сэр, когда вы и ваша миссис – теперь ее так полагается называть по закону, – когда вы вдвоем уехали, Рэтти и Мэриэн надели шляпки и ушли домой; дела-то сегодня мало, канун Нового года, и если кому вздумается горевать да хныкать, так никто и не увидит. Они пошли в Лью-Эверад – там можно пропустить стаканчик, – а оттуда побрели к перекрестку «Крест в руке» и тут распрощались. Рэтти пошла заливными лугами, будто бы домой, а Мэриэн – в соседнюю деревню, где тоже есть трактир. Больше не было о Рэтти ни слуху ни духу, а потом лодочник, возвращаясь домой, заметил что-то на берегу большого пруда – это была ее шляпка и сложенная шаль. Он-то и нашел ее в пруду и вместе с одним парнем принес домой, думая, что она померла. Но она понемножку пришла в себя.

Энджел, вспомнив вдруг, что Тэсс слышит эту грустную повесть, хотел закрыть дверь из коридора в гостиную, но его жена, завернувшись в шаль, уже вышла в коридор и слушала старика, рассеянно посматривая на доставленный багаж и капли дождя, сверкавшие на нем.

– А тут еще и Мэриэн: ее нашли мертвецки пьяной в ивовых зарослях; а ведь девушка отроду не брала в рот ничего спиртного, кроме эля, хотя поесть она любила, это и по лицу ее видно. Похоже на то, что все девки взбесились.

– А Изз? – спросила Тэсс.

– Изз, как всегда, хлопчет по дому. Я-то догадываюсь, как это все случилось, но и она, бедняжка, очень приуныла, да и неудивительно. А случилось это, как стали мы укладывать в повозку ваши пожитки, сэр, и платья вашей миссис. Вот потому-то я запоздал.

– Понимаю. Ну, Джонатэн, отнесите-ка вещи наверх, выпейте кружку эля и отправляйтесь домой; да поторапливайтесь, может быть, вы там нужны.

Тэсс вернулась в гостиную и села у камина, тоскливо посматривая на огонь. Она слышала тяжелые шаги Джонатэна Кейла, поднимавшегося по лестнице с вещами, слышала, как он спустился вниз и поблагодарил Клэра за эль, который тот ему налил, и за полученную мзду. Шаги его замерли за дверью, и повозка, скрипя, отъехала.

Энджел задвинул массивный дубовый дверной засов и вошел в комнату, где Тэсс сидела у камина; подойдя к ней сзади, он сжал ей ладонями щеки. Он думал, что она весело вскочит и побежит распаковывать вещи, которые так ждала. Но она не тронулась с места, и он сел рядом с ней у камина; в ярком пламени дров растворялся свет тонких свечей, мерцавших на столе.

– Жаль, что тебе пришлось услышать эту грустную историю, – сказал он. – Но ты не печалься. Ведь Рэтти всегда была болезненно мрачной.

– И без всякой причины, – отозвалась Тэсс. – А те, у кого есть причина быть мрачной, скрывают ее и притворяются, будто все в порядке.

Это происшествие заставило ее принять решение. Они были простодушными, невинными девушками, а на долю их выпало нести бремя неразделенной любви; они заслуживали лучшей участи. Она – Тэсс – заслуживала худшей и, однако, оказалась избранной. Грешно с ее стороны брать все и ничего не платить. Она заплатит до последнего фартинга. Сегодня же она расскажет все. К этому решению пришла она, когда смотрела в огонь, а Клэр держал ее руку в своей.

Ровный свет тлеющих углей озарял боковые и заднюю стенки камина, начищенную решетку и старые медные щипцы, концы которых не сходились. Нижняя сторона каминной доски и ножки стола окрашены были тем же ярким отсветом. И тот же отблеск падал на лицо и шею Тэсс, а каждый драгоценный камень словно превратился в Альдебаран или Сириус, в созвездие белых, красных и зеленых огоньков, менявших оттенки, когда поднималась и опускалась ее грудь.

– Помнишь, сегодня утром мы обещали друг другу рассказать о своих прегрешениях? – спросил он вдруг, видя, что она сидит неподвижно. – Пожалуй, заговорили мы об этом шутя, и ты, конечно, могла шутить. Но я говорил серьезно. Я хочу исповедаться тебе, любимая.

В этом неожиданном его предложении она увидела вмешательство судьбы.

– Тебе есть в чем исповедоваться? – быстро спросила она, почувствовав и радость и облегче-

ние.

– Ты этого не думала? Ах, ты слишком высокого мнения обо мне! Ну, слушай же... Прислонись ко мне головой... Я хочу, чтобы ты меня простила и не сердилась за то, что я не сказал тебе об этом раньше, хотя, пожалуй, должен был сказать.

Как странно! Он словно был ее двойником. Она молчала, и Клэр продолжал:

– Я не говорил об этом, потому что боялся рисковать, боялся потерять тебя, дорогая, мое сокровище, мой диплом в жизни, как я тебя называю. Брат получил диплом в колледже, а я – на мызе Тэлботейс. Вот я и не рискнул. Я думал покаяться тебе месяц назад, когда ты согласилась быть моей, и не мог – боялся, что это тебя оттолкнет от меня. Я медлил; потом решил рассказать вчера, когда ты еще могла от меня уйти... И не рассказал. Не рассказал и сегодня утром, когда ты предложила там, на лестнице, покаяться в наших грехах, – вот какой я грешник! Но теперь я должен это сделать, когда ты сидишь здесь, такая серьезная. Не знаю, простишь ли ты меня?

– О да! Я уверена, что...

– Ну, буду надеяться. Но подожди минутку. Ты ничего не знаешь. Нужно начать сначала. Хотя бедный мой отец, по-видимому, опасается, что мои убеждения навеки меня погубили, но я всегда был поборником нравственности, Тэсс, не меньше, чем ты. Прежде я хотел стать духовным пастырем людей, и для меня было большим горем, когда оказалось, что мои убеждения не позволяют мне сделаться священником. Я преклонялся перед чистотой, хотя не мог притязать на нее, и ненавидел безнравственность, как ненавижу ее теперь. Что бы там ни думать о вдохновении свыше, но каждый должен подписаться под этими словами Павла: «Будь образцом в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте». Это единственная опора для нас, бедных смертных. «Integer vitae»⁵, – говорит римский поэт, несколько неожиданный соратник святого Павла:

Человек праведной жизни, чуждый слабостям,
Не нуждается ни в копье, ни в луке мавров.

Да, некое место вымощено благими намерениями! Все это я глубоко чувствовал; и ты поймешь, как горько я раскаивался, когда, намечая благие пути для других людей, я сам пал.

И он рассказал ей о том периоде своей жизни, когда, терзаемый сомнениями и неразрешенными вопросами, он метался, словно пробка, швыряемая волнами, и, поехав в Лондон, провел двое разгульных суток в обществе чуждой ему женщины.

– К счастью, я скоро опомнился и осознал свое безумие, – продолжал он. – Я не в состоянии был говорить с ней и уехал домой. Больше я никогда не совершал подобных поступков. Но я хотел быть до конца откровенным и честным с тобой, потому-то я и не мог не рассказать тебе об этом. Прощаешь ли ты меня?

В ответ она крепко сжала ему руку.

– Больше мы никогда не будем возвращаться к этому разговору – слишком мучительно было начинать его сегодня. Поговорим о чем-нибудь более веселом.

– О Энджел, я почти рада... потому что теперь ты можешь простить меня! Я еще не исповдалась. Мне тоже есть в чем покаяться... помнишь, я тебе говорила?

– А, совершенно верно! Ну-с, начинай, маленькая грешница.

– Ты улыбаешься, но, быть может, это так же серьезно, как и твоя исповедь, если только не хуже.

– Хуже, пожалуй, не может быть, дорогая.

– Конечно, не может! – радостная, окрыленная надеждой, она вскочила и воскликнула: – Да, моя исповедь не может быть хуже твоей потому, что она такая же! Сейчас я тебе все расскажу.

Она снова села.

Руки их по-прежнему были сплетены. Зола под решеткой камина, освещенная сверху огнем, напоминала песок знойной пустыни. Человеку с воображением мог почудиться алый сумрак дня Страшного суда в этих багровых отблесках, которые ложились на его лоб и руку, играли в прядях

⁵ праведная жизнь (лат.)

ее волос, окрашивали неясную кожу. Гигантская ее тень легла на стену и потолок. Тэсс наклонилась вперед, и бриллианты на ее шее сверкали, злобно подмигивая, словно глаза жабы. Она прижалась лбом к его виску и начала рассказ о своем знакомстве с Алеком д'Эрбервиллем и о последствиях этого знакомства; шепотом, но твердо выговаривала она слова, и глаза ее были опущены.

ФАЗА ПЯТАЯ «ЖЕНЩИНА РАСПЛАЧИВАЕТСЯ»

35

Ее рассказ был окончен; подтверждены отдельные места, даны объяснения. Тэсс ни разу не повысила голоса, ни одной фразы не сказала в свое оправдание и не плакала.

Но по мере того как развертывался ее рассказ, изменялся, казалось, даже внешний вид окружающих предметов. Огонь в камине весело подмигивал, словно ехидно смеясь над нею и ее несчастьем, каминная решетка лениво ухмылялась – ей тоже было все равно, свет, отражаясь от грелки, целиком был занят разрешением проблемы красок. Все предметы с жутким единодушием снимали с себя ответственность. И, однако, ничто не изменилось с той минуты, как он ее целовал. Вернее – не изменился материальный состав предметов. Но сущность их стала иной.

Когда она умолкла, отзвуки их прежних ласк поспешили спрятаться в дальние уголки мозга, и лишь эхо напоминало о той поре, когда властвовали слепота и глупость.

Клэр вдруг помешал угли в камине; услышанное еще не проникло в глубь его сознания. Разбив головешку, он встал. Теперь он до конца понял ее исповедь. Лицо его сразу постарело. Напряженно задумавшись, он нервно постукивал ногой по полу. Мысли его скользили по поверхности – этим и объяснялись его бессознательные движения. Она знала все оттенки его голоса, но когда он заговорил, тон его был самый спокойный и повседневный.

– Тэсс!

– Я слушаю, любимый!

– Неужели я должен этому поверить? Ты говоришь так, как будто это правда, а ведь ты не лишилась рассудка. Хотя это было бы лучше, но нет, ты не сошла с ума... Моя жена, моя Тэсс! В тебе ничто не подтверждает эту мысль...

– Я не сошла с ума, – сказала она.

– И все же...

Он посмотрел на нее тупо, как будто плохо соображая, и продолжал:

– Почему ты не сказала мне раньше? Ах да! Собственно говоря, ты хотела сказать, но, помню, я тебе помешал!

Эти и другие его слова были лишь случайным лепетом, тогда как душа оставалась парализованной. Он отвернулся, наклонился над стулом. Тэсс последовала за ним на середину комнаты, остановилась и посмотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых не было слез. Вдруг она упала на колени к его ногам и сжалась в комок.

– Ради нашей любви, прости меня, – прошептала она пересохшими губами. – Простила же я тебе это.

И так как он не отвечал, она повторила:

– Прости меня, как я тебя простила! Тебя я простила, Энджел...

– Ты... да... ты простила.

– Но ты меня не прощаешь?

– К чему говорить о прощении, Тэсс? Ты была одним человеком, теперь ты – другая. Господи, можно ли простить или не простить такое чудовищное превращение?

Он запнулся, обдумывая это определение, и вдруг разразился страшным смехом, таким же противоестественным и жутким, как адский хохот.

– Не надо, не надо! Ты убиваешь меня! – вскрикнула она. – Сжался надо мной, сжался!

Он не ответил. И, смертельно побледнев, она вскочила.

– Энджел, Энджел! Что значит этот смех? – вырвалось у нее. – Знаешь ли ты, как он мне страшен?

Он покачал головой.

– Я надеялась, мечтала, молилась о том, чтобы сделать тебя счастливым! Я мечтала о том, какая радость для меня дать тебе счастье и какой недостойной женой буду я, если это мне не удастся! Вот о чем я думала, Энджел!

– Знаю.

– Я думала, Энджел, что ты меня любишь – меня, вот то, что во мне! А если ты меня любишь, как же можешь ты так смотреть и говорить? Мне страшно. Я тебя полюбила, и полюбила навеки, как бы ты ни изменился, как бы ты ни был унижен, потому что ты – это ты! И большего я не прошу. Как же можешь ты, любимый мой муж, перестать меня любить?

– Повторяю, та женщина, которую я любил, не ты.

– Но кто же?

– Другая в твоём обличье.

Услышав эти слова, она поняла, что сбылись ее предчувствия. Он видел в ней обманщицу, падшую женщину, принявшую облик невинной девушки. Она поняла, и ужас исказил ее бледное лицо; щеки осунулись, рот приоткрылся. Его жестокое мнение о ней так ее поразило, что она пошатнулась, и он шагнул к ней, собираясь ее поддержать.

– Сядь, сядь, – сказал он мягко. – Тебе дурно, и это вполне естественно.

Она села, не сознавая, что делает, – лицо ее хранило прежнее выражение, и от ее взгляда мурашки пробежали у него по спине.

– Значит, больше я тебе не принадлежу, Энджел? – беспомощно спросила она.

«Он говорит, что любил не меня, а другую женщину, которая на меня похожа», – при этой мысли она почувствовала к себе глубокую жалость, как к обиженной. Глаза ее наполнились слезами, когда она начала осознавать свое положение; она отвернулась и разрыдалась от жалости к себе.

Эта перемена в ее настроении успокоила Клэра: впечатление, произведенное на нее всем случившимся, встревожило его немногим меньше, чем страшное признание. Он ждал терпеливо, апатично, пока не миновал первый приступ отчаяния и бурные рыдания не сменились всхлипыванием.

– Энджел, – сказала она вдруг не тем исполненным безумия голосом, каким говорила до сих пор, но обычным своим тоном. – Энджел, я слишком дурная, и мы не можем жить теперь вместе?

– Я не в состоянии думать о будущем.

– Я не прошу, чтобы ты позволил мне жить с тобой, Энджел, я не имею на это никакого права. Я хотела написать матери и сестрам о нашей свадьбе, но не напишу. И не буду кончать той вышивки, какую начала.

– Не будешь?

– Да, я ничего не буду делать, если ты мне не прикажешь. И если ты уедешь, я за тобой не поеду; и если ты больше не будешь разговаривать со мной, я не спрошу – почему, если ты не решишь спросить.

– А если я прикажу тебе что-нибудь сделать?

– Я буду повиноваться тебе, как жалкая раба, хотя бы ты приказал мне лечь и умереть.

– Ты очень добра. Но странно, что твой самоотверженный порыв так не гармонирует с эгоистическим поведением.

Это было сказано уже зло. Однако сарказм производил на Тэсс такое же впечатление, как на собаку или кошку. Изошренность его колкости осталась неоцененной ею, и она восприняла эти слова лишь как враждебные звуки, свидетельствующие о том, что гнев Клэра не улегся. Она молчала, не подозревая, что он пытается задушить свою любовь к ней. Тэсс не видела слезы, медленно скатившейся по его щеке, – слезы такой крупной, что она, словно линзы микроскопа, увеличивала поры кожи, по которой стекала. Но он вновь осознал, какой страшный и полный переворот в его жизни произвела ее исповедь, и безнадежно пытался приспособиться к новым условиям. Нужно было что-то предпринять. Но что?

– Тэсс, – сказал он, стараясь говорить ласково, – я не могу сейчас оставаться... здесь, в этой комнате. Я немного погуляю.

Он тихо вышел из комнаты, а две рюмки с вином, которые он наполнил к ужину, – одну для нее, другую для себя, остались нетронутыми. Вот как закончилась их вечеря любви. Часа два-три тому назад, за чаем, исполненные шаловливой нежности, они пили из одной чашки.

Стук закрывшейся двери, хотя и очень тихий, все-таки вывел Тэсс из оцепенения. Он ушел, она не могла оставаться в доме. Быстро набросив на себя плащ, она вышла, потушив свечи, словно не намерена была возвращаться. Дождь прошел, и ночь была светлая.

Скоро она его догнала, так как Клэр шел медленно, куда глаза глядят. Рядом с ее маленькой серой фигуркой его фигура казалась черной, зловещей, чужой, и Тэсс, как насмешку, ощутила прикосновение драгоценностей, которые на минуту доставили ей такую радость.

Услышав шаги, Клэр оглянулся, но, казалось, ее присутствие не произвело на него ни малейшего впечатления, и он потел дальше по тянувшемуся перед домом длинному мосту с пятью зияющими арками.

Следы коровьих и лошадиных копыт на дороге были полны воды, – дождя выпало достаточно, чтобы наполнить ямки, но не стереть их. Тэсс на ходу видела скользящие мимо нее звезды, отраженные в крошечных лужицах; она бы не знала, что они сияют над ее головой, если бы не видела их у своих ног, – самое огромное, что есть во вселенной, отражалось в самом малом.

Местечко, куда они сегодня приехали, находилось в той же долине, что и Тэлботейс, но на несколько миль ниже по реке. Местность была открытая, и Тэсс не теряла из виду Клэра. Дальше от дома дорога вилась среди лугов, и по этой дороге она шла за Клэром, не пытаясь догнать его или привлечь его внимание, шла с немой, безучастной покорностью.

Наконец она поравнялась с ним, и все-таки он не сказал ни слова. Обманутый честный человек часто бывает очень жесток, когда с его глаз спадет пелена, – так было и с Клэром. Но свежий воздух, казалось, отнял у него охоту действовать необдуманно; она знала, что он видит ее лишенной ореола, видит во всей ее наготе; что время напевает ей свой сатирический псалом:

Когда лица твоего исчезнет прелесть, тот, кто любит тебя, возненавидит;
Не будет прекрасным лицо твое под осень жизни твоей.
Ибо жизнь твоя упадет, как лист, и прольется, как дождь;
И вуаль на твоей голове будет скорбью, а корона болью.

Он по-прежнему был погружен в размышления, а присутствие ее не имело теперь власти нарушить или отвлечь течение его мыслей. Каким ничтожным сделалось для него ее присутствие! Она не могла удержаться и заговорила с Клэром:

– Что я сделала, что я сделала? Ничего, что помешало бы мне любить тебя! Неужели ты думаешь, будто я сама этого хотела? Ты сердись на то, что сам же мне и приписываешь... я не обманщица, какой ты меня считаешь.

– Гм, пожалуй. Ты не обманщица, жена моя, но ты и не та, что была раньше. Да, не та! И не заставляй меня упрекать тебя. Я поклялся обойтись без упреков, – и сделаю все, чтобы их избежать.

Но она в смятении продолжала его умолять и, быть может, говорила то, что говорить не следовало бы.

– Энджел... Энджел! Я была ребенком, когда это случилось! Я, совсем не знала мужчин!

– Вина других перед тобой больше, чем твоя вина, это я признаю.

– Так неужели ты меня не простишь?

– Я тебя прощаю. Но прощение – это еще не все.

– Ты любишь меня?

На этот вопрос он не ответил.

– О Энджел, моя мать говорит, что такие случаи бывают! Она знает женщин, которые поступали хуже, чем я! А мужья не очень близко принимали это к сердцу – во всяком случае они прощали своих жен. А ведь те не любили своих мужей так, как я люблю тебя!

– Довольно, Тэсс, не спорь. Разные слои общества – разные взгляды. Зачем ты вынуждаешь меня сказать, что ты невежественная крестьянка и понятия не имеешь о значении социальных оценок. Ты не понимаешь, что говоришь.

– Я крестьянка только по образу жизни, а не по происхождению.

На секунду ее охватил гнев, который тотчас же рассеялся.

– Тем хуже для тебя. Я думаю, что священник, откопавший твою родословную, поступил бы гораздо лучше, если бы держал язык за зубами. Вырождение твоего рода я невольно связываю с другим фактом – отсутствием в твоём характере твердости. Все представители вырождающихся семей – слабовольны, и поведение соответствующее. Боже мой, зачем ты мне рассказала о своём происхождении и дала лишний повод тебя презирать? Я-то видел в тебе дитя природы, полное сил, а ты оказалась чахлая отпрыском одряхлевшей аристократии!

– Но многие семьи не лучше моей в этом отношении! Предки Рэтти были когда-то крупными землевладельцами, так же как и предки фермера Биллета. А Дэббихоузы, которые занимаются теперь извозным промыслом, происходят из рода де Байе. Таких, как я, ты встретишь повсюду, этим отличается наше графство; и тут уж я ни при чем.

– Тем хуже для графства.

Эти упреки она выслушивала, не вникая в их смысл, – он не любит ее так, как любил раньше, а все остальное ей было безразлично.

Снова побрели они в молчании. Впоследствии рассказывали, что крестьянин из Уэллбриджа, отправившийся ночью за доктором, встретил на лугу двух влюбленных, которые шли очень медленно, не разговаривая, друг за другом, словно за гробом; и он увидел, что их лица встревожены и печальны. Возвращаясь позднее, он снова встретил их на том же лугу, и шли они так же медленно, забыв о позднем часе и ночном холоде. Озабоченный своими собственными делами – в доме у него была больная, – он скоро перестал думать об этой странной встрече и вспомнил о ней лишь много времени спустя.

В промежуток между первой и второй встречей с крестьянином Тэсс сказала мужу:

– Не знаю, что мне делать, чтобы ты не был по моей вине несчастен всю жизнь. Там, внизу, река. Я могу утопиться. Мне не страшно.

– Я не имею ни малейшего желания прибавлять ко всем моим безумным поступкам еще и убийство, – ответил он.

– Я оставляю что-нибудь в доказательство того, что я это сделала сама – не вынесла позора. Тогда тебя не будут обвинять.

– Не говори глупостей, мне неприятно их слышать. Думать об этом – нелепо, ведь эта история скорее может вызвать насмешливые улыбки, чем послужить поводом для трагедии. Ты совершенно не понимаешь сущности происшедшего. Девять десятых увидели бы в этой истории только повод для шуток. Будь так добра, вернись домой и ложись спать.

– Хорошо, – покорно сказала она.

К этому времени они вышли на дорогу, ведущую к знаменитым развалинам Цистерсианского аббатства, позади мельницы, которая в давние времена была одной из монастырских служб. Мельница продолжала работать – потребность в пище вечна; аббатство было разрушено – ибо вера преходяща. Так как они шли не прямо, а кружили, то все еще находились недалеко от дома; поэтому Тэсс, повинувшись его воле, должна была только дойти до большого каменного моста и пройти еще несколько шагов по дороге. В доме все оставалось по-прежнему, и в камине еще не погас огонь. Внизу она задержалась только на несколько секунд, потом поднялась в свою комнату, куда отнесли вещи. Здесь присела она на край кровати, рассеянно осматриваясь по сторонам, и вскоре начала раздеваться. Когда она переставила свечу ближе к кровати, свет упал на полог из белой бумажной ткани; под ним что-то висело, и Тэсс подняла свечу, чтобы разглядеть, что это такое. Ветка омелы. Она тотчас же догадалась, что ее повесил здесь Энджел. Так вот что скрывалось в таинственном свертке, который так трудно было упаковывать и перевозить! А он не хотел ей объяснить, что в нем, говоря, что скоро она все узнает. Веселый и счастливый, повесил он здесь ветку. Какой нелепой и неуместной казалась сейчас эта омела!

Теперь, когда ей нечего было бояться и не на что надеяться – она не верила, что он смягчит-

ся. Она легла в постель, словно оглушенная отчаянием. Когда скорбь становится бездумной, сон вступает в свои права. Часто люди счастливые борются со сном, но Тэсс была в том состоянии, когда желаннее его нет ничего на свете. Еще несколько минут – и одинокая Тэсс погрузилась в небытие; ее обволакивала ароматная тишина комнаты, которая, быть может, была когда-то брачным покоем ее предков.

Поздно ночью в дом вернулся Клэр. Он тихо вошел в гостиную, зажег свет и, видимо, обдумав заранее линию своего поведения, постлал одеяла на старом диване, набитом конским волосом, превратив его в нечто напоминающее постель. Потом он разулся, крадучись поднялся по лестнице и остановился, прислушиваясь у двери ее комнаты. Услышав ровное дыхание, он понял, что она крепко спит.

– Слава богу! – прошептал Клэр; но что-то кольнуло его в сердце при мысли – в ней была лишь доля истины, – что Тэсс, свалив свое бремя на его плечи, может теперь спать безмятежно.

Он повернулся, чтобы уйти, потом, колеблясь, подошел к ее двери. При этом взгляд его упал на одну из д'эрбервилльских дам, чей портрет находился над дверью в спальню Тэсс. Портрет, освещенный свечой, производил более неприятное впечатление, чем днем. Лицо женщины выражало зловещие намерения, всепоглощающее желание мстить представителям другого пола, – так показалось Клэру. Платье, сшитое по моде семнадцатого века, было низко вырезано, как у Тэсс, когда он отогнул ворот ее платья, чтобы надеть ожерелье. И снова его неприятно поразило сходство между ними.

Этого было достаточно. Он отошел от двери и спустился вниз.

Он оставался спокойным и холодным; маленький рот с плотно сжатыми губами свидетельствовал об умении его владеть собой; его лицо сохраняло выражение холодной апатии, которое появилось на нем, когда Тэсс окончила свою исповедь, это было лицо человека, который отныне перестал быть рабом страсти, но в освобождении своем не нашел счастья. Он размышлял о страшных случайностях, руководящих человеческой судьбой, о неожиданности событий. Когда он боготворил Тэсс – еще только час тому назад, – ему казалось, что нет существа чище, нежнее, девственнее, чем она, – но

Меньше чуть-чуть, и какие миры исчезли!

Он заблуждался, говоря себе, что ее честное и невинное лицо не являлось зеркалом ее души; но у Тэсс не было заступника, который доказал бы ему обратное. Возможно ли, думал он, чтобы эти глаза, взгляд которых всегда подтверждал каждое ее слово, видели в этот же самый момент совсем иные картины, не похожие на то, что ее окружало.

Он лег на диван в гостиной и погасил свет. Спустилась ночь и завладела домом, спокойная и безучастная ночь, которая уже поглотила его счастье и теперь равнодушно его переваривала и готова была столь же безмятежно и невозмутимо поглотить счастье тысячи других людей.

36

Клэр проснулся на рассвете; серый рассвет крался, как человек, замешанный в преступлении. Клэр увидел камин с холодной золой, стол, накрытый к ужину, и две рюмки с вином, – вино уже не искрилось и подернулось пленкой; увидел стул Тэсс, не занятый теперь, свой стул и другую мебель, которая, казалось, в чем-то оправдывалась и задавала невыносимый вопрос: что же теперь делать? Сверху не доносилось ни звука, но через несколько минут раздался стук в наружную дверь. Он вспомнил, что должна прийти жена крестьянина, жившего по соседству, которая нанялась им прислуживать.

Присутствие постороннего человека в доме было бы теперь крайне неуместно, и Клэр, уже одетый, открыл окно и сказал ей, что сегодня утром они обойдутся без ее помощи. Она принесла кувшин с молоком, и он попросил поставить его у двери. Когда матрона удалилась, он отыскал в сарае дрова и быстро развел огонь. В кладовой нашлись яйца, масло, хлеб, и Клэр приготовил завтрак, – жизнь на мызе научила его хозяйничать. Дрова пылали в камине, и дым вырывался из тру-

бы, словно увенчанная лотосом колонна; местные жители, проходя мимо, видели дым, думали о новобрачных и завидовали их счастью.

Энджел еще раз оглядел комнату, подошел к лестнице и обычным своим тоном сказал:

– Завтрак готов.

Открыв входную дверь, он вышел на свежий утренний воздух. Когда через несколько минут он вернулся, Тэсс уже спустилась в гостиную и машинально переставляла посуду. Она была совсем одета и, должно быть, оделась раньше, чем он ее окликнул, так как с тех пор прошло минуты две-три. Волосы она закрутила большим узлом на затылке и надела одно из новых платьев – бледно-голубое шерстяное, с белой оборкой у ворота. Казалось, лицо и руки ее застыли, – вероятно, она долго просидела одетая в холодной спальне. Подчеркнуто вежливый тон Клэра, когда он ее окликнул, пробудил в ней на секунду проблеск надежды, но достаточно ей было взглянуть на него, чтобы надежда угасла.

От пламенного чувства влюбленных осталась только зола. Острая боль вчерашнего вечера уступила место тяжелой апатии; казалось, ничто не могло снова вернуть им способность чувствовать.

Он заговорил с ней спокойно, и она отвечала так же сдержанно. Наконец она подошла к нему и начала пристально всматриваться в его резко очерченное лицо, словно забыв, что ее собственное лицо может служить объектом наблюдения.

– Энджел! – сказала она и умолкла, слегка прикоснувшись к нему пальцами, как будто едва могла поверить, что здесь перед ней находится человек, который был когда-то ее возлюбленным. Глаза ее не потускнели, бледные щеки еще не осунулись, хотя высыхающие слезы оставили на них блестящие полоски, а губы, обычно ярко-алые, были почти так же бледны, как и щеки. Жизнь еще пульсировала в ней, придавленной горем, но пульс стал таким прерывистым, что малейшее напряжение могло вызвать настоящую болезнь, – и тогда потускнеют ее глаза и губы станут тонкими.

Она казалась безупречно чистой – прихотливая обманщица-природа наложила такую печать девственности на лицо Тэсс, что он смотрел на нее ошеломленный.

– Тэсс! Скажи, что это неправда! Конечно, неправда!

– Это правда.

– Каждое слово?

– Каждое слово.

Он смотрел на нее с мольбой, словно хотел услышать заведомую ложь и с помощью софистики превратить ее в нерушимую правду. Однако она повторила:

– Это правда.

– Он жив? – спросил Энджел.

– Ребенок умер.

– А этот человек?

– Жив.

Еще раз отчаяние исказило лицо Клэра.

– Он в Англии?

– Да.

Он сделал несколько шагов бесцельно, сам того не замечая.

– Вот каково мое положение, – сказал он отрывисто. – Я думал – и так думал бы всякий на моем месте, – что, отказываясь от честолюбивых стремлений иметь жену, занимающую положение в обществе, богатую, знающую свет, я найду в крестьянке невинность так же непременно, как и румяные щеки... Однако я не хочу упрекать тебя и не буду.

Ему не нужно было продолжать: Тэсс слишком хорошо понимала его состояние. Это и было особенно горько: она знала, что он лишился всего.

– Энджел... я бы не довела дела до свадьбы, если бы не знала, что в конце концов у тебя остается выход; хотя я надеялась, что ты никогда...

Голос ее сорвался.

– Выход?

– Да, способ от меня избавиться. Ты можешь от меня избавиться.

– Как?

– Развестись со мной.

– О господи, можно ли быть такой наивной! Как я могу развестись с тобой?

– А разве нельзя... теперь, когда я призналась? Я думала, что моя исповедь даст тебе на это право.

– О Тэсс, ты... ты так по-детски простодушна... невежественна... не знаю, как тебя назвать! Ты ничего не смыслишь в законах, ничего!

– Как, разве ты не можешь?

– Конечно, не могу.

Ее грустное лицо исказилось от стыда.

– А я думала, что... – прошептала она. – О, теперь я понимаю, какой дурной считаешь ты меня! Но клянусь тебе, поверь мне, я всегда думала, что ты можешь со мной развестись! Я надеялась, что ты этого не сделаешь... но никогда я не сомневалась, что ты можешь от меня избавиться, если захочешь и если... совсем... совсем меня не любишь!

– Ты ошиблась, – холодно сказал он.

– Так, значит, я должна была это сделать прошлой ночью. Но у меня не хватило смелости.

– На что не хватило смелости?

Она не отвечала, и он взял ее за руку.

– Что ты задумала сделать?

– Покончить с собой.

– Когда?

Она съезжилась от его инквизиторского тона.

– Прошлой ночью.

– Где?

– Под твоей омелой.

– О боже!.. Как? – спросил он сурово.

– Я скажу, только не сердись на меня, – ответила она, дрожа. – Я взяла веревку от своего сундука... но не могла... сделать самое последнее! Я боялась, что это опозорит твое имя.

Это неожиданное признание, насильно у нее вырванное, потрясло его. Но он по-прежнему держал ее за руку и смотрел ей в лицо; потом, опустив глаза, сказал нетвердым голосом:

– Слушай внимательно: о таких ужасных вещах ты не смеешь думать! Как ты могла! Ты должна обещать мне, как своему мужу, никогда не повторять этой попытки!

– Я готова обещать. Я поняла, что это грешно.

– Грешно! У меня нет слов выразить, как это недостойно тебя!

– Но, право же, Энджел, – начала она, глядя на него широко раскрытыми глазами, – я хотела это сделать только ради тебя – освободить тебя и избавить от скандала при разводе... Я ведь думала, что ты можешь получить развод. У меня и в мыслях не было сделать это ради себя. И в конце концов я недостойна того, чтобы лишиться себя жизни. Это ты, мой муж, которого я погубила, должен был бы нанести мне удар! Мне кажется, я еще сильнее полюбила бы тебя, если это только возможно, когда бы ты заставил себя это сделать, раз у тебя нет другого выхода. Я чувствую себя такой ничтожной. Я так тебе мешаю!

– Перестань!

– Но раз ты говоришь «нет», я больше не стану пытаться. Я хочу только того, чего хочешь ты!

Он знал, что это правда. После пережитой ночи воля ее равнялась нулю, и можно было не опасаться каких бы то ни было опрометчивых поступков.

Снова Тэсс более или менее успешно постаралась отвлечься, расставляя посуду для завтрака. Оба уселись по одну сторону стола, чтобы не встречаться друг с другом взглядом. Сначала каждый чувствовал себя неловко, прислушиваясь, как ест и пьет другой, но этого нельзя было избежать; а кроме того, оба ели очень мало. После завтрака он встал и, сказав ей, в котором часу ждать его к обеду, отправился к мельнику, машинально приводя в исполнение свой план – изучить му-

комольное дело, ради чего он, собственно, и выбрал именно этот дом для их медового месяца.

После его ухода Тэсс подошла к окну и вскоре увидела, как он поднялся на большой каменный мост, за которым находилась мельница. Пройдя по мосту, он пересек железнодорожные пути и скрылся из виду. Тогда, подавив вздох, она отвернулась от окна и начала убирать со стола и приводить комнату в порядок.

Явилась поденщица. Сначала Тэсс с трудом выносила ее присутствие, но потом почувствовала облегчение. В половине первого она оставила свою помощницу в кухне и, вернувшись в гостиную, стала ждать, когда появится за мостом фигура Энджела.

Было около часа, когда она его увидела, – и покраснела, хотя он находился на расстоянии четверти мили. Она побежала в кухню, чтобы успеть подать обед сразу, как он войдет в дом. Сначала он прошел в ту комнату, где накануне они вместе мыли руки, а когда он входил в гостиную, крышки, словно по сигналу, были сняты с блюд.

– Какая точность! – сказал он.

– Да, я видела, как ты шел по мосту, – ответила она.

Обед прошел в пустых разговорах о том, что делал он утром на мельнице, о способах просеивания муки и устаревших машинах. Клэр опасался, что не получит никакого представления о новых усовершенствованных методах, так как некоторые машины, казалось, были в употреблении еще в те дни, когда мельница молола зерно для монахов аббатства, ныне превратившегося в развалины. Через час он снова ушел, вернулся в сумерках и весь вечер разбирал свои бумаги. Она боялась ему помешать и, когда ушла старуха поденщица, отправилась в кухню и больше часа наводила там порядок.

Наконец в дверях показался Клэр.

– Ты не должна так работать, – сказал он. – Ты не служанка, ты моя жена.

Она подняла глаза, и лицо ее слегка просветлело.

– Значит, я могу считать себя твоей женой? – прошептала она с жалобной улыбкой. – Ты хочешь сказать называться так! Да, большего мне не нужно.

– Можешь ли ты считать себя моей женой? Но ты моя жена. Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, – поспешно ответила она; в ее голосе слышались слезы. – Я думала... Я имела в виду, что не заслуживаю уважения. И я тебе давно говорила, что, по-моему, я не заслуживаю уважения и поэтому не хочу выходить за тебя... а ты настаивал.

Она разрыдалась и повернулась к нему спиной. Это растрогало бы всякого, но только не Энджела Клэра. Он был человек мягкий и отзывчивый; но где-то в глубине его души таился мощный пласт суровой логики, подобный горной породе, пролегающей в мягкой глине и преграждающей путь всему, что пытается ее рассечь. Эта логика преградила ему дорогу к церкви, она же преградила дорогу к Тэсс. Вдобавок любовь его была не столько пламенной, сколько лучезарной: переставая верить женщине, он отходил от нее. Этим он резко отличался от тех впечатлительных людей, которые продолжают любить чувственной любовью ту, кого презирают рассудком. Он ждал, пока не стихли ее рыдания.

– Хотел бы я, чтобы добрая половина женщин в Англии заслуживала такого уважения, как ты, – сказал он с горьким озлоблением против всего женского пола. – Речь идет не о том, заслужишь ли ты уважения, а о принципах.

Он долго еще говорил в том же духе, захваченный волной отвращения, которое упорно калечит прямодушных людей, когда они убеждаются, что были введены в заблуждение обманчивой внешностью. Правда, где-то в глубине нарастала и другая волна – волна сочувствия, которую могла бы использовать опытная женщина. Но Тэсс об этом не думала, она все принимала как должное и почти не раскрывала рта. В непоколебимой ее преданности было что-то почти жалкое; вспыхивая от природы, она терпеливо выслушивала все, что бы он ни говорил; она не думала о себе, не раздражалась; обращение его с ней не вызывало с ее стороны осуждения. Она словно олицетворяла апостольское милосердие, возродившееся в современном эгоистическом мире.

Этот вечер, ночь и следующее утро прошли так же, как и предыдущие. Раз, один только раз осмелилась она, когда-то свободная и независимая Тэсс, сделать шаг к сближению. Это случилось, когда он в третий раз собирался идти после обеда на мельницу. Встав из-за стола, он сказал: «До

свидания», а она ответила теми же словами и в то же время потянулась к нему за поцелуем. Он не поцеловал ее и только, быстро отвернувшись, сказал:

– Я вернусь домой вовремя.

Тэсс съежилась, словно ее ударили. Часто пытался он против ее воли поцеловать эти губы, часто говаривал шутливо, что рот ее и дыхание напоминают вкус масла, яиц, молока и меда, которыми она питалась, говорил, что губы ее утоляют его голод, – много еще таких же глупостей. Но теперь ему не нужны были ее губы.

Он заметил, как она вздрогнула, и сказал ласково:

– Пойми, я должен подумать о том, как быть дальше. Необходимо пожить некоторое время вместе во избежание неприятного для тебя скандала, который не заставил бы себя ждать, если бы мы разъехались немедленно. Но ты должна понять, что это делается только ради приличия.

– Понимаю, – рассеянно отозвалась она.

Он ушел на мельницу, но на полпути остановился и пожалел на секунду о том, что не ответил ей ласковее и не поцеловал ее хоть раз.

Так прошел в тоске еще день и еще день. Живя в одном доме, они были дальше друг от друга, чем до брака. Она ясно видела, что энергия его, как он выразился, парализована и он пытается придумать дальнейший план действий. Она была поражена, когда убедилась в непреклонности этого человека, казавшегося таким мягким. Его упорство переходило в жестокость. Больше она не надеялась на прощение. Не раз она подумывала о том, чтобы уйти от него, когда он покидал дом, но боялась, что ее уход не принесет ему пользы и поставит в еще более неприятное и унижительное положение, если об этом узнают.

Клэр на самом деле непрерывно размышлял. Мысли преследовали его, он заболел от них, они иссушили его, выжгли из его души всю его прежнюю гибкость и мягкость. Он бродил, бормоча вслух: «Что делать? Что делать?» И случайно она его подслушала; это побудило ее затронуть вопрос о будущем, которого они избегали касаться.

– Должно быть... ты недолго будешь жить со мной, Энджел? – спросила она.

Уголки ее рта были опущены; ясно было, что с помощью лишь очень больших усилий удавалось ей сохранять это сдержанное спокойствие.

– Я не могу жить с тобой, – сказал он, – не презирая самого себя и – что, пожалуй, еще хуже – не презирая тебя. Конечно, я говорю о совместной жизни в обычном смысле этого слова. Сейчас, каковы бы ни были мои чувства, я тебя не презираю. И разреши мне говорить откровенно, иначе ты не поймешь всей трудности моего положения. Как можем мы жить вместе, пока жив этот человек?... В сущности, он твой муж, а не я. Если бы он умер, все могло быть иначе... Но трудность не только в этом: она обусловлена соображениями, касающимися будущности других людей – не нас. Пройдут годы, у нас будут дети, а эта прошлая история обнаружится, – рано или поздно о ней узнают, нет такого уголка на земле, куда никто не заглядывает и откуда никто не уезжает. Подумай о несчастных детях, нашей плоти и крови, несущих на себе это пятно и с каждым годом все острее ощущающих свой позор. Каково будет для них пробуждение? Какая будущность? Можешь ли ты сказать мне по чести: «Останься», если представишь себе такую возможность? Не лучше ли претерпеть наше несчастье, чем стремиться к новым бедам?

Веки ее, отяжелевшие от скорби, были по-прежнему опущены.

– Я не могу сказать: «Останься», – ответила она. – Не могу. Так далеко вперед я не заглядывала.

Нужно признать, что Тэсс, несмотря ни на что, чисто по-женски надеялась в глубине души, что семейная жизнь под одним кровом в конце концов сломит его холодность, даже вопреки его решению. Наивная в обычном смысле этого слова, она тем не менее была настоящей женщиной и была бы лишена женского инстинкта, если бы чутьем не знала, какая сила заключается в такой совместной жизни. Она понимала, что ничто ей не поможет, если она в этом потерпит неудачу. Она твердила себе, что дурно так надеяться – это было уже похоже на план, на хитрость, но она не могла расстаться с этой последней надеждой. Теперь он объяснил ей создавшееся положение с новой для нее точки зрения. Действительно, она никогда не заглядывала так далеко, и отчетливо нарисованная им картина того, как собственные дети будут ее презирать, явилась неотразимым

доводом, убившим последнюю надежду в ее глубоко честном сердце. По собственному опыту она уже знала, что бывают такие обстоятельства, когда благополучной жизни лучше предпочесть отказ от какой бы то ни было жизни вообще. Подобно всем просветленным страданиями, она могла в словах Сюлли-Прюдома: «Ты будешь рожден» – услышать приговор своим потомкам.

Но такова лисья хитрость госпожи Природы: до этих пор Тэсс, ослепленная своей любовью к Клэру, не думала о возможных последствиях этой любви, не думала, как отразится на других то, в чем видела она свое – и только свое – несчастье.

Поэтому такой довод показался ей неопровержимым. Но человек слишком нервный склонен оспаривать свои же собственные мнения, и у Клэра возникло возражение, которого он сам почти испугался. Основано оно было на некоторых особенностях натуры Тэсс; и она могла бы этим воспользоваться. Кроме того, она могла добавить: «На австралийском плоскогорье или в техасской прерии кому какое дело до моей беды? Кто будет упрекать меня или тебя?» Однако, подобно большинству женщин, она приняла рожденное минутой опасение как нечто неизбежное. И, быть может, была права. Чуткому сердцу женщины ведома не только ее боль, но и боль мужа; и если бы никто не обратился к нему или к его семейным с упреками, эти упреки тем не менее коснулись бы его слуха, порожденные его собственной фантазией.

Шел третий день их отчуждения. Пожалуй, кому-нибудь мог бы прийти в голову парадокс: если бы у Клэра животное начало было сильнее, он вел бы себя благороднее. Но мы так не говорим. И все же любовь Клэра действительно была слишком духовной, для повседневной жизни слишком неземной; таким натурам присутствие любимого существа нужно не так, как его отсутствие, ибо в разлуке создается идеальный образ, лишенный реальных недостатков. Тэсс убедилась, что ее присутствие не оказывает на него такого влияния, на какое она надеялась. Его метафора оправдалась: она была другой женщиной – не той, которую он желал.

– Я обдумала то, что ты сказал, – заметила она, чертя указательным пальцем по скатерти и поддерживая голову другой рукой, с обручальным кольцом, которое словно издевалось над ними. – Ты совершенно прав, прав во всем. Ты должен от меня уехать.

– Но что же ты будешь делать?

– Я могу вернуться домой.

Клэр об этом не подумал.

– В самом деле? – спросил он.

– Да. Мы должны расстаться; и уж лучше поскорее с этим покончить. Ты как-то мне сказал, что я притягиваю к себе мужчин вопреки их рассудку, и если я постоянно буду у тебя перед глазами, ты, пожалуй, изменить свое решение наперекор желанию и здравому смыслу. А потом твоё раскаяние причинит мне страшную боль.

– А ты бы хотела вернуться домой? – спросил он.

– Я хочу расстаться с тобой и уехать домой.

– Значит, пусть будет так.

Она вздрогнула, не поднимая глаз. Слишком остро почувствовала она разницу между предложением и договором.

– Я боялась, что дело этим кончится, – прошептала она; лицо ее было покорно и казалось растерянным. – Я не жалею, Энджел... Я... я думаю, что так будет лучше. Твои слова окончательно меня убедили. И даже если никто не стал бы меня упрекать, живи мы вместе, пожалуй, спустя много лет ты сам можешь рассердиться на меня из-за какого-нибудь пустяка и, зная о моем прошлом, бросишь мне упрек, который услышат мои дети. И то, что сейчас причиняет мне только боль, будет для меня тогда пыткой и убьет меня! Я уеду... завтра.

– И я здесь не останусь. Хотя я и не хотел заговаривать об этом первый, но считал, что будет разумнее расстаться хотя бы на время, пока я не дам себе отчета в случившемся. А потом я могу тебе написать.

Тэсс украдкой взглянула на мужа. Он был бледен, даже дрожал, но, как и раньше, ее поразила решимость этого кроткого человека, за которого она вышла замуж, воля его, подчиняющая грубые эмоции эмоциям более возвышенным, материю – идее, плоть – духу. Склонность, стремления, привычки были словно сухие листья, подхваченные буйным ветром его непреклонной воли.

Заметив ее взгляд, он пояснил свои слова:

– Я лучше думаю о людях, когда нахожусь вдали от них, – и добавил цинично: – Кто знает, быть может, когда-нибудь мы сойдемся от скуки; так бывало со многими!

В тот же день начал он укладывать свои вещи, и она, поднявшись к себе, последовала его примеру. Оба думали об одном и знали это: быть может, на следующее утро они расстанутся навеки, хотя сейчас и прикрывали отъезд успокоительными предположениями, так как оба принадлежали к той породе людей, для которых мысль о всякой разлуке, грозящей стать вечной, была пыткой. И он и она знали, что в первые дни разлуки взаимное их влечение – с ее стороны нимало не зависящее от его добродетелей – может быть сильнее, чем когда бы то ни было, но время заглушит его; практические доводы, в силу которых он отказывался принять ее как свою жену, обретут новую силу в холодном свете грядущих дней. Кроме того, когда двое расстаются, перестают жить одной жизнью и под одним кровом, тогда пробиваются незаметно новые ростки, заполняя пустое место; непредвиденные события препятствуют прежним замыслам, и старые планы предаются забвению.

37

Настала полночь и миновала незаметно, ибо в долине Фрум ничто не возвещало о приближении полуночного часа.

Во втором часу ночи в темном фермерском доме, бывшей, резиденции д'Эрбервиллей, слышался легкий скрип. Тэсс, которая спала в комнате наверху, услышала шум и проснулась. Это скрипнула ступенька у поворота лестницы, где доска была плохо прибита. Тэсс видела, как распахнулась дверь ее спальни и в полосе лунного света показался ее муж, ступавший с какой-то странной осторожностью; он был в одной рубашке и брюках. Первая ее вспышка радости угасла, когда она заметила, что он бессмысленно смотрит куда-то в пространство. Выйдя на середину комнаты, он остановился и прошептал с бесконечной печалью:

– Умерла! Умерла! Умерла!

Под действием сильного волнения Клэр иногда ходил во сне и даже проделывал странные вещи: так, например, ночью, по возвращении с базара, куда они ездили перед свадьбой, он воспроизвел в своей спальне драку с человеком, который оскорбил Тэсс. Она поняла, что долгие душевные муки снова повергли его в это состояние.

Так глубоко было ее доверие к нему, что бодрствующий или спящий, он не внушал ей ни малейшего страха. Если бы он вошел с пистолетом в руке, и тогда вряд ли поколебалась бы ее вера в него как своего защитника.

Клэр подошел ближе и склонился над ней.

– Умерла, умерла, умерла! – шептал он.

Пристально, с той же беспредельной скорбью смотрел он на нее в течение нескольких секунд, потом нагнулся ниже, обнял ее и завернул в простыню, словно в саван. Подняв ее с кровати с тем почтением, какое принято оказывать покойникам, он вынес ее из комнаты, бормоча:

– Моя бедная, бедная Тэсс... моя дорогая, любимая Тэсс! Такая милая, добрая, преданная!

Неясные слова, от которых он сурово воздерживался наяву, были бесконечно сладки ее одинокому сердцу, изголодавшемуся по ласке. Даже ради спасения своей жизни она не согласилась бы пошевелинуться или вырваться из его рук и положить конец этой сцене. Поэтому она не шевелилась, едва осмеливаясь дышать, недоумевая, что думает он делать с нею. Он вынес ее на площадку лестницы.

– Моя жена... умерла, умерла! – сказал он.

На секунду он остановился, чтобы отдохнуть, и прислонился к перилам. Не думал ли он бросить ее вниз? Инстинкт самосохранения почти угас в ней; зная, что завтра он хотел уехать, быть может, навсегда, она лежала в его объятиях и, несмотря на грозившую ей опасность, испытывала скорее блаженство, чем страх. Если бы они могли вместе упасть и разбиться, как бы это было хорошо, как кстати!

Однако он не уронил ее, а, прислонившись к перилам, запечатлел поцелуй на ее губах – на

губах, от которых отворачивался днем. Потом он снова крепко ее обнял и стал спускаться по лестнице. Скрип расшатанной ступеньки не разбудил его, и они благополучно спустились вниз. Освободив на секунду одну руку и поддерживая Тэсс другой рукой, он отодвинул дверной засов и вышел из дому, слегка ударившись ногой, одетой в носок, о дверь. Но, казалось, он этого не заметил и, очутившись на просторе, вскинул Тэсс на плечо, чтобы легче было нести ее; к тому же отсутствие, одежды заметно уменьшало тяжесть его ноши. Он понес ее к реке, находившейся на расстоянии нескольких шагов.

Она еще не знала конечной его цели – если была у него какая-нибудь цель – и строила догадки, словно посторонний наблюдатель. Спокойно она отдалась ему всем своим существом, и теперь ей приятно было сознавать, что он видит в ней свою собственность, которой может располагать по своему желанию. Ощущая ужас завтрашней разлуки, она утешалась тем, что сейчас он признал ее своей женой и не отрекался от нее; и пусть в этом признании зайдет он так далеко, что присвоит себе право подвергать ее жизнь опасности.

Вдруг она догадалась, что пригрезилось ему: он грезил о том воскресном утре, когда переносил ее на руках через лужу, – ее и других работниц, которые любили его почти так же, как она, если это только возможно, – чему Тэсс, впрочем, не верила. Клэр не понес ее к мосту: он прошел несколько шагов вдоль реки по направлению к мельнице, потом остановился у самой воды.

Река, пересекая эти луга, во многих местах разбивалась на множество рукавов, образуя островки, не имевшие названия; а потом ее воды снова сливались в один широкий поток. Клэр остановился как раз там, где река не разделялась на рукава и была многоводной и глубокой. Через нее был переброшен узкий мостик для пешеходов, но осенние ливни смыли перила, и осталась только узкая доска, поднимавшаяся на несколько дюймов над водой; течение здесь было быстрое, и только люди, не подверженные головокружению, могли пройти по этому мостику. Днем Тэсс видела из окна, как молодые парни шли по нему, похваляясь – своим умением сохранять равновесие. Быть может, и ее муж наблюдал эту сцену; как бы то ни было, но сейчас он поднялся на мостик и двинулся вперед, нащупывая дорогу ногой.

Не хочет ли он утопить ее? Возможно. Место было безлюдное, река достаточно глубока и широка, для того чтобы осуществить это намерение. Пусть он утопит ее, если хочет. Это лучше, чем расстаться завтра и жить в разлуке.

Под ними мчался и бурлил быстрый поток, швыряя, искажая и раскалывая отраженный лик луны.

Проплывали клочья пены, а вокруг свай колебались зацепившиеся за них водоросли. Если они оба упадут сейчас в реку – так крепко их объятие, что спастись они не смогут. Почти безболезненно уйдут они из жизни, и она не услышит больше упреков и его не упрекнут за то, что он на ней женился. Последний час его жизни с ней будет часом любви. А если доживут они до его пробуждения, вернется дневное его отвращение к ней и этот час останется в памяти только как сновидение.

Ей захотелось сделать движение, которое увлекло бы их в пучину, но она не посмела исполнить свое желание. Она нисколько не дорожила своей жизнью – это она доказала, – но не вправе была располагать жизнью Клэра. Он благополучно достиг противоположного берега.

Дальше начиналось поле – бывшие монастырские владения. Крепче прижав к себе Тэсс, он направился к разрушенным хорам церкви, находившейся от них в нескольких шагах. У северной стены стояла пустая каменная гробница какого-то аббата, куда для нелепой забавы обычно ложились все туристы. В нее он бережно положил Тэсс. Еще раз поцеловав ее губы, он глубоко вздохнул, словно достиг наконец желанной цели. Потом он улегся на земле подле каменного гроба и от усталости погрузился тотчас же в глубокий, мертвый сон. Он лежал неподвижно. Наступила реакция после душевного напряжения, которое даровало ему силы.

Тэсс села в гробу. Погода для этой поры года стояла сухая и мягкая, но все-таки холод был такой, что Клэру, полуодетому, опасно было оставаться здесь долго. Если предоставить его самому себе, он, вероятно, останется здесь до утра и схватит смертельную простуду. Она слышала, что такие случаи бывали с лунатиками. Но могла ли она разбудить его и объяснить, что он тут делал? Ведь он бы сгорел от стыда, узнав о безумной своей выходке. Тем не менее Тэсс встала со своего

каменного ложа и слегка встряхнула Клэра, но, разумеется, этого было недостаточно, чтобы его разбудить. Следовало немедленно принять какие-то меры, так как у нее уже начался озноб, – простыня плохо защищала от холода; пока она была в его объятиях, волнение согревало ее, но это блаженное состояние миновало.

Внезапно ей пришло в голову прибегнуть к внушению. Со всей твердостью и решимостью, на какую только была способна, она шепнула ему на ухо:

– Пойдем дальше, Дорогой, – и настойчиво потянула его за руку.

К великому ее облегчению, он повиновался беспрекословно: по-видимому, ее слова вплелись в его сновидение, которое вступало в новую фазу, – ему мерещилось, что она воскресла и дух ее увлекает его на небо. Тэсс повела его за руку к каменному мосту перед домом, где они жили, и, миновав мост, остановилась у двери. Ей больно было идти босиком по камням, от холода она ооченела, но Клэр был в шерстяных носках и, казалось, не чувствовал холода.

Далее все шло гладко. Она заставила его лечь на диван и укутала потеплее, потом развела огонь в камине, чтобы он согрелся. Она думала, что шум и шаги разбудят его, и втайне на это надеялась. Но он был так измучен душевно и физически, что не проснулся.

Когда они встретились на следующее утро, Тэсс тотчас же поняла, что Энджел ничего не помнит об ее участии в ночной прогулке, хотя, быть может, и догадывается о том, что ходил во сне. И действительно, очнувшись от глубокого сна, близкого к небытию, он в течение тех первых секунд, когда мозг – подобно потягивающемуся Самсону – пробует свою силу, смутно припомнил необычно проведенную ночь. Но реальность скоро прогнала всякие догадки.

Он додал, чтобы ход его мыслей прояснился; он знал по опыту: если не исчезало при дневном свете – решение, принятое накануне вечером, стало быть, оно, даже если и было порождено эмоцией, основано на доводах, выдвинутых рассудком, и поэтому заслуживает доверия. И вот в бледном утреннем свете он снова решил расстаться с Тэсс – решение это уже не было пылким и негодующим. Лишенный породившей его страсти, это был лишь остов прежнего решения, но тем не менее оно было окончательным. Клэр больше не колебался.

За завтраком и позднее, когда они укладывали оставшиеся вещи, он казался таким усталым после ночной прогулки, что Тэсс готова была рассказать ему все, но передумала: он будет рассержен, огорчен, почувствует себя в смешном положении, если узнает, что бессознательно проявил к ней свою любовь, осужденную здравым смыслом, унизил себя этой любовью, когда рассудок его спал. Рассказать ему о случившемся – значило высмеять протрезвившегося человека за то, что он проделывал в пьяном виде.

Мелькнула у нее и такая мысль: быть может, он сохранил смутное воспоминание о том, как нежен был с ней во сне, и не склонен говорить об этом из опасения, как бы Тэсс не воспользовалась удобным случаем и не обратилась к нему с новой просьбой не уезжать.

Он написал, чтобы из ближайшего города прислали экипаж, который и был подан вскоре после завтрака. В этом увидела она начало конца – быть может, временного; ночное происшествие, выдавшее его нежность, вновь воскресило ее мечты о возможности примирения. Багаж положили на крышу экипажа, и они тронулись в путь. Мельник и старая служанка выразили некоторое удивление по поводу внезапного отъезда, но Клэр объяснил его тем, что мельница работает по старинке, тогда как он хотел изучить новейшие методы. В сущности, такое объяснение не грешило против истины. Отъезд их отнюдь не наводил на мысль о катастрофе и не опровергал предположения, что они едут навестить друзей.

Путь их лежал мимо мызы, откуда они уехали несколько дней назад, находя друг в друге такую светлую радость, а так как Клэр хотел покончить свои дела с мистером Криком, то Тэсс поневоле должна была заглянуть к миссис Крик, – иначе та заподозрила бы, что дело неладно. – Не желая привлекать всеобщее внимание, они оставили экипаж у калитки, выходящей на проезжую дорогу, и пошли бок о бок по тропинке. Одни пеньки остались там, где были ивовые заросли, и они издали могли разглядеть то место, куда последовал за ней Клэр, когда упрасивал ее стать его женой; слева была изгородь, за которой она, зачарованная, слушала его игру на арфе; а дальше, за коровником, виднелся луг, где они впервые поцеловались. Летние золотые тона пейзажа стали теперь серыми, краски потускнели, чернозем превратился в грязь, и холодна была река.

Фермер увидел их со скотного двора и пошел им навстречу, скроив при этом шутиливо-лукавую мину, которая в Тэлботейс и в окрестностях считалась уместной при встрече с молодоженами. Затем из дому вышла миссис Крик, а за ней и другие их старые знакомые, но ни Мэриэн, ни Рэтти не было видно.

Тэсс мужественно выслушала их лукавые намеки и дружеские насмешки, которые задевали ее отнюдь не так, как предполагали шутники. Между мужем и женой установилось молчаливое соглашение скрывать свое отчуждение, и по их поведению ни о чем нельзя было догадаться. И тут, хотя Тэсс предпочла бы ни слова об этом не слышать, ей подробно рассказали о Мэриэн и Рэтти: последняя уехала домой к отцу, а Мэриэн, уйдя с мызы, подыскивала новое место. Все выражали опасение, что она плохо кончит.

Желая рассеять тоску, навеянную этим рассказом, Тэсс пошла попрощаться со своими любимцами коровами – и каждую погладила. Перед отъездом она и Клэр стояли рядом, точно связанные и духовно и физически но жалкими показались бы они тому, кто знал правду; внешне их жизни слились в одну: его рука касалась ее руки, она задевала его своим платьем, они вместе прощались с обитателями мызы и говорили о себе «мы» – и, однако, были так же далеки друг от друга, как два полюса. Должно быть, в их позе все-таки было что-то напряженное, неестественное и какая-то неловкость проглядывала в их усилия сыграть роль любящих супругов – неловкость, не похожая на смущение, которое свойственно молодоженам, – потому что после их отъезда миссис Крик сказала мужу:

– Странно у нее блестели глаза. Да и стояли они оба, словно восковые куклы, а говорили, точно во сне! Ты не заметил? Правда, Тэсс всегда была какой-то чудной, и сейчас она что-то непохожа на молодую, которая гордится своим муженьком.

Снова сели они в экипаж и ехали по дороге, ведущей в Уэтербери и Стэгфут-Лейн, пока не добрались до лейнской гостиницы; здесь Клэр отпустил экипаж. В гостинице они немного отдохнули и поехали дальше, по направлению к родной деревушке Тэсс; лошадей правил человек, им незнакомый, который не знал их отношений. Когда они миновали Натлбери, Клэр остановил экипаж у перекрестка и сказал Тэсс, что здесь он с ней расстанется, если она по-прежнему хочет вернуться к матери. Так как в присутствии кучера они не могли говорить свободно, он предложил ей пройти пешком по одной из боковых дорог. Она согласилась, и, приказав кучеру ждать, они отошли.

– Попробуем понять друг друга, – сказал он мягко. – Мы расстаемся мирно, но я пока не могу примириться с тем, что стало между нами. Я постараюсь справиться с собой. Тебя я извещу, куда предполагаю поехать, как только сам буду это знать. И если я себя приучу к тому, что сейчас кажется мне невыносимым, – если это нужно и возможно, – я вернусь к тебе. Но пока я сам к тебе не приеду, не делай попыток приехать ко мне – так будет лучше.

Тэсс этот суровый приказ показался смертным приговором. Она ясно понимала, в каком свете она предстает перед ним: он видел в ней только женщину, которая грубо его обманула. Но каков бы ни был ее проступок, заслуживает ли она подобного наказания? Однако спорить с ним она больше не могла. Она только повторила его слова:

– Пока ты ко мне не приедешь, я не должна пытаться к тебе приехать?

– Да.

– А писать тебе я могу?

– Конечно... если ты заболеешь или в чем-нибудь будешь нуждаться. Надеюсь, этого не случится, и, стало быть, я напишу тебе первый.

– Я согласна на эти условия, Энджел, потому что тебе лучше знать, какое наказание я заслуживаю. Но только... только сделай так, чтобы оно было мне по силам!

Больше она ничего не сказала. Если бы Тэсс была менее непосредственна, если бы она сделала ему сцену, упала в обморок, истерически зарыдала, то здесь, на этой безлюдной дороге, пожалуй, он не устоял бы перед ней, хотя и был одержим непомерной требовательностью. Но она приучила себя к мысли о долгих страданиях и облегчила ему путь – она сама была лучшей его помощницей. Ее покорность была проявлением безрассудного подчинения обстоятельствам, свойственного всему роду д'Эрбервиллей, – и те струны его сердца, которые могли быть затронуты ее

мольбами, остались немые.

После этого они обсуждали только практические вопросы. Он вручил ей пакет с приличной суммой, затребованной специально для этой цели от его банкиров. Бриллианты, которыми Тэсс, по-видимому, владела только пожизненно (если он правильно понял волю покойной), он предложил отправить на хранение в банк, на что она охотно согласилась.

Покончив с этими делами, он проводил Тэсс до перекрестка и усадил в экипаж. Кучеру было уплачено и сказано, куда отвезти ее. Взяв затем свой саквояж и зонтик – единственные вещи, которые привез он сюда, – Клэр распрощался с ней. Так они расстались.

Экипаж медленно поднимался на холм, а Клэр провожал его глазами, безотчетно надеясь, что Тэсс выглянет на секунду из окна. Но ей и в голову не пришла такая мысль, – да она и не могла бы этого сделать, так как лежала в полуобморочном состоянии. Он смотрел, как она уезжает, и в тоске процитировал стих поэта, переделывая его по-своему:

Нет бога на небе – все плохо на земле!

Когда экипаж скрылся за гребнем холма, Клэр пошел своей дорогой, и вряд ли он знал, что продолжает ее любить.

38

Когда экипаж спустился в Блекмурскую долину и Тэсс начала узнавать знакомую с детства местность, она понемногу пришла в себя. Первая ее мысль была: как посмотрит она в глаза родителям?

Показалась застава, находившаяся неподалеку от деревни. Ворота распахнул незнакомый ей человек, не тот старик, который много лет исполнял эту обязанность и хорошо знал Тэсс. Должно быть, он оставил должность в день Нового года, когда обычно нанимали служащих. Тэсс давно не получала вестей из дома и спросила сторожа, что нового в деревне.

– Ничего, мисс, – ответил тот. – В Марлоте все по-старому. Кое-кто помер. А на этой неделе Джон Дарбейфилд выдал дочку за джентльмена-фермера. Свадьбу-то не здесь справляли, они где-то в другом месте поженились. Джентльмен происхождения знатного, и, видно, показалось ему, что семья Джона слишком бедна, чтобы звать ее на свадьбу. Жених, должно быть, не знал, как у нас здесь проведали, что сам Джон происходит из древнего и благородного рода, – и по сей день его предки лежат в собственных склепах, да только имущества своего он лишился еще во времена римлян. Ну, а все-таки сэр Джон – так мы его теперь называем – отпраздновал как мог день свадьбы и угостил всех и каждого в приходе, а жена Джона до двенадцати часов ночи пела песни в трактире «Чистая капля».

На сердце Тэсс стало так тяжело, что она не решилась подъехать к дому в экипаже и со всеми своими пожитками. Она попросила у сторожа разрешения оставить на время вещи у него в доме и, получив согласие, отпустила экипаж и задворками пошла в деревню.

Завидев трубу отцовского дома, она задала себе вопрос: как осмелится она переступить его порог? Родные ее безмятежно верили, что она находится далеко отсюда и совершает свадебное путешествие с человеком сравнительно богатым, который возведет ее на вершину благополучия. А в это время она, одинокая, покинутая друзьями, приближается, крадучись, к старому дому, и нет у нее на земле другого пристанища.

Ей не удалось подойти к дому никем не замеченной. Возле садовой изгороди она встретила знакомую, одну из тех двух-трех девушек, с которыми была дружна в школе.

Осведомившись, как очутилась она здесь, подруга, не замечая грустного выражения ее лица, спросила:

– Тэсс, а где же твой джентльмен?

Тэсс поспешила объяснить, что его вызвали по делам, затем, распрощавшись со своей собеседницей, перелезла через изгородь и направилась к дому.

На дорожке сада она услышала, что мать распевает на черном крыльце, и через мгновение

увидела миссис Дарбейфилд, которая на пороге выжимала простыню. Покончив с этим делом и не заметив Тэсс, она вошла в дом, а дочь последовала за нею.

Корыто стояло все там же, на старом бочонке, и мать, отложив в сторону простыню, собиралась снова опустить в него руки.

– Как! Тэсс! Дочка!.. А я думала, что ты вышла замуж... и уж на этот раз по-настоящему... мы сидру послали...

– Да, мама, так оно и есть.

– Так ты выходишь замуж?

– Я уже замужем.

– Замужем! А где твой муж?

– Он уехал на время.

– Уехал! А когда же была свадьба? В тот день, о котором ты писала?

– Да, во вторник, мама.

– Ну, а теперь только суббота! И он уже уехал?

– Да, уехал.

– Что же это значит? Нечего сказать, нашла себе муженька!

– Мама! – Тэсс подошла к Джоан Дарбейфилд, спрятала голову у нее на груди и расплакалась. – Не знаю, как сказать тебе, мама! Ты мне писала, чтобы я ему ничего не рассказывала. А я рассказала... не могла иначе... и он ушел.

– Ах, дурочка ты, дурочка! – воскликнула миссис Дарбейфилд; от волнения она забрызгала водой и Тэсс и себя. – О господи, вот уж не думала, что доживу я до того, чтобы так тебя назвать, но какая же ты дурочка!

Тэсс судорожно рыдала, – после длительного душевного напряжения настала наконец реакция.

– Я это знаю, знаю, знаю! – выговорила она сквозь слезы. – Но, мама, я не могла поступить иначе. Он такой добрый, и я чувствовала, как нехорошо скрывать от него то, что случилось! Если... если бы это повторилось, я бы поступила точно так же. Я не могла... не смела... согрешить против него.

– Но ты уже согрешила, если сначала вышла за него замуж.

– Да, да! Поэтому я и мучаюсь! Но я думала, что закон поможет ему от меня избавиться, если он не захочет с этим примириться. И если бы ты знала, если бы ты только знала, как я его любила, как страстно хотела быть его женой... и как терзала меня эта любовь и желание поступить честно.

Тэсс была так измучена, что не могла продолжать и беспомощно опустилась на стул.

– Ну ладно, ладно; что сделано, то сделано! Только я никак не возьму в толк, почему у меня дети глупее, чем у других. И придет же на ум выболтать такую штуку! Ведь если бы он и узнал, так было бы уже поздно! – И миссис Дарбейфилд начала проливать слезы жалости к себе – матери, достойной сострадания. – Ума не приложу, что скажет твой отец, – продолжала она. – Каждый день он только и говорит, что о твоей свадьбе, болтает и у Ролливера и в «Чистой капле» о том, что благодаря тебе семья снова займет положение, подобающее ей по праву. Вот бедняга! А ты теперь взяла да все испортила! О господи!

И, словно в довершение беды, послышались в эту минуту шаги отца Тэсс. Впрочем, он не сразу вошел в дом, и миссис Дарбейфилд объявила, что она сама сообщит ему печальную новость, а Тэсс пока не должна показываться отцу на глаза. Когда прошел первый приступ отчаяния, Джоан приняла это печальное событие, как и первую беду, постигшую Тэсс, – как приняла бы она и дождливое воскресенье и неурожай картофеля; она не задумывалась, заслуживают они несчастья или нет, и видела в нем не урок, а удар судьбы, с которым нужно мириться. Тэсс поднялась наверх и заметила, что кровати переставлены и сделаны кое-какие изменения. Ее старая кровать перешла во владение двух младших детей. Теперь здесь не было для нее места.

Потолок в нижней комнате не был оштукатурен, и она слышала почти все, что делалось внизу. Вошел отец, по-видимому, притащивший живую курицу. Вынужденный продать вторую лошадь, он теперь носил свой товар в корзинке. Как это частенько случалось, он захватил с собой

курицу утром, желая показать соседям, что занимается делом; однако курица больше часу пролежала со связанными ногами под столом в трактире у Ролливера.

– Только что толковали мы... – начал Дарбейфилд и подробно передал жене происходившую в трактире дискуссию о духовенстве, вызванную тем обстоятельством, что дочь его вышла замуж за сына священника.

– Прежде они, как и мои предки, именовались «сэрами», – сказал он, – ну, а теперь они, строго говоря, только «духовные особы».

Так как Тэсс хотела избежать лишних разговоров, то подробностей он не сообщал. Впрочем, он надеется, что его дочь скоро снимет это запрещение. Он посоветовал бы молодоженам принять фамилию Тэсс, подлинную, неискаженную ее фамилию – д'Эрбервилль. Она звучит лучше, чем фамилия ее мужа. Затем он осведомился, не было ли от нее сегодня письма.

Тогда миссис Дарбейфилд сообщила ему, что письма не было, но, к несчастью, Тэсс сама явилась домой.

Когда он узнал наконец о катастрофе, мрачное отчаяние, необычное для Дарбейфилда, перебило действие выпитого вина. Однако чувствительную его душу задело не столько событие, сколько то впечатление, какое могло произвести оно на соседей.

– Подумать только, что этим кончится дело! – воскликнул сэр Джон. – А ведь у меня есть семейный склеп под кингсбирской церковью, склеп величиной с пивной погреб эсквайра Джолларда, и там лежат мои предки – подлинные графские кости, известные в истории. А что, скажут мне теперь ребята у Ролливера и в «Чистой капле»? Будут подмигивать, коситься и говорить: «Вот тебе и прекрасная партия! Вот ты и сравнялся со своими предками времен короля нормандца!» Это уже слишком, Джоан! Я покончу с собой, несмотря на титул, – больше нет у меня сил!.. Но ведь она может заставить его жить вместе, раз он на ней женился?

– Ну да... Но она ни за что не захочет.

– Как ты думаешь, он и в самом деле на ней женился? Или это та же история, что и в первый раз?..

Дольше бедняжка Тэсс не могла слушать. Сознание, что ее словам не верят даже здесь, вооружило ее против родительского дома. Как неожиданны были удары судьбы! Если и отец в ней усомнился, то что будут говорить соседи и знакомые? Нет, долго она здесь не проживет.

Она решила остаться только на несколько дней, а по истечении этого срока пришло короткое письмо от Клэра, сообщавшего ей, что он уехал на север Англии подыскивать ферму. Желая по-прежнему называться его женой и скрыть от родителей истинную глубину своего разрыва с мужем, она воспользовалась этим письмом как предлогом для отъезда, предоставив им думать, что уезжает к нему. Чтобы ее мужа не упрекали в дурном отношении к ней, она взяла двадцать пять фунтов из пятидесяти, оставленных ей Клэром, и вручила эти деньги своей матери, дав той понять, что жена такого человека, как Энджел Клэр, может себе это позволить. Она заявила, что хочет хоть немного вознаградить их за беспокойство и унижение, какое навлекла на них в былые годы. Восстановив таким образом свою репутацию, она распрощалась с ними. Благодаря щедрости Тэсс семья Дарбейфилдов некоторое время жила очень весело; мать говорила – и сама в это верила, – что отношения между мужем и женой наладились, так как их связывает глубокое чувство и они не могут вынести разлуку.

Через три недели после свадьбы Клэр спускался с холма по дороге, ведущей к хорошо знакомому отцовскому приходу. По мере того как спускался он с холма, церковная колокольня все выше поднималась в вечернем небе, словно вопрошая его, зачем он сюда пожаловал. В городке, окутанном сумерками, никто, казалось, не замечал его и, конечно, никто не ждал. Явился он сюда словно призрак, и звук собственных шагов был помехой, от которой, хотелось отделаться.

Жизнь теперь предстала ему в ином свете. До сих пор он воспринимал ее лишь как мыслитель, а теперь, казалось ему, познал ее как человек практический, хотя, пожалуй, в этом он ошибался. Впрочем, он перестал воспринимать человечество сквозь дымку мечтательной неясности

итальянского искусства, теперь ему всюду виделись вытаращенные глаза и жуткие позы экспонатов музея Виртца и гримасы в манере ван Беекса.

В эти первые недели поступки его были лишены какой бы то ни было последовательности. Сначала он машинально пытался осуществить свои агрономические замыслы, делая вид, будто в жизни его не произошло ничего из ряда вон выходящего, как советуют поступать мудрые люди всех веков, но затем пришел к заключению, что ни одному из этих великих мудрецов не пришлось проверить на опыте практичность своих советов. «Вот самое главное: не ведай смятения», – сказал языческий моралист. Клэр придерживался того же мнения. И, однако, был в смятении. «Пусть сердце твое не ведает ни тревоги, ни страха», – сказал Назарянин. Клэр охотно с этим соглашался, но все-таки пребывал в тревоге. Как хотелось ему встретиться с этими двумя великими мыслителями и обратиться к ним, просто как к людям, с просьбой объяснить их метод!

Затем им овладело тупое равнодушие, и ему чудилось, что на свою собственную жизнь он смотрит с пассивным любопытством постороннего зрителя.

Его мучила уверенность, что беды этой не случилось бы, будь Тэсс не из рода д'Эрбервиллей. Когда он узнал, что в ней течет кровь угасшего древнего рода, а не простолюдинов – молодого племени, как представлял он себе в мечтах, – почему не хватило у него твердости духа покинуть ее, оставаясь верным своим принципам? Вот результаты его вероотступничества, и наказание его заслуженно.

Потом он почувствовал утомление и беспокойство, упорно возраставшие. Он задавал себе вопрос: справедливо ли он поступил с ней? Он ел и пил машинально, без всякого аппетита. Проходили часы, отчетливее вырисовывались мотивы всех его поступков, совершенных в былые дни, и он понял, что мысль о Тэсс, как о дорогом, близком ему существе, присутствовала во всех его планах, словах и делах.

Во время своих скитаний в предместье одного городка он заметил сине-красный плакат, возвещавший о великих преимуществах, какие предоставляет Бразилия эмигрантам-земледельцам. Землю можно было получить на исключительно выгодных условиях. Мысль о Бразилии понравилась ему своей новизной. Пожалуй, Тэсс могла бы приехать к нему туда, – быть может, в новом окружении, в стране, где понятия и обычаи были иными, условности не имеют той власти, которая, по мнению Клэра, препятствовала совместной их жизни в Англии. Короче, он склонялся к мысли о Бразилии тем более, что время года благоприятствовало такой поездке.

Теперь возвращался он в Эмминстер, чтобы сообщить родителям о своем плане и как-нибудь объяснить отсутствие Тэсс, скрыв от них причину разлуки. Когда он подходил к двери, молодой месяц светил ему в лицо так же, как светила полная луна в ту ночь, когда он на руках переносил свою жену через реку, направляясь к монастырскому кладбищу. Но с тех пор лицо его осунулось.

Клэр не предупредил родителей о своем приезде, и появление его взволновало дом пастора, подобно тому как зимородок, ныряя в воду, волнует поверхность тихого пруда. Отец и мать сидели в гостиной, но оба брата уже уехали к себе. Энджел вошел и тихо прикрыл за собой дверь.

– Но где же твоя жена, дорогой Энджел? – воскликнула мать. – Как ты нас удивил!

– Она у своей матери... временно. А я поспешил домой, потому что решил ехать в Бразилию.

– В Бразилию! Но ведь там живут одни католики!

– Разве? Я об этом не подумал.

Но даже эта неожиданная и неприятная новость – отъезд его в страну папистов – не могла надолго занять мысли мистера и миссис Клэр, которых, естественно, женитьба сына интересовала гораздо больше.

– Три недели тому назад мы получили твою записку, извещавшую о свадьбе, – сказала миссис Клэр, – и, как тебе известно, отец выслал вам дар твоей крестной матери. Конечно, мы считали более разумным не ехать на свадьбу, тем более что ты предпочел отпраздновать ее на мызе, а не в доме невесты. Наше присутствие стеснило бы тебя, а нам не доставило бы никакого удовольствия, – твои братья были в этом убеждены. Теперь, когда все уже кончено, мы не станем сетовать, тем более что ты избрал ее как помощницу на поприще, ради которого ты отказался стать проповедником слова божия. И все-таки мне хотелось бы повидать ее раньше, Энджел, или хотя бы узнать о ней больше. Мы ей пока не послали никакого подарка, так как не знаем, что может ей

понравиться, но считай, что это только отсрочка. Энджел, мы с отцом нисколько не сердимся на тебя из-за этой женитьбы, но мы решили отложить свое суждение о ней, пока не познакомимся с твоей женой. А ты не привез ее с собой! Это странно. Что случилось?

Он ответил, что, по их мнению, ей следовало съездить к своим родителям, пока он навещает своих.

– Признаюсь тебе, дорогая мама, – сказал он, – я не собирался, ее привозить сюда, пока у меня не было уверенности, что она заслужит ваше расположение. Но теперь возник этот новый план поездки в Бразилию. Если я туда поеду, вряд ли удобно будет брать ее в это первое путешествие. Она будет жить у своей матери, пока я не вернусь.

– И я не увижу ее до твоего отъезда?

Вряд ли это могло удалиться. Сначала, как он уже сказал, он хотел на время отложить это свидание, считаясь с их предрассудками... с их чувствами, Впрочем, для этого были и другие причины. Если он немедленно отправится в Бразилию, то домой вернется приблизительно через год, и, быть может, они повидают его жену раньше, чем он снова уедет, – на этот раз с нею.

Подали ужин, приготовленный на скорую руку, и Клэр стал развивать свои планы. Мать все еще была огорчена тем, что не познакомилась с его молодой женой. Восторженность, с какой Клэр еще так недавно говорил о Тэсс, пробудила в ней материнское сочувствие, и она почти готова была поверить, что и на мызе Тэлботейс можно найти очаровательную женщину. Она посматривала на сына в то время, как тот ужинал.

– Если бы ты описал ее мне. Я уверена, Энджел, что она очень хорошенькая!

– О, несомненно! – с жаром воскликнул он, скрывая боль.

– И, конечно, не приходится спрашивать о том, чиста ли она и добродетельна?

– Да, разумеется, она чиста и добродетельна.

– Я как будто вижу ее. В прошлый раз ты говорил, что она прекрасно сложена, что у нее красивые алые губы, ресницы и брови темные, коса толстая, как корабельный канат, а глаза большие, сине-черно-фиолетовые.

– Да, мама.

– Я ее вижу, как живую. И в такой глуши она вряд ли встречалась когда-нибудь с молодыми людьми другого круга, пока не встретила тебя.

– Да, вряд ли.

– Ты ее первая любовь?

– Конечно.

– Ну что ж, бывают жены похуже этих простодушных, румяных и здоровых девушек с фермы. Конечно, я предпочла бы... но если моему сыну предстоит быть земледельцем, то, пожалуй, это и лучше, что жена его привыкла к жизни на ферме.

Отец был менее любопытен, но когда настало время перед вечерней молитвой прочесть, как обычно, главу из Библии, он сказал жене:

– Мне кажется, более уместно будет по случаю приезда Энджела прочесть тридцать первую главу из притчей, вместо той, какую полагается читать по порядку.

– Да, конечно, – отозвалась миссис Клэр. – Слова царя Лемуила. (Главу и стих из Библии она могла процитировать не хуже, чем ее муж.) Дорогой мой сын, твой отец решил прочесть нам главу из притчей, в которой восхваляется добродетельная жена. И нам не нужно напоминать о том, что эти слова относятся к отсутствующей. Да хранит ее господь на всех путях ее!

У Клэра словно комок застрял в горле. Переносный аналой был выдвинут из угла и водружен перед камином; вошли две старые служанки, и отец Энджела начал читать с десятого стиха указанной главы:

– «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем, препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети – и ублажают ее; встает муж – и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

По окончании вечерней молитвы мать сказала:

– Я невольно думала о том, как удивительно подходят некоторые стихи этой главы, прочитанной твоим дорогим отцом, к женщине, которую ты избрал. Да, добродетельная женщина – это женщина работающая; не лентяйка, не светская красавица, но та, что руки свои, мысли и сердце отдает для блага ближних. «Встают дети – и ублажают ее, встает муж – и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Да, хотелось бы мне повидать ее, Энджел. Раз она чиста и целомудренна, значит, и хорошо воспитана.

Клэр не мог дольше выносить это. Глаза его были полны слез, жгучих, словно капли расплавленного свинца. Наскоро пожелал он спокойной ночи этим искренним и простодушным людям, которых так горячо любил; они не знали плотских мук, и дьявол не смущал их сердца, – для них все это было чем-то туманным и далеким. Он ушел в свою комнату.

Мать последовала за ним и постучала в дверь. Клэр открыл ее и увидел, что мать смотрит на него с беспокойством.

– Энджел, – начала она, – что-то случилось, и поэтому ты так скоро уезжаешь? Я вижу, что ты сам не свой.

– Отчасти ты права, мама, – ответил он.

– Из-за нее? Да, сын мой, я знаю, что это из-за нее!. Вы уже поссорились?

– В сущности, мы не поссорились, – сказал он, – но у нас произошла размолвка.

– Энджел, в ее прошлом нет никакого пятна?

Материнский инстинкт подсказал миссис Клэр, какая причина могла скрываться за смятением ее сына.

– Она чиста как снег! – ответил он.

И знал, что повторит эту ложь, даже если будет осужден за нее на вечную муку.

– Ну, тогда все остальное не имеет значения. В конце концов мало встретишь нарвете людей чище, чем неиспорченная деревенская девушка. Некоторая грубость манер, которая сначала может оскорблять твой вкус, более утонченный, со временем должна сгладиться в твоём обществе и под твоим влиянием.

Эта ужасная ирония, продиктованная слепым великодушием, навела Клэра на мысль, до сих пор не приходившую ему в голову: этой женитьбой он окончательно погубил свою карьеру. Правда, лично для себя он мало заботился о карьере, но ради родителей и братьев хотел иметь право на уважение. И теперь, когда он смотрел на свечу, пламя ее как будто говорило, что оно должно светить разумным людям и ему противно освещать лицо глупца и неудачника.

Когда волнение его улеглось, он вдруг почувствовал яростное раздражение против своей бедной жены за то, что из-за нее он вынужден лгать родителям. Рассерженный, он готов был осыпать ее упреками, словно она находилась здесь, в комнате. А затем в темноте прозвучал ее воркующий голос, жалобный и укоризненный, губы ее нежно коснулись его лба, и он почувствовал ее теплое дыхание.

В эту же ночь женщина, которую он мысленно старался унижить, думала о том, какой замечательный и добрый человек ее муж. Но над обоими нависла тень, гораздо чернее той, какую видел Энджел Клэр, – его собственная ограниченность. Вопреки всем его попыткам быть независимым в своих суждениях этот передовой человек, полный добрых намерений человек последней четверти века, оставался рабом условностей и обычаев, уважение к которым прививалось ему в детстве. Ни один пророк не сказал ему – а сам он не был пророком, – что молодая его жена достойна похвал царя Лемуила не меньше, чем всякая другая женщина, питающая такое же отвращение к греху, – ибо не достижение, но стремление служит мерилom истинной нравственности. Кроме того, человек, которого мы разглядываем вблизи, проигрывает, так как нет теней, скрывающих его недостатки, а далекие туманные фигуры вызывают только уважение и самые недостатки их на расстоянии превращаются в достоинства. Думая о том, что Тэсс оказалась не той, какой он ее себе представлял, он проглядел ее такой, какой она была, и не вспомнил, что не всегда совершенство ценнее всего.

За завтраком разговор шел о Бразилии, и все пытались одобрить задуманный Клэром эксперимент, несмотря на обескураживающие рассказы о том, как некоторые батраки, эмигрировавшие в Бразилию, через год возвращались на родину. После завтрака Клэр пошел в город покончить с теми мелкими делами, какие у него здесь были, и взять из местного банка все свои деньги. На обратном пути он встретил около церкви мисс Мерси Чант, – она казалась эманацией церковных стен. Она несла несколько Библий для занятий со своим классом. Миросозерцание ее было таково, что события, причинявшие другим людям сердечные страдания, заставляли ее блаженно улыбаться – завидный результат, хотя, по мнению Энджела, он был достигнут путем противоестественным – человечность приносилась в жертву мистицизму.

Она узнала о том, что он собирается покинуть Англию, и нашла этот план превосходным и многообещающим.

– Да, с точки зрения коммерческой этот план, конечно, недурен, – ответил Клэр. – Но, дорогая Мерси, это резкий разрыв с прошлым. Пожалуй, следовало бы предпочесть монастырь.

– Монастырь! О Энджел Клэр!

– А что такое?

– Ах вы грешник! Чтобы идти в монастырь, нужно быть монахом, а монахи – католики.

– ...католиком же быть грешно, а грех приводит к гибели! Ты на опасной стезе, Энджел Клэр.

– Я горжусь тем, что я протестантка, – строго сказала она.

Тогда Клэр, отчаяние которого переросло в дьявольскую жестокость, заставляющую человека поступать вопреки его принципам, подозвал ее ближе и начал злобно нашептывать ей самые еретические мысли, какие только приходили ему в голову. Он было расхохотался, когда ее простодушное лицо исказилось от ужаса, но смех замер, так как ужас уступил место огорчению и беспокойству за него.

– Дорогая Мерси, – сказал он, – вы должны меня простить. Кажется, я схожу с ума.

Она мысленно согласилась с ним. Так закончилось это свидание, и Клэр вернулся домой. Драгоценности он оставил на хранение у местного банкира в ожидании более счастливых дней. Внес он также в банк тридцать фунтов для того, чтобы их в ближайшие месяцы переслали Тэсс по ее требованию, и отправил ей письмо в Блекмурскую долину, сообщая о своих распоряжениях. Он надеялся, что этой суммы, а также тех пятидесяти фунтов, которые он ей уже вручил, хватит на первое время; в случае непредвиденных расходов она должна была обратиться к его отцу.

Своим родителям он не дал ее адреса, не считая нужным, чтобы они входили с ней в какие бы то ни было отношения; а мистер и миссис Клэр, не знавшие истинного положения дел, адреса не просили. В тот же день он уехал из отчего дома, желая возможно скорее покончить со всеми делами.

Перед тем, как надолго покинуть эти края, он должен был заглянуть на уэллбриджскую ферму, где провел с Тэсс первые три дня после свадьбы. Ему предстояло уплатить ничтожную сумму за помещение, вернуть ключи от комнат, которые они занимали, и взять кое-какие вещи, оставшиеся на ферме. Под кровлей этого дома он получил жесточайший удар, омрачивший его жизнь, как ничто другое. Однако, когда он открыл дверь гостиной и заглянул в комнату, ему прежде всего вспомнился счастливый их приезд в такой же послеполуденный час, первое радостное предощущение жизни под одним кровом, первый обед, болтовня у камина и сплетенные руки.

Фермер и его жена находились в поле, и Клэр был один в доме. Под наплывом неожиданных чувств он поднялся наверх, в ее комнату, которую он ни разу не разделил с ней. Постель была аккуратно постлана – постлана руками Тэсс в день отъезда. Под пологом висела ветка омелы – он сам ее повесил. За эти три-четыре недели она пожелтела, листья и ягоды сморщились. Энджел снял ее и бросил в камин. И, стоя здесь, он в первый раз усомнился в том, было ли поведение его разумным и великодушным. Но разве его не обманули жестоко? Раздираемый противоречивыми чувствами, он опустил на колени перед кроватью, и на глаза его навернулись слезы.

– О Тэсс! Если бы ты сказала мне раньше, я бы простил тебя! – простонал он.

Услышав шаги, он встал и вышел на площадку лестницы. Внизу стояла женщина, а когда она подняла голову, он узнал бледную, темноглазую Изз Хьюэт...

– Мистер Клэр, – сказала она, – я пришла навестить вас и миссис Клэр и узнать, здоровы ли

вы. Я думала, что, может быть, вы вернетесь.

Тайну этой девушки он угадал, но она еще не угадала его тайну; это была честная девушка, любившая его, – из нее могла бы выйти такая же или почти такая же хорошая жена фермера, как Тэсс.

– Я здесь один, – ответил он, – мы здесь теперь не живем. – И, объяснив, зачем он сюда приехал, спросил: – Какой дорогой вы пойдете домой, Изз?

– Я больше не живу на мызе Тэлботейс, сэр, – сказала она.

– Почему?

Изз опустила глаза.

– Там было так скучно, что я ушла. Теперь я живу вон там.

Она указала в противоположную сторону, куда направлялся и Клэр.

– И сейчас вы туда идете? Если хотите, я могу вас подвезти.

Смуглое лицо вспыхнуло.

– Спасибо, мистер Клэр, – сказала она.

Он отыскал фермера и расплатился за комнаты, добавив еще некоторую сумму, так как нанятое помещение он покинул внезапно. Затем он вернулся к своей лошади и двуколке, и Изз уселась рядом с ним в экипаж.

– Я думаю уехать из Англии, Изз, – сказал он, когда они тронулись в путь. – Еду в Бразилию.

– А миссис Клэр не боится ехать так далеко? – спросила она.

– Сейчас она со мной не едет... быть может, через год. Я отправляюсь на разведку – посмотрю, как там живет.

Они ехали по дороге, уходящей на восток. Изз не прерывала молчания.

– Как поживают все остальные? – осведомился он наконец. – Что Рэтти?

– Когда я видела ее в последний раз, она была словно больна и до того исхудала, что страшно смотреть. Больше уж не будут в нее влюбляться, – рассеянно ответила Изз.

– А Мэриэн?

Изз понизила голос:

– Мэриэн пьет.

– Неужели?

– Да. Фермер ее рассчитал.

– А вы?

– Я не пью и не болею. Но теперь уж я не распеваю песен перед завтраком.

– Почему? А помните, как вы распевали «Это было в саду купидона» и «Брюки портного» по утрам, когда доили коров?

– Я помню. Это было, когда вы только что приехали, сэр. А потом вы у нас пожили, и я перестала петь.

– Почему же вы так приуныли?

Она подняла на него черные глаза, и в них блеснул ответ.

– Изз... Какая слабость! Из-за такого, как я... – мягко сказал он и задумался. – Ну, а если бы я попросил вас быть моей женой?

– Я бы вам ответила «да», и вы женились бы на женщине, которая вас любит!

– Неужели?

– Это сушая правда, – страстно прошептала она. – О господи! Неужели вы догадались только теперь?

Через некоторое время они поравнялись с проселком, ведущим в деревню.

– Я здесь сойду. Я живу там, – отрывисто сказала Изз, не проронившая ни слова после своего признания.

Клэр пустил лошадь шагом. Он негодовал на свою судьбу, горько возмущался социальными нормами, ибо они загнали его в тупик, откуда не было выхода, разрешенного законом. Почему бы не отомстить обществу и не распорядиться своей личной жизнью по-своему, вместо того, чтобы, оставаясь в западне, смиренно целовать педагогическую розгу условностей?

– Я еду в Бразилию один, Изз, – сказал он. – Я расстался с женой по причинам, никакого от-

ношения не имеющим к путешествию. Быть может, я никогда не буду жить с ней вместе. Не знаю, сумею ли я полюбить вас, но... согласитесь вы поехать со мной вместо нее?

– Вы действительно хотите, чтобы я поехала?

– Да. Я тяжело пострадал и вправе искать облегчения. А вы любите меня во всяком случае бескорыстно.

– Хорошо, я поеду, – помолчав, сказала Изз.

– Поедете? Вы понимаете, что это значит, Изз?

– Это значит, что я буду с вами, пока вы оттуда не уедете, этого с меня достаточно.

– Теперь вы не можете положиться на мои нравственные устои. Но я должен вам напомнить, что в глазах цивилизованного мира – я хочу сказать, западного мира – это является грехом.

– Мне все равно – как и всякой женщине, когда она переживает такую пытку. Другого пути нет.

– Ну, так не выходите из экипажа, оставайтесь там, где вы сидите.

Перекресток остался позади; они проехали еще одну-две мили, а Клэр не сказал ей ни одного ласкового слова.

– Вы меня очень любите, Изз? – спросил он вдруг.

– Очень! Да ведь я уже это сказала. Я вас любила все время, пока мы вместе жили на мызе.

– Больше, чем Тэсс?

Изз покачала головой.

– Нет, – прошептала она, – не больше.

– Как же так?

– Никто не может любить вас больше, чем любила Тэсс... Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать.

Подобно пророку на горе Фавор, Изз Хьюэт в эту минуту охотно скрыла бы истину, но то очарование, какое имел для нее, более грубой по природе, духовный облик Тэсс, принудило ее быть честной.

Клэр молчал; сердце его забилося, когда он услышал этот неожиданный искренний ответ безупречно честного существа. В его горле словно застыл комок. А в ушах звучало: «Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать!»

– Забудьте нашу пустую болтовню, Изз, – сказал он, неожиданно поворачивая лошадь. – Не понимаю, что я вам наговорил. Я отвезу вас назад к проселку.

– Вот награда за честность! О, я этого не вынесу... не вынесу... не вынесу!

Изз Хьюэт истерически зарыдала и стала бить себя по лбу, когда поняла, что она сделала.

– Вы жалеете, что были справедливы к отсутствующей? О Изз, не портите доброго поступка такими сожалениями!

Постепенно она успокоилась.

– Хорошо, сэр. Быть может, и я не понимала, что говорю, когда... когда согласилась ехать. Я хочу... того, что невозможно!

– Невозможно, потому что у меня уже есть любящая жена?

– Да, да. У вас она есть.

Они остановились у проселка, мимо которого проехали полчаса назад, и она выпрыгнула из экипажа.

– Изз... прошу вас, забудьте о моем легкомысленном предложении! – воскликнул он. – Это было необдуманно... дурно.

– Забыть о нем? Никогда! Для меня в этом не было ничего легкомысленного!

Он почувствовал, что заслуживает упрек, прозвучавший в горьком возгласе, и, охваченный бесконечной тоской, вышел из экипажа и взял ее за руку:

– Изз, мы все-таки расстанемся друзьями? Вы не знаете, что пришлось мне вынести!

Она была великодушной девушкой и не позволила горечи обиды омрачить их разлуку.

– Я вас прощаю, сэр, – сказала Изз.

– Слушайте, Изз, – заговорил он, принуждая себя играть роль ментора, каковым отнюдь себя не чувствовал, – я хочу, чтобы вы сказали Мэриэн, когда увидите ее, что она должна быть хоро-

шей женщиной и бороться с дурными наклонностями. Обещайте мне это. И скажите Рэтти, что есть на свете люди, более достойные, чем я, и ради меня она должна поступать разумно и честно – запомните эти слова, – разумно и честно ради меня. Я передаю им свое пожелание, словно умирающий – умирающий, потому что я никогда их больше не увижу. А вы, Изз, вы своими честными словами о моей жене спасли меня от безумия и предательства. Быть может, женщины и плохи, но в таких делах они лучше мужчин. И хотя бы из-за одного этого я никогда вас не забуду. Будьте всегда доброй и честной девушкой, какой были вы до сих пор, и думайте обо мне как о недостойном возлюбленном, но верном друге. Обещайте!

Она обещала.

– Да благословит вас бог, сэр. Прощайте!

Клэр уехал; но когда он скрылся из виду, Изз свернула на проселочную дорогу и в припадке отчаяния бросилась на траву. Поздно вернулась она в тот вечер в домик к матери, и лицо у нее было измученное и странное. Никто так и не узнал, как провела она эти черные часы – с тех пор, как рассталась с Энджелом Клэром, и до того, как вернулась домой.

Но и Клэра после разлуки с Изз терзали тревожные мысли, и губы его дрожали. Однако не Изз была причиной его скорби. В тот вечер он был на волосок от того, чтобы свернуть с дороги, ведущей к ближайшей станции, и через водораздел Южного Уэссекса направиться к дому своей Тэсс. Удержало его не презрение к ней и не сомнение в ее любви.

Нет. Он чувствовал, что, несмотря на ее любовь, подтвержденную словами Изз, факты не изменились. Если был он прав вначале, то прав и сейчас. И важность принятого им решения заставила его остаться на ранее намеченном пути, пока не направит его в другую сторону сила более властная, чем та, с какой столкнулся он в этот день. Быть может, он скоро вернется к Тэсс. В ту ночь он уехал в Лондон, а через пять дней уже прощался с братьями в порту, откуда отправлялся в Бразилию.

41

От событий этой зимы перейдем теперь к октябрьскому дню через восемь месяцев после того, как Клэр и Тэсс расстались. Условия жизни Тэсс резко изменились: вместо молодой жены, с сундуками и чемоданами, которые несут для нее другие, мы видим одинокую женщину с корзиной и узлом, – она несет их сама, как и в былые дни, до замужества; вместо приличной суммы, которую оставил ей муж на этот период искуса, она имеет в своем распоряжении только тощий кошелек.

Покинув родную деревушку, она прожила всю весну и лето, не напрягая чрезмерно своих физических сил; исполняла она случайную и легкую работу на мызе неподалеку от Порт-Брэди, к западу от Блекмурской долины; мыза эта находилась на значительном расстоянии и от места ее рождения и от Тэлботейс. Тэсс предпочитала работать, чем жить на содержании Клэра. Душевное ее состояние граничило с оцепенением, а физический труд не только не рассеивал его, но скорее ему способствовал. Мысли ее витали на той, другой мызе, она вспоминала прошлое лето, – встречу со своим возлюбленным, который исчез, словно призрак, когда она, казалось, всецело им завладела.

Коровы стали давать меньше молока, и она осталась без работы, потому что ей не удалось устроиться на постоянное место, как это было на мызе Тэлботейс. Но настала пора жатвы, и она без труда нашла работу, перейдя с пастбища на поля. Так продолжалось, пока не убрали хлеба.

Из пятидесяти фунтов, врученных ей Клэром, двадцать пять она отдала своим родителям в вознаграждение за причиненные им хлопоты и убытки, а из оставшихся двадцати пяти фунтов истратила очень мало. Но теперь, к несчастью, начались дожди, и она вынуждена была расходовать свои соверены.

Ей тяжело было с ними расставаться. Энджел получил их для нее из банка и сам передал ей новенькие, блестящие монеты; с ними было связано воспоминание о нем, – казалось, у них нет своей истории, они хранят только память об испытаниях, пережитых обоими, и, отдавая их, она словно расставалась с драгоценными сувенирами. Но выхода у нее не было, и один за другим они

исчезали из ее кошелька.

Время от времени ей приходилось посылать матери свой адрес, но условия своей жизни она скрывала. Когда от двадцати пяти фунтов не осталось почти ничего, она получила письмо от матери. Джоан сообщала, что они находятся в бедственном положении: после осенних дождей начала протекать кровля, нужно перекрыть дом заново, а сделать этого нельзя, потому что за старую кровлю еще не уплачено; необходимо также переменить балки и починить потолок в верхней комнате. А все это, включая и крышу, обойдется в двадцать фунтов. Так как муж ее – человек со средствами и теперь, конечно, уже вернулся, то не может ли она выслать им денег?

Тэсс как раз получила тридцать фунтов от банкиров Энджела и немедленно послала двадцать домой, чтобы облегчить плачевное положение родителей. Остальные деньги пришлось чуть ли не все истратить на зимнюю одежду, и на руках у нее осталась незначительная сумма, на которую нельзя было прожить зиму. Израсходовав последний фунт, она принуждена была вспомнить слова Энджела, который предлагал ей обратиться в случае необходимости к его отцу.

Но чем больше думала об этом Тэсс, тем меньше хотелось ей последовать совету Клэра. Та же деликатность, гордость или ложный стыд – не все ли равно, как назвать это чувство, заставлявшее ее ради Клэра скрывать от родителей, что она по-прежнему живет в разлуке с ним, – мешали ей признаться его родным в недостатке средств: ведь Клэр оставил ей солидную сумму. Быть может, они и теперь ее презирают – и будут презирать еще больше, если она предстанет перед ними в роли попрошайки. В результате этих размышлений никакая сила в мире уже не смогла бы заставить невестку священника сообщить ему о своем положении.

Быть может, со временем ей легче будет завязать сношения с родителями мужа, размышляла Тэсс. Что же касается ее родителей, то тут дело обстояло иначе. Когда она уехала, прожив у них несколько дней после свадьбы, они решили, что Тэсс в конце концов помирится с мужем; с тех пор она ни разу не поколебала их уверенности в том, что благоденствует и ждет его возвращения из Бразилии. Вопреки всему она надеялась, что его поездка не затянется и он вернется к ней или напишет, чтобы она сама приехала к нему; и в том и в другом случае они рука об руку предстанут перед своими родными и перед всем миром. Эту надежду она упорно лелеяла. Признаться родителям после блестящего брака, который должен был загладить первую неудачу, что она – покинутая жена, и теперь, оказав им помощь, вынуждена сама зарабатывать себе кусок хлеба, – было сверх ее сил.

Она вспомнила о бриллиантах. Куда отдал их на хранение Клэр, она не знала, да это и не имело значения, если она действительно могла только носить их, но не продавать. Даже если бы они находились в полном ее распоряжении, подлостью было бы их продать, на том основании, что они принадлежат ей по закону, тогда как, в сущности, она не имеет на них права.

Между тем жизнь ее мужа была далеко не легкой. В это время он лежал больной, в лихорадке, близ Куритибы в Бразилии, так как не раз промокал до костей во время гроз и испытывал тяжкие лишения, как и все английские фермеры и батраки, которые в ту пору соблазнились обещаниями бразильского правительства, напрасно надеясь, что, привыкнув обрабатывать английские поля во всякую погоду, они так же легко привыкнут ко всему, чем их может удивить климат Бразилии.

Вернемся к Тэсс. Ее последний содерен был истрачен, новых взять было неоткуда, а в эту пору года, как она убедилась, найти место оказалось чрезвычайно трудно. Не подозревая, что люди толковые, энергичные, здоровые и трудоспособные нужны везде, она не решалась искать работу в городе, боясь городов, больших домов, людей богатых и криводушных и городской жизни, не похожей на сельскую. Черную беду принесло ей высшее сословие. Быть может, оно было лучше, чем предполагала она, основываясь на маленьком своем опыте. Но она этого не знала и инстинктивно старалась держаться от него подальше.

Маленькие фермы к западу от Порт-Брэди, где она временно работала доильщицей весной и летом, не нуждались в постоянной работнице. В Тэлботейс, пожалуй, приютили бы ее, хотя бы только из сострадания: но, как ни хорошо жилось ей там, вернуться туда она не могла: слишком многое было связано с этим местом, а кроме того, ее возвращение могло бы бросить тень на мужа, которого она боготворила. Ей не под силу было бы выносить жалость, слышать, как обсуждается шепотом странное положение, в котором она очутилась. Пусть каждый в отдельности знает ее ис-

торию – с этим еще, пожалуй, можно примириться, но толки и пересуды причинили бы ей мучительную боль. Тэсс не могла бы объяснить, в чем тут разница, но так она чувствовала.

Теперь она направлялась на ферму среди холмов плато в центре графства, куда звала ее Мэриэн, написавшая письмо, которое долго странствовало, пока не попало в ее руки. Каким-то образом, быть может от Изз Хьюэт, Мэриэн узнала, что Тэсс не живет с мужем. Эта добродушная девушка, начавшая теперь пить, испугалась, не попала ли Тэсс в беду, и поспешила сообщить своей старой подруге, что она сама, уйдя с мызы, отправилась в эту местность и рада была бы видеть здесь Тэсс, так как в этих краях есть работа, а Тэсс, кажется, должна по-прежнему работать.

Дни становились короче, и надежда получить прощение мужа постепенно угасала. Как руководствующийся инстинктом дикий зверь, Тэсс бездумно брела вперед, отрываясь мало-помалу от событий прошлой своей жизни, забывая свое лицо, не думая о тех случайностях, которые могли бы открыть ее местопребывание людям, заинтересованным в ее судьбе.

Среди многих осложнений, вызванных ее одиночеством, не последнее место занимало то внимание, какое пробуждали внешность и манеры Тэсс, облагороженные ее общением с Клэром. Пока не износились платья, сшитые к свадьбе, эти случайные любопытные взгляды не причиняли ей неприятностей, но как только она надела простое рабочее платье, к ней начали обращаться с грубыми предложениями. И однажды, в ноябрьский вечер, она испугалась не на шутку.

Ей больше нравились долины, лежавшие к западу от реки Брит, чем та ферма на плато, куда она сейчас направлялась; к тому же долины эти были ближе к дому родителей ее мужа, а Тэсс нравилось жить в этих краях неузнанной, со смутной надеждой, что когда-нибудь она, быть может, осмелится зайти в дом священника. Но, приняв решение переселиться на сухое плато, она отправилась на восток и весь день шла пешком, рассчитывая переночевать в деревне Чок-Ньютон.

Проселочная дорога была длинная и однообразная, а так как дни укоротились, то сумерки застигли ее врасплох. Она поднялась на вершину холма, откуда дорога спускалась вниз зигзагами, как вдруг сзади послышались шаги, и через несколько минут ее догнал какой-то человек. Поравнявшись с ней, он сказал:

– Добрый вечер, красотка!

Она вежливо ему ответила.

Стемнело, но последние лучи дневного света еще освещали лицо Тэсс. Прохожий повернулся и пристально посмотрел на нее.

– А, да ведь это та самая девчонка, что жила в Трэнтридж! Подружка молодого эсквайра д'Эрбервилля! И я там жил, пока не переехал.

Она узнала в нем того самого парня, которого Энджел ударил за то, что он грубо о ней отозвался. Это воспоминание причинило ей мучительную боль, и она ни слова ему не ответила.

– А ну-ка, признайся честно, что я сказал тогда правду, хотя твой дружок и встал на дыбы! А, плутовка? Тебе следовало бы попросить у меня прощения за ту пощечину.

Тэсс по-прежнему молчала. Измученной женщине показалось, что ей остается только один выход: она внезапно пустилась бежать и, не оглядываясь, мчалась как стрела по дороге, пока не увидела перед собой ворота, за которыми начинался лесок. Она вбежала в ворота и не останавливалась, пока не забралась в чашу, где вряд ли можно было ее отыскать.

Под ногами шуршали сухие листья, а кусты остролиста, росшего меж стволов и обнаженных деревьев, сохранили листву и защищали от ветра. Тэсс сгребла опавшие листья в кучу, устроила посредине что-то вроде гнездышка и забралась туда.

Конечно, спала она плохо и поминутно просыпалась. Слышались ей какие-то странные звуки, но она убеждала себя, что это ветер. Она думала о муже, который находился в жаркой стране, где-то в другом полушарии, в то время как она дрожала здесь от холода. «Есть ли на свете кто-нибудь несчастнее меня? – спрашивала себя Тэсс и, думая о загубленной своей жизни, говорила: – Все суета». – Машинально повторяла она эти слова, пока не пришло ей в голову, что к современной жизни они совсем не подходят. Так думал Соломон свыше двух тысяч лет назад, а Тэсс, хотя и не принадлежала к категории мыслителей, ушла значительно дальше. Если все суета, то кому вздумалось бы обращать на это внимание! Увы, все было хуже, чем суета, – несправедливость, кара, расплата, смерть! Жена Энджела Клэра провела рукой по лбу, ощупала лобную кость и

надбровные дуги, выступавшие под тонкой кожей, и подумала, что настанет день, когда эта кость будет обнажена. «Хотела бы я, чтобы этот день уже настал», – сказала она.

Отдаваясь этим странным мыслям, она вдруг услышала среди листвы какие-то новые звуки. Быть может, ветер? Нет, не похоже было на ветер. Словно что-то билось и трепетало, потом слышалось хрипенье и бульканье. Вскоре она убедилась, что шум этот вызван какими-то обитателями леса: сначала раздавался шорох в ветвях над головой, затем что-то тяжелое падало на землю. Очутьись она здесь при других и более счастливых обстоятельствах, она бы испугалась, но сейчас только люди внушали ей страх.

Наконец рассвело. Раньше день разгорелся на небе, потом светло стало и под деревьями.

Как только проникли в чащу успокоительные и прозаические лучи света, возвещающие начало рабочего дня, Тэсс вылезла из-под кучи листьев и смело осмотрелась по сторонам. Тут она поняла, что испугало ее ночью. Лесок, где она нашла убежище, в этом месте клином вдавался во вспаханное поле. Под деревьями лежало несколько фазанов, яркое их оперение было запятнано кровью; одни были мертвы, другие слабо шевелили крыльями, иные смотрели в небо, слегка вздрагивали или судорожно подергивались, – все были в агонии, кроме тех счастливых, чья попытка окончилась ночью, ибо они уже не могли больше выдержать страшной муки.

Тэсс сразу поняла, в чем дело. Накануне охотники-спортсмены загнали птицу в эту часть леса; тех, которые были убиты или умерли до наступления темноты, отыскивали и унесли, а тяжело раненные фазаны спрятались в кустах или взлетели на толстые сучья, где пытались удержаться, пока не ослабели ночью от потери крови; потом они один за другим попадали на землю, – вот что означал шум, который она слышала.

В детстве ей случалось мельком видеть этих людей: целясь из ружья, они выглядывали из-за изгородей или кустов, и в их глазах горел кровожадный огонек. Ей объяснили, что, хотя они и кажутся жестокими и грубыми, такими они бывают отнюдь не круглый год; в сущности, это очень мягкие люди, но в течение нескольких недель зимой и осенью, подобно туземцам Малайского полуострова, они впадают в неистовство и ставят себе целью уничтожить жизнь – в данном случае жизнь этих безобидных пернатых, которых разводят исключительно для того, чтобы удовлетворять подобную склонность к убийству; какое это жестокое, какое нерыцарское отношение к своим слабейшим товарищам в единой семье природы!

Ощущая чужое страдание не менее остро, чем свое, Тэсс тут же решила прекратить мучения умирающих птиц и, свернув шеи всем фазанам, которых ей удалось отыскать, оставила их там, где нашла, – сюда, несомненно, придут лесные сторожа, когда начнутся вторичные поиски недобитых птиц.

– Бедняжки! А я-то считала себя самым несчастным существом в мире, когда они так мучились! – воскликнула она, и слезы струились по ее щекам, когда, охваченная жалостью, она убивала птиц. – А ведь у меня ничего не болит! Я не изувечена, не истекаю кровью, и у меня остались здоровые руки, чтобы зарабатывать на хлеб и одежду. – Она стыдилась отчаяния, охватившего ее этой ночью: ведь оно было вызвано всего-навсего чувством обреченности перед лицом деспотических законов общества, не имеющих ничего общего с законами природы.

42

День окончательно вступил в свои права, и Тэсс осторожно выбралась на большую дорогу. Но ей нечего было опасаться – вблизи никого не было видно, – и она решительно тронулась в путь. Воспоминание о птицах, молча выносивших смертельные муки, произвело на нее сильное впечатление; она думала о том, что все несчастья в мире относительно и со своим горем она могла бы справиться, если бы у нее хватило сил презирать мнение других людей. Но это было невозможно, раз его разделял Клэр.

Придя в Чок-Ньютон, она позавтракала в харчевне, где несколько молодых парней забрасывали ее любезностями. Почему-то в ней вспыхнула надежда: быть может, и муж когда-нибудь будет говорить ей то же самое! Но в таком случае она обязана не допускать, чтобы за ней ухаживали. Поэтому Тэсс решила изменить свою внешность, чтобы не подвергать себя риску. Выйдя из де-

ревни, она спряталась в кустах и достала из корзинки одно из самых старых своих рабочих платьев, которое не надевала даже в Тэлботейс, не надевала ни разу с тех пор, как вязала снопы на поле около Марлота. Затем ее осенила счастливая мысль: она вытащила из узелка носовой платок и обвязала лицо, прикрыв подбородок, виски и щеки, словно у нее болели зубы. Вынув карманное зеркальце и вооружившись маленькими ножницами, она безжалостно обстригла брови, избавив себя таким образом на будущее время от назойливого внимания, и пошла дальше.

– Вот так чучело! – сказал первый повстречавшийся ей человек своему товарищу.

Услышав эти слова, Тэсс чуть не расплакалась от жалости к себе.

«Только мне все равно! – подумала она. – Да, все равно! Теперь я всегда буду безобразной, потому что Энджела со мной нет и меня некому защитить. У меня был муж, но он уехал и больше никогда меня не полюбит. А я все-таки его люблю и ненавижу всех других мужчин и не хочу, чтобы они меня замечали».

И Тэсс бредет дальше. Она – словно неотъемлемая часть пейзажа, обыкновенная батрачка в зимней одежде – серый короткий плащ из саржи, красный шерстяной шарф, толстые кожаные перчатки, шерстяное платье, поверх которого надета грубая коричневая роба. Каждая ниточка этой старой одежды вытянулась и износилась под хлещущими дождями, палящим солнцем, буйными ветрами. Стерлись с лица следы юной страсти.

Девушки холоден рот

.....

Кудри скрывает ее

Простая повязка.

Под этой внешней оболочкой – на ней, как не заслуживающей внимания, почти мертвой, лишь на секунду мог остановиться взгляд – скрывалась натура, полная жизни, но для своих лет слишком глубоко познавшая тщету бытия, жестокость страсти и хрупкость любви.

На следующий день погода испортилась, но Тэсс продолжала путь: прямая и очевидная враждебность стихий мало ее смущала, ведь в ней была честность, прямота и беспристрастие. Она поставила себе целью найти работу и пристанище на зиму, а время было дорого. Теперь она знала, что значит временная работа, и твердо решила искать постоянного места.

Так шла она от фермы к ферме по направлению к тому месту, откуда ей написала Мэриэн и куда она думала обратиться лишь в крайнем случае, так как, по слухам, жилось там несладко. Сначала она искала работу полегче, а потеряв надежду найти ее, стала менее разборчивой. Таким образом, начав с ухода за коровами и домашней птицей – это была любимая ее работа, – она кончила тем, что готова была согласиться на самый тяжелый и неприятный для нее труд – полевые работы, от которых при других условиях отказалась бы наотрез.

К вечеру второго дня она поднялась на неровное меловое плато, усеянное полукруглыми холмами – словно здесь возлежала многогрудая Кибела – и отделявшее долину, где она родилась, от той, где узнала она любовь.

Воздух здесь был сухой и холодный, и едва успевал пройти дождь, как дороги снова становились белыми и пыльными. Деревьев почти не было – живые изгороди безжалостно калечились фермерами-арендаторами, исконными врагами деревьев и кустов. Вдали виднелись вершины Балбэрроу и Нетлком-Таута – такие знакомые и дружеские. Если смотреть на них с этого плато, они казались низкими и неприметными, а со стороны Блекмурской долины поднимались словно грозные бастионы. Далеко к югу, за холмами и кряжами, она могла разглядеть ровную, как отполированная сталь, поверхность – это был пролив Ла-Манш.

Перед ней в неглубокой впадине лежала бедная деревушка. Тэсс дошла наконец до Флинтком-Эша, где жила Мэриэн. Другого выхода у нее не было: ей было суждено прийти сюда. Каменная почва ясно свидетельствовала о том, что ее ждет тут необычайно тяжелая работа, но она не могла затыкать поиски и решила остаться здесь; к тому же начал накрапывать дождь. На окраине деревни стоял домик с далеко выступающим щипцом; и Тэсс, вместо того чтобы поискать приюта на ночь, спряталась под навесом и ждала сумерек.

«Кто бы мог подумать, что я – миссис Энджел Клэр?» – мелькнула у нее мысль.

Стена пригревала ей спину и плечи, и она догадалась, что за этой стеной находится очаг и тепло проникает сквозь кирпичи. Она погрела руки и прижалась к теплым кирпичам щекой, покрасневшей и влажной от дождя. Казалось, стена была единственным ее другом. Ей не хотелось уходить, она могла бы простоять здесь всю ночь.

Тэсс слышала, как, вернувшись после трудового дня, разговаривали обитатели домика, слышала, как гремела посуда, когда они сели ужинать. Но на деревенской улице не видно было ни души. Наконец появилась вдали какая-то женщина в ситцевом платье и летней шляпе, хотя вечер был холодный. Тэсс почему-то решила, что это Мэриэн. И действительно, когда женщина подошла ближе, Тэсс разглядела в сумерках Мэриэн. Она потолстела, стала еще румянее, а одета была гораздо хуже, чем прежде. В былое время Тэсс вряд ли захотела бы возобновить знакомство при таких обстоятельствах, но теперь она была бесконечно одинока и тотчас же ответила на приветствие Мэриэн.

Мэриэн расспрашивала ее вежливо, но как будто была очень расстроена тем, что Тэсс живет не лучше, чем раньше – хотя она и слышала что-то о том, что Тэсс рассталась с мужем.

– Тэсс... миссис Клэр... милая жена милого мистера Клэра! Неужели тебе и вправду так плохо приходится, моя девочка? И почему ты обвязала свое хорошенькое личико? Кто-нибудь избил тебя? Неужели он?

– Конечно, нет! Я это сделала только для того, чтобы никто ко мне не приставал.

Она с отвращением сорвала повязку, которая могла навести на такие нелепые мысли.

– И воротничка у тебя нет.

(На мызе Тэсс обычно носила белый воротничок.)

– Да, Мэриэн.

– Ты потеряла его дорогой?

– Нет, не потеряла. Но, по правде сказать, мне совершенно все равно, какой у меня вид, и потому я его не надела.

– И обручального кольца ты не носишь?

– Ношу, но так, чтобы его не видели. Я продела в него ленту и повесила на шею. Я не хочу, чтобы люди знали, за кем я замужем, да и вообще что я замужем. Это было бы неудобно теперь, когда мне приходится вести такую жизнь.

Мэриэн задумалась.

– Но ведь ты жена джентльмена! И не очень-то это справедливо, что тебе приходится так жить.

– О нет, это справедливо... хотя я очень несчастна.

– Ну-ну! Он на тебе женился, а ты несчастна!

– Жены бывают несчастными, и не мужья в этом виноваты, а они сами.

– Ты ни в чем не виновата, милочка, в этом я уверена. Да и он тоже не виноват. Должно быть, вы оба тут ни при чем.

– Мэриэн, милая, будь добра, не задавай мне вопросов. Мой муж уехал из Англии, а я слишком быстро истратила деньги, которые он мне оставил, и теперь должна работать по-старому. Не называй меня миссис Клэр, зови меня Тэсс, как раньше. Здесь нужна работница?

– О да! Работницы здесь всегда нужны, потому что сюда мало кто идет. Тощее здесь место. Кроме ржи да шведской брюквы, ничего тут не растет. Хотя я сама здесь работаю, но жаль мне, что такая, как ты, пришла сюда.

– Но ведь ты была такой же хорошей доильщицей, как я.

– Да, но я отбилась от работы с тех пор, как стала пить. О, господи, теперь это единственное мое утешение! Если ты сюда наймешься, тебя заставят копать брюкву. Я тоже это делаю, но тебе такая работа придется не по вкусу.

– О, все равно! Не поговоришь ли ты-обо мне?

– Лучше будет, если ты сама поговоришь.

– Хорошо. Послушай, Мэриэн, – ни слова о нем, если я здесь останусь. Я не хочу пачкать его имя.

Мэриэн была в самом деле славной девушкой, хотя и грубее, чем Тэсс; она обещала исполнить ее просьбу.

– Сегодня платят жалованье, – сказала она. – Если бы ты пошла со мной, сразу разузнала бы все. Очень мне тебя жалко! Ну, да ты несчастна только потому, что он уехал. Я знаю – будь он здесь, ты бы не была несчастна даже если бы он не давал тебе денег и заставил взяться за черную работу.

– Да, это верно... Я была бы счастлива.

Дальше они пошли вместе и скоро увидели ферму, такую унылую, что было в ней даже что-то величественное. Ни одного деревца поблизости, даже зеленых лугов не видно было в эту пору года, повсюду только брюква да земля под паром, – разгороженные плетнями огромные поля, которые тянулись до самого горизонта.

Тэсс ждала у двери, пока работники получали жалованье; потом Мэриэн повела ее в дом. Сам фермер был в отлучке, но жена, заменявшая его в тот вечер, наняла Тэсс с условием, что она останется до благовещенья. Женщины редко предлагали свои услуги для полевых работ, а так как женский труд оплачивался дешево, хозяева охотно нанимали работниц, которые справлялись с делом не хуже мужчин.

Тэсс подписала договор, и теперь ей оставалось только подыскать пристанище. Она сняла комнату в том самом доме, у стены которого грелась. На жалкое существование обрела она себя, но во всяком случае могла кое-как прожить зиму.

Вечером она написала родителям, сообщая свой новый адрес, – на случай, если в Марлоте получено будет письмо от ее мужа. Но о бедственном своем положении она ни одним словом не обмолвилась, чтобы никто не вздумал осуждать Клэра.

43

Мэриэн не преувеличивала, называя Флинтком-Эш тощим местом. Единственным жирным существом была здесь сама Мэриэн, но она пришла сюда со стороны. Все деревни можно разбить на три разряда: одни находятся на попечении помещика, другие сами о себе заботятся, и, наконец, о третьих не заботятся ни они сами, ни их помещик. (Иными словами: деревни, находящиеся во владении проживающего там помещика; деревни, арендуемые на правах фригольда или копигольда; и деревни, брошенные на произвол судьбы всегда отсутствующим помещиком.) Флинтком-Эш принадлежал к третьему разряду.

Тэсс энергично принялась за работу. Терпение – качество, вырастающее из духовного мужества и физической слабости, было теперь основой характера миссис Энджел Клэр. Оно-то и поддерживало ее.

Поле, где она работала со своей товаркой, выкапывая брюкву, простиралось больше чем на сотню акров и находилось на возвышенности, поднимавшейся над каменистыми буграми; бугры эти были образованы выходящими на поверхность кремневыми жилами в меловой породе и состояли из множества белых кремней луковичной, роговидной и фаллической формы. Ботва и верхняя часть каждой брюквы были уже объедены скотом, и обе женщины должны были особыми кривыми вилами выкапывать остатки корнеплода, чтобы и они пошли в пищу скоту. Так как от зеленых листьев не осталось и следа, то ровное коричневое поле имело вид унылый и отталкивающий – словно лицо, плоское от подбородка до лба. И небо напоминало поле, только было другого цвета – белое плоское лицо со стертыми чертами. Эти два лица, наверху и внизу, целый день взирали друг на друга; белое смотрело вниз на коричневое, а коричневое смотрело вверх на белое; и не было между ними ничего, кроме двух девушек, ползавших; словно мухи, по темному лицу.

Никто не подходил к ним, и движения их были автоматическими и однообразными. Они работали в грубых робах – коричневых халатах, завязанных сзади, чтобы юбка не развевалась по ветру; ботинки поднимались выше щиколотки, руки были защищены желтыми рукавицами из бараньей кожи. Капоры с оборками придавали им задумчивый вид, и случайному наблюдателю эти склоненные головы напомнили бы двух Марий в изображении какого-нибудь итальянского художника эпохи раннего Возрождения.

Они работали час за часом, не сознавая унылости картины, частью которой они были, и не задумываясь о том, справедлива ли к ним судьба. Даже такая работа не мешала им предаваться мечтам. Потом пошел дождь, и Мэриэн сказала, что им можно бросить работу, но только в этом случае им ничего не заплатят: и они не ушли с поля. Плоскогорье было таким высоким, что под напором воющего ветра дождь хлестал горизонтально, колючий, как осколки стекла, и они промокли до костей – Тэсс впервые поняла, как это бывает на самом деле. Ведь промокнуть можно по-разному, и выражение «промокнуть до костей» часто пускают в ход по пустякам. Но работать на поле и чувствовать, как дождевая вода стекает сначала по ногам и плечам, потом по бедрам и голове, по спине, груди и бокам, и все-таки не бросать работы, пока не потемнеет свинцовое небо, возвещая заход солнца, – такая работа требует стоицизма и непреклонной воли.

Однако они страдали от дождя меньше, чем можно было предположить. Обе были молоды, а разговаривали они о том времени, когда вместе жили и любили на мызе Тэлботейс, в этом благословенном зеленом уголке земли, где лето щедро раздавало свои дары. Тэсс предпочла бы не говорить с Мэриэн о человеке, который по закону считался ее мужем, но эта тема была слишком увлекательна, и, помимо своей воли, Тэсс начала отвечать Мэриэн. Хотя мокрые оборки капоров били по лицу, а робы назойливо липли к телу – весь этот день, как уже говорилось, они жили воспоминаниями о зеленой, солнечной и романтической мызе Тэлботейс.

– В ясный день отсюда можно увидеть холм, который совсем рядом с долиной Фрум, – сказала Мэриэн.

– Да неужели! – воскликнула Тэсс, оценивая новое достоинство этой местности.

Итак, здесь, как везде, боролись две силы: врожденное стремление к счастью и ему препятствующая сила обстоятельств. У Мэриэн был особый метод поддержания бодрости духа: к концу дня она извлекла из кармана пинтовую бутылку, заткнутую белой тряпкой, и предложила Тэсс выпить. Но сейчас Тэсс довольствовалась своими мечтами и не нуждалась в искусственном подхлестывании. Она сделала только маленький глоток, но Мэриэн хлебнула основательно.

– Привыкла я к спиртному, – сказала она, – и теперь ух не могу отвыкнуть. Единственное мое утешение! Видишь ли, я ведь его потеряла, а ты нет... вот потому ты и можешь обходиться без спиртного.

Тэсс думала, что потеряла она не меньше, чем Мэриэн, но спорить не стала: все-таки она считалась женой Энджела, и эта мысль ее поддерживала.

Вот так работала Тэсс в утренние заморозки и в дождливые дни. Когда не нужно было выкапывать брюкву, они ее чистили, то есть кривым ножом соскребали присохшую землю и срезали корешки, а затем ее ссыпали на хранение. Этой работой они могли заниматься под навесом, если шел дождь; но в морозные дни даже толстые кожаные перчатки не защищали пальцев от холода, когда приходилось перебирать мерзлые комья. Тем не менее Тэсс не теряла надежды. Она была убеждена, что рано или поздно великодушие, которое она по-прежнему считала основной чертой Клэра, одержит верх и побудит его вернуться к ней.

Мэриэн, подвыпив и развеселившись, взвизгивала от смеха, когда находила кремни упоминавшейся причудливой формы, но Тэсс пропускала ее шутки мимо ушей. Часто посматривали они в ту сторону, где лежала долина реки Вар, или Фрум, хотя увидеть ее они не могли. И, всматриваясь в пелену серого тумана, они вспоминали дни, прожитые там.

– Ах, – сказала Мэриэн, – как бы я хотела, чтобы здесь был еще кто-нибудь из старой нашей компании! Тогда бы мы каждый день могли говорить здесь, на поле, о мызе Тэлботейс, и о нем, и о том, как славно нам жилось и что мы там делали. И нам казалось бы, что все опять как будто по-старому.

Взгляд Мэриэн стал мягче и голос дрогнул, когда перед ней встали видения прошлого.

– Напишу-ка я Изз Хьюэт, – продолжала она. – Я знаю, что она теперь живет дома и ничего не делает. Напишу, что мы здесь и просим ее приехать. Может быть, и Рэтти уже поправилась.

Тэсс не стала возражать против предложения, а дня через два-три она узнала о результатах этого проекта воскресить счастливые дни Тэлботейс: Мэриэн сообщила ей, что Изз ответила на письмо и постарается приехать.

Давно уже не было такой зимы. Подкралась она незаметно, и приближение ее напоминало

строго рассчитанные ходы шахматиста. Как-то утром несколько чахлах деревьев и кустов в живой изгороди, казалось, приняли облик животных. Каждая ветка покрылась белым ворсом, словно за одну ночь обросла мехом, и сделалась в четыре раза толще: и теперь кусты и деревья казались ризунком, набросанным мелом по хмурому серому небу. Обнаружилась паутина на стенах и навесах, там, где никто ее не заметил бы, не покройся она мельчайшими кристаллами; петлями белой пряжей висела она на выступах сараев, на столбах и воротах.

После изморози ударили морозы, и с Северного полюса начали прилетать на плоскогорье Флинтком-Эш странные птицы – худые, призрачные, с печальными глазами; там, за недоступным Полярным кругом, где от холода стынет в жилах кровь, были они свидетелями страшных катастроф, о которых не имеют представления люди: они видели столкновения айсбергов и обвалы снежных холмов при свете северного сияния, и вихри снежных бурь почти ослепили их; глаза их хранили ужас, рожденный этим зрелищем. Птицы подпускали Тэсс и Мэриэн совсем близко, но не рассказывали о том, что видели и чего никогда не увидит человек. Им чуждо было тщеславие путешественника, повествующего о виденном; немые и бесстрастные, они не хранили впечатлений, ибо не придавали значения, – этих залетных странников интересовало только то, что происходило на плоскогорье: две женщины поднимали вилами комья земли, обнажая корни, которые могли оказаться съедобными.

Но вот однажды на этом открытом плоскогорье повеяло чем-то особенным. Было холодно, но не морозно, в воздухе чувствовалась влажность, не предвещавшая, однако, дождя. У Тэсс и Мэриэн ныли глаза, болел лоб, и хотя холод не щипал кожи, он пронизывал до костей. Они знали, что это предвещает снег, – и действительно, ночью начался снегопад. Тэсс по-прежнему жила в том самом домике с теплой стеной, вселявшей бодрость во всякого путника, прислонявшегося к ней. Проснувшись среди ночи, она услышала над головой такой шум, словно все ветры обрушились на соломенную кровлю дома. Утром она зажгла лампу и увидела, что снег проник сквозь щель в оконной раме и у стены вырос конус из мельчайшей белой пудры. Снег ворвался в комнату и через дымовую трубу, покрыв пол тонким слоем, на котором оставались следы башмаков Тэсс. Снаружи бушевал ветер, и в кухне стояла снежная мгла, но было еще слишком темно, чтобы разглядеть, что делается на улице.

Тэсс поняла, что работать на брюквенном поле невыносимо. Когда она завтракала при свете маленькой лампы, пришла Мэриэн и сообщила, что, пока погода не изменится, они будут работать в риге с другими женщинами, отделявшими солому от колосьев. Как только черная мантия ночи начала светлеть, принимая сероватый оттенок, они погасили лампу, надели самые теплые свои чепцы, обмотали шеи шерстяными шарфами, концы которых перекрещивались на груди, и отправились к риге. Снег явился вслед за птицами с Полярного круга, словно белый облачный столб, – не видно было отдельных хлопьев. Ветер принес запах айсбергов, арктических морей, китов и белых медведей и с такой стремительностью гнал снег, что он только лизал землю, но не покрывал ее. Сгорбившись, брели они по полям, стараясь держаться ближе к изгородям, которые, впрочем, не защищали от ветра и скорее играли роль фильтров. Воздух побелел от насыщающей его снежной пыли, а ветер крутил и кружил ее, превращая мир в бесцветный хаос. Но обе молодые женщины были настроены бодро: такая буря на плоскогорье не нагоняет тоски.

– Ха-ха! А ведь эти хитрые северные птицы знали, что быть буре, – сказала Мэриэн. – Уж можешь мне поверить – они летели от самой Полярной звезды, чтобы уйти от метели. А твой муж, моя милая, наверно, изнывает все время от жары. Посмотрел бы он сейчас на свою хорошенькую жену! А впрочем, от этой погоды ты ничуть не подурнела, пожалуй, даже лучше стала.

– Мэриэн, не говори мне о нем, – строго сказала Тэсс.

– Ладно, но ведь ты же его любишь, правда?

Вместо ответа Тэсс со слезами на глазах повернулась в ту сторону, где, по ее мнению, находилась Южная Америка, и послала страстный поцелуй, подхваченный снежным ветром.

– Ну да, знаю, что любишь! А все-таки чудная вы пара! Ладно, я больше ни слова не скажу! В риге нам нечего бояться метели, но отделять солому ужасно тяжелая работа – куда хуже, чем копать брюкву. Я-то с ней справлюсь, потому что я толстая, но ведь ты худее меня. Понять не могу, почему хозяин послал тебя на эту работу!

Они добрались до риги. В одном конце длинного строения было ссыпано зерно, посредине отделяли солому и еще с вечера положили под пресс столько снопов пшеницы, чтобы работницам хватило работы – отделять колосья от соломы – на целый день.

– Как, да ведь это Изз! – воскликнула Мэриэн.

Действительно, их встретила Изз. Накануне она отправилась пешком, не подозревая, какой длинный путь ей предстоит, шла целый день и запоздала. Впрочем, метель не застигла ее в пути, а переночевала она в харчевне. Фермер договорился на базаре с ее матерью и обещал нанять Изз, если она придет сегодня, поэтому девушка спешила, боясь опоздать.

Кроме Тэсс, Мэриэн и Изз, здесь работали еще две женщины из соседней деревни – две сестры-амазонки. Тэсс вздрогнула, узнав смуглую Кар – Даму Пик и ее младшую сестру – Даму Бубен, которые хотели вступить с ней в драку во время полуночной ссоры в Трэнтридже. Они не подали виду, что узнали ее, а может быть, действительно не узнали, так как были в ту пору под хмельком, да и прожили они в Трэнтридже недолго. Они брались преимущественно за работу, выполняемую обычно мужчинами: рыли колодцы, канавы, ямы, ставили изгороди и, казалось, никогда не уставали. Сейчас они высокомерно посматривали на трех остальных работниц, так как славились своим умением отделять солому от колосьев.

Надев перчатки, все принялись за работу и выстроились в ряд перед прессом – сооружением из двух столбов, соединенных поперечной балкой, под которой лежали снопы колосьями наружу; балка поддерживалась колышками и опускалась по мере того, как уменьшалась гора снопов.

День разгорался, свет проникал в двери сарая снизу, отражаясь от снега, вместо того чтобы падать с неба. Девушки охалками тащили солому из-под пресса. В присутствии незнакомых женщин, сплетничавших между собой, Мэриэн и Изз молчали, хотя им очень хотелось поговорить о прошлом. Вскоре послышался заглушенный топот копыт, и к риге подъехал фермер. Сойдя с лошади, он подошел к Тэсс и остановился, задумчиво всматриваясь в ее лицо, обращенное к нему в профиль. Сначала она не оглядывалась, но упорный его взгляд заставил ее повернуть голову, и тогда она узнала в своем хозяине того самого человека, родом из Трэнтриджа, от которого убежала, когда он заговорил о ее прошлом.

Он подождал, пока она вынесет охалку соломы из риги, а потом сказал:

– Значит, ты и есть та самая молодка, которая так ответила на мою вежливость? Черт меня побери, если я сразу не догадался, кто ты такая, как только узнал, что ты к нам нанялась! Ты, верно, думала, что ты с твоим дружком оставила меня в дураках там, в харчевне, а потом и здесь, на дороге, когда от меня удрала? Ну, зато теперь ты у меня запоешь!

И он грубо захохотал.

Тэсс в присутствии амазонок и фермера чувствовала себя, словно птица в западне. Она молчала, продолжая тащить из-под пресса солому. Она достаточно умела разбираться в людях и теперь поняла, что ей нечего бояться ухаживания со стороны своего хозяина: он казался озлобленным, видно, не забыл оскорбления, нанесенного ему Клэром. Пожалуй, она предпочитала возбуждать в нем злобу, чувствуя, что мужество ей не изменит.

– А ты, верно, подумала, что я в тебя влюблен? Есть такие дуры, которые каждый взгляд принимают всерьез. Ну да зимняя работа на поле – лучшее средство, чтобы выбить дурь из головы у молодой девки, а ведь ты обязалась работать до благовещенья. Может быть, попросишь у меня прощения?

– Мне кажется, не я у вас, а вы у меня должны просить прощения.

– Ну, как знаешь. Но скоро мы увидим, кто здесь хозяин. А вон те снопы – это все, что ты сегодня сделала?

– Да, сэр.

– Мало. Посмотри, сколько они сделали, – он указал на двух дюжих женщин. – Да и остальные работают лучше тебя.

– Они с этой работой свыклись, а я нет. А вам, мне кажется, все равно, потому что работа сдельная, платят нам только за то, что сделано.

– Так-то оно так, но я хочу поскорее очистить ригу.

– Все кончают работу в два часа, а я останусь здесь до вечера.

Он хмуро посмотрел на нее и вышел. Тэсс чувствовала, что с местом ей не повезло, но все-таки это было лучше, чем ухаживание. К двум часам профессиональные вязальщицы допили бутылку виски, положили на место кривые ножницы, связали последние снопы и ушли. Мэриэн и Изз охотно последовали бы их примеру, но, узнав, что Тэсс остается, надеясь лишними часами работы возместить недостаток сноровки, решили остаться с ней. Мэриэн посмотрела на падавший снег и воскликнула:

– Ну, вот мы и одни!

Тогда речь зашла наконец о днях, прожитых на мызе, и, разумеется, об их любви к Энджелу Клэру.

– Изз и Мэриэн, – сказала миссис Энджел Клэр с достоинством, в котором было что-то бесконечно трогательное, если вспомнить о том, как мало прав жены было ей дано, – теперь я не могу говорить с вами о мистере Клэре, как бывало раньше; вы сами это знаете. Хотя он от меня и уехал, но все-таки он мой муж.

Из четырех девушек, любивших Клэра, Изз от природы была самой дерзкой и насмешливой.

– Конечно, ухаживал он как никто, – сказала она. – Да только мужем оказался не очень любящим, если так скоро от тебя уехал.

– Ему пришлось уехать, он должен был уехать, чтобы присмотреть там участок земли, – возразила Тэсс.

– Он мог бы прожить с тобой зиму.

– Ах, это вышло случайно... недоразумение... не будем говорить об этом, – со слезами в голосе отозвалась Тэсс. – Быть может, многое можно сказать в его оправдание. Он не уехал, как уезжают другие мужья, не предупредив меня... И я всегда могу узнать, где он.

После этого на них нашла задумчивость, и они долго не нарушали молчания. Работа шла своим чередом: они захватывали колосья, вытягивали солому, совали ее под мышку и кривыми ножницами срезали колосья; только шелест соломы да шелканье ножниц нарушали тишину в сарае. Вдруг Тэсс покачнулась и упала на кучу колосьев.

– Я знала, что у тебя сил не хватит! – воскликнула Мэриэн. – Для такой работы нужно быть посильнее, чем ты.

Как раз в эту минуту вошел фермер.

– Вот как ты работаешь, когда меня нет! – сказал он.

– Но от этого я одна остаюсь в убытке, – возразила она.

– Я хочу, чтобы дело было сделано, – упрямо сказал он, пересек ригу и вышел в другую дверь.

– Ты, милочка, не слушай его, – сказала Мэриэн. – Я и раньше здесь работала. Ступай приляг, а мы с Изз за тебя отработаем.

– Не хочу я, чтобы вы за меня работали. Ростом я выше вас...

Однако она была до такой степени измучена, что согласилась сделать передышку и прилегла в углу на куче мятых стеблей, которые отделялись от, хорошей соломы и выбрасывались. Упадок сил вызван был не только тяжелой работой, но и разговором о ее разлуке с мужем. Сознание ее бодрствовало, но воля ослабела – шорох соломы и шелканье ножниц причиняли ей почти физическое страдание.

Кроме этих звуков, до нее доносился и шепот. Она была уверена, что они возобновили прерванный разговор, но слов разобрать не могла. Ей не терпелось узнать, о чем они говорят, и, убедив себя, что уже отдохнула, она встала и снова принялась за работу.

Теперь выбилась из сил Изз Хюэт. Накануне она прошла больше двенадцати миль, спать легла в полночь, а встала в пять утра. Одна Мэриэн благодаря бутылке виски и крепкому своему сложению работала, не чувствуя боли в спине и руках. Тэсс убедила Изз идти домой, заявив, что ей теперь лучше и она может работать, а затем они разделят все снопы поровну.

Изз с благодарностью приняла предложение и, выйдя из сарая, побрела по заснеженной тропинке домой. К этому времени бутылка всегда настраивала Мэриэн на романтический лад.

– Вот уж никогда бы я этого о нем не подумала! – мечтательно произнесла она. – А как я его любила! И мне было все равно, что он на тебе женился. Но с Изз он обошелся скверно!

Тэсс, испуганная ее словами, чуть было не отрезала себе палец ножницами.

– Ты о моем муже говоришь? – пробормотала она.

– Ну да! Изз говорит: «Не рассказывай ей», а я не могу удержаться! Знаешь, чего он добился от Изз? Он ее звал с собой в Бразилию!

Лицо Тэсс побелело, как снег, падавший на землю, и сразу осунулось.

– А Изз отказалась ехать? – спросила она.

– Не знаю. Но потом он передумал.

– Пустяки! Значит, он говорил не всерьез. Просто он пошутил!

– Нет, он не шутил; он даже проехал с ней по дороге на станцию.

– Но все-таки не увез ее!

Обе продолжали молча работать. Вдруг Тэсс расплакалась.

– Эх! – сказала Мэриэн. – Зря я тебе рассказала.

– Нет. Это ты хорошо сделала! Я совсем руки опустила и не понимала, чем это может кончиться! Я должна была чаще ему писать. Он сказал, что приехать я к нему не могу, но не запрещал писать сколько мне вздумается. Больше я не буду так жить! Я была не права, когда позволила ему все за меня решать!

В полутемном сарае сгущались сумерки, и больше нельзя было работать. Вернувшись в тот вечер домой, в свою маленькую, выбеленную известкой комнату, Тэсс тотчас же начала писать письмо Клэру. Но кончить его не могла, потому что ею овладели сомнения. Потом она сняла кольцо с ленточки, на которой носила его у сердца, надела на палец и так легла спать, словно хотела убедить себя в том, что она действительно жена этого ушедшего от нее человека, который сразу после разлуки с ней мог предложить Изз ехать с ним за море. Зная это, могла ли она обращаться к нему с мольбами и не скрывать, что продолжает его любить?

44

После того, что Тэсс услышала в риге, мысли ее снова обратились к дому пастора в далеком Эмминстере – не раз она вспоминала о нем за последнее время. Ей было сказано, что письмо Клэру она может отправить через его родителей, если пожелает ему написать, а в случае каких-либо затруднений может обратиться непосредственно к ним. Но сознание, что она не имеет на него никаких моральных прав, не позволяло ей писать; в результате для семьи Клэра ее словно и на свете не было, – так же, как перестала она после замужества существовать для своих родителей. Она как бы отрезала себя и от тех и от других, что вполне соответствовало независимому ее характеру: ничего не хотела она получать из милости или сострадания, которых, по здравому рассуждению, не заслуживала. Она решила положиться только на себя и не извлекать пользы из формального родства с чужой семьей – родства, обретенного ею только потому, что один из членов этой семьи, действуя под влиянием минутного порыва, написал свое имя в церковной книге рядом с ее именем.

Но рассказ Изз задел ее так больно, что подобное самоотречение оказалось свыше ее сил. Почему муж ей не написал? Он ясно сказал, что даст знать, где обоснуется; но он не написал ни строчки, не сообщил своего адреса. Неужели он действительно равнодушен к ней? А может быть, он болен и первый шаг следует сделать ей? Конечно, у нее хватит смелости зайти к его родителям, навести справки и сказать, как огорчает ее его молчание. Если отец Энджела действительно хороший человек, как она слыхала, то он поймет, в каком она отчаянии. О своем бедственном положении она умолчит.

Уйти с фермы в будний день она не могла. Оставалось только воскресенье. Через меловое плоскогорье, где находился Флинтком-Эш, еще не была проложена железная дорога, и ей предстояло идти пешком. В оба конца ей нужно было сделать тридцать миль, и, чтобы вернуться вовремя, она решила встать как можно раньше.

Через две недели, когда снег стаял и ударили морозы, Тэсс решила отправиться в путь, пользуясь тем, что дорога хорошая. В воскресенье, в четыре часа утра, она спустилась по лестнице и вышла под звездное небо. Погода ей благоприятствовала, земля звенела под ее ногами, как нако-

вальня.

Мэриэн и Изз приняли близко к сердцу эту экскурсию, зная, что она имеет отношение к Клэру. Жили они в домике на той же улице и пришли снарядить Тэсс в путь. Они убедили ее надеть лучшее платье, чтобы покорить сердце свекра и свекрови, хотя Тэсс колебалась, зная, что старый мистер Клэр придерживается суровых кальвинистских догматов. Уже год прошел со дня ее свадьбы, но у Тэсс еще осталось кое-что из нарядов, и она могла одеться очень мило, как простая деревенская девушка, не гоняющаяся за модой: серое платье из мягкой шерстяной материи, отделанное рюшем из белого крепа, подчеркивающим розовый тон шеи и щек, черный бархатный жакет и шляпа.

– Какая жалость, что твой муж не может сейчас на тебя поглядеть! Ты настоящая красавица! – сказала Изз Хюзет, любуясь Тэсс, когда та стояла на пороге дома, освещенная стальным светом звезд, а за спиной ее мерцало желтое пламя свечи.

Изз великодушно забыла о самой себе – да иначе и быть не могло: ни одна женщина, если сердце у нее было больше ореха, не могла питать вражду к Тэсс, потому что ее доброта и исключительная душевная сила легко побеждали низменные женские чувства – злобу и зависть.

Еще раз оправив ее платье и смахнув пылинки с жакета, они отпустили ее, и она исчезла в жемчужных предрассветных сумерках. Они услышали, как ее башмаки начали постукивать по твердой дороге, когда она ускорила шаги. Даже Изз желала ей удачи, и, не видя в этом особой добродетели, радовалась, что в минуту искушения не причинила зла своей подруге.

Год тому назад Клэр женился на Тэсс, и почти год прошел с тех пор, как он с ней расстался. Но в это ясное, сухое зимнее утро на меловом плоскогорье Тэсс, помня о своей цели, не унывала и бодро шла вперед, вдыхая разреженный воздух. В эту минуту она, несомненно, мечтала о том, чтобы понравиться свекрови, рассказать ей всю свою историю, сделать ее своей союзницей и в конце концов вернуть скитальца.

Вскоре она дошла до края плоскогорья, у подножия которого широко раскинулась Блекмурская долина, туманная и тихая в предрассветных сумерках. Здесь, на Тшато, воздух был бесцветный, а там, внизу, отливал синевою. Тэсс привыкла теперь работать на полях в сотню акров, а в долине отдельные поля занимали меньше шести акров, и столько их было, что с этих высот они напоминали петли рыболовной сети. Здесь, на плато, пейзаж был выдержан в тонах беловато-коричневых, а внизу, как и в долине реки Фрум, всегда в зеленых. И, однако, там, в этой долине, настигло ее горе, и теперь она любила ее не так, как раньше. Для Тэсс, как и для всех, кто познал горе, красота заключалась не в самой вещи, а в том, что эта вещь символизировала.

Оставив долину с правой стороны, она по-прежнему держала путь на запад: миновала Хинток, пересекла под прямым углом проезжую дорогу из Шертен-Эббес в Кэстербридж, обогнула Догбери-Хилл, Хай-Стой и ложбину между ними, которую называли «Кухней дьявола». Придерживаясь горной дороги, она достигла перекрестка «Крест в руке», где высится немой и одинокий каменный столб, отмечая место, озаменованное каким-то чудом или убийством, а может быть, и тем и другим. Пройдя еще три мили, она пересекла прямую и безлюдную римскую дорогу, носившую название «Дороги Вязов», и проселком спустилась с холма в маленький городок, или, вернее, деревню Эверсхэд. Полпути было пройдено. Здесь она отдохнула и еще раз плотно позавтракала – не в харчевне «Свинья и желудь», так как харчевен она избегала, а в коттедже около церкви.

Вторую половину пути она шла по Бэнвилльской дороге, и здесь пейзаж был более приветлив. Но по мере того как уменьшалось расстояние, отделявшее ее от цели путешествия, Тэсс все больше теряла уверенность, и задуманное предприятие начинало ее пугать. Она так ясно видела предстоящую встречу, что не обращала внимания на дорогу и едва не заблудилась. Однако в полдень она остановилась у ворот на склоне котловины, в которой был расположен Эмминстер.

Квадратная колокольня церкви, где, как знала Тэсс, находился в это время священник со своей паствой, показалась ей грозной. Она пожалела, что не могла прийти в будний день. Такой благочестивый человек может осудить женщину, отправившуюся в путь в воскресенье, и не поймет, что другого выхода у нее не было. Но не возвращаться же ей назад! Она сняла грубые башмаки, в которых вышла из дому, надела другие, из тонкой кожи, и, спрятав старую пару в живую изгородь у ворот, где легко было ее найти, стала спускаться с холма. От ходьбы и свежего воздуха она рас-

краснелась, но румянец сбежал с ее щек, когда она приблизилась к дому священника.

Тэсс надеялась, что какой-нибудь счастливый случай придет ей на помощь, но надежда не оправдалась. Холодный ветер неприветливо шелестел в кустах на лужайке перед домом. Хотя Тэсс и надела лучшее свое платье, представить, что в этом доме живут ее близкие родственники, она все-таки не могла. А ведь по существу невелика была пропасть, их разделяющая: те же страдания, те же радости и размышления, рождение и смерть, и загробная жизнь – это был их общий удел.

Она сделала над собой усилие, вошла в калитку и позвонила у двери. Дело сделано, путь назад отрезан. Нет, не отрезан. Никто не вышел на звонок. Нужно было снова овладеть собой и повторить попытку. Она позвонила вторично. Волнение и пройденные пятнадцать миль дали себя знать: усталая, она ждала, опустив руку на бедро и прислонившись к стене дома. Под холодным ветром листья плюща сморщились и посерели; они шуршали, задевая друг друга, и шелест этот действовал ей на нервы. Клочок запятнанной кровью бумаги из мусорной кучи – в него когда-то было завернуто мясо – метался вдоль улицы, слишком легкий, чтобы опуститься на землю, слишком тяжелый, чтобы улететь; вместе с бумагой металось несколько соломинок.

Второй звонок был громче, но все-таки никто не отозвался. Тогда она сошла с крыльца, открыла калитку и вышла на улицу. И хотя она оглянулась нерешительно, словно хотела вернуться, но, закрывая калитку, вздохнула с облегчением. Ее преследовала мысль, что ее узнали (хотя это и казалось невозможным) и приказали не принимать.

Тэсс дошла до угла. Она сделала все, что могла: но, не желая облегчать себе задачу, чтобы потом раскаиваться, она вернулась и прошла мимо дома, посматривая на окна.

А, вот в чем дело! Они все ушли в церковь. Она вспомнила, как муж ее рассказывал, что по настоянию отца все домочадцы, не исключая и слуг, ходят к утренней службе и в результате едят по возвращении домой холодный обед. Следовательно, нужно только подождать конца службы. Побоявшись ждать около дома, чтобы не обращать на себя внимания, она пошла к церкви. Но когда она дошла до церковной ограды, молящиеся начали расходиться, и Тэсс очутилась в толпе.

Эмминстерские прихожане глазели на нее так, как могут глазеть только возвращающиеся из церкви досужие жители маленького городка на незнакомую женщину незаурядной внешности. Она ускорила шаги и стала подниматься по той самой дороге, по которой пришла, чтобы где-нибудь между живыми изгородями переждать, пока семья священника пообедает и будет готова ее принять. Вскоре Тэсс оставила далеко позади всех прихожан, кроме двух молодых людей, которые быстро шли рука об руку.

Когда они к ней приблизились, она услышала, как они что-то серьезно обсуждают; и женское чутье помогло ей уловить сходство их голосов с голосом ее мужа. Эти двое были его братья. Забыв обо всех своих планах, Тэсс боялась только, как бы они ее не догнали сейчас, когда она взволнована и не подготовлена к встрече с ними. Хотя она понимала, что они не могут догадаться, кто она, но инстинктивно боялась попасться им на глаза. Они ускорили шаги, и она тоже пошла быстрее. Ясно было, что они озябли в церкви во время длинной службы и хотят размяться перед обедом.

Один только человек опередил Тэсс, поднимавшуюся на холм, – хорошо одетая молодая женщина, довольно миловидная, но, пожалуй, слегка чопорная и жеманная. Тэсс почти нагнала ее, когда братья ее мужа очутились так близко за, ее спиной, что она могла расслышать каждое их слово. Сначала они не говорили ничего, что представляло бы для нее интерес, потом один из них, заметив идущую впереди молодую женщину, сказал:

– Это Мерси Чант. Догоним ее.

Тэсс слышала это имя. Это была та самая девушка, которую прочили в жены Энджелу его и ее родители. И, вероятно, он женился бы на ней, не повстречайся ему на пути Тэсс. Если бы Тэсс не знала этого раньше, то узнала бы сейчас, так как один из братьев продолжал:

– Ах, бедный Энджел, бедный Энджел! Стоит мне увидеть эту милую девушку, и я опять жалею о том, что он так поторопился с этой женитьбой на доильщице, или кто она там такая! Странная какая-то история. Не знаю, поехала она к нему или еще нет. Во всяком случае, несколько месяцев назад, когда я получил его последнее письмо, ее там не было.

– Ничего не могу сказать. Теперь он никогда не бывает со мной откровенен. Его неудачная

женитьба, по-видимому, еще усилила то отчуждение, начало которому положили его нелепые убеждения.

Тэсс опять ускорила шаги, но, если бы пошла еще быстрее, она обратила бы на себя их внимание. В конце концов они ее догнали и прошли мимо. Мерси Чант, услышав за собой шаги, оглянулась, поздоровалась с ними, и дальше они пошли втроем.

Вскоре они поднялись на вершину холма. Должно быть, это и было целью их прогулки, так как они замедлили шаги и повернули к воротам, где час назад отдыхала Тэсс и смотрела вниз на город, прежде чем спуститься туда. Разговаривая, один из братьев шарил зонтиком в кустах и вдруг что-то вытащил оттуда.

– Старые башмаки, – объявил он. – Вероятно, брошены каким-нибудь бродягой.

– Или каким-нибудь обманщиком-попрошайкой, который решил войти в город босиком, чтобы мы его пожалели, – сказала мисс Чант. – Да, несомненно, это так! Башмаки прекрасные и совсем не изношены. Какой гнусный обман! Я отнесу их домой и отдам какому-нибудь бедняку.

Катберт Клэр, нашедший башмаки, подцепил их на ручку зонта – и Тэсс лишилась своей обуви.

Она слышала этот разговор, когда, закрыв лицо шерстяной вуалью, проходила мимо них. Потом, оглянувшись, она увидела, что они отошли от ворот и спускаются с холма, унося ее башмаки.

Тогда наша героиня побрела дальше. Слезы, горькие слезы струились по ее лицу. Она понимала, что только чрезмерная впечатлительность заставила ее истолковать разыгравшуюся сцену как свой приговор, но справиться с собой она не могла и чувствовала себя беззащитной перед этими зловещими предзнаменованиями. Не могло быть и речи о том, чтобы вернуться: жене Энджела чудилось, будто эти утонченные, на ее взгляд, клерикалы загнали ее на холм, словно какое-то презренное существо. Обида была нанесена неумышленно, но все-таки жаль, что Тэсс встретила сыновей, а не отца, который, несмотря на узкий свой кругозор, был далеко не так накрахмален и вытюжен, как эти двое, и обладал высоким даром милосердия.

Вспомнив запыленные свои башмаки, Тэсс готова была пожалеть их за те насмешки, какие они вызвали, и невольно подумала о том, как безнадежно складывается жизнь владелицы этих башмаков.

«Ах! – подумала она, все еще плача от жалости к самой себе. – Они не знали, что в этих башмаках я шла по каменистой дороге, чтобы сберечь эти хорошенькие туфли, которые он мне купил! Да, этого они не знали! И не знали, что он выбирал материю для лучшего моего платья... Откуда им знать? А если бы и знали, то, пожалуй, не было бы им дела до этого, потому что не очень-то любят они его, бедного!»

Теперь она плакала от жалости к любимому, к тому, чьи предрассудки были причиной всех ее последних страданий. И она брела своей дорогой, не ведая того, что величайшее несчастье постигло ее сейчас, когда она о своем свекре судила по его сыновьям и в этот критический момент по-женски упала духом. Она находилась в таком жалком положении, что, несомненно, мистер и миссис Клэр отнеслись бы к ней сочувственно. Их сердца всегда были открыты для несчастных, дошедших до последней черты, тогда как более утонченные душевные страдания людей, чье положение нельзя было назвать отчаянным, не вызывали у них ни интереса, ни внимания. Широко раскрывая объятия мытарям и грешникам, они забывали о том, что можно замолвить словечко и за книжников и фарисеев, у которых тоже бывают свои невзгоды. Благодаря этой ограниченности они оказали бы своей невестке радушный прием – ее несчастья давали ей все права на их любовь.

Тэсс возвращалась той самой дорогой, по которой шла если не с радостной надеждой, то, во всяком случае, с уверенностью, что в ее жизни наступает кризис. Но никакого кризиса, по-видимому, не произошло, и ей ничего иного не оставалось, как трудиться на тощих полях до тех пор, пока она снова не наберется храбрости, чтобы пойти к родителям Клэра. Однако она не настолько отчаялась, чтобы и на обратном пути не откинуть вуаль: пусть все видят, что она красивее Мерси Чант. Впрочем, она печально покачала головой. «Это ни к чему, ни к чему! – сказала она себе. – Никто моего лица не любит, никто его не видит! Никому нет дела до такого жалкого существа, как я!»

Она шла, еле волоча ноги. Ей некуда и незачем было спешить, и она двигалась по инерции. На скучной длинной Бэнвилльской дороге она начала уставать и часто прислонялась к воротам или останавливалась возле столбов, отмечающих мили.

Ни в один дом она не заходила. Наконец, пройдя семь-восемь миль, Тэсс спустилась с высокого крутого холма в местечко Эверсхэд, где утром завтракала, еще преисполненная надежды. Домик около церкви, куда она снова зашла, находился в конце деревни. Пока хозяйка ходила за молоком в чуланчик, Тэсс, посмотрев в окно, удивилась, что на улице никого не видно.

– Должно быть, все пошли к вечерне? – спросила она.

– Нет, милая, – отозвалась старуха. – Сейчас рано, и к службе еще не звонили. Народ собрался в сарае слушать проповедь. У нас тут один проповедник читает проповеди между службами: говорят, усердный христианин! Ну, да я не хожу его слушать! Хватит с меня и того, что священник говорит с кафедры.

Когда Тэсс пошла дальше по улице, ее шаги гулко отдавались на мостовой, словно деревня вымерла. На полдороге к звуку ее шагов примешались другие звуки, – увидев неподалеку сарай, Тэсс догадалась, что это до нее доносится голос проповедника; он отчетливо раздавался в неподвижном, чистом воздухе, и вскоре она могла разобрать отдельные фразы, хотя проходила у задней стены сарая.

Проповедь, как и следовало ожидать, была в крайне антиномистском духе: речь шла об оправдании верой, как учил апостол Павел. Свою мысль оратор излагал с воодушевлением и энтузиазмом, но больше декламировал, чем убеждал, ибо как диалектик явно никуда не годился. Хотя Тэсс не слыхала начала проповеди, но догадалась, какой библейский текст был выбран, потому что оратор все время повторял:

«О несмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине – вас, у которых пред глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?»

Тэсс прислушалась и заинтересовалась, потому что проповедник, хотя и вдаваясь в крайность, излагал взгляды отца Энджела, а еще больше заинтересовалась она, когда оратор начал подробно рассказывать о своем собственном духовном опыте, о том, как обрел он эту веру. Был он, по его словам, величайшим из грешников. Он богохульствовал, водился с людьми безрассудными и распутными, но настал день пробуждения, а случилось это главным образом благодаря влиянию одного священника, которого он сначала грубо оскорбил. Слова, сказанные этим священником при прощании, запали ему в сердце и хранились там, пока, по милости божьей, не произвели в нем этой перемены и не сделали его таким, каков он сейчас.

Однако Тэсс поражена была не столько проповедью, сколько голосом, который – как ни странно это могло показаться – удивительно напоминал голос Алека д'Эрбервилля. Тревога и ожидание были написаны на ее лице, когда она обошла сарай и остановилась у входа. Лучи зимнего солнца, низко стоявшего над горизонтом, били прямо в широкую двустворчатую дверь амбара; одна створка была открыта, и солнечные лучи падали на проповедника и его слушателей, защищенных стенами амбара от северного ветра. Слушателями были исключительно крестьяне, и среди них находился человек, которого видела она в памятный для нее день, когда он нес горшок с красной краской. Но она смотрела только на центральную фигуру этой картины. Проповедник стоял на мешках с зерном, лицо его было обращено к собравшимся и к двери. Было три часа дня, лучи солнца падали прямо на него, и та странная пугающая догадка, которая мелькнула у Тэсс, как только она ясно расслышала его слова, – эта догадка подтвердилась: перед ней был ее обольститель.

ФАЗА ШЕСТАЯ «ОБРАЩЕННЫЙ»

С тех пор как Тэсс уехала из Трэнтриджа и вплоть до этого мгновения она не видела д'Эр-

бервилля и ничего о нем не слышала.

Встреча произошла в тяжелую минуту ее жизни, когда даже такая встреча не могла слишком потрясти ее. Но столь безрассудна память, что, хотя он, несомненно, исправился и публично каялся в былых своих прегрешениях, страх овладел Тэсс, и она, словно парализованная, не могла ни отступить, ни приблизиться.

Вспоминать его лицо таким, каким она видела его в последний раз, – и смотреть на него сейчас... Это было все то же красивое, неприятное лицо, но черные усы исчезли, – теперь он носил аккуратно подстриженные старомодные бакенбарды; костюм его несколько напоминал одежду священника, и этого было достаточно, чтобы стереть облик прежнего денди, так что у Тэсс мелькнула даже мысль, не обозначалась ли она.

Сначала ей казалось чудовищно нелепым, что торжественные слова Священного писания срываются с уст такого человека. Четырех лет не прошло с тех пор, как этот слишком хорошо знакомый голос нашептывал ей совсем иные слова, преследуя совсем иные цели; и была в этом несоответствии такая ирония, что у Тэсс мучительно сжалось сердце.

Случившееся можно было назвать не столько исправлением, сколько преобразованием. Лицо, прежде дышавшее чувственностью, выражало теперь благочестивый пыл. Губы, словно созданные для того, чтобы соблазнять, изрекали теперь слова молитвы. О горевшем на щеках румянце сказали бы еще вчера, что он зажжен распутством, а сегодня – набожным энтузиазмом; животные страсти превратились в фанатизм; язычник стал последователем апостола Павла. Дерзкие глаза, которые когда-то смотрели на нее повелительно, теперь сверкали огнем благочестия, чуть ли не яростным. Прежде он мрачно хмурился, когда не исполнялось его желание, теперь – когда клеймил неисправимого грешника, упорно предпочитающего барахтаться в грязи.

И все же казалось, что черты его лица уступают насилию, принимая вместо предназначенных им природой выражений те, для которых они не были созданы. Как ни странно, именно жар вдохновения был неуместен на этом лице, а в святости чудилась деланность.

Но могло ли это быть так? Ей пришлось признать, что такое подозрение несправедливо. Д'Эрбервилль был не первым грешником, который вернулся на стезю добродетели, дабы спасти свою душу; как же могла она считать это фальшью? Только привычное представление о нем заставляло ее возмущаться, когда она слышала новые, хорошие слова, произнесенные прежним недобрим голосом. Чем более велик был грешник, тем более велик святой; в этом можно убедиться, даже не слишком углубляясь в историю христианства.

Все эти смутно осознанные впечатления чем-то ее тронули. Как только оцепенение, вызванное неожиданностью, начало проходить, ей захотелось поскорее уйти. Конечно, он еще не успел ее разглядеть, так как она стояла спиной к солнцу.

Но стоило ей сделать движение – и он узнал ее. На бывшего ее любовника неожиданная встреча произвела потрясающее впечатление – гораздо более сильное, чем на нее. Воодушевление его и пламенное красноречие словно улетучились, губы задрожали, слова застряли в горле: он не мог говорить, пока она стояла перед ним. Скользя глазами по ее лицу, он смущенно отвел взгляд, стараясь смотреть куда угодно, только не на нее, но взгляд его упорно возвращался к ней. Однако растерянность его продолжалась недолго, ибо, как только он утратил власть над собой, к Тэсс вернулось самообладание и она, быстро отойдя от сарая, продолжила путь.

Как только она собралась с мыслями, ее ужаснула перемена, происшедшая с ним и с ней. Он, виновник ее гибели, пережил духовное возрождение, тогда как она оставалась непросветленной. И – как в легенде – достаточно было сладострастному образу внезапно появиться перед алтарем, чтобы пламя фанатизма почти угасло.

Шла она, не оглядываясь. Казалось, не только спина ее, но и одежда наделены способностью ощущать на себе взгляды, – Тэсс чудилось, что он, стоя в сарае, провожает ее глазами. До этой встречи ее душу давила безмерная тяжесть – но и только, – а теперь в ее настроении произошла перемена: тоска по любви, которой она была лишена так долго, уступила, место чуть ли не физическому ощущению неумолимости прошлого, все еще державшего ее в тисках. Сознание былой вины перешло в отчаяние. Она надеялась, что между прошлым и настоящим встанет стена, но надежда не сбылась. Прошлое не может стать прошлым, пока она сама не уйдет в прошлое.

Поглощенная этими мыслями, она пересекла под прямым углом северную часть Дороги Вязов и вскоре увидела перед собой белую тропу, поднимающуюся на плоскогорье, по которому предстояло ей пройти остальную часть пути. Сухая белизна дороги уныло уходила вдаль, и не видно было на ней ни людей, ни повозок, лишь кое-где на холодной, бесплодной земле лежал лошадиный навоз. Медленно поднимаясь в гору, Тэсс услышала за собой шаги и, оглянувшись, увидела хорошо знакомую фигуру в столь странно сидевшей на ней одежде методиста – увидела того единственного человека, с которым надеялась до самой смерти не встречаться.

Впрочем, для размышлений или попытки убежать времени не было, и она, стараясь остаться спокойной, подчинилась неизбежному – позволила ему догнать себя. Она заметила, что он очень возбужден, но не быстрой ходьбой, а обуревавшими его чувствами.

– Тэсс! – окликнул он.

Она не оглянулась, но замедлила шаги.

– Тэсс! – повторил он. – Это я, Алек д'Эрбервилль.

Тогда она повернулась к нему, и он подошел к ней.

– Вижу, что вы, – холодно сказала она.

– Как... и это все? Впрочем, большего я не заслуживаю... Конечно, – усмехнувшись, добавил он, – я кажусь вам немного смешным в таком виде. Но с этим я должен примириться... Я слышал, что вы уехали, но никто не знал куда. Тэсс, вы удивляетесь, почему я пошел за вами?

– Да, пожалуй; и от всего сердца жалею, что пошли!

– Вы имеете право так говорить, – мрачно отозвался он, пока они, к большому огорчению Тэсс, рядом поднимались в гору. – Но не заблуждайтесь на мой счет, я прошу об этом, потому что действительно мог ввести вас в заблуждение, когда вы заметили – если только вы заметили, – как взволновало меня ваше неожиданное появление. Но это было лишь минутное замешательство, что вполне естественно, если принять во внимание, кем вы для меня были. Бог помог мне преодолеть его, и тотчас же я понял, что мой долг спасти от неминуемого гнева божия – смейтесь, если хотите! – прежде всего ту женщину, которой я причинил такое зло. И я догнал вас, имея в виду только эту цель.

Легкое презрение слышалось в ее голосе, когда она сказала:

– А себя-то вы спасли? Говорят врачам: «Исцелись сам».

– О, это произошло помимо *меня*, – бесстрастно сказал он. – Как я уже говорил своим слушателям, это сделало провидение. Как бы вы ни презирали меня, Тэсс, ничто не может сравниться с тем презрением, какое питаю я к самому себе – к ветхому Адаму прошлых дней! Но я могу рассказать вам о том, как произошло мое обращение, надеюсь, вы заинтересуетесь этим настолько, чтобы выслушать. Слыхали ли вы когда-нибудь об эмминстерском священнике? О старом мистере Клэре, одном из самых искренних проповедников своей доктрины. Об одном из немногих ревностных людей, оставшихся в церкви. Правда, он не столь ревностен, как то крайнее крыло христиан, к которому принадлежу я, но тем не менее является исключением среди духовенства, ибо священники помоложе разжижили истинные догматы веры софистикой, и теперь осталась от них лишь тень того, чем были они раньше. Я расхожусь с ним только в вопросе взаимоотношения церкви и государства – в толковании текста «Уйдите от них и пребудете отдельно, сказал Господь». Я твердо верю, что мистер Клэр был смиренным орудием спасения большего числа душ в этих краях, чем кто бы то ни было другой в Англии. Вы о нем слыхали?

– Слыхала, – ответила она.

– Года два-три тому назад он выступил с проповедью в Трэнтридже по поручению какого-то миссионерского общества. И я, жалкий негодяй, я оскорбил его, когда он самоотверженно старался меня образумить и указать мне истинный путь. Он не рассердился на меня, он сказал только, что когда-нибудь я почувствую веяние духа – и те, что приходят издеваться, остаются иногда для молитвы. В его словах была странная сила. Они запали мне в душу. Однако смерть матери явилась самым сильным толчком; и мало-помалу я прозрел. С тех пор единственным моим желанием было передавать благую весть другим людям, и это я пытался делать сегодня. Впрочем, в этих краях я начал проповедовать недавно. Первые месяцы моего служения я провел на севере Англии, среди чужих мне людей, где предпочел сделать первые неумелые попытки, чтобы приобрести смелость

для самого сурового из всех испытаний искренности – смелость для того, чтобы обратиться с поведью к тем, кто знал меня раньше, кто принимал участие в моей греховной жизни. Если бы только вы знали, Тэсс, как приятно закатить пощечину самому себе, я не сомневаюсь, что вы...

– Замолчите! – страстно воскликнула она и, отвернувшись от него, прислонилась к изгороди. – Я не верю в такие внезапные обращения! Я возмущена тем, что вы можете так со мной говорить, хотя вы знаете... знаете, какое зло вы мне причинили! Вы и вам подобные наслаждаетесь жизнью, обрекая таких, как я, на черную тоску! А потом, когда вам все надоедает, неплохо подумать и о том, чтобы обратиться к богу и обеспечить себе райское блаженство! Я вам не верю! Все это мне противно!

– Тэсс, – сказал он, – не говорите так! Мне это было как внезапно вспыхнувший свет! А вы мне не верите! Чему вы не верите?

– Вашему обращению. Вашей религиозности.

– Почему?

Она ответила, понизив голос:

– Потому что человек, который лучше вас, не верит в это.

– Вот она, женская логика! Кто же этот человек?

– Я не могу вам сказать.

– Хорошо, – отозвался он, словно с трудом сдерживая раздражение, – боже сохрани, чтобы я назвал себя хорошим человеком, и вы слышите – я этого не говорю! Действительно, я новичок на пути добродетели, но иногда новообращенные бывают самыми дальнзоркими людьми.

– Да, – грустно произнесла она. – Но я не могу поверить в ваше обращение. Боюсь, Алек, что такие порывы длятся недолго.

С этими словами она отошла от изгороди, к которой прислонилась, и повернулась к нему лицом. Его взгляд упал на знакомое лицо и фигуру и не мог от них оторваться. Низменные наклонности в нем теперь, конечно, не проявлялись, но они не были вырваны с корнем, не были даже до конца побеждены.

– Не смотрите на меня так, – сказал он вдруг.

Тэсс, не думавшая о том, какое она может произвести впечатление, тотчас же опустила свои большие темные глаза и, вспыхнув, пробормотала:

– Простите!

И снова овладело ею то мучительное чувство, какое часто испытывала она и раньше: чувство виновности в том, что природа дала ей эту телесную оболочку.

– Нет! Не просите у меня прощения. Но вы надели вуаль, чтобы скрыть свое красивое лицо, – почему же вы ее не опустите?

Она опустила вуаль, быстро сказав:

– Я надела ее от ветра.

– Быть может, моя просьба груба, – продолжал он, – но мне не следует слишком часто смотреть на вас. Это может быть опасно.

– Шш... – остановила его Тэсс.

– Женские лица имели слишком большую власть надо мной, и у меня есть основания их бояться! Евангелисту не должно быть никакого дела до них, а мне они напоминают прошлое, которое я хотел бы забыть!

После этого они перебрасывались только отдельными замечаниями, продолжая идти рядом. Тэсс недоумевала, долго ли он думает идти с ней, но не хотела сама отсылать его назад. Часто на воротах и перелазах им попадались тексты из Священного писания, выведенные красной или синей краской, и она спросила его, не знает ли он, чья это работа. Он ответил, что он сам и другие лица, проповедующие в этой округе, наняли человека, который пишет такие напоминания, ибо нужно использовать все средства, чтобы воздействовать на души грешников.

Наконец они подошли к тому месту, которое носит название «Крест в руке». Это было самое унылое место на всем пустынном белом плоскогорье. Оно было настолько лишено того очарования, какое ищут в пейзаже художники и любители красивых видов, что обрело иную красоту – само безобразие его дышало красотой трагической и мрачной. Название свое оно получило от сто-

явшего здесь каменного столба с грубым изображением человеческой руки, высеченного из породы, не добываемой в здешних каменоломнях. Об истории этого столба и о цели, с какой он был поставлен, ходили противоречивые рассказы. Одни утверждали, что когда-то тут стоял крест, от которого остался теперь только этот обрубок, другие – что всегда он был таким, а поставлен здесь как вежа, отмечающая какую-то границу или место встречи. Но какова бы ни была история этого камня, место, где он стоит, казалось и кажется зловещим или торжественным, в зависимости от настроения, и производит впечатление даже на самого флегматичного прохожего.

– Теперь я должен с вами расстаться, – сказал он, когда они приблизились к этому месту. – В шесть часов вечера я обещал произнести проповедь в Эбботс-Сернел, и отсюда дорога моя идет вправо. А вы, Тэсси, нарушили мое душевное равновесие, я не могу и не хочу сказать – почему. Я должен уйти и собраться с силами. Вы стали очень хорошо говорить теперь. Кто научил вас такому чистому языку?

– Мои беды многому меня научили, – уклончиво ответила она.

– Какие беды?

Она рассказала ему о первой и единственной, которая имела к нему отношение.

Д'Эрбервилль был потрясен.

– А я понятия об этом не имел, – пробормотал он. – Почему вы мне не написали, когда почувствовали, что дело неладно?

Она не ответила; и он снова нарушил молчание:

– Ну, мы с вами еще увидимся.

– Нет, – сказала она. – Никогда больше не приближайтесь ко мне!

– Посмотрим. Но раньше, чем мы расстанемся, подойдите сюда. – Он направился к столбу. – Когда-то здесь был крест. В священные реликвии я не верю, но бывают минуты, когда вы мне внушаете страх; я вас боюсь гораздо больше, чем вы теперь должны бояться меня. И вот, чтобы избавить меня от опасений, положите свою руку на эту каменную руку и дайте клятву, что никогда не будете меня искушать – ни красотой своей, ни какими-либо заигрываниями.

– О господи, какая бессмысленная просьба! Меньше всего я об этом думала!

– Да, но поклянитесь, поклянитесь!

Тэсс, слегка испуганная, уступила его настойчивым просьбам: положила руку на камень и дала клятву.

– Я скорблю о том, что вы неверующая, – продолжал он. – Какой-то атеист получил власть над вами и смутил вашу душу. Но не будем больше говорить об этом. Дома я могу молиться о вас и буду молиться. Кто знает, что будет дальше? Я ухожу. До свидания.

Он повернулся к пролому в изгороди, перепрыгнул через нее и, не взглянув на Тэсс, зашагал по меловому плоскогорью, направляясь к Эбботс-Сернел. Судя по его походке, он был сильно взволнован. Спустя несколько минут, словно подчиняясь какой-то прежней мысли, он извлек из кармана маленькую Библию, в которую вложено было письмо, смятое и запачканное, – по-видимому, его много раз перечитывали. Д'Эрбервилль развернул это письмо. Оно было написано несколько месяцев тому назад священником Клэром.

В начале письма мистер Клэр выражал неподдельную радость по поводу обращения д'Эрбервилля и благодарил его за то, что тот ему об этом сообщил. Далее он заверял, что от души прощает прежние поведение молодого человека и интересуется дальнейшими его планами. Он, мистер Клэр, рад был бы видеть д'Эрбервилля в числе служителей церкви, которой сам он посвятил столько лет своей жизни, и охотно помог бы ему поступить в духовный колледж; впрочем, на этом он не настаивает, если д'Эрбервилль считает такую отсрочку нежелательной. Каждый человек должен работать в меру сил своих и так, как указывает ему дух.

Д'Эрбервилль читал и перечитывал это письмо и, казалось, при этом цинично усмехался про себя. На ходу прочел он также несколько отрывков из Библии, пока наконец не появилось на лице его выражение полного спокойствия, и образ Тэсс, по-видимому, перестал смущать его мысли.

Тем временем Тэсс шла по краю обрыва кратчайшей дорогой к дому. Пройдя около мили, она встретила пастуха.

– Что это за каменный столб, мимо которого я прошла? – спросила она его. – Там был рань-

ше крест?

– Крест? Не было там никакого креста! Дурное это место, мисс. В старые времена этот камень поставили родственники одного злодея, которого там пытали: пригвоздили его руку к столбу, а потом повесили. Кости его лежат под камнем. Говорят, он продал душу черту и иногда выходит из могилы.

От этого страшного и неожиданного рассказа у Тэсс мучительно сжалось сердце, и она поспешила отойти от пастуха. Только в сумерках она вернулась в Флинтком-Эш и на окраине деревушки увидела какую-то девушку и ее возлюбленного, которые не заметили ее. Они говорили громко, и звонкие реплики молодой женщины и нежные уверения мужчины, сливаясь в холодном воздухе, вносили ноту бодрости в тяжелую неподвижность сумерек. На секунду голоса обрадовали Тэсс, пока она не подумала, что это свидание вызвано тем же влечением, которое явилось причиной ее несчастья. Когда она подошла ближе, девушка спокойно оглянулась и узнала ее, а молодой человек, смутившись, поспешил уйти. Это была Изз Хьюэт, и интерес ее к путешествию, предпринятому Тэсс, тотчас же одержал верх над личными делами. Тэсс рассказала о своей встрече с родными мужа довольно туманно, и Изз, девушка тактичная, тотчас заговорила о своем маленьком романе, о котором Тэсс только что случайно узнала.

– Это Эмби Сидлинг. Бывало, он работал в Тэлботейс, – равнодушно объяснила Изз. – Разузнал, куда я уехала, и явился сюда. Говорит, что вот уже два года, как в меня влюблен. Но я с ним почти не разговаривала.

46

Несколько дней спустя после неудачного путешествия Тэсс работала в поле. По-прежнему дул резкий зимний ветер, но плетеные загородки давали ей некоторую защиту. С подветренной стороны стояла корнерезка, заново окрашенная ярко-голубой краской, и на фоне тусклого пейзажа эта голубизна казалась живой. Перед машиной тянулась длинная насыпь, или «могила», в которой с начала зимы хранилась брюква. С одной стороны яма была разрыта, и у края ее стояла Тэсс, срезавшая кривым ножом корешки и мерзлую землю с брюквы и бросавшая ее затем в корнерезку. Батрак вращал рукоятку машины, и из ее желоба падали желтые ломтики брюквы. Их свежий запах разносился вместе с шумом ветра, резким свистом лезвий машины и стуком ножа в руках Тэсс, защищенных кожаными перчатками.

Широкое бурое поле, где уже выкопали брюкву, начинало покрываться темно-коричневыми бороздами, постепенно расширяющимися. Вдоль каждой борозды двигалось не спеша и не останавливаясь какое-то десятиное существо – две лошади и человек, а между ними плуг, вспахивающий поле для весеннего сева.

Проходили часы, и ничто не нарушало безрадостной монотонной работы. Потом далеко за полем показалась черная точка. Выплыла она из-за пролома в изгороди и как будто поднималась по откосу, направляясь к машине. Сначала это было крохотное пятнышко, вскоре оно приняло форму кегли и, наконец, стало видно фигуру человека в черном, шедшего из Флинтком-Эша. Работник, приводивший в движение машину, мог, не отрываясь от работы, следить за путником, но Тэсс, обчищавшая брюкву, не замечала его, пока ей не указал на него товарищ.

Человек этот не был их суровым хозяином, фермером Гроби; к ним приближалась фигура в костюме, напоминающем одежду духовных особ, – иными словами, бывший повеса Алек д'Эрбервилль. Сейчас он не был разгорячен собственной проповедью и потому казался более уравновешенным, а присутствие работника, по-видимому, его смущало. Тэсс побледнела, смутилась и надвинула капор на самые глаза.

Подойдя к ней, д'Эрбервилль сказал негромко:

– Мне нужно поговорить с вами, Тэсс.

– Вы не исполнили моей последней просьбы и все-таки пришли ко мне? – сказала она.

– Да, но для этого у меня есть серьезные основания.

– Ну, говорите.

– Это гораздо серьезнее, чем вы, быть может, думаете.

Он осмотрелся по сторонам – не подслушивают ли его. Они находились довольно далеко от батрака, приводившего в движение машину, да и стук ее заглушал голос Алека.

Д'Эрбервилль повернулся спиной к работнику, так чтобы заслонить от него Тэсс.

– Дело вот в чем, – продолжал он, и в его голосе чувствовалось любовное раскаяние, – когда мы встретились в последний раз, я, думая о вашей душе и о своей, забыл спросить о материальном вашем положении. Мне это в голову не пришло, потому что вы были хорошо одеты. Но теперь я вижу, что живется вам плохо – хуже, чем в те времена, когда я... вас знал... хуже, чем вы заслуживаете. И, быть может, во многом виноват я!

Она ничего не ответила, он посмотрел на нее пытливо. Опустив голову так, что лица не было видно из-за оборота капора, она снова принялась чистить брюкву. Работа помогала ей скрыть волнение.

– Тэсс, – добавил он со вздохом, – перед вами я виноват больше, чем перед кем бы то ни было! Я понятия не имел о последствиях, пока вы мне не сказали. Негодяй, я осквернил невинность. Вся вина лежит на мне... за беззаконие, совершенное мною в Трэнтридже. И ведь в ваших жилах течет кровь д'Эрбервиллей, а я – жалкий самозванец. Но каким слепым ребенком были вы, Тэсс! Я говорю совершенно серьезно: родители совершают преступление, воспитывая своих дочерей в полном неведении о том, какие сети расставляют для них дети греха. И родители виноваты, независимо от того, руководствовались ли они добрыми побуждениями или были попросту равнодушны.

Тэсс слушала молча; машинально, словно автомат, бросала она в корнерезку одну брюкву за другой, как любая другая батрачка на поле.

– Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить об этом, – продолжал д'Эрбервилль. – Положение мое таково: после того как вы уехали из Трэнтриджа, моя мать умерла и теперь поместье принадлежит мне. Но я хочу продать его и посвятить свою жизнь миссионерской деятельности в Африке; быть может, я приму духовный сан, может быть, просто буду состоять при миссии, – для меня это не имеет значения. Теперь вот о чем хочу я вас спросить: дадите ли вы мне возможность исполнить мой долг, загладить единственным возможным для меня способом вину перед вами? Иными словами, согласны ли вы быть моей женой и вместе со мной уехать?.. Чтобы не терять времени, я уже получил вот это... И таково было желание моей умирающей матери.

Он смущенно вытащил из кармана кусок пергамента.

– Что это? – спросила она.

– Разрешение на брак.

– О нет, сэр, нет! – воскликнула она, отшатнувшись.

– Вы мне отказываете? Почему?

И на лице д'Эрбервилля отразилось разочарование, вызванное не только тем, что его лишали возможности исполнить долг. Ясно было: в нем снова вспыхнула прежняя страсть к ней; желание и долг шли рука об руку.

– Ведь вы, конечно... – заговорил он с большей настойчивостью и умолк, бросив взгляд на батрака, вертевшего ручку машины.

Тэсс тоже почувствовала, что здесь не место для таких разговоров. Сказав работнику, что хочет пройтись с джентльменом, который к ней приехал, она пошла рядом с д'Эрбервиллем по полю, полосатому, словно зебра. Когда они дошли до первой свежеспаханной полосы, он протянул руку, чтобы помочь ей, но она, будто не замечая, пошла вперед, шагая по земляным комьям.

– Вы не хотите выйти за меня, Тэсс? Не хотите, чтобы я снова мог уважать себя? – спросил он, когда они миновали вспаханную полосу.

– Я не могу.

– Но почему?

– Вы знаете, что я вас не люблю.

– Но, быть может, любовь придет со временем, когда вы действительно меня простите?

– Нет, никогда!

– Почему так решительно?

– Я люблю другого.

Ответ, казалось, ошеломил его.

– Любите?! – воскликнул он. – Другого?! Но разве сознание нравственного долга ни к чему вас не обязывает?

– Нет, не говорите этого!

– Но, быть может, ваша любовь к этому человеку является мимолетным чувством, которое вы преодолеете...

– Нет... нет...

– Да, да! Почему вы это отрицаете?

– Я не могу вам сказать.

– Но вы должны!

– Ну, хорошо... я вышла за него замуж.

– Ах! – воскликнул он и остановился как вкопанный, не спуская с нее глаз.

– Я не хотела говорить, – сказала она. – Здесь об этом не знают или, быть может, только смутно догадываются. И вы, пожалуйста, не спрашивайте меня. Вы должны помнить, что мы теперь чужие.

– Мы – чужие? Чужие!

На секунду, как в былые дни, на лице его появилась ироническая усмешка, но он тотчас же прогнал ее.

– Вот это ваш муж? – рассеянно спросил он, кивнув в сторону работника, вращавшего рукоятку машины.

– Этот человек? Конечно, нет! – гордо ответила она.

– Кто же?

– Не спрашивайте меня, я не хочу об этом говорить.

И, повернувшись к нему, она с мольбой подняла на него глаза, затененные темными ресницами.

Д'Эрбервилль смутился.

– Но я спрашиваю только ради вас! – с жаром возразил он. – Черт возьми!.. Бог да простит мне эти слова... Клянусь, я приехал сюда ради вашего блага! Тэсс, не смотрите на меня так... я не могу вынести вашего взгляда. Никогда еще не было на свете таких глаз, ни до, ни после рождения Христова. Нет, я не должен, не смею терять самообладание. Признаюсь, при виде вас снова вспыхнула во мне любовь к вам, а я-то думал, что она угасла, как и все другие страсти. Но я надеялся, что брак освятит нас обоих. «Неверующий муж освящается женой, а неверующая жена освящается мужем», – говорил я себе. Но план мой рухнул, и меня постигло разочарование.

Он задумался, хмуро уставившись в землю.

– Вышла замуж! Замуж!.. Ну, если дело обстоит так, – спокойно продолжал он, разрывая пополам разрешение и пряча клочки в карман, – если жениться на вас я не могу, то хотелось бы мне быть чем-нибудь полезным вам и вашему мужу, кто бы он ни был. Я о многом хочу спросить вас, но воздержусь, раз вы этого не хотите. Однако, если бы я знал вашего мужа, мне легче было бы помочь и вам и ему. Он здесь, на этой ферме?

– Нет, – прошептала она. – Он далеко отсюда.

– Далеко? Далеко от вас? Что же это за муж?

– О, не говорите о нем ничего плохого! Это произошло из-за вас. Он узнал...

– Ах, вот что!.. Это печально, Тэсс!

– Да.

– Но жить вдали от вас... заставлять вас так работать!

– Он не заставляет меня работать! – с жаром воскликнула она, заступаясь за отсутствующего. – Он ничего не знает! Я сама так хотела.

– Но он вам пишет?

– Я... я не могу об этом говорить. Есть вещи, которые касаются только нас двоих.

– Иными словами – не пишет. Вы – покинутая жена, моя прелестная Тэсс!

Он порывисто взял ее за руку, но на руке была толстая перчатка, и, сжав грубые кожаные пальцы, он не почувствовал живой руки.

– Нет, не надо! – испуганно воскликнула она, вытаскивая руку из перчатки, словно из кармана, и оставляя в его руке кожаные пальцы. – О, уйдите! Ради меня... ради моего мужа... заклинаю вас вашим христианством!

– Да, да, ухожу, – ответил он отрывисто и, отдав ей перчатку, хотел уйти; потом снова повернулся к ней и сказал: – Тэсс, видит бог, у меня не было грешных мыслей, когда я взял вашу руку!

Увлеченные разговором, они не слышали мягкого топота копыт по вспаханной земле; лошадь остановилась неподалеку от них, и раздался голос:

– Черт возьми, чего ты бросаешь работу среди дня?

Фермер Гроби издали увидел прогуливающуюся пару и пожелал узнать, зачем они забрались в его владения.

– Не смейте так разговаривать с ней! – крикнул д'Эрбервилль, и лицо его потемнело от гнева, мало напоминающего христианские чувства.

– Вот оно что, мистер. А какие могут быть у нее дела с попами и методистами?

– Кто этот парень? – спросил д'Эрбервилль, взглянув на Тэсс.

Она подошла к нему ближе.

– Уходите, прошу вас!

– Как! И оставить вас с этим негодяем? По лицу видно, что это за грубиян!

– Он меня не обидит. Уж он-то в меня не влюблен. Я могу оставить ферму на благовещенье.

– Мне ничего не остается, как повиноваться. Но... Ну, прощайте!

Когда ее защитник нехотя удалился – защитник, которого она страшилась больше, чем обидчика, фермер снова стал ее ругать, но его брань Тэсс выслушала с величайшим хладнокровием, потому что боялась совсем иного обращения. Иметь хозяином этого тупого человека, который надавал бы ей пощечин, если бы только посмел, являлось для нее чуть ли не облегчением после прежних испытаний. Молча направилась она в тот конец поля, где работала; только что закончившееся свидание поглощало все ее мысли, и вряд ли она замечала, что лошадь Гроби почти касается носом ее спины.

– Если ты нанялась работать на меня до благовещенья, так уж я позабочусь о том, чтобы ты договор исполнила, – ворчал он. – Вот чертовы бабы – то одно у них, то другое. Ну да я этого не потерплю!

Тэсс прекрасно знала, что других работниц он не притеснял так, как притеснял ее, не забыв о полученной пощечине. И на секунду она задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы она была свободна, приняла только что сделанное ей предложение и стала женой богача Алека. Не пришлось бы ей тогда подчиняться грубому хозяину, да и всем тем, кто, казалось, теперь ее презирает.

– Нет! – прошептала она. – Я бы не могла выйти за него замуж! Очень уж он мне не нравится.

В тот же вечер она начала писать трогательное письмо Клэру, скрывая от него свои беды и заверяя в вечной своей любви. Всякий, кто умеет читать между строк, понял бы, что за великой ее любовью скрывается великий страх, чуть ли не отчаяние, – страх, вызванный какими-то обстоятельствами, о которых ни слова не сказано в письме... Но и на этот раз не закончила она своего послания... он предлагал Изз ехать вместе с ним и, быть может, совсем ее не любит. Она спрятала письмо в сундучок и задумалась о том, попадет ли оно когда-нибудь в руки Энджела.

Зима проходила для нее в тяжелой работе, и наконец настал день, знаменательный для всех земледельцев, – день сретенской ярмарки. На этой ярмарке заключались новые договоры на год, начиная с благовещенья, и те батраки, которые подумывали о том, чтобы подыскать другое место, неизменно отправлялись в город, где была ярмарка. Почти все работники с фермы Флинтком-Эш подумывали о полном расчете и рано поутру двинулись в город, находившийся милях в десяти – двенадцати, по холмистой дороге. Хотя Тэсс также намеревалась остаться только до благовещенья, однако она была в числе тех немногих, кто не пошел на ярмарку; смутно надеялась она на какую-то перемену, благодаря которой ей не нужно будет снова наниматься батрачкой на ферму.

Был тихий февральский день, удивительно теплый для этой поры года, и можно было поду-

мать, что зиме конец. Не успела она пообедать, как перед окном ее домика, где она осталась сегодня одна, появился д'Эрбервилль.

Тэсс вскочила, но гость уже стучал в дверь, и убежать она не могла. Стук д'Эрбервилля, походка его, когда он шел к двери, указывали на то, что со времени их последней встречи с ним произошла какая-то неуловимая перемена. Казалось, он стыдился того, что делал. Она хотела было не открывать дверь, но вряд ли и это имело смысл; подняв щеколду, она быстро отступила назад. Он вошел, увидел ее и, не поздоровавшись, сел на стул.

– Тэсс, я ничего не мог поделать! – с отчаянием начал он, вытирая лицо, покрасневшее от волнения. – Я должен был хотя бы зайти узнать, как вы живете. Клянусь, я совсем о вас не думал, пока мы не встретились в то воскресенье. А теперь меня преследует ваш образ, и я не могу от него избавиться! Грустно, что хорошая женщина причиняет зло дурному человеку, но это так! Если бы вы помолились обо мне, Тэсс!

Было что-то почти жалкое в этом тихом отчаянии, но Тэсс не чувствовала к нему жалости.

– Как я могу молиться о вас, – сказала она, – если мне запрещено верить в то, что великая сила, которая правит миром, ради меня изменит свои планы?

– И вы действительно так думаете?

– Да. Меня излечили от самонадеянных представлений.

– Излечили? Кто же?

– Мой муж, если уж вы хотите знать.

– Ах, ваш муж... ваш муж! Как это странно! Помню, что-то в этом духе вы мне говорили в прошлый раз. Во что же вы верите, Тэсс? – спросил он. – У вас как будто нет никакой религии... и, быть может, по моей вине.

– Есть, но ни во что сверхъестественное я не верю.

Д'Эрбервилль посмотрел на нее недоверчиво.

– Значит, вы считаете, что я избрал ложный путь?

– Да, более или менее.

– Гм... а я-то был так уверен, – встревоженно проговорил он.

– Я верю в дух нагорной проповеди, в это верит и дорогой мой муж. Но я не верю...

И она перечислила все, что отрицала в религии.

– Понимаю, – сухо сказал д'Эрбервилль, – вы принимаете все, во что верит дорогой ваш муж, а все, что отрицает он, отрицаете и вы, не рассуждая и не задумываясь. Как это по-женски! Он поработил ваш ум.

– Да, потому что он все знает! – воскликнула она с такой горячей простодушной верой в Энджела Клэра, какую не только он, но и человек более совершенный вряд ли мог бы заслужить.

– Но не следует усваивать целиком чьи бы то ни было скептические взгляды. Нечего сказать – хорош ваш муж, если он учит вас скептицизму!

– Он никогда не навязывал мне своих взглядов. И никогда не хотел говорить со мной об этом. А я рассуждала так: то, во что верит он, хорошо знакомый с разными доктринами, ближе к истине, чем мои убеждения, потому что я никогда никаких доктрин не изучала.

– Ну, а что он говорил? Хоть что-нибудь должен же был он говорить?

Она задумалась; отдельные замечания Энджела Клэра она запомнила слово в слово, даже если смысл был ей непонятен, и сейчас повторила жестокий полемический силлогизм, который слышала от него, когда он размышлял при ней вслух, что случалось с ним нередко. С удивительной точностью она воспроизвела даже манеру говорить и интонации Клэра.

– Скажите еще раз, – попросил д'Эрбервилль, который слушал с глубоким вниманием.

Она повиновалась, а д'Эрбервилль шепотом повторял за ней слова.

– Быть может, вы еще что-нибудь запомнили? – спросил он.

– Однажды он сказал вот что...

И она повторила аргументы, которые можно было бы найти в целом ряде произведений начиная от «Dictionnaire Philosophique»⁶ и кончая научными очерками Гексли.

⁶ «Философский словарь» (фр.)

– Как это вы запомнили?

– Я хотела верить в то, во что верит он, хотя он этого и не просил. И мне удалось выпытать у него кое-что. Не могу сказать, чтобы я все это хорошо понимала, но я знаю, что это правда.

– Гм... Любопытно, что вы меня учите тому, чего сами не знаете.

Он глубоко задумался.

– Вот я и пошла по его дороге, – продолжала она. – Мне не хотелось, чтобы пути у нас были разные. Что хорошо для него – то хорошо и для меня.

– А ему известно, что вы такой же скептик, как и он?

– Нет... если я и скептик, то я никогда ему об этом не говорила.

– Ну, Тэсс, теперь вы находитесь в лучшем положении, чем я! Вы не верите в мою религию, и поэтому вам не нужно ее проповедовать, совесть вас за это не упрекает. А я верю, что проповедовать я должен, – и трепещу, потому что я отказался от проповеди и не сумел справиться со своей страстью к вам.

– Что?

– Да, – сказал он устало, – весь этот путь я прошел сегодня, чтобы увидеть вас. Но, выходя из дому, я хотел идти на кэстербриджскую ярмарку, где должен был сегодня в половине третьего говорить с фургона проповедь, и сейчас все братья ждут меня там. Вот и объявление.

Он вытащил из кармана объявление, возвещавшее о дне, часе и месте собрания, на котором он, д'Эрбервилль, должен был проповедовать слово божие.

– Но ведь вы же опоздаете! – воскликнула Тэсс, взглянув на часы.

– Я уже опоздал.

– И вы действительно обещали говорить проповедь?..

– Да, обещал, но говорить не буду, потому что меня сжигает желание видеть женщину, которую я когда-то презирал! Нет, клянусь честью, вас я никогда не презирал! Иначе я бы не мог любить вас теперь! Не презирал, потому что вы, несмотря ни на что, – чистая женщина. Как быстро и решительно ушли вы от меня, когда поняли создавшееся положение! Вы не сделали моей игрушкой. И потому есть на свете женщина, к которой я не чувствую презрения, и женщина эта – вы. Ну, а теперь у вас есть основания презирать меня. Я думал, что поклоняюсь господу на горних высотах, но вижу, что все еще служу в рощах! Ха-ха!

– О Алек д'Эрбервилль, что же это значит? Что я сделала?

– Что вы сделали? – переспросил он глумливо. – Умышленно – ничего. Но вы были орудием – невинным орудием моего отступничества, как они это называют. Я спрашиваю себя, не я ли один из тех «рабов порока», которые, «раз избегнув скверн мира сего, вновь запутываются в сетях и терпят поражение», и последнее их падение хуже, чем первое?

Он положил руку ей на плечо.

– Тэсс, Тэсс, я был на пути к спасению, по крайней мере – в глазах общества, пока снова вас не увидел! – воскликнул он, ласково встряхивая ее за плечо, словно ребенка. – Зачем же вы меня искушали? Я был тверд, как может быть тверд мужчина, пока не увидел снова этих глаз, этого рта... Клянусь, со времени Евы не было такого соблазнительного рта!

Он понизил голос, черные глаза жарко сверкнули.

– Вы искусительница, Тэсс, вы чародейка из Вавилона... я не мог устоять, как только увидел вас снова.

– Мы встретились не по моей вине, – сказала Тэсс, отодвигаясь от него.

– Я это знаю и повторяю, что вас я не виню. Но факт остается фактом. Когда я увидел, как обращаются с вами на этой ферме, я чуть с ума не сошел при мысли, что у меня нет законного права вас защищать, нет и быть не может! А тот, у кого это право есть, пренебрегает вами.

– Не смейте говорить о нем плохо! Его здесь нет! – горячо воскликнула она. – Относитесь к нему с уважением, он ничего плохого вам не сделал! И оставьте его жену в покое, пока еще не пошли сплетни, которые могут запятнать его честное имя!

– Да, – отозвался он, словно пробуждаясь от страшного сна. – Я нарушил обещание проповедовать слово божие этим бедным пьяницам на ярмарке; впервые выкинул я такую штуку! Месяц тому назад я бы ужаснулся при одной мысли о ней. Я уйду... и поклянусь... если хватит сил, что

не буду больше искать встреч...

И вдруг он изменил тон:

– Один поцелуй, Тэсси, только один! В память старой дружбы...

– Я беззащитна, Алек! На мне лежит забота о добром имени честного человека... подумайте об этом... и постыдитесь!

– Да, да! О боже!

Он сжал губы, возмущенный собственной слабостью. В глазах у него потемнело – угасла надежда и на любовь и на религию. Былые темные страсти, чьи следы почти стерлись с его лица после его обращения, казалось, воскресли и проступили наружу. Он ушел, словно колеблясь.

Хотя д'Эрбервилль и заявил, что в нарушении своего обещания видит лишь отступничество верующего, но слова Тэсс, являвшиеся отголоском речей Энджела Клэра, произвели на него глубокое впечатление, и оно не стерлось, когда он расстался с ней. Он шел тихо, словно придавленный мыслью, которая раньше и в голову бы ему не пришла: он начал понимать, что дальнейшее его служение невозможно. Рассудок был непричастен к его неожиданному обращению, которое, возможно, было всего-навсего причудой легкомысленного молодого человека, жаждущего новых ощущений и потрясенного смертью матери.

Те капли логики, какие Тэсс уронила в море его энтузиазма, охладили пыл Алека. Снова и снова возвращаясь к тем отчетливым формулам, какие она ему сообщила, он подумал: «Этот умник не подозревал, что, толкуя с Тэсс о таких предметах, он прокладывает мне дорогу к ней!»

47

На ферме Флинтком-Эш предстоит молотьба последней скирды пшеницы. Мартовский рассвет на редкость бесцветен, и нельзя угадать, в какой стороне восток. На фоне сумеречного неба поднимается верхушка скирды, имеющая форму трапеции; скирда стоит одиноко, вымытая и выбеленная зимними дождями и снегом.

Когда Изз Хьюэт и Тэсс пришли на поле, только по шороху и шелесту можно было догадаться, что другие их опередили; однако скоро небо начало светлеть и на верхушке скирды вырисовались силуэты двух мужчин. Они энергично «готовили» скирду, то есть срывали с нее соломенную крышу, прежде чем сбрасывать вниз снопы. Между тем Изз, Тэсс и остальные батрачки, облаченные в светло-коричневые фартуки, дрожали от холода: фермер Гроби велел им прийти пораньше, чтобы к вечеру обязательно покончить с молотьбой. Возле самой скирды смутно виднелось красное чудовище, прислуживать которому пришли женщины. Это было деревянное сооружение с ремнями и колесами, молотилка, которая деспотически испытывает выносливость мускулов и нервов.

Поодаль темнел другой неясный предмет – черный, сдержанно шипевший, и шипение это свидетельствовало о таившейся в нем силе; длинная труба поднималась к небу параллельно ясеню; от этого предмета исходило тепло, и даже в темноте можно было угадать, что это паровая машина, которой предстоит быть источником движения этого маленького мирка. Подле машины стояла темная неподвижная фигура, высокая, мрачная, покрытая сажой и словно погруженная в транс; у ног ее лежала куча углей; это был механик. Судя по виду и цвету одежды, можно было принять его за выходца из ада, который забрел сюда, в эту прозрачную и бездымную страну желтого зерна и бесцветной земли, совершенно ему чуждую, для того, чтобы изумлять и приводить в смущение ее обитателей.

И вел он себя соответствующе: работал вместе с земледельцами, но держался особняком. Он служил огню и дыму, а эти жители полей – злакам, погоде, морозу и солнцу. С фермы на ферму, из графства в графство путешествовал он со своей машиной, ибо в этой части Уэссекса паровая машина до сих пор еще вела бродячую жизнь. Он говорил со странным северным акцентом, был углублен в себя и не спускал глаз со своей железной спутницы, вряд ли замечая, что вокруг него происходит, и нимало этим не интересуясь. С местными жителями он общался лишь постольку, поскольку такое общение было необходимо, и словно по воле древнего рока скитался здесь, служа своему владыке Плутону. Длинный ремень, соединявший передаточное колесо его машины с

красной молотилкой, стоявшей возле скирды, был единственным звеном, связывающим его с земледелием.

Пока снимали солому со скирды, он апатично стоял подле своего передвижного вместилища энергии, горячего и черного, вокруг которого вибрировал утренний воздух. В подготовительной работе он не принимал никакого участия. Угли были раскалены, пары разведены, и в любой момент он мог привести в движение длинный ремень, который по его воле будет двигаться с невероятной быстротой. Все, что находилось за пределами его машины, будь то пшеница, солома или хаос, нисколько его не интересовало. Если праздные зрители спрашивали его, кто он такой, он отвечал коротко: «Механик».

Когда скирду «приготовили», было уже совсем светло. Мужчины заняли свои места, женщины влезли наверх, и работа закипела. Фермер Гроби – или, как называли его, «он» – явился заблаговременно, и по его приказанию Тэсс встала на площадку машины, рядом с батраком, бросавшим пшеницу в молотилку; в ее обязанности входило развязывать снопы, которые передавала ей со скирды Изз Хьюэт. Затем батрак брал у нее сноп и бросал колосья на вращающийся барабан, который в одну секунду их обмолачивал.

После одной-двух заминок, порадовавших сердца тех, кто ненавидел машины, работа пошла на лад и продолжалась без перерыва до завтрака. На полчаса молотилку приостановили, а когда снова пустили в ход, то дело нашлось и для остальных батраков – они возводили скирду соломы рядом с уменьшавшейся скирдой пшеницы. Полдничали на скорую руку там, где работали, а часа через два настало обеденное время. Неумолимые колеса продолжали вращаться, а назойливый гул молотилки словно пронизывал насквозь всех, кто находился неподалеку от вращающейся проводочной клетки.

Старики, воздвигавшие соломенную скирду, толковали о тех временах, когда хлеб молотили цепами на дубовом полу риги, когда даже при просеивании зерна применялся только ручной труд, когда работа шла медленнее, но результаты были куда лучше. Те, что стояли на скирде пшеницы, также могли немного поболтать, но работники, в их числе и Тэсс, которые, обливаясь потом, обслуживали молотилку, не могли облегчить свой труд и коротким разговором. Эта непрерывная работа жестоко измучила Тэсс, и она начала сожалеть, что вообще пришла на ферму Флинтком-Эш. Женщины, стоявшие на скирде пшеницы, и особенно Мэриэн, могли оторваться от работы, чтобы глотнуть из фляжки элю или холодного чаю и перебраться отдельными фразами, вытирая потное лицо или счищая приставшую к платью солому и шелуху. Но для Тэсс не было ни минуты отдыха; пока вращался барабан, батрак, бросавший в него пшеницу, не мог прервать работу, и Тэсс, подававшая ему развязанные снопы, не могла передохнуть, если ее не сменяла Мэриэн, временами уступавшая ей свое место на полчаса, хотя Гроби и ворчал, что она развязывает снопы слишком медленно.

Из соображений скорее всего экономических на эту работу всегда назначали женщину, и Гроби поставил на молотилку Тэсс, мотивируя свой выбор тем, что была она не только сильной и выносливой, но и снопы развязывала быстрее, чем другие. Пожалуй, это было верно. Гул молотилки, мешавший разговорам, переходил в рев, когда иссякало в ней зерно. Так как Тэсс и работник ни на секунду не могли отвернуться от машины, то Тэсс понятия не имела о том, что незадолго до обеда на поле пришел какой-то человек и остановился возле второй скирды, следя за батраками, и в особенности за Тэсс. Он был одет в модный суконный костюм и вертел в руках изящную трость.

– Кто это? – спросила Изз Хьюэт у Мэриэн. Сначала она задала этот вопрос Тэсс, но та не расслышала.

- Должно быть, чей-нибудь дружок, – кратко ответила Мэриэн.
- Ставлю гинеею, что он бегаёт за Тэсс.
- Нет, за ней последнее время волочился методистский поп, а не этот фронт.
- Да это он самый и есть.
- Проповедник? Ничуть не похож.
- Он снял черный сюртук и белый галстук, сбрил бакенбарды, но все-таки это он.
- Ей-богу? Ну, так я ей скажу, – заявила Мэриэн.

– Не надо. Она скоро сама его заметит.

– По-моему, не очень-то это хорошо – и проповедовать и волочиться за замужней женщиной, даже если ее муж уехал за океан и оставил ее вроде как бы вдовой.

– Ну, у него ничего не выйдет, – сухо отозвалась Изз. – Ее так же трудно сдвинуть с места, как увязшую в грязи телегу, – она только о муже своем и думает. Ни ухаживание, ни проповеди, ни даже громы небесные не смогут расшевелить женщину, именно когда ей больше всего нужно, чтобы ее расшевелили.

Настал обеденный час, и молотилку остановили. Тэсс покинула свой пост; от тряски машины ноги ее так дрожали, что она едва могла идти.

– Следовало бы и тебе, по моему примеру, прикладываться к бутылочке, – сказала Мэриэн. – Тогда бы ты так не побледнела. Ей-богу, можно подумать, что из тебя душу вытрясли!

Добродушная Мэриэн решила, что при виде гостя у измученной Тэсс пропадет аппетит, и хотела увести ее к лестнице, чтобы спуститься на другую сторону скирды, но в это время джентльмен выступил вперед и поглядел на них.

Тэсс тихонько вскрикнула: «Ох!» – и быстро сказала:

– Я пообедаю здесь, на скирде.

Нередко случалось им всем обедать таким образом; но сегодня дул резкий ветер, поэтому Мэриэн и другие батрачки спустились по лестнице со скирды и расположились возле стога соломы.

Этот джентльмен действительно был Алек д'Эрбервилль, еще недавно странствующий проповедник, но теперь и костюм его и внешний вид резко изменились. С первого взгляда было видно, что им овладела прежняя жажда наслаждений. И – насколько это позволяли протекшие с тех пор три-четыре года – он снова превратился в того развязного красавца щеголя, каким Тэсс впервые увидела своего поклонника и так называемого кузена. Решив остаться на верхушке скирды, Тэсс уселась среди снопов, так что ее было не видно снизу, и принялась за обед. Вскоре она услышала, как кто-то взбирается по лестнице, и через секунду на верхушке скирды, которая превратилась теперь в продолговатую и ровную площадку, показался Алек. Шагая по снопам, он подошел к Тэсс и молча уселся против нее.

Тэсс продолжала доедать свой скромный обед – толстую лепешку, принесенную из дому. Между тем остальные работники удобно расположились на разбросанной у скирды соломе.

– Как видите, я опять здесь, – сказал д'Эрбервилль.

– Зачем вы меня мучаете! – воскликнула она, и казалось, все ее существо дышало укоризной.

– Я мучаю вас? Мне кажется, я могу спросить, зачем вы меня мучаете?

– Но я вас не мучаю!

– Да? Ошибаетесь! Вы меня преследуете. Сейчас вы посмотрели на меня с горьким упреком – вот такими я вижу ваши глаза и днем и ночью! Тэсс, с тех пор как вы рассказали мне о нашем ребенке, все мои чувства, стремившиеся к небу, внезапно устремились к вам, словно шлюзы открылись и поток ринулся в новое русло. Русло веры отныне высохло; и это сделали вы, вы!

Она молча смотрела на него.

– Как, неужели вы совсем отказались от проповедования?! – воскликнула она.

Хотя она в известной мере и восприняла от Энджела скептицизм современной мысли – во всяком случае настолько, чтобы презирать чересчур бурное проявление религиозного энтузиазма, но сейчас она немного испугалась, как испугалась бы всякая женщина на ее месте.

С деланной суровостью д'Эрбервилль ответил:

– Окончательно. Я нарушил все обязательства с того дня, когда должен был произносить проповедь перед пьяницами на кэстербриджской ярмарке. Черт его знает, что думают теперь обо мне братья! Ха-ха! Братья! Несомненно, они обо мне молятся, оплакивают мое отступничество. По-своему они неплохие люди; но мне-то что? Мог ли я по-прежнему делать то, во что перестал верить? Это было бы самым гнусным лицемерием! Среди них я бы играл роль Гименея или Александра, которых препроводили к сатане, чтобы они отучились кощунствовать. О, как вы мне отомстили! Я встретил вас, невинную, – и обольстил. Через четыре года вы встречаете меня, ревностного христианина, – и производите на меня такое впечатление, что, быть может, меня ждет теперь

вечная погибель. Нет, Тэсс, моя кузиночка, как я вас называл в былые времена, ведь это только болтовня, и незачем вам делать такое озабоченное лицо. Конечно, вы виноваты только в том, что сохранили хорошенькое личико и красивую фигуру. Я вас увидел на верхушке скирды, когда вы меня еще не заметили... Этот узкий фартук обрисовывает вашу фигуру, а чепчик... вам, девушкам-работницам, во избежание беды лучше не носить таких чепчиков.

Несколько секунд он молчал и смотрел на нее, потом с циничным смешком добавил:

– Думаю, если бы холостяк-апостол, чьим представителем я себя мнил, увидел такое хорошенькое личико – он, как и я, позабыл бы о своем долге.

Тэсс хотела было возразить, но эти последние слова лишили ее дара речи, и д'Эрбервилль продолжал как ни в чем не бывало:

– Ну, в конце концов рай, который можете дать вы, не хуже, чем всякий другой. Но поговорим серьезно, Тэсс.

Он встал, подошел ближе и прилег на снопы, опираясь на локоть.

– С тех пор, как мы виделись в последний раз, я обдумал то, что вы мне передавали с *его* слов. Я пришел к тому заключению, что этим старым, изношенным заповедям не хватает здравого смысла. Ума не приложу, как мог я заразиться энтузиазмом бедного пастора Клэра и с таким пылом заняться святым делом, что даже его самого превзошел! Ну, а то, что вы мне говорили в последний раз, со слов вашего удивительного супруга, чье имя до сих пор мне неизвестно, – об этической системе, не опирающейся на догму, – это меня совсем не устраивает.

– Но ведь вы можете исповедовать религию любви, доброты и целомудрия, хотя бы вы и не верили в то, что называют догматами.

– О нет! Это мне не по вкусу! Раз нет никого, кто бы мне сказал: «Если ты поступаешь вот так, то тебе будет хорошо после смерти, а если вот этак – будет скверно», я не могу воспламениться. Черт возьми! Я не намерен взвешивать свои поступки и страсти, раз нет никого, перед кем бы я должен был отвечать! Да и на вашем месте, моя дорогая, я бы рассуждал точно так же.

Тэсс пыталась возражать, – сказать, что его тупой мозг путает теологию с моралью, тогда как на заре человечества эти два понятия ничего общего между собой не имели, но Энджел Клэр был сдержан, когда говорил на эту тему, а она была слишком необразованна и жила скорее эмоциями, чем рассудком, и поэтому ничего не могла доказать.

– Ну да стоит ли об этом говорить? – сказал он. – Я снова здесь, моя красавица, как и в былые времена!

– Нет, не так, как тогда! Теперь иначе! – взмолилась она. – И никогда я вас не любила. Ох, уж: лучше бы у вас осталась ваша вера, вы бы так не говорили со мной!

– Веры меня лишили вы, и да падет вина на вашу милую головку! Ваш муж не подозревал, что его слова обратятся против него самого! Ха-ха! Я ужасно рад, что вы сделали меня вероотступником, Тэсс! Я в вас влюблен больше, чем когда бы то ни было, и вдобавок мне вас жаль. Хотя вы и молчите, а все-таки я вижу, что живется вам плохо, – вами пренебрегает тот, кто должен о вас заботиться.

Кусок не шел ей в горло, губы пересохли, она задыхалась. Голоса и смех обедавших внизу на соломе едва доходили до ее слуха, словно они находились за четверть мили отсюда.

– Вы жестоки ко мне, – сказала она. – Разве могли бы вы говорить со мной так, если бы хоть немного меня любили?

– Правда, правда, – отозвался он, нахмурившись. – Я пришел не для того, чтобы упрекать вас за мои поступки. Тэсс, я не хочу, чтобы вы так много работали, я для вас пришел сюда. Вы говорите, что вы замужем, и не я – ваш муж. Быть может, вы сказали мне правду, но я его никогда не видел, его имя вы скрыли, и вообще он кажется мне мифом. Но даже если у вас есть муж, я считаю – я вам ближе, чем он. Все-таки я пытаюсь помочь вам в беде, чего не делает он, да благословит небо этого невидимку! Мне припоминаются слова сурового пророка Осии, которого я, бывало, читал. Знаете вы их, Тэсс? «Погонится за любовником своим, но не догонит его, и будет искать его, но не найдет и скажет: пойду я и возвращусь к первому мужу моему, ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». Тэсс, моя двуколка ждет у подножия холма, а остальное вам известно, любимая моя... не его!

Она густо покраснела, пока он говорил, но не ответила ни слова.

– Вы были причиной моего отступничества, – продолжал он, протягивая руку, чтобы обнять ее за талию, – поэтому вы должны разделить мою судьбу и навсегда оставить этого осла, которого называете своим мужем.

У нее на коленях лежала одна из кожаных перчаток, которую она сняла, когда принялась за обед; не говоря ни слова, она схватила ее и, размахнувшись, ударила его по лицу. Перчатка была толстая и тяжелая, как рукавица воина, а удар пришелся прямо по губам. Ее закованные в латы предки не раз наносили такие удары, и при наличии пылкой фантазии можно было подумать, что в поступке Тэсс сказались ее кровь. Алек, лежавший на снопах, вскочил. Алая капля выступила на губе, а через секунду кровь закапала на солому. Но он быстро овладел собой, спокойно вынул носовой платок из кармана и вытер окровавленные губы.

Она тоже вскочила, но тотчас же опустилась снова на снопы.

– Ну, накажите меня, – сказала она, глядя на него испуганно и вызывающе, словно воробей, которому вот-вот свернут шею. – Ударьте меня, прибейте! Можете не бояться этих людей там, у стога! Кричать я не буду. Однажды жертва – на всю жизнь жертва!.. Таков закон!

– Ну что вы, Тэсс, – невозмутимо сказал он. – Я понимаю ваши чувства. Однако вы ко мне очень несправедливы, забывая, что я женился бы на вас, если бы вы не лишили меня этой возможности. Разве я не просил вас быть моей женой? Отвечайте.

– Просили.

– А вы не могли согласиться. Но запомните одно!..

Голос его стал жестче; гнев овладел им, когда он вспомнил, как искренне просил ее быть его женой и как отблагодарила она его сейчас. Он подошел к ней и схватил ее за плечи так, что она покачнулась.

– Помни, когда-то я был твоим господином. И снова им буду. Твой единственный и настоящий муж – я.

Снизу донесся шум – молотильщики поднимались с земли.

– Ну, кончим ссориться, – сказал он, отпуская ее. – Сейчас я вас оставлю, а за ответом приду позднее. Вы меня еще не знаете. Но я-то вас знаю!

Она молчала, словно оглушенная. Д'Эрбервилль зашагал по снопам и спустился по лестнице, а внизу потягивались отяжелевшие от пива работники. Снова пустили в ход молотилку, снова зашуршала солома, а Тэсс, двигаясь словно во сне, вернулась на свое место возле гудящего барабана и начала развязывать один сноп за другим.

48

После обеда фермер объявил, что скирду нужно обмолотить сегодня, хотя бы пришлось работать при луне, так как механик со своей машиной отправляется завтра на другую ферму. Стук, гул, шелест возобновились и почти ни на секунду не затихали.

Было около трех часов, когда Тэсс улучила минутку, чтобы поднять глаза и осмотреться по сторонам. Она почти не удивилась, увидав, что Алек д'Эрбервилль вернулся и стоит у ворот около изгороди. Поймав ее взгляд, он ласково махнул ей рукой и послал воздушный поцелуй. Этим он давал знать, что ссора забыта. Тэсс снова опустила глаза и после этого упорно старалась не смотреть в ту сторону.

Медленно тянулся день. Скирда пшеницы оседала, скирда соломы росла, а мешки с зерном увозили в амбар. К шести часам вечера пшеничная скирда стала высотой всего лишь по плечи. Но казалось, не счесть – было оставшихся снопов, хотя ненасытная молотилка поглотила бесчисленное количество их; и все снопы прошли через руки батрака и Тэсс, кормивших чудовище. А гигантская скирда соломы, выросшая там, где утром ничего не было, являлась как бы испражнениями этого гудящего красного обжоры. К концу пасмурного дня запад окрасился зловещим багрянцем – неистовый март не мог подарить лучшего заката – и медный свет залил усталые, потные лица молотильщиков и развевающуюся одежду женщин, которая льнула к телу, словно языки тусклого пламени.

Все задыхались от усталости. Выбился из сил батрак, кормивший молотилку; Тэсс видела, что к его красной шее пристали грязь и шелуха. Она все еще стояла на своем посту; разгоряченное, потное лицо ее было покрыто пшеничной пылью, от которой потемнел белый чепчик. Она была единственной женщиной, стоявшей на площадке сотрясавшейся молотилки; по мере того как понижалась скирда, Мэриэн и Изз все дальше отодвигались от нее и теперь уже не могли меняться с ней местами. Вместе с машиной сотрясались все мускулы Тэсс, и постепенно она впала в оцепенение, руки ее работали независимо от нее самой. Вряд ли сознавала она, где находится, не слышала, как Изз Хьюэт крикнула ей снизу, что у нее распустилась коса.

Даже самые сильные начинали изнемогать, лица у всех были землистого цвета, глаза запали. Поднимая голову, Тэсс видела все тот же гигантский стог соломы, а на нем сбросивших куртки батраков, которые вырисовывались на фоне серого северного неба; словно лестница Иакова, возвышался длинный красный транспортер, по которому непрерывным потоком поднималась солома, – желтая река, стремящаяся вверх и разливающаяся по верхушке скирды.

Тэсс знала, что Алек д'Эрбервилль остался на поле и следит за ней, но где он стоит, она не могла сказать. Сейчас его присутствие можно было объяснить: обычно, когда оставался последний слой снопов, начиналась охота за крысами, и в этой забаве принимали участие люди, не, имеющие к молотье никакого отношения, – всевозможные любители подобных развлечений, джентльмены с терьерами и рожками, простые парни с палками и камнями.

Однако нужно было работать еще около часу, чтобы добраться до крыс, приютившихся под скирдой. Когда вечерняя заря угасла над Холмом Великана близ Эбботс-Сернел, белолицая мартовская луна поднялась над горизонтом с той стороны, где находилось Мидлтонское аббатство и Шотсфорд. В течение последних двух часов Мэриэн все сильнее беспокоилась о Тэсс, к которой не могла приблизиться настолько, чтобы та ее услышала. Другие женщины подкреплялись элем, но Тэсс ничего не пила, так как еще в детстве узнала, к чему это приводит. Однако она держалась на ногах: если бы силы ей изменили, ее прогнали бы с фермы; месяц или два назад она бы отнеслась к этому равнодушно, быть может, даже обрадовалась, но с тех пор, как д'Эрбервилль начал охотиться за ней, мысль о потере места приводила ее в ужас.

Работники, разбиравшие скирду и бросавшие снопы в молотилку, могли теперь свободно разговаривать с теми, кто стоял на земле. К великому удивлению Тэсс, фермер Гроби влез на площадку машины и сказал ей, что если она хочет пойти к своему другу, то он возражать не станет, а на ее место поставит кого-нибудь другого. Она поняла, что «другом» был д'Эрбервилль, а фермер оказывает ей снисхождение, исполняя просьбу этого друга – или врага. Не прерывая работы, она покачала головой.

В конце концов добрались до крыс, и охота началась. Зверьки залезали все глубже в пшеницу, по мере того как оседала скирда, и, наконец, очутились на земле. Когда исчез последний слой снопов и крысы бросились врассыпную, громкий вопль полупьяной Мэриэн возвестил ее товаркам, что одна из крыс напала на ее особу. Остальные женщины заранее приняли меры, подоткнув юбки или заняв места повыше. Крысу наконец прогнали. По всему полю раздавался лай собак, крики мужчин, визг женщин, ругань, топот; и в этом вавилонском столпотворении, Тэсс развязала последний сноп. Остановили молотилку, гул стих, и Тэсс спустилась с площадки на землю.

Ее поклонник, не принимавший участия в охоте на крыс, тотчас же очутился подле нее.

– Как... вы все-таки здесь... после моей пощечины? – прошептала она; усталая, она не могла говорить громко.

– Я был бы дураком, если бы обижался на вас, как бы вы со мной ни обращались, – сказал он вкрадчиво, как говаривал, бывало, в Трэнтридже. – Как дрожат маленькие ножки! Вы сейчас слабенькая, как больной теленок, и сами это знаете. А ведь вы могли бы не работать, с тех пор как я пришел. Зачем было упрямяться? Я сказал фермеру, что он не имеет права ставить на такую работу женщин. Не женское это дело, и он прекрасно знает, что на всех хороших фермах отказались от этого обычая. Я провожу вас домой.

– Хорошо, – отозвалась она, едва передвигая ноги, – проводите меня, если хотите. Я помню, что вы собирались жениться на мне, когда еще не знали о моем замужестве. Быть может... быть может, вы лучше и добрее, чем я думала. За доброту вашу я вам благодарна, но за другое сержусь

на вас. Иногда я не могу понять, что у вас на уме.

– Если я не имею права узаконить прежние наши отношения, то во всяком случае могу вам помочь. И помогать буду, стараясь по мере сил шадить ваши чувства, чего не делал раньше. С моей религиозной манией – называйте это, как хотите, – покончено. Но кое-что хорошее во мне осталось. Надеюсь, что осталось. Послушайте, Тэсс, заклинаю вас всем лучшим в отношениях между мужчиной и женщиной, доверьтесь мне! Денег у меня достаточно, больше чем достаточно, чтобы избавить от нужды и вас, и ваших родителей, и сестер. Я их обеспечу, если только вы отнесетесь ко мне с доверием.

– Вы недавно их видели? – быстро спросила она.

– Да. Они не знали, где вы. Только случай помог мне отыскать вас здесь.

Сквозь ветки живой изгороди холодная луна посматривала на измученное лицо Тэсс, остановившейся перед домиком, где она жила. Д'Эрбервилль стоял подле нее.

– Не говорите о моих маленьких братьях и сестрах. Я теряю последние силы, когда вы говорите о них, – сказала она. – Если вы хотите им помочь – а богу известно, как они в этом нуждаются, – помогайте, но только не говорите мне... Нет, нет! – воскликнула она. – Я ничего от вас не приму – ни для них, ни для себя!

Он не вошел в дом, так как Тэсс жила вместе с хозяевами и всегда была на людях. Помывшись в лохани, Тэсс поужинала с хозяевами, потом глубоко задумалась и пересела к столу, стоявшему у стены, где при свете маленькой лампы начала писать, повинувшись страстному порыву:

«Мой дорогой муж, позволь мне называть тебя так. Я не могу иначе, даже если ты сердисься, думая о такой недостойной жене, как я. Я не могу не сказать тебе о моем горе, – кроме тебя, никого у меня нет! Меня так жестоко искушают, Энджел. Я не смею сказать, кто он, и не хочу об этом писать. Но ты представить себе не можешь, как я нуждаюсь в тебе! Не можешь ли ты приехать ко мне сейчас, немедленно, пока ничего ужасного не случилось? О, я знаю, что не можешь, ты так далеко! Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе. Я заслужила наказание, которое ты наложил на меня, – знаю, что заслужила, и ты имеешь полное право на меня сердиться, ты справедлив ко мне. Но, Энджел, прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне, даже если я этого недостойна, – и приезжай. Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть – зная, что ты меня простил.

Энджел, я живу только для тебя. Я слишком тебя люблю, чтобы упрекать за то, что ты уехал, и знаю, что ты должен был найти ферму. Не думай, что услышишь от меня хоть одно злое или горькое слово. Только вернись ко мне. Без тебя я тоскую, мой любимый. Так тоскую! Это ничего, что я должна работать. Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «скоро приеду», – о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!

С тех пор как мы поженились, быть верной тебе в словах и помыслах стало моей религией, и если кто-нибудь скажет мне вдруг любезность, мне кажется, что это обида тебе. Неужели ты больше ничего не чувствуешь ко мне и кончилось все, что было на мызе? А если нет, то как же ты можешь жить вдали от меня? Я все та же женщина, Энджел, которую ты полюбил. И совсем не та, которая тебе так не нравилась, хотя ты ее никогда не видел. Что мне было до прошлого, когда я тебя встретила? Оно умерло. Я сделалась другой женщиной, и ты наполнил меня до краев новой жизнью. Могу ли я быть теперь той, прежней? Как ты этого не понимаешь? Милый, если бы ты был чуточку более самоуверен, ты понял бы, что у тебя хватило сил изменить меня всю целиком, и тогда, пожалуй, ты мог бы приехать ко мне – твоей бедной жене.

Как глупа я была, когда, счастливая, думала, что могу верить в твою вечную любовь ко мне! Следовало бы мне знать, что такая любовь не для меня, грешной! Но меня не только грызет тоска по прошлому, меня гнетет и настоящее. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы

твое сердце ныло каждый день только одну минутку так, как ноет мое сердце день за днем, ты бы пожалел свою бедную, одинокую Тэсс.

Энджел, говорят, что я все еще хорошенькая (меня называют красавицей, уж если говорить правду). Быть может, это верно. Но мне-то не нужна моя красота. Я радуюсь ей только потому, что она принадлежит тебе, мой дорогой, и, может быть, кроме нее, нет у меня ничего, достойного тебя. И вот поэтому-то, когда меня из-за нее доняли, я обвязала лицо платком и старалась подольше не снимать повязки. О Энджел, все это я говорю тебе не из тщеславия, – ты ведь знаешь, что я не тщеславна, – а только для того, чтобы ты ко мне приехал!

Если ты действительно не можешь ко мне приехать, то позволь мне приехать к тебе. Говорю тебе – я измучена, меня заставляют делать то, чего я не хочу делать. Быть того не может, чтобы я хотя бы чуть-чуть уступила, но мне страшно при мысли о том, до чего может довести случай, а первая моя вина делает меня такой беззащитной. Больше не могу говорить об этом – очень уж тяжело. Но если я не устою и попаду в какую-нибудь страшную ловушку, теперь мне будет хуже, чем было в первый раз. О боже, я и подумать об этом не могу! Позови меня к себе, позови скорее, или сам приезжай ко мне!

Я была бы довольна – нет, счастлива! – быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать, что ты мой.

Солнечный свет меня не радует, раз тебя здесь нет, и не хочется смотреть на грачей и скворцов в поле, потому что мы на них смотрели вместе, а теперь я тоскую без тебя. Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землей – увидиться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай и спаси меня от того, что мне угрожает!

Твоя верная и несчастная – Тэсс».

49

Послание было своевременно доставлено к завтраку в тихий дом священника на западе той долины, где воздух такой мягкий, а земля такая тучная, что возделывание полей не требует тяжких усилий, как в Флинтком-Эше, и где даже люди, по мнению Тэсс, принадлежат к какой-то иной породе (хотя в действительности они везде одинаковы). Заботясь о том, чтобы письма не пропадали, Энджел посоветовал Тэсс писать на имя отца, которого не забывал уведомлять о перемене своего адреса в той стране, куда с тяжелым сердцем отправился на разведку.

– Ну вот, – сказал старый мистер Клэр жене, прочтя адрес на конверте, – если Энджел в конце будущего месяца намеревается, как он нам писал, покинуть Рио и посетить родину, то это письмо, пожалуй, ускорит его отъезд; мне кажется оно от его жены.

Он глубоко вздохнул, и письмо было тотчас переадресовано Энджелу.

– Милый мой мальчик! Надеюсь, он благополучно вернется домой, – прошептала миссис Клэр. – До конца жизни я буду считать, что мы были к нему несправедливы. Ты должен был бы послать его в Кембридж, несмотря на его неверие, и дать ему такое же образование, какое получили старшие братья. При благотворном влиянии он изменил бы свои взгляды и, быть может, в конце концов принял сан. И во всяком случае это было бы справедливее по отношению к нему.

Это был единственный упрек в отношении их сыновей, который миссис Клэр позволяла себе делать мужу. Да и этот упрек повторяла она нечасто, так как была женщиной не только благочестивой, но и мягкой. Она знала, что и его тревожат сомнения, справедливо ли он поступил в данном случае. Частенько слышала она, как в часы бессонницы он, сдерживая вздохи, молится об Энджеле. Впрочем, непреклонный евангелист и теперь считал, что не вправе был дать своему неверующему сыну то же академическое образование, какое получили его братья, – вполне возможно и даже весьма вероятно, что Энджел использовал бы свои познания для опровержения тех

самых доктрин, служение которым его отец сделал целью своей жизни и жизни своих старших сыновей. Возводить одной рукой пьедестал для двух верующих, а другой – для неверующего казалось ему поступком, не соответствующим его убеждениям, положению и надеждам. Тем не менее он любил своего сына, столь неудачно названного Энджелом, и втайне сокрушался по поводу своего решения в отношении сына, подобно тому как сокрушался Авраам, поднимаясь с обреченным Исааком на гору. И немая его скорбь была мучительнее тех упреков, какие приходилось ему слышать от жены.

Они считали себя виновниками этого неудачного брака. Если бы Энджелу не суждено было стать фермером, он не общался бы с деревенскими девушками. Они не знали, что именно привело его к разрыву с женой, и не знали, когда произошел этот разрыв. Сначала они предполагали, что он вызван какой-то непреодолимой неприязнью. Но в последних письмах Энджел вскользь упоминал о том, что собирается приехать за ней и увезти с собой; теперь они начали надеяться, что разрыв между ними вызван обстоятельствами, которые в конце концов можно устранить. Он им сказал, что она живет со своими родными, и, теряясь в догадках, они решили не вмешиваться в отношения, которых не могли изменить к лучшему.

Тот, кому адресовано было письмо Тэсс созерцал в это время бесконечные равнины со спины мула, который вез его из центральных областей Южной Америки к побережью. В этой чужой стране Энджелу не повезло. Он все еще не мог оправиться после тяжелой болезни, которую перенес вскоре по приезде, и почти готов был отказаться от мысли приобрести здесь ферму, но скрывал это от своих родителей, пока еще окончательно не передумал.

Толпы земледельцев, ослепленных надеждой на легкую и свободную жизнь и эмигрировавших вместе с ним в эту страну, страдали, чахли, умирали. Видел он матерей с английских ферм, которые брели пешком, неся на руках детей. Когда дети заболели лихорадкой и умирали, мать голыми руками рыла в рыхлой земле могилу ребенку и, тихо поплакав, плелась дальше.

Первоначально Энджел не думал эмигрировать в Бразилию, он хотел приобрести ферму на родине, в одном из северных или восточных графств. Сюда он приехал в припадке отчаяния – тяга в Бразилию, захватившая английских земледельцев, у него проявилась в тот момент, когда им овладело желание бежать от прошлой своей жизни.

За время своего отсутствия он духовно повзрослел лет на десять. Теперь он ценил в жизни не столько красоту, сколько долг. Давным-давно отвергнув старые мистические системы, он пересмотрел и старый кодекс морали, придя к выводу, что и он нуждается в изменениях. Кого можно назвать нравственным человеком? И вопрос еще более существенный: что значит быть нравственной женщиной? Красота или уродство природы проявляются не только в уже совершенном, но и в стремлениях и импульсах; подлинная история человека определяется не тем, что он совершил, но тем, что хотел совершить.

А если так, то что же представляла собой Тэсс?

Теперь он видел ее в ином свете и начал сожалеть о том, что поторопился вынести ей приговор. Навеки он от нее отвернулся или нет? Он не мог утверждать, что будет ее отвергать всегда, а раз так, значит он уже принимал ее теперь.

Эта нарастающая неясность к ней возникла в тот период, когда она жила в Флинтком-Эше, но еще не смела смутить его покой и написать о своей жизни или своих чувствах. Это приводило его в недоумение; не понимая, почему она не пишет, он не спрашивал о мотивах. Таким образом, смиренное ее молчание было истолковано неправильно. Каким оно было в сущности красноречивым, если бы только он мог его понять! Она буквально исполняла приказание, отданное им и забытое; смелая от природы, она тем не менее отказывалась от всех своих прав, признавала его приговор вполне справедливым и молча склонялась перед ним.

Когда Энджел верхом на муле возвращался к побережью, с ним ехал еще один человек. Этим спутником был англичанин, прибывший с той же целью, что и Энджел, но родом из другой части острова. Оба находились в угнетенном состоянии и беседовали о личных своих делах. Откровенность вызывает на откровенность. Людям, скитающимся в далеких странах, свойственно открывать чуть ли не первому встречному такие стороны своей жизни, о каких они никогда не заикнулись бы в разговоре с друзьями, – и Энджел, путешествуя с этим человеком, рассказал ему

печальную историю своей женитьбы.

Незнакомец побывал во многих странах и знал обычаи многих народов – несравненно больше, чем Энджел. Для его космополитического мышления подобные отклонения от социальных норм, столь серьезные для нашей морали, не имели никакого значения, как не имеют значения для формы земного шара долины и горные цепи. Он взглянул на дело с совершенно иной точки зрения; он считал, что прошлое Тэсс несущественно, важно лишь одно: какой женой могла она стать, и Клэру он заявил откровенно, что тот не должен был уезжать от нее.

На следующий день их застигла гроза, и они вымокли до костей. Спутник Энджела заболел лихорадкой и в конце недели умер. Клэр задержался на несколько часов, чтобы похоронить его, а затем продолжал путь.

Слова, мимоходом брошенные беспристрастным человеком – о его жизни, – Клэр решительно ничего не знал и фамилию его услышал впервые, – были как бы освящены его смертью и произвели на Клэра более сильное впечатление, чем всевозможные рассуждения философов об этике. Сравнивая себя с ним, он устыдился узости своих взглядов. Собственная его непоследовательность стала очевидной. Всегда он превозносил эллинское язычество, предпочитая его христианству. А у эллинов незаконная связь вовсе не была для женщины позором. Стало быть, его отвращение к недевственности, унаследованное им вместе с мистическим вероучением, вряд ли может быть оправдано, если девушка пала жертвой коварства. Он почувствовал угрызения совести. Припомнились запечатлевшиеся в его памяти слова Изз Хьюэт. Он спросил Изз, любит ли она его, и девушка ответила утвердительно. Любит ли она его больше, чем Тэсс? Нет, ответила она; Тэсс готова жизнь отдать за него, а больше и она сама не может сделать.

Тэсс вспомнилась ему такой, какой была в день свадьбы. Как не сводила она с него глаз, как прислушивалась к его словам, словно считала его божеством. А в тот страшный вечер у камина, когда ее простая душа раскрылась перед ним, каким жалким казалось ее лицо, освещенное пламенем: она не в силах была понять, что он может лишиться ее своей любви и защиты.

И так из обвинителя он превращался в ее защитника. Прежде, если он думал о ней, ему в голову приходили циничные мысли; но ни один человек не может быть всю жизнь только циником, и он прогнал эти мысли. Возникли они потому, что он подчинился влиянию общих принципов, пренебрегая особенностями данного случая.

Но все размышления на эту тему далеко не новы; любовники и мужья и раньше проходили через это. Клэр был жесток по отношению к ней, в этом не может быть сомнения. Часто, слишком часто мужчины бывают жестоки к женщинам, которых любят или любили, а женщины – к мужчинам. Но жестокость эта кажется нежностью по сравнению с той всеобщей жестокостью, из которой она вырастает, – жестокостью обстоятельств к человеку, жестокостью средств к цели, жестокостью сегодняшнего дня ко вчерашнему, а завтрашнего дня к сегодняшнему.

Предки Тэсс – могущественный род д'Эрбервиллей, к которому он относился с презрением как к растратившему свои силы, – теперь производили на него совсем иное впечатление. Почему не понимал он раньше, что подобные вещи можно оценивать не только политически? Что они многое дарят воображению? С этой точки зрения происхождение Тэсс было фактом огромной значимости; теперь род Тэсс не играл никакой роли в экономической жизни страны, но ее происхождение оставалось весьма важным стимулом для мечтателя и для моралиста, рассуждающего о падении и гибели. Этот факт – это маленькое отличие, сохранившееся в крови и фамилии бедной Тэсс, – будет очень скоро забыт, и будет предана забвению ее наследственная связь с мраморными памятниками и свинцовыми гробами в Кингсбуре. Безжалостно уничтожает Время свою же собственную романтику! Снова и снова представляя себе лицо Тэсс, он думал теперь, что замечал в нем то гордое достоинство, которое, наверно, отличало ее благородных прабабок. И это видение вновь вызывало в его сердце прежнее чувство, сопровождающееся какой-то неясной болью.

Хотя прошлое ее не было безупречно, но в Тэсс было нечто гораздо более драгоценное, нежели свежесть ее товарок. Разве оставшиеся после сбора урожая гроздь в вертограде Ефрема не были вкуснее всего винограда Авии?

Так вещала возрождающаяся любовь, расчищая путь для смиренных излиятий Тэсс, которые были только что отправлены Клэру его отцом; но из-за дальности расстояния они не скоро могли

быть услышаны.

Между тем надежды Тэсс на возвращение Энджела в ответ на ее мольбу то разгорались, то угасали. Гасли они потому, что в обстоятельствах, приведших к разлуке, никаких изменений не произошло – не могло произойти, а если искупление не пришло, когда она была с ним, тем более не могло это случиться в ее отсутствие. Однако она все время думала о том, как бы ему понравиться, если он вернется. Она сожалела, что не постаралась запомнить те мелодии, какие он играл на арфе, не выпытала у него, какие баллады, распеваемые деревенскими девушками, он любит. Она осторожно расспрашивала об этом Эмби Сидлинга, который приехал вслед за Изз из Тэлботейс, а Эмби случайно запомнил, что из тех песенок, какие распевали они на мызе, чтобы легче было доить коров, Клэр, казалось, отдавал предпочтение «В саду Купидона», «Есть у меня парк, есть у меня гончие» и «На рассвете», но равнодушно выслушивал «Брюки портного» и «Какой я выросла красоткой», хотя это и прекрасные песенки.

Теперь Тэсс хотелось петь эти баллады как можно лучше. Частенько она распевала их, когда оставалась одна, – в особенности «На рассвете»:

Проснись, проснись, проснись,
И милочке своей
Нарви букет цветов –
Тех, что в саду растут.
Все горлинки, смотри,
Вьют гнезда на ветвях
Весеннею порой
На утренней заре.

Даже камень и тот был бы растроган, когда пела она эти песни холодной ранней весной, если случалось ей работать в стороне от других девушек. Слезы струились у нее по щекам; она думала, что, наверное, он все-таки не приедет и не услышит ее, и простые глупые слова песни звучали как насмешка, терзая ее измученное сердце.

Погруженная в мечты, Тэсс словно не замечала, что время идет, дни становятся длиннее, и благовещенье, когда окончится срок ее пребывания на ферме, уже не за горами.

Но до благовещенья произошло событие, которое направило ее мысли в другую сторону. Однажды вечером она сидела, по обыкновению, в общей комнате вместе с хозяевами, когда кто-то постучал в дверь и спросил, здесь ли Тэсс. На фоне сумеречного неба вырисовывалась в дверях высокая фигура – ее можно было принять за взрослую женщину, не будь она худенькой и тонкой, как ребенок. В сумерках Тэсс не узнала пришедшую, пока та не назвала ее по имени.

– Как, это ты, Лиза Лу? – удивилась Тэсс.

Сестра ее, которую год с небольшим она оставила ребенком, вдруг выросла, как на дрожжах, стала девушкой, но вряд ли сама понимала происшедшую с ней перемену. Юбка, когда-то длинная, была ей теперь коротка, а тонкие ноги и руки, которые она не знала куда девать, красноречиво свидетельствовали о ее молодости и неопытности.

– Да, Тэсс, я целый день шла пешком, – сказала Лу с невозмутимой серьезностью, – старалась отыскать тебя и очень устала.

– Что случилось дома?

– Матери очень плохо, доктор сказал, что она умирает. Да и отец тоже плох; и он все говорит о том, что не годится человеку из такой знатной семьи работать не покладая рук, как простому крестьянину. Вот мы и не знаем, что нам делать.

Тэсс так глубоко задумалась, что не сразу догадалась позвать Лизу Лу в дом. Усадив ее и напоив чаем, она приняла наконец решение. Ей необходимо вернуться домой. Срок договора еще не истек, но так как до шестого апреля, до дня благовещенья, оставалось мало времени, она решила рискнуть и уйти немедленно.

Отправляясь в путь этим же вечером, она выигрывала целый день, но сестра ее так устала, что должна была отдохнуть до утра. Тэсс сбегала к Мэриэн и Изз, рассказала о случившемся и по-

просила замолвить за нее словечко перед фермером. Вернувшись, она покормила Лу, уложила ее в свою постель, потом собрала кое-какие вещи, которые могли поместиться в плетеной корзинке, и отправилась в путь, приказав Лу выйти на следующее утро.

50

Когда пробило десять часов, она вышла в холодную, темную ночь, – ей предстояло пройти пятнадцать миль под стальными звездами. В пустынной местности ночь не страшна путнику, скорее она защищает его от опасности, – и, зная это, Тэсс выбрала кратчайший путь: шла она проселочными дорогами, по которым не решилась бы идти днем. Грабителей в этих краях не было, а мысль о больной матери прогнала призрачные страхи. Так шла она мило за милей, то поднимаясь на холмы, то спускаясь в долины, пока не добрела к полуночи до Балбэрроу и с вершины посмотрела вниз, в хаосе ночных далей лежала долина, в которой она родилась. Около пяти миль прошла она по горному плато, ей оставалось пройти еще десять-одиннадцать миль по равнине. При бледном свете звезд едва можно было различить извилистую дорогу, а когда Тэсс спустилась по ней в долину, разница между плоскогорьем и низиной была столь ощутима, что воспринималась даже по запаху, а при ходьбе – по мягкости почвы. Это была тучная Блекмурская долина, та часть ее, где на дорогах не увидишь ни одной заставы. В таких уголках земли крепко держатся суеверий. Когда-то здесь был лес, и сейчас, в темную ночную пору, он как будто снова возник из небытия, дали исчезли и каждое дерево, каждый куст принимали чудовищные размеры. Олени, за которыми некогда охотились здесь, ведьмы, которых пытали и окунали в воду, зелено-пятнистые феи, хохотавшие вслед путнику, – вера в них еще жила и возвращала к жизни всю эту нечисть.

В Натлбери она прошла мимо деревенской харчевни, и вывеска заскрипела, отвечая на звук ее шагов, но никто, кроме нее, не слышал этого скрипа. Мысленно она представляла себе людей, лежащих в темноте под этими соломенными крышами, укутанных одеялами из красных квадратных лоскутов; сухожилия их ослаблены, мускулы дряблы, а сон восстанавливает их силы, чтобы завтра, как только появится над Лэмблдон-Хиллом розовый туманный отсвет, они могли снова приняться за работу.

В три часа утра Тэсс, миновав последний поворот, вышла из лабиринта проселочных дорог и вступила в Марлот, пройдя по тому лугу, где впервые увидела Энджела Клэра на клубном празднике, когда он с ней не танцевал; воспоминание об этом и по сей день причиняло ей боль. Там, где был дом ее матери, мерцал свет. Освещено было окно спальни, и оно словно подмигивало ей, когда ветер раскачивал перед ним ветку дерева. Как только она разглядела очертания дома, на ее деньги покрытого новой соломенной крышей, в ее воображении сразу возникли старые, хорошо знакомые картины. Он был словно частью ее жизни; покосившиеся слуховые окна, конек крыши, неровные ряды кирпичей, венчавших дымовую трубу, – все это было ей близко. Сейчас, казалось ей, дом пребывает в оцепенении: ее мать больна.

Она потихоньку открыла дверь, чтобы не потревожить спящих; в нижней комнате никого не было, но на площадку лестницы вышла соседка, ухаживавшая за ее матерью, и шепотом сообщила, что миссис Дарбейфилд не лучше, хотя сейчас она спит. Тэсс приготовила себе завтрак и, распрощавшись с соседкой, заняла ее место в комнате матери.

Утром, когда она увидела детей, они показались ей странно вытянувшимися; хотя дома она не была только около года, за это время они удивительно выросли. Она целиком отдалась заботам о них и на время забыла о своих печалях.

Отец по-прежнему прихварывал и сидел, по обыкновению, в своем кресле. Но на другой день после ее прихода вдруг развеселился: он придумал, как раздобыть денег, и Тэсс спросила, в чем заключается его план.

– Я хочу написать письмо всем антикварам, проживающим в этой части Англии, – объявил он. – Попрошу их собрать по подписке деньги на мое содержание. Уверен, что это дело покажется им и романтическим и занятным – одним словом, подходящим. Они много денег тратят на содержание в порядке всяких старых развалин, на поиски скелетов и тому подобных штук; а живые останки должны показаться им еще интереснее, как только они обо мне прослышат. Вот если бы

кто-нибудь пошел да и рассказал им, что за человек здесь проживает, о котором они знать не знают. Будь священник Трингхэм жив – тот, что меня открыл, – уж он бы наверняка это сделал.

Выслушав этот грандиозный проект, Тэсс не стала возражать – сначала она хотела покончить с неотложными делами, так как положение семьи, по-видимому, не улучшилось, несмотря на посланные ею деньги. Когда удалось уладить домашние неурядицы, ей пришлось подумать и о работе вне дома. Подоспело время сеять и сажать, у многих крестьян сады и огороды были уже возделаны; но Дарбейфилды отстали от соседей. К большому своему огорчению, Тэсс открыла причину такого опоздания: картофель, оставленный на семена, был весь съеден, – возмутительная небрежность и непредусмотрительность. Ей удалось раздобыть картофель, а через несколько дней отец ее настолько оправился, что, подчиняясь ее уговорам, мог заняться садом, тогда как она сама начала возделывать участок земли, который арендовали они ярдах в двухстах от деревни.

Ей нравилась эта работа после дней, проведенных в комнате больной, где теперь не было необходимости дежурить, так как мать выздоравливала. Физический труд рассеивал мысли. Их участок находился на высоком, сухом, огороженном месте, по соседству с другими сорока или пятьюдесятью участками. И когда кончался рабочий день батраков, здесь закипала работа. Обычно вскапывать землю начинали в шесть часов вечера, и работа затягивалась до ночи, а иногда продолжалась и при лунном свете. На многих участках горели кучи сухой сорной травы и отбросов – из-за сухой погоды костры пылали особенно ярко.

Как-то в ясный день Тэсс и Лиза Лу работали в поле вместе с другими крестьянами, пока последние лучи заходящего солнца не упали на белые столбики, отделявшие один участок от другого. Как только спустились сумерки, на участках стали загораться костры из пырея и капустных кочерыжек; они то вспыхивали, то скрывались за густыми клубами дыма, которые подхватывал и уносил ветер. Когда разгорался костер, гряда дыма, стелющаяся по земле, тускло светилась, заставляя рабочих друг от друга, и становилась понятным выражение «облачный столп», что днем стоял стеной, а ночью светился.

Вечером кое-кто прервал работу, но большинство осталось, чтобы покончить с посадкой, и среди оставшихся была Тэсс, которая отослала сестру домой. Она вскапывала один из тех участков, где сжигали пырей; четыре блестящих зубца ее мотыги позвякивали, ударяясь о камни и твердые комья земли. Иногда ее с ног до головы окутывал дым от костра, а когда дым рассеивался, видна была ее фигура, залитая медным светом. Она была несколько необычно одета сегодня и имела странный вид: платье, побелевшее от частой стирки, и короткая черная жакетка напоминали и о свадьбе и о похоронах. Другие женщины, работавшие поодаль, были в белых передниках, и когда на них не падал отблеск костра, во мраке были видны только эти передники да бледные лица.

На западе в светлом опаловом небе рисовались оголенные, напоминающие проволоку ветки колючего кустарника живой изгороди. Вверху сиял Юпитер, словно желтый нарцисс, такой яркий, что, казалось, отбрасывал тени. Загорались другие неведомые звезды. Вдалеке лаяла собака, по сухой дороге стучали колеса.

Зубцы мотыги по-прежнему со звоном ударялись о камни, так как было еще не поздно. И, несмотря на прохладу, в воздухе уже веяло весной, и ее дыхание подбадривало работающих. Им всем, как и Тэсс, нравилось быть здесь, на поле, в этот час, когда трещали костры и разыгрывалась фантастическая мистерия света и тени. В морозную зиму ночь приходит как враг, в теплый летний вечер – как возлюбленная, а в этот мартовский день она несла успокоение.

Никто не обращал внимания на своих соседей. Все смотрели вниз, на вскопанную землю, освещенную кострами. Поэтому Тэсс, которая разбивала земляные комья и напевала свои наивные песенки, почти не надеясь теперь, что Клэр когда-нибудь их услышит, долго не обращала внимания на человека, который работал неподалеку от нее, – человека в длинной холщовой блузе, вскапывавшего, как она потом заметила, ее участок – Тэсс решила, что его прислал сюда на подмогу отец. Только когда он подошел ближе к ней, она разглядела его. Иногда дым разделял их; потом ветер относил дым в сторону, и они могли видеть друг друга, оставаясь невидимыми для остальных.

Тэсс не заговаривала со своим помощником, а он с ней. Она по-прежнему не обращала на не-

го внимания, подумав только, что днем она его здесь не видела и что он-ей незнаком, но ничего удивительного в этом не было, так как за последние годы она уезжала из деревни часто и надолго. Вскрапывая участок, он подошел к ней настолько близко, что огонь костра так же ярко заблестел на его мотыге, как и на ее собственной. Подойдя к костру, чтобы бросить в огонь охапку сорной травы, она увидела, что он, стоя по другую сторону, делает то же самое. Пламя вспыхнуло, и она узнала лицо д'Эрбервилля.

Неожиданное его появление и нелепый костюм – холщовая блуза со складками, какую носили теперь только самые ветхозаветные крестьяне, – производили впечатление страшного гротеска, и Тэсс стало жутко. Д'Эрбервилль тихо рассмеялся.

– Если бы вздумалось мне пошутить, я бы сказал: «Как это похоже на райский сад!» – заметил он, поглядывая на нее исподлобья.

– Что вы говорите? – робко спросила она.

– Шутник сказал бы, что это точь-в-точь, как в раю. Вы – Ева, а я – искуситель, явившийся вам в образе нечистой твари. В бытность мою богословом я неплохо изучил эту сцену из Мильтона. Вот, например:

– Царица! Путь свободен и недолог:

За рощей мирт...

...И если ты меня возьмешь в проводники,

Я отведу тебя туда.

– Веди! – сказала Ева... –

и так далее. Милая моя Тэсс, эти слова я говорю за вас, ведь вы, наверное, это подумали, потому что вы очень плохого обо мне мнения, хотя и совершенно несправедливо.

– Я никогда не называла вас сатаной и никогда этого не думала. Вообще мне не приходят в голову такие мысли о вас. Я к вам отношусь безразлично, за исключением тех случаев, когда вы меня оскорбляете. Неужели вы из-за меня пришли сюда копать землю?

– Исключительно! Чтобы вас увидеть – и только. По дороге сюда я увидел вывешенную для продажи блузу, и тогда я подумал, что в ней на меня не будут обращать внимание. Я пришел протестовать против того, чтобы вы так работали.

– Но мне это нравится – я работаю для отца.

– А работа на той ферме кончена?

– Да.

– Что же вы намереваетесь делать? Отправитесь к дорогому мужу?

Это напоминание показалось ей невыносимо унижительным, и она с горечью сказала:

– Не знаю... Нет у меня мужа!

– Совершенно верно – в том смысле, в каком вы говорите. Но у вас есть друг – и я вопреки вашему желанию решил позаботиться о вашем благополучии. Вот вернетесь домой и увидите, что я прислал вам.

– О Алек, я, не хочу, чтобы вы мне что-нибудь дарили! Я ничего не могу принять от вас! Я не хочу... это нехорошо!

– Это хорошо! – сказал он весело. – Я не могу допустить, чтобы женщина, которую я нежно люблю, так бедствовала, а я не попытался бы ей помочь.

– Но я ни в чем не нуждаюсь! Меня мучит только... совсем другое, а не то, как я живу!

Она отвернулась и с отчаянием начала копать землю, а слезы ее падали на ручку мотыги и на комья земли.

– Вас беспокоит участь детей – ваших братьев и сестер, – сказал он. – Я о них подумал.

У Тэсс сжалось сердце. Он затронул болезненное место: угадал причину ее тревоги. Она еще более страстно привязалась к детям, с тех пор как вернулась домой.

– Должен же хоть кто-то о них позаботиться, если ваша мать не поправится. А отец ваш вряд ли способен работать.

– Он может о них позаботиться с моей помощью. Должен!

– И с моей.

– Нет, сэр!

– Как это чертовски нелепо! – вспыхнул д'Эрбервилль. – Ведь он думает, что мы родственники, и будет этим вполне удовлетворен.

– Нет, не думает. Я его разубедила.

– Какая глупость!

Д'Эрбервилль в сердцах отошел от нее к изгороди, снял блузу, так резко изменявшую его внешность, свернул ее и, бросив в огонь, ушел.

После его ухода Тэсс не могла работать; на душе у нее было тревожно. Испугавшись, что он отправился к ее отцу, Тэсс взяла мотыгу и пошла домой.

Ярдах в двадцати от дома она встретила одну из своих сестер.

– О Тэсси, что случилось! Лиза Лу плачет, и у нас в доме собрался народ! Матери гораздо лучше, но, говорят, отец умер.

Девочка чувствовала всю значительность этой новости, но трагического ее значения не понимала. Она глядела на Тэсс, сияя важностью, но потом, заметив, какое впечатление произвели на сестру ее слова, спросила:

– Да неужто мы, Тэсс, никогда больше не будем разговаривать с отцом?

– Но ведь ему просто нездоровилось! – в отчаянии вскричала Тэсс.

Подошла Лиза Лу.

– Он упал, а доктор, который пришел к матери, говорит, что все равно не жилец он был на этом свете, потому что у него сердце заросло жиром.

Да, муж и жена Дарбейфилды поменялись местами: умирающая была вне опасности, а слегка прихворнувший – умер. Событие это имело значение более серьезное, чем можно было подумать. Жизнь отца была нужна семье независимо от личных его трудов – в последнем случае его смерть не была бы большой трагедией, – но он был последним из тех троих, с чьей смертью кончался срок аренды дома и участка, на которые давно уже точил зубы сосед-фермер, так как для постоянных его батраков не хватало жилья. Кроме того, в деревнях ненавидели пожизненных арендаторов чуть ли не так же, как и мелких земельных собственников, за независимую их манеру держать себя, и когда срок аренды истекал, ее никогда не возобновляли.

Таким образом, Дарбейфилдов, бывших некогда д'Эрбервиллями, постигла та же участь, на какую, без сомнения, в бытность свою олимпийскими богами графства обрекали они, и довольно жестоко, таких же безземельных, какими стали теперь сами. Так чередуются прилив и отлив – ритмические колебания – во всем, что совершается под небом.

51

Наконец настал канун благовещенья, и весь земледельческий мир был охвачен той особой лихорадкой, которая ежегодно вспыхивает в этот день – день, когда вступают в силу новые договоры, заключенные на сретенье и связывающие батраков на весь год. Батраки – или «рабочий люд», как называли они себя с незапамятных времен, пока не пришло из внешнего мира это новое слово «батрак», – не желающие оставаться у старых хозяев, переходят в этот день на другие фермы.

С каждым годом количество батраков, переходящих на новые места, все возрастало. Когда мать Тэсс была ребенком, почти все батраки из окрестностей Марлота всю жизнь жили на одной и той же ферме, которая была домом их отцов и дедов; но за последние годы это стремление менять места стало всеобщим; для молодых это было удовольствием, нередко приносящим и пользу. Ферма, которая для одних являлась Египтом, казалась землей обетованной другим, созерцавшим ее издали, но затем и для них превращалась она в Египет, – поэтому они без усталости кочевали.

Однако эти перемены, с каждым годом все больше менявшие деревенские традиции, вызваны были не только неуживчивым нравом земледельцев. Сельское население уменьшалось. В прежней деревне бок о бок с батраками существовал другой класс: более образованный, стоявший ступенью выше на социальной лестнице, – класс, к которому принадлежали отец и мать Тэсс; вхо-

дили в него плотник, кузнец, сапожник, мелочный торговец и другие обитатели деревни, не работающие на чужих фермах. Это был крут людей с прочно сложившимся жизненным укладом; объяснялось это тем, что они являлись либо пожизненными арендаторами, подобно отцу Тэсс, либо мелкими землевладельцами. Но когда истек срок долгосрочной аренды, дома редко сдавались тем нелицам, – их в большинстве случаев сносили, если они не нужны были фермеру для батраков. Те, кто непосредственно не обрабатывал земли, в деревне не любили, но выселение одних отражалось на заработке других, которым, в свою очередь, приходилось покидать деревню. Эти семьи, которые составляли костяк прежней деревни, теперь вынуждены были искать убежища в крупных центрах. Статистики, словно в насмешку, именуют этот процесс «тягой сельского населения в большие города». Но и река течет в гору, если ее гонят туда машинами.

Так как немало коттеджей в Марлоте было снесено, то фермеры стремились использовать каждый уцелевший дом для своих батраков. Со времени происшествия, набросившего такую тень на жизнь Тэсс, семья Дарбейфилда (в чье высокое происхождение никто не верил) была молчаливо осуждена на выселение по истечении срока аренды – на выселение хотя бы во имя морали. Да и в самом деле, представители этой семьи отнюдь не являлись образцом воздержанности, трезвости и целомудрия. Отец да и мать иногда выпивали, младшие дети редко ходили в церковь, а старшая дочь вела себя предосудительно. Нужно было позаботиться о нравственных устоях деревни. Поэтому в первое же благовещенье, когда явилась возможность выселить Дарбейфилдов, на их дом, довольно поместительный, предъявил требование возчик с большой семьей, а вдова Джоан, ее дочери Тэсс и Лиза Лу, сын Абрэхэм и младшие дети должны были отправиться куда-нибудь в другое место.

Вечером накануне отъезда сумерки спустились рано, потому что небо было затянуто облаками и моросил дождь. Это был их последний день в деревне, где они родились и выросли, и миссис Дарбейфилд, захватив Лизу Лу с Абрэхэмом, пошла попрощаться с друзьями, а Тэсс осталась сторожить дом.

Встав на колени на широком подоконнике, она прижалась головой к стеклу, с наружной стороны которого потоками стекала дождевая вода. Она смотрела на паутину, которая трепетала от легкого сквозняка, – должно быть, паук давным-давно умер с голоду, потому что по неведению сплел ее в углу, куда не залетала ни одна муха. Думала она о бедственном положении семьи и себя считала виновницей. Если бы она не вернулась домой, матери и детям, пожалуй, позволили бы остаться здесь, потребовав только, чтобы они вносили арендную плату еженедельно. Однако ее возвращение было немедленно замечено особами влиятельными и высоконравственными; они видели, как она копалась на кладбище, с помощью скребка стараясь привести в порядок детскую могилку, почти сровнявшуюся с землей. Так они узнали, что она вернулась в родной дом; ее мать прекнули за подобное «потворство греху», та, всплыв, наговорила лишнего, а под конец сказала, что может немедленно отсюда уехать; ее поймали на слове – и вот чем кончилось дело.

«Не нужно мне было возвращаться домой», – с горечью подумала Тэсс.

Эти мысли так поглотили ее, что она почти не обратила внимания на человека в белом макинтоше, который проезжал верхом по улице. Но увидел ее он сразу, так как она сидела у самого окна, и подъехал настолько близко, что лошадь его едва не смяла копытом узкую клумбу, тянущуюся вдоль стены. Она заметила его только, когда он постучал рукояткой хлыста по раме. Дождь почти перестал, и, повинувшись его знаку, она открыла окно.

– Вы меня не видели? – спросил д'Эрбервилль.

– Я задумалась, – ответила она. – Я слышала, что кто-то едет, но мне почудилось, будто это экипаж. Я была словно во сне.

– А!.. Быть может, вы слышали стук д'Эрбервилльской кареты? Вероятно, вы знаете эту легенду?

– Нет. Мой... Один человек хотел как-то рассказать мне ее, но не рассказал.

– Если вы подлинная д'Эрбервилль, то, пожалуй, и мне не следовало бы ее рассказывать. Я-то жалкая подделка, так что для меня это не имеет значения. Легенда довольно мрачная. Говорят, будто стук этой несуществующей кареты может услышать лишь тот, в чьих жилах течет кровь д'Эрбервиллей, – и для него это является дурным предзнаменованием. Это как-то связано с убий-

ством, совершенным много веков тому назад одним из членов рода д'Эрбервиллей.

– Расскажите до конца, раз вы уже начали.

– Хорошо. Говорят, некий д'Эрбервилль похитил красавицу, а она пыталась выскочить из кареты, в которой он ее увозил; завязалась борьба, и он ее убил... или она его, я забыл, кто кого. Такова легенда... Но я вижу, что вся ваша домашняя утварь уложена. Уезжаете?

– Да, завтра... на благовещенье.

– Я об этом слышал, но как-то не верилось, – очень уж неожиданно. Чем это вызвано?

– Со смертью отца кончилась аренда, и больше уж мы не можем здесь жить. Пожалуй, нам разрешили бы остаться и еженедельно вносить плату, если бы не я.

– Вы-то тут при чем?

– Я не... порядочная женщина.

Д'Эрбервилль вспыхнул.

– Какая гадость! Гнусные ханжи! Черт бы побрал их грязные душонки! – воскликнул он злобно. – Так вот почему вы уезжаете! Вас выгоняют?

– Не то что выгоняют, но раз они нам сказали, что скоро мы должны отсюда выбраться, то лучше уж уехать завтра, когда все переселяются; быть может, удастся устроиться.

– Куда вы едете?

– В Кингсбир. Мы наняли там комнаты. Матери покоя не дают отцовские предки, потому-то она и хочет ехать туда.

– Но как же ваша семья будет ютиться в маленькой квартирке, да еще в такой дыре, как этот городишко? Почему бы не переехать ко мне в Трэнтридж? После смерти матери на ферме почти не осталось птиц, но домик и сад уцелели. Комнаты можно за один день выбелить, и вашей матери будет там очень удобно, а детей я помещу в хорошую школу. Должен же я хоть что-нибудь для вас сделать!

– Но мы уже наняли комнаты в Кингсбуре, – ответила она. – И мы можем там подождать...

– Подождать – кого? О, конечно, вашего почтенного супруга! Послушайте, Тэсс, мужчин я знаю и знаю причину вашего разрыва... Вот почему я уверен, что он никогда не вернется к вам. Допустим, я был вашим врагом, – теперь я ваш друг, даже если вы этому не верите. Переезжайте в мой коттедж. Мы разведем множество кур, и ваша мать будет прекрасно за ними ухаживать, а дети смогут ходить в школу.

Дыхание Тэсс все учащалось; наконец она сказала:

– Я не знаю, исполните ли вы все это. Ваши намерения могут измениться... и тогда моя мать снова останется на улице.

– О нет! Если хотите, я вам выдам письменное обязательство. Подумайте об этом.

Тэсс покачала головой. Но д'Эрбервилль настаивал; редко случалось ей видеть его таким настойчивым. Он не желал примириться с отказом.

– Пожалуйста, сообщите вашей матери о моем предложении, – сказал он многозначительно. – Это ее дело решать, а не ваше. Я прикажу, чтобы завтра утром вымыли полы, побелили стены и затопили камины; к вечеру стены высохнут, так что вы можете ехать прямо туда. Помните, я буду вас ждать.

Снова Тэсс покачала головой; сердце ее сжималось от волнения. Она не могла смотреть в глаза д'Эрбервиллю.

– Помните, я должен искупить свою вину перед вами, – продолжал он. – И вдобавок вы меня излечили от этой религиозной мании. Я рад...

– Лучше бы вы не избавлялись от этой мании и вели бы себя так, как в те дни.

– Я рад, что мне представляется случай уплатить хотя бы часть долга. Завтра я буду ждать приезда вашей матери. Обещайте мне это сейчас, дайте руку, милая Тэсс, красавица моя!

Он понизил голос до шепота и просунул руку в полуоткрытое окно. Гневно сверкнув глазами, Тэсс захлопнула окно, прищемив ему руку.

– Черт побери! Как вы жестоки! – вскричал он, освобождая руку. – Нет! Я знаю, вы это сделали не нарочно. Итак, я буду ждать вас или хотя бы вашу мать и детей!

– Я не приеду, у меня много денег! – воскликнула она.

– Где они?

– У моего свекра! И мне стоит только попросить...

– Да, но вы не попросите, Тэсс; я вас знаю, ни за что не попросите, скорее умрете с голоду!

С этими словами он отъехал. На углу он встретил человека с ведром, наполненным краской, который спросил его, действительно ли он покинул своих братьев во Христе.

– Пошел к черту! – крикнул д'Эрбервилль.

Тэсс долго не двигалась с места, и вдруг в ней вспыхнуло возмущение перед свершившейся несправедливостью, и на глазах показались слезы. Даже муж ее, Энджел Клэр, и тот поступил с ней так же жестоко, как и остальные. Раньше никогда не решилась бы она так подумать, но ведь он действительно был жесток. Она могла поклясться в том, что никогда за всю свою жизнь она не хотела поступать дурно, и все-таки ей вынесли суровый приговор. Каковы бы ни были ее грехи, никогда не грешила она сознательно; почему же ее наказывали так упорно?

Порывисто схватила она первый попавшийся лист бумаги и быстро написала следующие строки:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прошу тебя. Ты знаешь, что я не хотела причинить тебе зла, зачем же ты причинил мне такое зло? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! – Т.»

Она ждала, пока не показался почтальон, потом выбежала к нему и, передав письмо, снова заняла свой пост у окна.

Не все ли равно – послать ли нежное письмо или вот это? Разве уступит он мольбам? Ничто не изменилось, не произошло никакого нового события, которое заставило бы его изменить свои взгляды.

Стемнело, и только огонь в очаге освещал комнату. Двое старших детей ушли с матерью, четверо младших, в возрасте от трех с половиной до одиннадцати лет, одетые в черные платьица, собрались у очага и болтали. Наконец Тэсс, не зажигая свечи, подошла к ним.

– Милые мои, сегодня мы последнюю ночь будем спать здесь – в доме, где родились, – быстро сказала она. – Подумайте-ка об этом.

Они притихли. Впечатлительные, как все дети, они готовы были расплакаться теперь, когда ее слова вызвали у них представление о бесповоротном конце, хотя весь день они радовались, что переедут на новое место. Тэсс заговорила а другом.

– Спойте мне песенку, – сказала она.

– Что же нам спеть?

– Что хотите, мне все равно.

Минутное молчание было нарушено слабым голосом, к которому присоединился второй, третий, четвертый, они запели гимн, заученный в воскресной школе:

Здесь терпим мы муку и боль,
Здесь, встретясь, должны мы расстаться;
Но в раю не бывает разлуки.

Все четверо пели равнодушно – так, как будто этот вопрос был решен для них давным-давно и окончательно, а следовательно, и думать о нем нечего. Их личики были серьезны, они старались отчетливо выговаривать слова и не сводили глаз с колеблющихся языков пламени; голос младшего ребенка еще звучал, когда остальные делали паузу.

Тэсс отвернулась от них и снова подошла к окну. Было уже совсем темно, но она прижалась лицом к стеклу, словно всматриваясь в ночь. На самом деле она хотела скрыть слезы. Если бы она могла верить в то, о чем пели дети, если бы не возникали у нее сомнения, все было бы иначе. С каким спокойствием поручила бы она детей провидению в надежде на будущую жизнь! Но веры у нее не было: стало быть, она должна что-то делать, должна стать их провидением, ибо для Тэсс,

как и для миллионов людей, жестокой насмешкой звучали слова поэта:

Не нагими приходим мы в мир,
Но облаченные в облако славы.

Для нее и ей подобных самый факт рождения являлся унижительным испытанием, насилием, которое до конца оставалось неоправданным или в лучшем случае оправдывалось лишь частично.

Вскоре она разглядела на темной мокрой дороге свою мать, рослую Лизу Лу и Абрэхэма. Миссис Дарбейфилд, постукивая патенами, подошла к дому, и Тэсс открыла дверь.

– Я заметила следы лошадиных копыт под окном, – сказала Джоан. – Кто-нибудь заходил?

– Нет, – ответила Тэсс.

Дети, сидевшие возле очага, посмотрели на нее серьезно, и один из них прошептал:

– Что ты, Тэсс? А джентльмен верхом?

– Он не заходил в дом, – сказала Тэсс. – Он разговаривал со мной, не сходя с лошади.

– А кто это был? – спросила мать. – Твой муж?

– Нет. Он ко мне никогда, никогда не приедет, – ответила Тэсс с какой-то тупой безнадежностью.

– Так кто же это был?

– Не спрашивай. Ты его раньше видела, да и я тоже.

– А! Что же он сказал? – с интересом спросила Джоан.

– Я расскажу тебе завтра, когда мы устроимся на новой квартире в Кингсбуре, расскажу все до последнего слова. – Она сказала, что это был не ее муж, – однако ее все более угнетала мысль, что фактически только он один и был ее мужем.

52

Было еще темно, когда обитатели домиков, расположенных неподалеку от проезжей дороги, были разбужены стуком и грохотом, не смолкавшими до рассвета, – шум этот повторялся ежегодно в эти числа месяца и был так же неизбежен, как кукование кукушки на третью неделю того же месяца. Он предвещал общее переселение; по дорогам двигались пустые повозки и подводы, присланные за пожитками уезжающих семейств: обычай требовал, чтобы фермеры, нанявшие батраков, присылали за ними подводу. Вещи нужно было засветло перевезти на место – вот почему подводы грохотали по дорогам в глухую ночь: в шесть часов утра им следовало быть у дверей переезжающих, и тут же начиналась погрузка.

Но ни один заботливый фермер не выслал повозки за вещами Тэсс и ее матери. Они не были батраками, в их услугах никто не нуждался, никто не намерен был перевозить их даром, поэтому им пришлось за свой счет нанять подводу.

Выглянув в то утро из окна, Тэсс вздохнула с облегчением, когда увидела, что дождя нет, хотя погода ветреная и пасмурная, и что подвода явилась вовремя. Дождливое благовещенье было бедствием для переселяющихся и надолго оставалось в памяти; ему сопутствовали мокрая мебель, мокрые постели, мокрая одежда, а следом за этим шли болезни.

Мать, Лиза Лу и Абрэхэм тоже проснулись, но младших детей решили пока не будить. Они позавтракали в тусклых лучах рассвета и приступили к погрузке.

Работа спорилась – несколько друзей явилось помочь им. Громоздкая мебель была водворена на подводу. Для Джоан Дарбейфилд с младшими детьми соорудили на ней из постелей что-то вроде большого гнезда. После окончания погрузки пришлось долго ждать, пока привели выпряженных лошадей. Наконец часа в два тронулись в путь: под повозкой болтался привязанный к оси кухонный котел, на вещах восседала окруженная младшими детьми миссис Дарбейфилд, державшая на коленях часы, чтобы они не сломались, и при каждом сильном толчке они обиженно отзывались час или час с четвертью. Тэсс и старшая девочка шли рядом с возом, пока не выбрались из деревни.

Утром и накануне вечером они заходили попрощаться к соседям, и кое-кто вышел их прово-

дить и пожелать им удачи, но в глубине души мало кто верил, что благополучие возможно для такой семьи, как Дарбейфилды, хотя никому, кроме себя, они не причиняли зла. Дорога пошла в гору, и чем выше они поднимались, тем сильнее становился ветер.

Так как сегодня было благовещение, то Дарбейфилды встречали на своем пути немало других семей, восседающих на возах с нехитрым скарбом, всегда уложенным одним и тем же способом, очевидно, столь же естественным для сельских батраков, как шестиугольник для пчел. Основой сооружения являлся кухонный шкаф с блестящими ручками, захватанный пальцами и носивший множество других признаков многолетней службы; он величественно стоял впереди, возвышаясь над хвостами лошадей, – стоял, словно ковчег завета, который надлежит нести с благоговением.

Иные семьи были веселы, другие – сумрачны; кое-кто останавливался у дверей придорожных харчевен. Наконец остановилась и подвода Дарбейфилдов: нужно было покормить лошадей и самим подкрепиться.

Во время этой остановки взгляд Тэсс упал на трехпинтовую кружку, которую то и дело подавали на остановившийся неподалеку воз сидевшим там женщинам. Проследив очередное путешествие кружки, Тэсс вдруг узнала ту, в чьих руках она теперь оказалась.

– Мэриэн! Изз! – окликнула она девушек; они перебирались на новое место вместе с семьей крестьянина, в чьем доме они жили. – И вы тоже переселяетесь?

Они ответили утвердительно. В Флинтком-Эше жилось слишком тяжело, и они уехали, даже не предупредив заранее фермера Гроби, – пусть он подает на них в суд, если хочет. Они сообщили Тэсс, куда держат путь, и та, в свою очередь, дала свой новый адрес.

Мэриэн, нагнувшись к ней с воза, шепнула:

– А знаешь, тот джентльмен, что волочился за тобой, – уж ты догадываешься, о ком я говорю, – приходил в Флинтком, когда ты оттуда ушла. Мы ему не сказали, где ты: знали, что ты не хочешь его видеть.

– Да, но я все-таки его видела, – прошептала Тэсс. – Он меня отыскал.

– А знает он, куда ты теперь едешь?

– Думаю, что знает.

– А твой муж вернулся?

– Нет.

Она распрощалась со своими товарками, так как возницы вышли из харчевни, и обе подводы разъехались в разные стороны. Подвода, на которой сидели Мэриэн, Изз и семья крестьянина – с этой семьей они связали свою судьбу, – была выкрашена яркой краской, и тащили ее три сильные лошади с блестящими медными украшениями на сбруе, тогда как скрипучая подвода Дарбейфилдов едва выдерживала тяжесть поклажи; краска слезла с нее давным-давно, а тащили ее только две лошади. Контраст этот красноречиво свидетельствовал о том, что за первой семьей прислал подводу преуспевающий фермер, а вторая перебиралась за свой счет, и никто не ждал ее прибытия.

Путь был дальний, такой дальний, что под конец лошади еле шли шагом. Хотя выехали они рано, но уже смеркалось, когда они добрались до возвышенности, составлявшей часть плоскогорья Гринхилл. Пока лошади отдыхали, Тэсс осматривалась по сторонам. Впереди, у подножия холма, виднелся почти вымерший городишко – цель их паломничества – Кингсбир, где покоились предки, служившие ее отцу неиссякаемой темой для разговоров, – Кингсбир, единственное место на земном шаре, которое поистине могло считаться родным домом д'Эрбервиллей, ибо они обитали здесь в течение целых пятисот лет.

Из предместья вышел какой-то человек; разглядев нагруженную подводу, он ускорил шаги.

– Вы не будете миссис Дарбейфилд? – обратился он к матери Тэсс, которая слезла с воза, чтобы дальше идти пешком.

Та кивнула.

– Если б вздумалось мне отстаивать свое право, я бы могла называться вдовой сэра Джона д'Эрбервилля, бедного дворянина. Я возвращаюсь во владения его предков.

– Да? Ну, этого я не знаю. Но если вы миссис Дарбейфилд, то меня послали вам сказать, что комнаты, которые вы хотели занять, сданы. Мы не знали, что вы приедете, пока не получили ваше

письмо сегодня утром, когда было уже поздно. Но вы найдете комнаты где-нибудь в другом месте.

Он заметил, что лицо Тэсс стало землисто-бледным. Мать ее окончательно растерялась.

– Что же нам теперь делать, Тэсс? – с горечью спросила она. – Вот тебе и владения предков! Ну, все равно, поедем дальше.

Они въехали в город и принялись за поиски. Тэсс осталась у подводы присматривать за детьми, а мать и Лиза Лу наводили справки. Через час Джоан вернулась после бесплодных поисков, и тут возница объявил, что подводу нужно разгрузить, так как лошади совсем выбились из сил, а ему надо выехать в обратный путь еще до рассвета.

– Ладно, разгружайте здесь, – не задумываясь, ответила Джоан. – Где-нибудь я найду пристанище.

Подвода стояла у кладбищенской ограды, в стороне от дороги, и возница поспешил выгрузить жалкий домашний скарб. Когда он покончил с этим делом, она расплатилась с ним, отдав чуть ли не последний шиллинг, и он уехал, радуясь, что распрощался с такой семейкой. Дожда не было, и, по его мнению, ничего худого с ними не могло случиться.

Тэсс уныло смотрела на сваленные в кучу вещи. Холодные лучи заходящего солнца брезгливо скользили по глиняной посуде и котелкам, по пучкам сухих трав, трепетавших на ветру, по медным ручкам кухонного шкафа, по плетеной колыбели, в которой перебивали все дети Дарбейфилдов, и по отполированному футляру настенных часов. Всем этим вещам полагалось находиться под крышей, и сейчас они словно укоряли за то, что их бросили под открытым небом, подвергая превратностям погоды. Вокруг виднелись холмы, чьи склоны, когда-то покрытые лесом, были разбиты на маленькие огороженные участки; обросший мхом фундамент показывал место, где некогда стоял замок д'Эрбервиллей; за ним высился отрог Эгдон-Хита, являвшийся частью поместья. В нескольких шагах виднелся боковой придел церкви, называвшийся «приделом д'Эрбервиллей».

– Семейный склеп, наверное, считается вечной собственностью рода, – сказала мать Тэсс, обойдя вокруг церкви и осмотрев кладбище. – Конечно, так оно и есть. Тут мы, девочка, и приютимся, пока не найдем другого пристанища во владениях наших предков. Тэсс, Лиза Лу, Абрэхэм, помогите мне. Мы уложим детей, а потом опять пойдем на разведку.

Тэсс безучастно стала помогать матери, и через четверть часа старая кровать с пологом, извлеченная из-под груды вещей, была водружена возле южной стены церкви, у придела д'Эрбервиллей, под которым находились огромные склепы. Над пологом виднелся великолепный многоцветный витраж, сделанный в пятнадцатом веке. Он назывался «окном д'Эрбервиллей», в верхней его части можно было разглядеть такие же геральдические эмблемы, какие сохранились на старой печати и ложке Дарбейфилда.

Джоан задернула занавески, превратив кровать в прекрасную палатку, и уложила младших детей.

– На худой конец мы можем провести здесь одну ночь, – объявила она. – Но все-таки попробуем подыскать помещение, и нужно раздобыть чего-нибудь поесть детишкам. Ох, Тэсс, зачем ты только придумывала какие-то свадьбы с богачами, если нам от этого нет никакого проку!

Вместе с Лизой Лу и Абрэхэмом она снова зашагала по проселочной дороге, отделявшей церковь от городка. На первой же улице они встретили всадника, внимательно осматривавшегося по сторонам.

– А! Я вас искал, – сказал он, подъезжая к ним. – Все члены семьи собрались в историческом месте!

Это был Алек д'Эрбервилль.

– Где Тэсс? – спросил он.

Джоан не питала симпатии к Алеку. Она рассеянно указала ему на церковь и продолжала путь, а д'Эрбервилль сказал на прощание, что он еще повидается с ними, если поиски пристанища и на этот раз не увенчаются успехом: он уже слышал о постигшей их неудаче. Когда они ушли, он подъехал к харчевне и, оставив там лошадь, пошел дальше пешком.

Тем временем Тэсс, оставшаяся с детьми, которых уложили на кровать, поболтала с ними, а потом, видя, что больше ничего не может для них сделать, пошла бродить по кладбищу, уже окутанному вечерними тенями. Дверь церкви была не заперта, и впервые в жизни переступила она

этот порог.

За окном, у которого стояла кровать, находились могилы ее предков – здесь хоронили их в течение нескольких столетий. Одни гробницы были совсем простые, другие напоминали по форме церковный аналой или осенялись балдахином; резьба стерлась, медные украшения были сорваны, дыры от винтов зияли, словно норки, прорытые куницей в песчаном утесе. Эти остатки прежнего величия были самым неоспоримым доказательством того, что род ее захирел и полностью забыт. Она подошла к темному камню, на котором было высечено: *Ostium sepulchri antiquae familiae d'Urberville*⁷.

В знании церковной латыни Тэсс не могла соперничать с кардиналами, однако она поняла, что это вход в усыпальницу предков и там, внизу, лежат те рослые рыцари, которыми под хмельком хвалился ее отец.

Задумчиво повернулась она к выходу и подошла к одной из самых старых гробниц, на которой виднелась склонившаяся фигура. Сначала Тэсс не заметила ее в сумерках, да и сейчас не обратила бы на нее внимания, если бы не почудилось ей, что изваяние пошевелилось. Подойдя ближе, она тотчас же убедилась, что это не памятник, а живой человек. Эта неожиданность так потрясла ее, что она едва не потеряла сознание, чуть не упала, хотя и узнала Алека д'Эрбервилля.

Он соскочил с гробницы и поддержал ее.

– Я видел, как вы вошли, – улыбаясь, сказал он, – и забрался сюда, чтобы не прерывать ваших размышлений. Родственная встреча с предками, покоящимися здесь, под нами? Слушайте!

Он с силой стукнул каблуком об пол; снизу донеслось глухое эхо.

– Нужно думать, что это их немножко расшевелит! – продолжал он. – А ведь вы меня приняли за каменное изваяние одного из них! Нет, теперь настали другие времена. Мизинец лже-д'Эрбервилля может сделать для вас больше, чем целая династия подлинных д'Эрбервиллей, лежащих под этими плитами... Распоряжайтесь мною. Что должен я сделать?

– Уйдите! – прошептала она.

– Хорошо, я пойду поищу вашу мать, – сказал он мягко; но, проходя мимо нее, шепнул: – Запомните мои слова: придет время, когда вы будете более любезны.

Он ушел, а она опустилась на плиту, закрывавшую вход в склеп, и подумала: «Почему я не по ту сторону этой двери?»

А Мэриэн и Изз Хьюэт тем временем ехали на подводе, перевозившей имущество крестьянина в землю Ханаанскую, которая была землей Египетской для какой-нибудь другой семьи, уехавшей оттуда сегодня поутру. Но девушки мало думали о том, куда они едут. Разговор шел об Энджеле Клэре, Тэсс и настойчивом ее поклоннике, о роли которого в прошлом Тэсс они кое-что слышали, а кое о чем догадывались.

– Другое дело, если бы она совсем его не знала, – говорила Мэриэн. – Но вся беда в том, что один раз он уже ее соблазнил. Ужасно будет жалко, если он опять добьется своего. Изз, для нас мистер Клэр все равно потерян, значит, нечего ревновать его к ней, а лучше попробуем их помирить. Если бы он знал, каково ей приходится и как вокруг нее увиваются, пожалуй, он бы приехал и позаботился о своей жене.

– Нельзя ли дать ему знать?

Они раздумывали об этом всю дорогу, но потом, устраиваясь на новом месте, забыли о своем плане.

Месяц спустя они услышали, что Клэр возвращается на родину, но о Тэсс не имели больше никаких сведений. Снова вспыхнула в них любовь к нему, но так как к Тэсс они были настроены дружелюбно, то Мэриэн откупорила общую бутылочку чернил, купленную за пенни, и девушки вдвоем сочинили следующее послание:

«Уважаемый сэръ, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит. Ее жестоко искушает враг, прикинувшийся другом. Сэръ, подле нее вертится человек, которому следует быть далеко от нее. Нельзя подвергать женщину испытаниям,

⁷ усыпальница древнего рода д'Эрбервиллей (лат.)

которые ей не под силу, а капля долбит камень и даже алмаз.
Два доброжелателя».

Письмо они адресовали Энджелу Клэру, Эмминстер, дом священника – другие его адреса были им неизвестны; затем они долго пребывали в восторженном состоянии, восхищаясь собственным великодушием, и то пели от избытка чувств, то истерически плакали.

ФАЗА СЕДЬМАЯ «ЗАВЕРШЕНИЕ»

53

Был вечер в доме эмминстерского священника. Две свечи под зелеными абажурами горели, по обыкновению, в кабинете, но самого хозяина там не было. Изредка он заходил туда и размешивал слабо тлеющие угли – разводить большой огонь было незачем, так как весна вступала в свои права. Иногда он останавливался у входной двери, потом шел в гостиную и снова возвращался к двери. Она была обращена на запад, и хотя в доме сумерки уже ступились, на улице было еще достаточно светло. Миссис Клэр, сидевшая в гостиной, подошла вслед за мужем к двери.

– Рано еще, – сказал священник. – В Чок-Ньютоне он будет только в шесть часов, даже если поезд не опоздает, а оттуда десять миль по проселочным дорогам, из них пять по проселку Криммеркрот; наша старая лошадь не так-то скоро его привезет.

– Дорогой мой, она, бывало, привозила нас за час.

– С тех пор прошло много лет.

Так коротали они время, зная, что словами не поможешь и нужно терпеливо ждать.

Наконец в переулке послышался шум, и за решеткой показалась старенькая коляска; из нее вышел человек, которого они узнали, хотя, встретив его на улице, прошли бы мимо, не узнав: просто он вышел из их экипажа в тот момент, когда ждали именно его.

Миссис Клэр бросилась по темному коридору к двери, муж следовал за ней, но не столь стремительно.

Приезжий, входя в дом, мог разглядеть в вечернем свете их взволнованные лица и очки, отражавшие закатное небо, но они видели только его силуэт.

– Сынок, сынок мой, наконец-то ты дома! – воскликнула миссис Клэр, забыв о еретических его убеждениях, послуживших причиной разлуки; сейчас они интересовали ее не больше, чем пыль на его одежде. Да и какая женщина, будь она самым ревностным искателем истины, верит в обещания и угрозы Священного писания так, как верит в своих собственных детей, и какая женщина не отмахнется от богословия, если на другой чаше весов лежит счастье ее ребенка? Когда они вошли в комнату, где горели свечи, она взглянула ему в лицо. – О, это не Энджел. Это не мой сын. Это не тот Энджел, который отсюда уехал! – вскричала она, в отчаянии отворачиваясь от него.

Отец тоже был потрясен – так похудел Энджел от забот и неудач в стране, куда бросился очертя голову, обращенный в бегство судьбой, посмеявшейся над ним на родине. Казалось, от него остался один скелет – и даже не скелет, а только тень. Словно с него писал Кривелли своего мертвого Христа. Тусклые, запавшие глаза были обведены мертвенной синевой, складки и морщины, бороздившие лица его родителей, появились на его лице лет на двадцать раньше срока.

– Я ведь там болел, – сказал он. – Теперь я здоров.

Но, словно в опровержение этих слов, ноги его подкосились, и он поспешно сел, чтобы не упасть. Это был только приступ дурноты после утомительного дня, проведенного в пути, и взволновавшей его встречи с родителями.

– Мне нет писем? – спросил он. – Последнее, которое вы мне переслали, я получил благодаря счастливому случаю, да и то с большим опозданием, потому что забрался в глубь страны. Иначе я приехал бы раньше...

– Это ведь было письмо от твоей жены?

– Да.

С тех пор пришло еще только одно письмо. Они не стали его пересылать, зная, что он скоро вернется.

Энджел быстро распечатал конверт и в смятении прочел записку Тэсс – последнее ее письмо, написанное второпях:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прощу тебя. Ты знаешь, что я не хотела причинить тебе зла, зачем же ты причинил мне такое зло? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! – Т.»

– Она права, – сказал Энджел, бросая письмо. – Быть может, она никогда не простит меня.

– Не нужно так волноваться, Энджел, ведь она только дитя земли, – сказала-его мать.

– Дитя земли. Все мы дети земли. Хотел бы я, чтобы она действительно была «дитя земли» в том смысле, в каком вы это понимаете, но я должен вам сообщить кое-что, о чем до сих пор молчал; ее отец происходит по мужской линии от одного из старейших нормандских родов, подобно многим другим крестьянам, которые живут, никому не ведомые, в наших деревнях и зовутся «детьми земли».

Он рано лег спать, а на следующий день, чувствуя себя совсем больным, не выходил из своей комнаты и размышлял. Когда он, находясь к югу от экватора, получил ее нежное письмо, ему показалось, что ничего не может быть проще, как вернуться к Тэсс и броситься в ее объятия, раз ему угодно ее простить, но теперь, вспоминая обстоятельства, при которых он с ней расстался, он понял, что это совсем не так просто. Она была от природы страстной, и ее письмо, из которого он узнал, что ее мнение о нем изменилось, – а он с грустью признал, что она была права, – это письмо заставило его призадуматься: благоразумно ли будет, не предупредив ее, встретиться с ней в присутствии ее родителей? Если предположить, что за последние недели разлуки любовь ее к нему уступила место неприязни, неожиданная встреча может вызвать ссору.

Поэтому Клэр решил подготовить Тэсс и ее семью, сообщив в Марлот о своем приезде; он надеялся, что она по-прежнему живет там, как было условлено перед его отъездом, из Англии. В тот же день он отправил письмо, а в конце недели получил короткий ответ миссис Дарбейфилд, который ничем ему не помог, ибо миссис Дарбейфилд писала, к большому его удивлению, не из Марлота и адреса своего не указывала.

«Сэр, в этих нескольких строках я хочу сообщить, что моя дочь сейчас от меня уехала, и я не знаю, когда она вернется. Но я вам напишу, как только она приедет. Я не считаю себя вправе сообщить вам, где она временно проживает. Прибавлю еще, что я с семьей недавно уехала из Марлота.

Ваша Дж.Дарбейфилд».

Клэр с таким облегчением узнал, что с Тэсс, по-видимому, ничего дурного не случилось, что нежелание ее матери сообщить ему ее адрес его не очень беспокоило. Несомненно, все они не могут ему простить. Он будет ждать, пока миссис Дарбейфилд не напишет ему о возвращении Тэсс, а судя по ее письму, это не замедлит случиться. Большого он не заслуживал. Любовь его была такова, «что изменяется, встречая перемену». Он многое понял за время своего отсутствия: в безупречной Корнелии он увидел возможную Фаустану, в теле Фрины – дух целомудренной Лукреции; он думал о той женщине, которую хотели побить камнями, и о жене Урии, ставшей царицей, и задавал себе вопрос: почему, вынося приговор Тэсс, он обращал внимание на внешние обстоятельства ее жизни, а не на внутренний ее мир, на поступки ее, а не на устремления?

Прошло несколько дней, Энджел все еще жил у отца, ждал обещанной второй записки от Джоан Дарбейфилд и надеялся окрепнуть после болезни. Силы постепенно возвращались к нему, а письма от Джоан все не было. Тогда он отыскал старое письмо, пересланное ему в Бразилию, ко-

торое Тэсс написала из Флинтком-Эша, и снова перечитал. Как и в первый раз, оно его глубоко растрогало.

«...Я не могу не сказать тебе о моем горе, – кроме тебя, никого у меня нет!.. Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе... прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне... Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть – зная, что ты меня простил... Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: „скоро приеду“, – о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!.. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день только одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел свою бедную, одинокую Тэсс... Я была бы довольна – нет, счастлива! – быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать, что ты мой... Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землею – увидиться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай и спаси меня от того, что мне угрожает!»

Клэр решил не верить последнему суровому письму и отыскать ее немедленно. Он спросил отца, брала ли она у него деньги за это время. Тот ответил отрицательно, и тогда только понял Энджел, что гордость помешала ей обратиться с такой просьбой и она предпочла терпеть лишения. По его отрывистым замечаниям родители догадались наконец об истинной причине разрыва, и тогда на помощь им пришло их христианство, поручавшее грешников особому их попечению; они воспылали к Тэсс нежностью, какой не могло пробудить в них ее происхождение, ее простодушие и даже бедность.

Готовясь к отъезду и торопливо укладывая вещи, Энджел мельком просмотрел жалкое маленькое письмецо, недавно полученное от Мэриэн и Изз, начинавшееся словами:

«Уважаемый сэр, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит».

и подписанное:

«Два доброжелателя».

54

Через четверть часа Клэр покинул родительский дом, а мать провожала взглядом его тонкую фигуру, когда он вышел на улицу. Ехать на старой кобыле отца он отказался, зная, что она нужна родителям. Зайдя в харчевню, он нанял двуколку и едва дождался, пока запрягут лошадь. Несколько минут спустя он уже выехал из города и поднимался на холм; по этой самой дороге три-четыре месяца назад спускалась Тэсс, полная надежд, и по ней возвращалась, потерпев неудачу.

Вскоре он выехал на Бэнвилльскую проселочную дорогу. На деревьях и живой изгороди краснели почки, но Клэр занят был другим и по сторонам оглядывался только для того, чтобы не сбиться с дороги. Не прошло и полутора часов, как он уже обогнул с юга поместья Кинг-Хинток и очутился в мрачной, пустынной местности, где одиноко возвышался зловещий камень «Крест в руке», на котором Тэсс по настоянию обратившегося тогда к богу Алека д'Эрбервилля дала клятву никогда не вводить его больше в искушение. На придорожных насыпях еще виднелись чахлые серые стебли прошлогодней крапивы, а у корней уже пробивались свежие, зеленые, весенние ростки.

Он поехал по краю плато, возвышавшегося над другими поместьями Хинток, затем свернул направо, в известковый продуваемый ветром район, где находится Флинтком-Эш; одно из писем

Тэсс было отправлено оттуда, и он полагал, что именно об этом месте и писала ее мать. Конечно, он не нашел ее в Флинтком-Эше и окончательно пал духом, узнав, что ни батраки, ни сам фермер никогда не слыхали о «миссис Клэр», хотя имя Тэсс было им хорошо известно. Очевидно, она не носила его фамилии, совершенно отрезав себя от него на время разлуки, – и в этом ее благородство сказалось не меньше, чем в том, что она предпочитала терпеть лишения, о которых он только теперь услышал, лишь бы не просить денег у его отца.

На ферме он узнал, что Тэсс Дарбейфилд, никого не предупредив, ушла отсюда к родителям, жившим в Блекмурской долине; следовательно, оставалось найти миссис Дарбейфилд. Она написала ему, что не живет больше в Марлоте, но почему-то не сообщила своего нового адреса: приходилось ехать в Марлот, чтобы навести там справки. Фермер, который так грубо обращался с Тэсс, был очень любезен с Клэром и дал ему лошадь и кучера, чтобы доехать до Марлота; двуколку Клэр отправил назад, в Эмминстер, так как нанял ее на один день.

В повозке фермера он доехал только до Блекмурской долины, потом отослал ее обратно с кучером, заночевал в харчевне, на следующий день пошел пешком в деревню, где родилась его милая Тэсс. Была ранняя весна. Для лесов и садов не наступила пора ярких красок; так называемая весна была на самом деле зимой, укрывшейся под тончайшим слоем земли, – такими же были и его надежды.

Дом, где Тэсс провела годы детства, был занят теперь другой семьей, никогда ее не знавшей. Новые жильцы находились в саду и с таким увлечением занимались своими делами, словно дом этот не был первоначально связан с историей других людей, по сравнению с которой их жизнь представляла для Клэра лишь незначительный интерес. Они сновали по дорожкам сада, поглощенные своими заботами, и казалось, каждое их движение оскорбляет туманные тени прошлого; а разговаривали они друг с другом так, словно то время, когда жила здесь Тэсс, было не более насыщено событиями, чем сегодняшний день. Даже птицы, прилетевшие вместе с весной, пели так, будто никто не покидал этих мест.

Расспросив этих простаков, которые едва могли припомнить даже фамилию своих предшественников, Клэр узнал о смерти Джона Дарбейфилда и об отъезде из Марлота детей и вдовы, которая объявила, что они будут жить в Кингсбуре, но вместо этого поехала в другое место, называемое так-то. К этому времени Клэр успел возненавидеть дом за то, что в нем больше не живет Тэсс, и поспешил уйти, ни разу не оглянувшись.

Путь его лежал через луг, где он впервые увидел ее во время танцев. И луг показался ему еще более ненавистным, чем дом. Он пересек кладбище и среди новых надгробных плит заметил одну, более дорогую. Надпись на ней гласила:

ПАМЯТИ ДЖОНА ДАРБЕЙФИЛДА, ПРАВИЛЬНЕЕ – Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ, ПРОИСХОДИВШЕГО ИЗ НЕКОГДА МОГУЩЕСТВЕННОГО И ЗНАТНОГО РОДА, ПРЯМОГО ПОТОМКА СЭРА ПЭГАНА Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ, ОДНОГО ИЗ РЫЦАРЕЙ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

СКОНЧАЛСЯ МАРТА 10-го, 18...

ТАК СВЕРШАЕТСЯ ПАДЕНИЕ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО.

Какой-то человек, очевидно могильщик, заметил Клэра, стоявшего у могилы, и подошел к нему.

– Эх, сэр, не очень-то хотелось этому человеку лежать здесь. Он желал, чтобы его перевезли в Кингсбир, где покоятся его предки.

– Почему же не исполнили его волю?

– Денег не было. Видите ли, сэр... болтать направо и налево я не собираюсь, но... даже за эту плиту с такой важной надписью не заплачено.

– А кто ее делал?

Могильщик назвал фамилию каменщика, проживавшего в Йарлоте, и Клэр, покинув кладбище, зашел к нему. Убедившись, что слова могильщика соответствуют действительности, он оплатил этот счет, а затем пошел отыскивать переселенцев.

Путь был длинный, но Клэр жаждал одиночества и не стал нанимать экипаж; не пошел он также и к станции железной дороги, по которой кружным путем мог добраться до цели. Впрочем, в Шестоне он вынужден был нанять лошадь, но дорога была плохая, и только к семи часам вечера, проехав от Марлота больше двадцати миль, он добрался до деревни, где жила Джоан.

Деревушка была маленькая, и он без труда нашел обиталище миссис Дарбейфилд – окруженный садом домик, расположенный в стороне от главной улицы и такой маленький, что она еле разместила в нем свою громоздкую старую мебель. Было ясно, что она почему-то не желает его видеть, и он чувствовал себя незванным гостем. Она сама открыла дверь, и лучи заходящего солнца осветили ее лицо.

Клэр встретился с ней впервые, но он слишком занят был своими мыслями и заметил только, что она все еще красива и одета, как подобает одеваться почтенной вдове. Он принужден был сказать, что он муж Тэсс, и объяснить, зачем сюда приехал. С этой задачей он справился довольно неловко.

– Я хочу увидеть ее сейчас же, – добавил он. – Вы обещали мне написать, но не исполнили обещания.

– Потому что она не вернулась домой, – ответила Джоан.

– Вы не знаете, хорошо ли ей живется?

– Не знаю. Скорее вам следовало бы знать это, сэр, – сказала она.

– Вы правы. Где она живет?

На протяжении всего разговора Джоан прижимала руку к щеке, – было ясно, что она смущена.

– Я... я не знаю, где она живет. Она была в... но...

– Где она была?

– Ну, теперь ее там нет.

Дав этот уклончивый ответ, она снова умолкла. Дети к этому времени уже собрались у двери, и младший ребенок, дергая мать за юбку, спросил шепотом:

– Это тот самый джентльмен, который хочет жениться на Тэсс?

– Он на ней женился, – прошептала Джоан. – Ступайте в дом.

Клэр, видя, что она о чем-то умалчивает, спросил:

– Как вы думаете, Тэсс хотела бы, чтобы я ее отыскал? Если нет, то, конечно...

– Я думаю, что не хотела бы.

– Вы уверены?

– Да, уверена.

Он повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил о нежном письме Тэсс.

– А я уверен в обратном! – возбужденно воскликнул он. – Я ее знаю лучше, чем вы.

– Очень может быть, сэр, потому что я-то, в сущности, никогда хорошенько ее не знала.

– Прошу вас, скажите ее адрес, миссис Дарбейфилд, хотя бы из жалости к одинокому, несчастному человеку.

Снова мать Тэсс смущенно потерла щеку рукой: наконец, видя, что он страдает, сказала тихо:

– Она в Сэндборне.

– А... но где именно? Говорят, Сэндборн разросся...

– Знаю только, что она в Сэндборне. Я сама никогда там не бывала.

Ясно было, что Джоан говорит правду, и больше он не настаивал.

– Не нуждается ли вы в чем-нибудь? – ласково спросил он.

– Нет, сэр, – ответила она. – Мы теперь всем обеспечены.

Не заходя в дом, Клэр ушел. В трех милях отсюда была станция, и, расплатившись с возницей, он отправился туда пешком. Вскоре отошел последний поезд на Сэндборн, и с этим поездом уехал Клэр.

В одиннадцать часов вечера, заняв номер в гостинице и немедленно по приезде послал отцу телеграмму с указанием адреса, он вышел пройтись по улицам Сэндборна. В такой поздний час нельзя было наводить справки, и он поневоле отложил это до утра. Но ему было не до сна.

Этот модный приморский курорт с двумя вокзалами – восточным и западным, с пристанями, сосновыми рощами, аллеями, садами казался Энджелу Клэру каким-то сказочным местом, возникшим внезапно по мановению волшебного жезла и лишь слегка запыленным. С востока примыкала к нему гигантская красно-бурая Эгдонская равнина, и, однако, именно на границе этой древней земли вырос город увеселений. На расстоянии мили от предместий Сэндборна каждый холмик вещал о доисторических временах, каждый канал служил средством сообщения бриттам, а плуг с века цезарей не тревожил почвы. Но внезапно, словно дерево пророка, вырос здесь новый шумный город и заманил сюда Тэсс.

При свете фонарей Клэр бродил по извилистым улицам нового мирка, возникшего в мире старины, и среди верхушек деревьев видел на фоне звездного неба высокие крыши, трубы, бельведеры, башни пышных вилл, которые и составляли город. Здесь были только особняки; курорт, перенесенный на берег Ла-Манша с побережья Средиземного моря, ночью казался еще внушительнее, чем был в действительности.

Море было близко, но не вторгалось навязчиво, оно шумело, а он подумал, что шумят сосны; сосны шумели так же, как и море, – и этот шум принял он за плеск прибоя.

Где же могла приютиться Тэсс, крестьянка, молодая его жена, в этом богатом и фешенебельном городе? Чем больше он думал, тем сильнее недоумевал. Разве есть здесь коровы, которых она могла бы доить? Во всяком случае, полей тут не было. Вернее всего, она работает прислугой в одном из этих больших домов. И он брел дальше, посматривая на освещенные окна, которые гасли одно за другим, и старался угадать, где окно ее комнаты.

Догадки ни к чему не привели: после полуночи он вернулся в гостиницу и лег спать. Прежде чем потушить свет, он еще раз прочел страстное письмо Тэсс. Заснуть он, однако, не мог: быть так близко от нее и в то же время так далеко... Поминутно поднимал он шторы, всматривался в дома напротив и спрашивал себя: не за этой ли стеной спит она сейчас?

В эту ночь он мог бы и не ложиться в постель. Встал он в семь часов и, выйдя на улицу, направился к почтамту. У двери он встретил смышленного на вид почтальона, отправлявшегося разносить утреннюю почту.

– Не знаете ли вы адреса миссис Клэр? – спросил Энджел.

Почтальон покачал головой.

Вспомнив, что она, вероятно, живет под своей девичьей фамилией, Клэр добавил:

– Или мисс Дарбейфилд?

– Дарбейфилд?

И этой фамилии почтальон не слышал.

– Здесь, знаете ли, сэр, одни приезжают, другие уезжают, – сказал он. – Не зная дома, никого не отыщешь.

В это время из почтамта вышел один из его товарищей, и Клэр повторил фамилию.

– Дарбейфилдов я не знаю, но в «Цапле» живет д'Эрбервилль, – ответил второй почтальон.

– Вот это мне и нужно! – воскликнул Клэр, обрадовавшись, что она носит теперь неискаженную фамилию. – А что это за «Цапля»?

– Богатый пансион. Здесь только и есть, что пансионы.

Расспросив дорогу, Клэр ускорил шаги и подошел к дому одновременно с молочником. «Цапля» была самой обыкновенной виллой, но находилась на отдельном участке и скорее напоминала частный особняк, чем пансион, где сдаются комнаты. Если бедная Тэсс, как он опасался, устроилась сюда служанкой, она должна была бы встретить молочника у черного входа, и Клэр сначала решил последовать за ним. Потом, передумав, подошел к парадной двери и позвонил.

Час был ранний, и дверь открыла сама хозяйка. Клэр осведомился, не здесь ли живет Тереза д'Эрбервилль, или Дарбейфилд.

– Миссис д'Эрбервилль?

– Да.

Значит, Тэсс считали здесь замужней женщиной, и он обрадовался этому, хотя она и не носила его фамилии.

– Будьте добры, скажите ей, что ее хочет видеть родственник.

– Рановато еще. А как доложить о вас, сэр?

– Скажите, что пришел Энджел.

– Мистер Энджел?

– Нет, Энджел. Это имя, а не фамилия. Она знает.

– Пойду посмотрю, проснулась ли она.

Его ввели в комнату. Это была столовая; сквозь прозрачные занавески он видел маленькую лужайку, рододендроны и кусты. Очевидно, Тэсс жилось не так плохо, как он опасался; у него мелькнула догадка, что она как-нибудь вытребовала и продала бриллианты. За это он ее не осуждал. Вскоре настороженный его слух уловил шаги – кто-то спускался по лестнице. Сердце его мучительно забилося, он едва удержался на ногах. «Боже мой, что она обо мне подумает? Я так изменился!» – прошептал он – и дверь распахнулась.

На пороге стояла Тэсс – совсем не такая, какую думал он ее увидеть, совсем и непонятно другая. Ее поразительная красота не то что выигрывала, но во всяком случае казалась заметнее благодаря костюму. Ее окутывал широкий серовато-белый кашемировый капот с вышивкой, выдержанной в полутраурных тонах; того же цвета были утренние туфли. У ворота капот был обшит пухом. Густую темно-каштановую косу, которую он так хорошо помнил, она закрутила на затылке, но отдельные пряди падали ей на плечо, – очевидно, она спешила.

Он протянул к ней руки, но она осталась стоять в дверях, и руки его опустились. Он, похожий теперь на скелет, обтянутый желтой кожей, почувствовал контраст между собой и ею и решил, что внушает ей отвращение.

– Тэсс, – сказал он хрипло, – простишь ли ты меня за то, что я уехал? Неужели ты не подойдешь ко мне? Почему ты так... изменилась?

– Слишком поздно! – проговорила она; ее голос звучал резко, глаза неестественно блестели.

– Я был несправедлив к тебе, я видел тебя не такой, какую ты была! – умолял он. – Теперь я тебя знаю, Тэсси, любимая!

– Слишком поздно! – повторила она, судорожно отмахиваясь рукой, словно ее пытали, и каждая минута казалась ей часом. – Не подходи ко мне, Энджел! Нет, нельзя. Не подходи!

– Неужели ты можешь меня разлюбить, моя любимая, моя жена, потому что я так изменился после болезни? Нет, ты не была непостоянной... я приехал за тобой, теперь мои родители примут тебя с любовью!

– Да, да! Но говорю тебе – слишком поздно!

Казалось, она испытывала то страшное ощущение, когда во сне хочешь бежать и не можешь.

– Или ты ничего не знаешь? Но как же ты мог прийти сюда, если ты не знал?

– Я навел справки и отыскал тебя.

– Я тебя ждала! Так ждала! – говорила она, и голос ее снова звучал мелодично и скорбно, как в былые времена. – Но ты не возвращался. Я тебе написала, а ты не приехал! Он мне твердил, что ты никогда не вернешься и что я глупа. Когда умер отец, он был очень добр ко мне, и к матери, и ко всем нам. Он...

– Я не понимаю.

– Он уговорил меня вернуться к нему.

Клэр пристально посмотрел на нее, потом, поняв смысл ее слов, поник, как пораженный громом, и опустил глаза; взгляд его упал на ее руки: эти руки, когда-то розовые, были теперь белые и очень нежные.

Она продолжала:

– Он там, наверху. Теперь я его ненавижу, потому что он мне солгал: сказал, что ты не вернешься, а ты вернулся! Вот как он меня нарядил... мне было все равно, что бы он со мной ни делал! Но, прошу тебя, Энджел, уйди и никогда больше не приходи.

Они стояли неподвижно, в каком-то смятении, с тоской глядя друг на друга. Казалось, оба умоляли кого-то защитить их от действительности.

– Это я виноват, только я, – сказал Клэр.

Продолжать он не мог. Слова были так же бессильны, как и молчание. Но он смутно почувствовал то, что только впоследствии понял ясно: его Тэсс как бы отреклась от тела, которое он видел перед собой, и позволила ему, словно это был труп, плыть по течению, независимо от ее воли.

Прошло несколько секунд, и он заметил, что Тэсс ушла. Кровь отхлынула от его лица; казалось, оно еще больше осунулось, пока он стоял, сосредоточенно размышляя. Минуты через две он уже шел по улице, сам не зная куда идет.

56

Миссис Брукс, хозяйка «Цапли» и владелица всей этой прекрасной мебели, отнюдь не страдала чрезмерным любопытством. Вынужденная служить расчетливому демону барышей и убытков, она, бедняжка, слишком погрязла в материальных делах и могла интересоваться только карманами своих жильцов; бескорыстное любопытство было ей чуждо. Однако визит Энджела Клэра к ее состоятельным жильцам, супругам д'Эрбервиллям, каковыми она их считала, был настолько необычен, если принять во внимание ранний час и другие обстоятельства, что воскресил в ней женское любопытство, которое давно было задумано, поскольку оно не могло служить интересам дела.

Тэсс разговаривала с мужем, оставаясь в дверях и не входя в столовую, и миссис Брукс, стоявшая за приоткрытой дверью своей гостиной в конце коридора, слышала отрывки разговора, – если можно назвать разговором те слова, какими обменялись двое несчастных. Слышала она также, как Тэсс поднялась по лестнице, а Клэр ушел и как за ним захлопнулась парадная дверь. Потом стукнула дверь наверху, и миссис Брукс поняла, что Тэсс вернулась к себе. Так как молодая женщина была в капоте, миссис Брукс предполагала, что она выйдет еще не скоро.

Тихонько поднялась она по лестнице и остановилась у двери гостиной, которая соединялась двустворчатой дверью со смежной комнатой – спальней. Весь бельэтаж, где находились лучшие комнаты миссис Брукс, снимали д'Эрбервилли, внося плату еженедельно. В спальне было тихо, но из гостиной доносились какие-то звуки.

Сначала она расслышала только протяжный стон, словно кого-то пытали на колесе Иксиона.

– О-о-о...

Молчание, тяжелый вздох и снова:

– О-о-о...

Хозяйка посмотрела в замочную скважину. Ей видна была только небольшая часть комнаты, угол стола, на котором уже приготовлен был завтрак, а рядом стул. Над сиденьем стула виднелась склоненная голова Тэсс, стоявшей на коленях; руки она заломила над головой, подол ее капота и вышитой ночной рубашки расстился по полу; на ковре видны были ее босые ноги, с которых упали туфли. И с ее уст срывался шепот, выражавший бесконечное отчаяние.

Из смежной спальни донесся мужской голос:

– Что случилось?

Она не ответила, не прервала своего заунывного монолога, звучавшего, как похоронное пение. Миссис Брукс могла расслышать лишь некоторые фразы:

– А потом мой милый муж вернулся ко мне... а я этого не знала... А ты был так жесток и все мне внушал... да, ты не переставал мне внушать. Мои сестры, братья, нищета матери – вот чем удалось тебе меня сломить, и ты говорил, что мой муж никогда не вернется, никогда... Ты надо мной издевался, говорил, что я глупа, если все еще его жду... И наконец я тебе поверила и уступила... А он вернулся! Теперь он ушел. Снова ушел, и я потеряла его навеки... и теперь он не будет меня любить, он будет ненавидеть... Да, теперь я его потеряла, и опять из-за тебя!

Корчась на полу, она повернула лицо к двери, и миссис Брукс увидела, что оно искажено от боли; губы до крови закусены, глаза закрыты, и длинные ресницы, смоченные слезами, прилипли к щекам. Она продолжала:

– А он умирает... он похож на умирающего!.. И мой грех убьет его, а не меня! Да, ты разбил мою жизнь... сделал то, что я молила тебя не делать – сделал меня своей. А мой муж никогда, ни-

когда... Господи, я этого не вынесу! Не вынесу!

Мужчина что-то резко сказал, послышался шорох; она вскочила. Миссис Брукс, думая, что она выбежит из комнаты, поспешила спуститься вниз.

Однако ей незачем было спешить: дверь гостиной не распахнулась. Но миссис Брукс, считая небезопасным подслушивать на площадке лестницы, вернулась в свою комнату.

Сверху не доносилось ни звука, хотя она напряженно прислушивалась, и поэтому она пошла в кухню кончать прерванный завтрак. Вернувшись затем в гостиную первого этажа, она принялась за шитье, поджидая, когда позвонят жильцы; она хотела пойти сама на звонок и убрать со стола, надеясь, что ей удастся разузнать, в чем дело. Наверху поскрипывали половицы – кто-то ходил по комнате; потом, задевая за перила лестницы, зашуршало платье, открылась и захлопнулась парадная дверь, и показалась Тэсс, выходящая на улицу. Она была одета в дорогой костюм для прогулки, в котором приехала сюда, но шляпу с черными перьями закрыла вуалью.

Миссис Брукс не расслышала, обменялись ли жильцы бельэтажа еще какими-нибудь фразами. Быть может, они поссорились, а может быть, мистер д'Эрбервилль еще спал – он не имел обыкновения вставать рано.

Она удалилась в заднюю комнату, где обыкновенно работала, и продолжала шить. Дама не возвращалась, а джентльмен не звонил. Миссис Брукс размышляла, чем может быть вызвано такое промедление и какое отношение имеет ранний посетитель к паре, занимавшей бельэтаж. Задумавшись, она откинулась на спинку стула.

Случайно подняв глаза, она увидела на белом потолке пятно, которого раньше никогда не замечала. Когда она обратила на него внимание, оно было не больше облатки, но, быстро разрастаясь, стало величиной с ладонь, и тогда она разглядела, что пятно это красное. Комната была длинная, и белый потолок с алым пятном посередине напоминал гигантского туза червей.

У миссис Брукс зародились страшные опасения. Она влезла на стол и коснулась пальцами пятна на потолке. Оно было влажное; ей показалось, что это кровь.

Спрыгнув со стола, она поднялась на второй этаж, намереваясь войти в комнату наверху – это была спальня, смежная с гостиной. Но, хотя нервы у нее были крепкие, она не могла заставить себя нажать дверную ручку. Она прислушалась. Мертвую тишину нарушало только мерное капанье: кап, кап, кап.

Миссис Брукс поспешно спустилась вниз, открыла парадную дверь и выбежала на улицу. Мимо проходил человек, которого она знала, – рабочий, служивший в соседней вилле. Она попросила его вместе с ней подняться наверх: она боится, не случилось ли беды с одним из ее жильцов. Рабочий согласился и последовал за ней.

Она открыла дверь гостиной и, пропустив его вперед, вошла вслед за ним. В комнате никого не было; завтрак – кофе, яйца, холодная ветчина – остался нетронутым; стол был накрыт так, как она сама его накрыла, не хватало только большого ножа. Она попросила рабочего пройти в соседнюю комнату.

Он открыл дверь, сделал два-три шага и тотчас же вернулся с помертвевшим лицом.

– О господи, джентльмен лежит в постели мертвый! Кажется, его ударили ножом... на полу лужа крови!

Подняли тревогу, и дом, еще недавно такой тихий, огласился шарканьем многочисленных ног; явился и врач. Рана была маленькая, но острие ножа задело сердце жертвы; убитый лежал на спине, бледный, окоченевший, – вряд ли он хоть раз пошевелился, после того как ему нанесен был удар. Четверть часа спустя весть о том, что приезжего джентльмена убили ножом в постели, распространилась по всем улицам и виллам модного курорта.

Энджел Клэр шел, как автомат, обратно по тем же улицам и, вернувшись в гостиницу, сел завтракать, рассеянно глядя в пространство. Ел он и пил, не сознавая, что делает, затем вдруг потребовал счет и, расплатившись, взял свой саквояж – больше никаких вещей у него не было – и вышел.

В эту минуту ему подали телеграмму – несколько слов от матери: они были рады получить его адрес и сообщают ему, что его брат Катберт сделал предложение мисс Мерси Чант, которое и было принято.

Клэр скомкал телеграмму и пошел на вокзал; здесь он узнал, что следующий поезд отходит только через час. Он сел. Однако через четверть часа почувствовал, что ждать больше не может. Раздавленному, оглушенному, ему незачем было спешить, но он хотел скорей выбраться из города, где пережил такое испытание, и решил идти пешком до следующей станции, а там сесть в поезд.

Шел он по открытой дороге, которая спускалась в ложбину и была видна из конца в конец. Он уже почти миновал ее, когда, поднимаясь по западному склону, приостановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг оглянулся. Почему он это сделал, он не мог бы объяснить, – словно что-то его подтолкнуло. Он увидел пройденную им дорогу, ровную и прямую, как протянутая тесьма, и вдруг на этом белом пространстве появилось движущееся пятнышко.

Это был бегущий человек. Клэр ждал, смутно предчувствуя, что кто-то старается его догнать.

Вниз по склону бежала женщина, но он далек был от мысли, что его жена может за ним последовать; даже когда она была уже близко, он не узнал ее в этом новом костюме, и только когда она подошла к нему совсем вплотную, он наконец поверил, что перед ним Тэсс.

– Я видела, как ты отошел от вокзала... когда я подходила к нему... и всю дорогу я за тобой бежала!

Бледная, задыхающаяся, она дрожала всем телом, и он, не задав ей ни единого вопроса, продел ее руку под свою и повел дальше. Желая избежать встречи с прохожими, он свернул с дороги на тропинку, убегавшую в еловый лес. Ветви стонали над ними, когда они углубились в чащу; здесь он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

– Энджел, – начала она, словно только и ждала его взгляда, – знаешь, почему я за тобой бежала? Сказать тебе, что я его убила!

И на ее лице появилась жалобная улыбка.

– Что? – воскликнул он, думая, что она бредит.

– Я это сделала... сама не знаю как, – продолжала она. – Наверное, я должна была это сделать ради тебя и ради самой себя, Энджел. Я давно боялась, еще в тот день, когда ударила его перчаткой по губам, что когда-нибудь убью его за то зло, какое он причинил мне в ранней юности, испортив тем и твою жизнь. Он стоял между нами и погубил нас, но теперь он бессилен вредить нам. Я никогда не любила его, Энджел, так, как любила тебя. Ты это знаешь, да? Ты мне веришь? Ты ко мне не вернулся, и я принуждена была вернуться к нему. Зачем ты уехал, зачем, когда я тебя так любила? Я не могу понять, зачем ты это сделал. Я тебя не виню, но ты мне простишь, Энджел, мою вину перед тобой – теперь, когда я его убила? Я бежала за тобой и думала, что теперь ты меня, наверно, простишь, раз я это сделала. Меня словно осенило, что так я могу тебя вернуть. Больше я не могла жить без тебя, ты не знаешь, как невыносимо мне было сознавать, что ты меня не любишь. Скажи же мне, мой муж, мой любимый муж, скажи, что любишь меня теперь, когда я его убила!

– Я люблю тебя, Тэсс, люблю, как раньше, – сказал он, судорожно прижимая ее к себе. – Но как понять твои слова? Ты его действительно убила?

– Да, убила... – прошептала она, словно сквозь сон.

– Он мертв?

– Да. Он слышал, как я плакала, когда ты ушел, и стал надо мной издеваться, гнусно ругать тебя, – тогда я это сделала. Сердце мое не вынесло. Он и раньше издевался надо мной, говоря о тебе. А потом я оделась и пошла искать тебя.

Наконец Клэр почти поверил, что она, во всяком случае, пыталась сделать то, о чем говорила. К ужасу перед ее поступком примешивалось изумление: как сильна была ее любовь к нему и как необычна, если она заглушила в ней все нравственные чувства! Не отдавая себе отчета в серьезности своего поступка, она, казалось, была счастлива: прислонившись к его плечу, она плакала от радости, а он смотрел на нее и думал о том, какой темный инстинкт, унаследованный от

д'Эрбервиллей, вызвал в ней подобную моральную слепоту – если это можно было назвать слепотой. Потом у него мелькнула мысль, что фамильная легенда о карете и убийстве возникла потому, что д'Эрбервилли действительно бывали повинны в таких деяниях. Он подумал, насколько вообще он мог, находясь в таком смятении, думать, он предположил, что в минуту безумного горя, о котором она говорила, рассудок ее помутился и она ринулась в эту пропасть.

Если она сказала правду – это было страшно; если бредила – печально. Но как бы то ни было, она, его покинутая жена, страстно любящая женщина, льнула к нему в неколебимой уверенности, что найдет у него защиту. И он понял, что не может обмануть ее надежды. Наконец нежность одержала верх над всеми другими чувствами. Клэр бледными губами без конца целовал ее. Потом, не выпуская ее руки, сказал:

– Я не покину тебя! Что бы ты ни сделала, любимая, я буду защищать тебя, пока хватит сил!

Они пошли дальше под сенью деревьев. Тэсс поминутно поворачивала голову, чтобы взглянуть на него. Хотя он теперь исхудал и подурнел, она, очевидно, не находила в нем никаких недостатков. Как в старые времена, он оставался для нее совершенством. Все еще был он ее Антиномом, даже Аполлоном. Для нее, любящей, его изможденное лицо было прекрасно, как утро, прекрасно сегодня, как и в день первой их встречи, – ведь это было лицо единственного человека на земле, который любил ее чистой любовью и верил в ее чистоту.

Инстинктивно сознавая всю опасность их положения, он не пошел, как намеревался раньше, на станцию, но углубился в лес, который тянулся на много миль. Обнявшись, шли они по сухому ковру из еловых игл, опьяненные сознанием, что наконец-то они вместе и никто не стоит между ними; о мертвеце они забыли. Так прошли они несколько миль. Наконец Тэсс, очнувшись, осмотрелась по сторонам и робко спросила:

– Мы идем куда-нибудь в определенное место?

– Не знаю, дорогая. А что?

– Не знаю.

– Мы можем пройти еще несколько миль, а когда стемнеет, поищем комнату в какой-нибудь уединенной хижине. Ты не устала, Тэсси?

– О нет! Я могу идти без конца, когда ты обнимаешь меня.

Уйти как можно дальше – это было, пожалуй, самым разумным. Они ускорили шаги и, избегая проезжих дорог, шли лесными тропинками, держа путь на север. Но и в течение всего этого дня они действовали необдуманно: ни он, ни она не помышляли ни о бегстве, ни о переодевании, ни о том, чтобы где-нибудь спрятаться. Будущее их не заботило, и, как дети, они не заглядывали дальше этого дня.

К полудню они увидели придорожную харчевню, и Тэсс хотела войти туда вместе с ним, чтобы поесть, но он убедил ее подождать его среди деревьев и кустов – теперь они шли по перелескам, разбросанным среди вересковой равнины. Тэсс была одета по последней моде, даже изящный зонтик с ручкой из слоновой кости был диковинкой в этом глухом уголке, даже покрой ее платья привлек бы всеобщее внимание. Вскоре он вернулся с провизией по крайней мере на шесть человек и двумя бутылками вина: этого должно было им хватить на день, даже на два, если бы случилось что-нибудь непредвиденное.

Усевшись на куче хвороста, они принялись за еду. Когда они завернули остатки провизии и пошли дальше, было уже около половины второго.

– У меня хватит сил идти очень долго, – сказала она.

– Мы пойдем в глубь страны и скроемся там на время; вероятно, разыскивать нас будут ближе к побережью, – заметил Клэр. – Потом, когда о нас забудут, мы попробуем добраться до какого-нибудь порта.

Она ничего не ответила и только крепко его обняла. Так пошли они в глубь страны. Хотя был май – английский май, но погода стояла ясная и теплая. Они прошли еще несколько миль, и тропинка завела их в чашу Нового Леса, а к вечеру, повернув на проселочную дорогу, они увидели над красивыми воротами большую доску, на которой было написано белой краской: «Этот прекрасный дом сдается внаймы с мебелью»; далее следовали подробности, а за справками предлагалось обращаться в какое-то лондонское агентство. Войдя в ворота, они увидели построенный в

строгом стиле дом со службами.

– Я знаю, где мы, – сказал Клэр. – Это усадьба Бремсхерст. Видишь, дом заперт, и аллея заросла травой.

– Несколько окон открыто, – заметила Тэсс.

– Должно быть, проветривают комнаты.

– Весь дом пустой, а у нас нет пристанища.

– Ты начинаешь уставать, моя Тэсси. Мы скоро отдохнем.

И, поцеловав ее скорбные губы, он повел ее дальше.

Он тоже чувствовал усталость, так как прошли они не меньше двадцати миль, и нужно было подумать об отдыхе. Издали посматривали они на уединенные хижины и маленькие харчевни и хотели было зайти в одну из последних, но мужество им изменило, и они свернули в сторону. Они с трудом волочили ноги и наконец остановились.

– Не переночевать ли нам в лесу? – спросила она.

Но, по его мнению, было еще слишком холодно.

– Я все думаю об этом пустом доме, мимо которого мы прошли, – сказал он. – Вернемся туда.

Они повернули назад, но только через полчаса добрались до ворот с объявлением. Он попросил ее подождать, а сам отправился на разведку.

Она села под кустом у ограды, а Клэр, крадучись, направился к дому. Он не возвращался довольно долго, и Тэсс охватила мучительная тревога – не за себя, а за него. Расспросив какого-то мальчика, Клэр узнал, что за домом присматривает старуха, которая приходит только в ясные дни открывать и закрывать окна; живет она в соседней деревушке. Сегодня она придет только на заказе закрыть окна.

– Мы можем влезть в одно из окон нижнего этажа и отдохнуть, – сказал он Тэсс.

Под его охраной она медленно пошла к дому; окна были закрыты ставнями и походили на глаза слепого; оттуда на них никто не смотрел. Они поднялись на крыльцо; окно около двери было открыто. Клэр влез в него и втащил за собой Тэсс.

Все комнаты, кроме прихожей, были погружены во мрак. Они поднялись на второй этаж; здесь также все ставни были закрыты – дом проветривался кое-как, во всяком случае, сегодня открыто было только окно в прихожей и одно окно в верхнем этаже. Клэр отпер дверь большой комнаты, ощупью добрался до окна и приоткрыл ставни, так что образовалась щель шириной в два три дюйма. Яркий солнечный луч проник в комнату, осветив тяжелую старомодную мебель, малиновые шелковые портьеры и огромную кровать под балдахином; над ее изголовьем вырезаны были бегущие фигуры – по-видимому, состязание Аталанты с женихами.

– Наконец-то мы отдохнем! – сказал Клэр, бросая на пол саквояж и сверток с провизией.

Они сидели, притаившись, поджидая старуху, которая должна была прийти закрыть окна. Из предосторожности они снова плотно закрыли ставни и остались в полной темноте, опасаясь, как бы старуха случайно не заглянула в эту комнату. Она явилась между шестью и семью, но даже не зашла в то крыло дома, где они приютились. Они слышали, как она закрыла окна, заперла двери и ушла. Тогда Клэр, снова приоткрыв ставни, впустил луч света, и они поужинали. Постепенно их окутывали тени ночи, у них не было свечей, чтобы разогнать мрак.

58

Ночь была странно торжественная и тихая. В глухой полуночный час Тэсс шепотом рассказала мужу, как он во сне переносил ее на руках через реку Фрум, подвергая опасности жизнь их обоих, как положил ее в каменную гробницу в разрушенном аббатстве. Только сейчас узнал он об этом.

– Почему ты ничего не сказала мне на следующий день! – воскликнул он. – Это избавило бы нас от многих недоразумений и печалей.

– Не думай о прошлом, – сказала она. – Я хочу думать только о настоящем. Кто знает, что будет завтра?

Но завтра, казалось, не сулило ничего дурного. Утро было сырое, туманное, и Клэр, зная, что старуха приходит отворять окна только в ясные дни, рискнул выйти из комнаты и осмотреть дом, пока Тэсс спала. Провизии в доме не оказалось, но вода была. Под покровом тумана Клэр покинул усадьбу и, дойдя до маленького городка, находившегося в двух милях оттуда, купил в лавке чаю, хлеба и масла, а также маленький чайник и спиртовку, чтобы избежать дыма. Тэсс проснулась, когда он вернулся, и они принялись за принесенный им завтрак.

Им не хотелось идти дальше: прошел день, ночь, еще два дня, и так незаметно промелькнуло пять дней полного уединения, ни один человек не нарушал их покоя, – если это был покой. Единственным событием в их жизни была перемена погоды; общество людей заменяли им птицы Нового Леса. По молчаливому соглашению, они почти не говорили о месяцах, последовавших за днями их свадьбы. Это мрачное время словно провалилось в хаос, и более отдаленное прошлое сомкнулось над ним с настоящим. Когда Клэр заговаривал о том, чтобы покинуть усадьбу и идти в Саутгемптон или Лондон, она отказывалась трогаться с места.

– Зачем нам обрывать эту жизнь, такую чудесную и радостную! – убеждала она. – Чему быть, того не миновать. Все беды подстерегают нас там, а здесь хорошо, – добавила она, заглядывая в щель ставней.

Он тоже посмотрел в щель. Она была права: здесь – любовь, близость друг к другу, забвение заблуждений; там – неумолимая судьба.

– И знаешь, – сказала она, прижимаясь щекой к его щеке. – Я боюсь, что ты не всегда будешь думать обо мне так, как думаешь теперь. Я не хочу пережить твою любовь. Да, не хочу. Лучше мне умереть, прежде чем настанет время, когда ты будешь меня презирать, – пусть я никогда не узнаю, что ты меня презираешь.

– Я никогда не буду тебя презирать.

– Ах, если бы так! Но, вспоминая свою жизнь, я не верю, что может найтись хоть один человек, который рано или поздно не почувствует ко мне презрения... Какое страшное безумие овладело мной! А ведь раньше я бы не обидела мухи или червяка; я часто плакала, глядя на птицу в клетке.

Они остались еще на сутки. Ночью пасмурное небо прояснилось, и поэтому старуха, присматривающая за домом, проснулась рано. Ослепительный солнечный свет подбодрил ее, и она решила немедленно пойти в усадьбу и хорошенько проветрить дом по случаю такой чудесной погоды. И вот еще до шести часов она открыла окна в нижнем этаже, а затем поднялась наверх и хотела было открыть дверь в комнату, где они спали, как вдруг ей почудилось, что она слышит чье-то дыхание. Мягкие туфли заглушали ее старческие шаги, и она хотела было уйти, но потом, предположив, что ошиблась, вернулась к двери и осторожно нажала ручку. Замок был испорчен, но изнутри кто-то заставил дверь мебелью, и она могла приоткрыть ее только на один-два дюйма. Луч света, пробивавшийся в щель ставня, падал на лица мужчины и женщины, погруженных в глубокий сон; губы Тэсс, полураскрытые, как распускающийся цветок, касались щеки Клэра. Старуха была поражена приличным видом этой пары, а также элегантным платьем Тэсс, висевшим на спинке стула, шелковыми ее чулками, красивым зонтиком и другими изящными принадлежностями туалета, который она продолжала носить, так как ничего другого у нее не было. И негодование, охватившее старуху при мысли, что в дом забрались наглые ночные бродяги, сменилось теперь романтическим сочувствием к тайно обвенчавшимся влюбленным благородного происхождения, за которых она их приняла. Она закрыла дверь и удалилась так же тихо, как пришла, намереваясь посоветоваться с соседями о своем странном открытии.

Минуту спустя после ее ухода проснулась Тэсс, затем Клэр. У обоих было смутное чувство, будто что-то потревожило их сон, и порожденная этим тревога все усиливалась. Поспешно одевшись, Клэр внимательно осмотрел лужайку сквозь щель в ставне.

– Нам надо уходить, – сказал он. – День ясный, и мне все время чудится что в доме кто-то есть. И, во всяком случае, старуха сегодня придет.

Тэсс покорно подчинилась. Приведя комнату в порядок и захватив свои вещи, они потихоньку вышли. На опушке леса она оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на усадьбу.

– Прощай, счастливый дом! – сказала она. – Все равно мне осталось жить всего несколько

недель. Почему мы там не остались?

– Не говори так, Тэсс. Скоро мы уйдем из этих мест. Будем, как и раньше, идти прямо на север. Никому не придет в голову разыскивать нас там. Если и будут нас искать, то только в уэссекских портах. А мы доберемся до какого-нибудь северного порта и уедем.

Он уговорил ее принять этот план, и они пошли прямо на север. Длительный отдых в усадьбе восстановил их силы, и незадолго до полудня они увидели колокольни Мелчестера, старинного городка, лежавшего на их пути. Днем Клэр решил отдохнуть в роще, а дальше идти уже под покровом ночи. В сумерках он, как всегда, отправился покупать провизию, а затем они пошли дальше и около восьми часов перешли границу между Верхним и Средним Уэссексом.

Тэсс не впервые приходилось идти, минуя проезжие дороги, и она проявила такую же выносливость, как в былые времена. Им пришлось войти в Мелчестер, чтобы по городскому мосту перейти широкую реку, преграждавшую путь. В третьем часу ночи они шли по безлюдным улицам, кое-где освещенным фонарями, шли не по тротуару, а по мостовой, чтобы заглушить звук своих шагов. Слева смутно вырисовывался величественный собор, но сейчас они не могли его разглядеть. Выйдя из города, они прошли несколько миль по большой дороге, которая увела их на открытую равнину.

Небо было затянуто облаками, но лунный свет, пробивавшийся сквозь эту завесу, помогал им ориентироваться. Однако вскоре луна зашла, тучи, казалось, нависли над самой головой, и стало темно, как в подземелье. Однако они кое-как продвигались вперед, стараясь идти по траве, чтобы не слышно было шагов; это не представляло затруднений, так как ни заборов, ни живой изгороди им не попадалось, кругом тянулась открытая пустынная черная равнина, над которой дул резкий ветер.

Так прошли они в темноте две-три мили, как вдруг Клэр заметил, что перед ними маячит какое-то гигантское строение. Они едва на него не наткнулись.

– Что это за странное место? – воскликнул Энджел.

– Здесь все гудит, – сказала она. – Слушай!

Он прислушался. Ветер, разбиваясь о строение, гудел, словно дрожала струна гигантской арфы. Больше ничего не было слышно. Вытянув руку, Клэр шагнул вперед и коснулся вертикальной стены. Казалось, она была сложена не из отдельных камней, а представляла собой одну сплошную каменную глыбу. Проведя по ней рукой, он убедился, что это колоссальная прямоугольная колонна; вытянув левую руку, он нащупал вторую такую же колонну. Вверху, между ними, черное небо казалось еще чернее – там нависал соединяющий их архитрав. Клэр и Тэсс осторожно прошли между колоннами, и гулкое эхо отвечало на их тихие шаги; но оказалось, что они все еще находятся под открытым небом. Строение это было лишено крыши. Тэсс боязливо затаила дыхание, а Энджел с недоумением проговорил:

– Что это может быть?

Свернув в сторону, они наткнулись еще на одну колонну, похожую на башню, прямоугольную и мощную, как и первая. Здесь не оказалось ничего, кроме колонн, просветов между ними и архитравов, соединяющих некоторые колонны.

– Настоящий храм ветров, – сказал Клэр.

Следующая колонна стояла совсем одиноко, другие образовывали трилитоны, а большинство лежало на земле, и по их широкой поверхности могла бы проехать карета.

Тэсс и Клэр убедились, что находятся в лесу из монолитов, возвышающихся среди покрытой травой равнины. Углубившись в эту обитель ночи, они остановились.

– Это Стоунхендж! – воскликнул Клэр.

– Языческий храм?

– Да. Он древнее столетий. Древнее, чем д'Эрбервилли! Что же нам делать, дорогая? Пойдем дальше искать пристанища.

Но Тэсс была совсем измучена, она легла на продолговатую каменную плиту, защищенную от ветра колонной. Днем солнце нагрело камень, и теперь он был сухой и теплый, тогда как жесткая трава вокруг покрылась холодной росой, пропитавшей подол ее платья и ботинки.

– Я не хочу идти дальше, Энджел, – сказала она, протягивая к нему руку. – Нельзя ли остано-

ся здесь?

– Боюсь, что нет. Днем это место открыто со всех сторон, хотя сейчас оно и кажется уединенным.

– Я припоминаю, что один из родственников моей матери был здесь пастухом. А в Тэлботейс ты меня называл язычницей. Значит, теперь я дома.

Он опустил ее на колени и коснулся губами ее губ.

– Ты совсем засыпаешь, дорогая. Мне кажется, ты лежишь на алтаре.

– Мне здесь очень нравится, – прошептала она. – Я была бесконечно счастлива, а здесь так торжественно и уединенно, нет ничего, только небо над головой. Можно подумать, что, кроме нас двоих, в целом мире нет никого. И я бы хотела, чтобы только мы двое и были на свете, – мы и Лиза Лу.

Клэр решил, что ей следует отдохнуть здесь до рассвета, и, прикрыв ее своим пальто, сел рядом с ней.

– Энджел, если что-нибудь случится со мной, ты ради меня позаботишься о Лизе Лу? – спросила она после долгого молчания, когда они оба прислушивались к ветру, завывающему среди колонн.

– Да.

– Она такая добрая, простодушная и чистая. О Энджел, я бы хотела, чтобы ты женился на ней, если лишишься меня, а это случится скоро. Женись на ней!

– Лишаясь тебя, я лишаюсь всего. И она – моя свояченица.

– Это ничего не значит, любимый. В Марлоте часто женятся на свояченицах. Лиза Лу милая и кроткая девочка, а какая она стала красивая! О, я бы не ревновала тебя к ней, когда мы будем духами! Ах, если бы ты воспитал, обучил ее, Энджел, и поднял до себя!.. В ней есть все, что было лучшего во мне, и нет моих недостатков; а если бы она стала твоей, было бы так, словно смерть нас не разлучила... Ну вот, теперь я тебе сказала. Больше я не буду говорить об этом.

Она умолкла, а он задумался. Далеко на северо-востоке он видел между колонн горизонтальную полосу. Черный облачный свод приподнимался, словно крышка горшка, пропуская у края земли свет загорающегося дня, и при этом свете начали вырисовываться темные монолиты и трилитоны.

– Здесь приносили жертву богу? – спросила она.

– Нет, – сказал он.

– А кому?

– Я думаю, солнцу. Вот тот высокий камень стоит в стороне и обращен к востоку; из-за него скоро выглянет солнце.

– Помнить, любимый, – сказала она, – пока мы не поженились, ты никогда не хотел касаться моих верований? Но все-таки я знала твои мысли и думала так, как думал ты, – не потому, что у меня были какие-то убеждения, а только потому, что ты так думаешь. Скажи мне теперь, Энджел, как по-твоему, встретимся мы снова после смерти? Я хочу знать.

Он поцеловал ее, чтобы избежать ответа в такую минуту.

– О Энджел... боюсь, что это значит – нет! – воскликнула она, заглушив рыдание. – А я так хотела тебя увидеть, так хотела! Энджел, неужели даже ты и я не встретимся? А ведь мы там любим друг друга!

Подобно тем, кто был сильнее, чем он, Клэр не ответил на роковой вопрос, заданный в роковую минуту. И снова они умолкли.

Минуты через две дыхание ее стало ровнее, пальцы, сжимавшие его руку, разжались, и она заснула. В бледном серебристом свете, разгорающемся на востоке, великая равнина казалась черной и словно приблизилась к ним; сосредоточенная, напряженная тишина окутывала необъятное пространство – тишина, предшествующая рассвету. Восточные колонны с архитравами чернели на фоне светлого неба, дальше виднелся камень Солнца, очертаниями своими напоминающий язык пламени, а перед ним жертвенник. Ночной ветер стих, и вода, скопившаяся в выбоинах, напоминающих чаши, застыла неподвижно. В то же мгновение за восточным краем развалин мелькнуло темное пятно. Это была голова человека, шедшего по ложбине за камнем Солнца. Клэр пожалел,

что они не ушли отсюда, но сейчас благоразумнее было остаться на месте. Человек направлялся прямо к тем колоннам, среди которых они приютились.

Сзади послышался шум – шарканье ног. Оглянувшись, он увидел над поверженной колонной еще человека; не успел, он опомниться, как справа, под трилитонном, появился еще один, а слева другой. Рассвет позволил Клэру разглядеть, что человек, шедший с западной стороны, был высокого роста и в нем чувствовалась военная выправка. Очевидно, они их сознательно окружили. Значит, Тэсс сказала правду! Вскочив, он стал осматриваться, ища какое-нибудь оружие, камень... мелькнула мысль о бегстве. Но тот, что был ближе всех, уже подошел к нему.

– Бесплезно, сэръ, – сказал он. – Нас здесь шестнадцать человек, и вся округа поднята на ноги.

– Дайте ей самой проснуться, – шепотом умолял он обступивших его людей.

Только теперь они увидели, где она лежит, и не стали возражать; неподвижные, как колонны, они стояли и стерегли ее. Он подошел к каменной плите и, склонившись над Тэсс, взял ее маленькую руку; дыхание ее было короткое и слабое, как у ребенка. Светало. Все ждали. Фигуры людей были темные, а лица и руки казались посеребренными; блестели серо-зеленые камни, но равнина все еще была окутана мраком. Всходило солнце; луч упал на лицо спящей, коснулся ее век и разбудил ее.

– Что случилось, Энджел? – спросила она, приподнимаясь. – Они пришли за мной?

– Да, любимая, – сказал он. – Они пришли.

– Так и должно быть, – прошептала она. – Энджел, я почти рада... да, рада! Это счастье не могло быть долговечным. Слишком оно велико. Я была счастлива, а теперь я не доживу до того времени, когда ты будешь меня презирать.

Она встала, выпрямилась и шагнула вперед, но никто не пошевелился.

– Я готова, – спокойно сказала она.

59

Уинтончестер, красивый древний город, бывшая столица Уэссекса, расположенный на холмистой равнине, купался в ярких и теплых утренних лучах июльского солнца. На домах из кирпича, черепицы и известняка почти высох покрывающий их мох, ручьи в долинах обмелели, а на Хай-стрит, от Западных ворот до средневекового креста и от средневекового креста до моста, лениво подметали улицу, что обычно предшествует базарному дню.

Как известно каждому жителю Уинтончестера, у Западных ворот начинается длинная прямая дорога, поднимающаяся на протяжении мили в гору и постепенно уводящая от домов. По этой дороге шли из города два человека, шли быстро, словно не замечая трудного подъема, – но не избыток сил был тому причиной, а глубокая сосредоточенность. Вышли они на эту дорогу из узкой калитки в высокой стене. Казалось, они хотели уйти подальше от домов и людей и потому избрали этот путь. Хотя оба были молоды, но шли понурившись, а солнце безжалостно улыбалось, освещая скорбную пару.

Это были Энджел Клэр и юная девушка, полуренок-полуженщина, живое подобие Тэсс, тоньше, чем она, но с такими же чудесными глазами, – Лиза Лу, свояченица Клэра. Их бледные лица казались осунувшимися; они шли, держась за руки, в глубоком молчании, а склоненные их головы приводили на память картину Джотто «Два апостола».

Они почти достигли вершины Западного холма, когда на городских часах пробило восемь. Оба вздрогнули и, сделав еще несколько шагов, подошли к первому придорожному столбу, белевшему на зеленом фоне травы, так как здесь дорога не отделялась изгородью от поля. Они ступили на траву и, повинуясь непреодолимой силе, замедлили шаги, остановились у столба, повернулись и оцепенели в ожидании.

Вид с этой вершины открывался необозримый. Внизу, в долине, лежал город, который они только что покинули, и самые высокие здания напоминали изометрический чертеж; массивная колокольня собора с ее нормандскими окнами, его длинные боковые приделы и неф, шпили церкви св.Фомы, остроконечная башня колледжа, а правее – башня и крыша древнего странноприимного

дома, где странник и по сей день может получить кусок хлеба и кружку эля. За городом поднимался куполообразный холм св.Екатерины, а за ним громоздились другие холмы, теряясь в залитой ослепительным блеском дали.

На фоне этого пейзажа и впереди других городских построек высилось большое кирпичное здание с плоской серой крышей и рядами низких, защищенных решетками окон, наводивших на мысль о заточении; своим казенным видом это строение резко отличалось от причудливых готических зданий. Со стороны дороги его заслоняли тисовые деревья и вечнозеленые дубы, но с вершины холма оно было хорошо видно. Калитка, из которой они недавно вышли, находилась в стене этого здания. В центре здания поднималась уродливая восьмиугольная башня с плоской крышей, обращенная затененной стороной к холму. Если смотреть на нее отсюда, против солнца, она казалась единственным пятном на прекрасном облике города. И, однако, не его живописная красота, а именно это пятно притягивало взгляды двух путников.

К карнизу башни был прикреплен длинный шест. С него не спускали они глаз. Спустя несколько минут после того, как пробили часы, что-то медленно поползло вверх по шесту и развернулось, подхваченное ветром. Это был черный флаг.

«Правосудие» свершилось, и «глава бессмертных» (по выражению Эсхила) закончил игру свою с Тэсс. А рыцари и дамы из рода д'Эрбервиллей спали, ничего не ведая, в своих гробницах. Два молчаливых путника склонились до земли, словно в молитве, и долго оставались неподвижными. В полной тишине развевался флаг. Как только вернулись к ним силы, они выпрямились, снова взяли за руки и пошли дальше.